

СТИВЕН КИНГ

ДОКТОР СОН

ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОМАНА "ДЖОЙЛЕНД"

Annotation

Многие годы Дэна преследуют призраки прошлого, призраки отеля Оверлук, в котором Дэнни провел ужасный год в своем детстве. Ныне Дэн борется с теми же демонами, что погубили и его отца — отчаянием, алкоголизмом, насилием. Теперь он живет в Нью-Гэмпшире, работает в доме престарелых (где оставшиеся у Дэна способности «сияния» помогают старикам мирно покинуть наш бранный мир и которого называют «Доктор Сон»), посещает собрания общества анонимных алкоголиков. А потом Дэн встречает Абру Стоун, которая обладает «сиянием» большим, чем кто-либо, кого Торранс когда-либо в своей жизни встречал. Эта встреча пробуждает в Дэне его демонов и заставляет вступить в борьбу за душу Абры. Эпическая битва между добро и злом, которая заставит содрогнуться миллионы преданных читателей «Сияния» и порадует всех новых поклонников творчества Кинга.

- [Стивен Кинг](#)
 -
 -
 - [ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ](#)
 - [СЕЙФ](#)
 - [ГРЕМУЧАЯ ЗМЕЯ](#)
 - [МАМА](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)

- [Часть третья](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [ПОКА ТЫ НЕ ЗАСНЕШЬ](#)
 - [ГОДОВЩИНА](#)
 - [ПОКА ТЫ НЕ ЗАСНЕШЬ](#)
 - [От автора](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Стивен Кинг

ДОКТОР СОН

Одно время я кое-как бренчал на ритм-гитаре в группе под названием «Рок Боттом Римейндерс». Несколько раз с нами выступал Уоррен Зивон. Ему нравились серые футболки и дешевые фильмы ужасов вроде «Царства пауков». Когда нас вызывали на бис, Уоррен настаивал, чтобы я исполнял ведущую партию его знаменитого хита «Лондонские оборотни». Я говорил, что не достоин такой чести, а он утверждал обратное. «Бери соль-мажор, — говорил Уоррен, — и кричи изо всех сил. Но что еще важнее, рубись как Кит».

Мне никогда не сыграть как Кит Ричардс, но я старался как мог — и рядом с Уорреном, подыгрывающим мне ноту за нотой и хохочущим во все свое дурацкое горло, я всегда отжигал по полной программе.

Уоррен, в этот раз я кричу для тебя, где бы ты ни был. Мне не хватает тебя, дружище.

Мы подошли к поворотному моменту. Полумеры ничем не помогли.

Большая книга «Анонимных алкоголиков».

Для того чтобы жить, мы должны освободиться от злобы. Она может быть сомнительной роскошью, которую позволяют себе нормальные люди, но для алкоголиков это — яд.

Большая книга «Анонимных алкоголиков».

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

«УЖАС» расшифровывается как «Уматывай Живо, А не то Сцапают».

Старая поговорка «Анонимных алкоголиков»

СЕЙФ

1

Второго декабря того года, когда в Белом доме распоряжался арахисовый фермер из Джорджии,^[1] один из больших курортных отелей Колорадо сгорел дотла. Было объявлено о полной гибели «Оверлука». По результатам расследования глава пожарной охраны округа Хикарилья назвал причиной пожара неисправный бойлер. Отель был закрыт на зиму, и в момент аварии в нем находилось всего четыре человека. Трое остались в живых. Смотритель, нанятый на межсезонье, — Джек Торранс, — погиб в ходе безуспешной (и героической) попытки снизить давление пара в котле, катастрофически взлетевшее из-за сломанного предохранительного клапана.

В аварии выжили жена и маленький сын смотрителя. Третьим был шеф-повар «Оверлука» Ричард Хэллоранн, который бросил свою сезонную работу во Флориде и приехал проводить Торрансов из-за, как он выразился, «внезапного подозрения», что с ними случилось что-то плохое. Оба выживших взрослых сильно пострадали от взрыва. Только ребенок остался невредим.

По крайней мере, физически.

2

Венди Торранс с сыном получили компенсацию от владельцев «Оверлука». Сумма была не гигантская, но им удалось протянуть на нее три года, пока Венди не могла работать из-за травмы спины. Адвокат, с которым она консультировалась, сказал, что если она упрется, то может получить гораздо больше, потому что корпорация хочет во что бы то ни стало избежать суда. Но Венди, как и корпорация, хотела одного — поскорей забыть про ту ужасную зиму в Колорадо. Она сказала, что поправится, и поправилась, хотя боли в спине мучили ее до конца жизни. Раздробленные позвонки и сломанные ребра срастаются, но никогда не перестают ныть.

Уинифред и Дэниэл Торранс какое-то время прожили на Среднем Юге,

а потом перекочевали в Тампу. Иногда Дик Хэллоранн (подверженный «внезапным подозрениям») приезжал с Ки-Уэст их навестить. Особенно юного Дэнни. У них были особые отношения.

Как-то ранним утром в марте 1981 года Венди позвонила Дику и попросила приехать. Дэнни, сообщила она, разбудил ее среди ночи и сказал, чтобы она не заходила в ванную.

После этого он вообще отказался разговаривать.

3

Он проснулся оттого, что захотел в туалет. За окнами дул сильный ветер. Он был теплый, как почти всегда во Флориде, но Дэнни все равно не любил его и полагал, что вряд ли когда-нибудь полюбит. Ветер напоминал об «Оверлуке», где неисправный котел был наименьшей из опасностей.

Они с матерью жили в тесной съемной квартирке на втором этаже. Дэнни вышел из маленькой комнаты по соседству с материнской и пересек коридор. Ветер бушевал, и на полудохлой пальме возле дома шумели листья. Будто скелет стучит костями. Они никогда не закрывали дверь ванной, когда никто не пользовался душем или туалетом, потому что замок был сломан. Но сейчас дверь была закрыта. И не потому, что его мать была в ванной. Из-за лицевых травм, полученных в «Оверлуке», она теперь храпела во сне — будто тихонько попискивала, и Дэнни слышал этот звук, доносившийся из ее спальни.

Наверно, она случайно ее захлопнула, вот и все.

Он знал, что это не так (Дэнни и сам был не чужд «внезапных подозрений» и проблесков интуиции), но иногда просто надо убедиться самому. Просто надо увидеть. Он обнаружил это в «Оверлуке», в номере на втором этаже.

Протянув руку, показавшуюся ему слишком длинной, слишком эластичной, слишком бескостной, он повернул ручку и открыл дверь.

Женщина из номера 217 была там, как он и ожидал. Она сидела на унитазе голая, расставив ноги с набрякшими бледными бедрами. Зеленоватые груди свисали, как сдувшиеся шарiki. Волосы внизу живота были седые. Глаза — серые, как стальные зеркала. При виде него ее губы растянулись в ухмылке.

«Закрой глаза, — сказал ему когда-то Дик Хэллоранн. — Если видишь что-то плохое — закрой глаза и скажи себе, что его там нет. А когда снова их откроешь — оно исчезнет».

Но это не сработало в номере 217, когда Дэнни было пять лет, и он знал, что не работает и сейчас. Он чувствовал ее запах. Она разлагалась.

Женщина — он знал ее имя: миссис Мэсси — уже стояла на своих фиолетовых ногах и тянула к нему руки. Плоть свисала с ее предплечий, чуть ли не стекая на пол. Она улыбалась так, как улыбаются при виде доброго друга. Или, возможно, вкусной еды.

С выражением, которое можно было бы принять за спокойствие, Дэнни тихонько закрыл дверь и отступил. Он смотрел, как ручка повернулась направо... налево... снова направо... и замерла.

Ему было уже восемь, и он был способен хотя бы отчасти мыслить рационально, несмотря на ужас. В том числе потому, что где-то в глубине души он этого ожидал. Хотя Дэнни всегда думал, что к нему явится Хорас Дервент. Или, возможно, бармен, которого его отец называл Ллойдом. Он мог бы и догадаться, что это будет миссис Мэсси — еще до того, как это наконец произошло. Потому что из всех живых мертвецов «Оверлука» она была самой ужасной.

Рациональная часть рассудка говорила ему, что она — лишь персонаж забытого дурного сна, последовавший за ним по коридору в ванную. Эта часть убеждала его, что если он снова откроет дверь, за ней никого не будет. Ну конечно, не будет — ведь он уже проснулся. Но другая часть, та часть, что сияла, знала, что это не так. «Оверлук» еще не закончил с ним свои дела. По крайней мере один из его мстительных призраков последовал за Дэнни во Флориду. Когда-то он увидел эту женщину распростертой в ванне. Она вылезла оттуда и попыталась задушить его своими гниющими, но чудовищно сильными пальцами. Если он сейчас откроет дверь ванной, она завершит начатое.

Он ограничился тем, что прижал ухо к двери. Сперва он не услышал ничего. Потом — слабый звук.

Звук мертвых ногтей, скребущих по дереву.

Дэнни поплелся в кухню на онемевших ногах, поставил стул и помочился в раковину. Потом он разбудил мать и сказал, чтобы она не ходила в ванную, потому что там что-то плохое. Сделав это, он вернулся в постель и залез поглубже под одеяла. Ему хотелось остаться там навсегда и вставать только, чтобы пописать в раковину. Предупредив мать, он потерял интерес к разговорам с ней.

Мать не впервые столкнулась с его молчанием. Это уже случалось — после того, как Дэнни отважился войти в номер 217 в «Оверлуке».

— А с Диком ты поговоришь?

Лежа в постели, он взглянул на нее и кивнул. Мать пошла звонить,

хотя было четыре утра.

Дик приехал на следующий день. Он кое-что привез. Подарок.

4

Когда Венди позвонила Дику — так, чтобы сын это слышал, — Дэнни снова заснул. С большим пальцем во рту, хотя ему было уже восемь лет, и он ходил в третий класс. От этого зрелища Венди стало больно. Она подошла к двери ванной и остановилась. Ей было страшно — Дэнни сумел ее напугать, — но она хотела в туалет и не собиралась пользоваться кухонной раковиной, как он. Вообразив себя балансирующей на краю мойки, с занесенным над фарфоровой чашей задом (даже если никто этого не увидит), она наморщила нос.

В одной руке она держала молоток из своего маленького ящичка со вдовьими инструментами. Она занесла его над головой, открывая второй рукой дверь. Ванная, конечно же, оказалась пуста, но сиденье унитаза было опущено. Она всегда поднимала его на ночь, потому что знала, что если Дэнни побредет в туалет, проснувшись всего на одну десятую, то скорее всего забудет его поднять и зальет мочой. И еще в ванной стоял запах. Плохой запах. Как будто где-то в стенке сдохла крыса.

Она сделала шаг, второй. Увидела какое-то движение и резко развернулась с занесенным молотком, готовая ударить того,

(то)

кто скрывался за дверью. Но то была ее собственная тень. «Боится собственной тени», говорят люди в насмешку, но кто имел на это больше прав, чем Венди Торранс? После всего увиденного и пережитого она знала, что тени бывают опасными. Иногда у них есть зубы.

В ванной никого не было, но на туалетном сиденье виднелось какое-то пятно, и второе — на занавеске душевой кабинки. Первая ее мысль была об экскрементах, но дерьмо не бывает желтовато-пурпурным. Присмотревшись, она увидела частицы плоти и гниющей кожи. На коврике обнаружили такие же пятна в виде отпечатков ног. Она подумала, что они слишком малы — слишком изящны — для мужских.

— Господи, — прошептала Венди.

В конце концов она все-таки воспользовалась раковиной.

5

В полдень Венди таки вытащила сына из постели. Ей удалось скормить ему немного супа и половинку сэндвича с арахисовым маслом, но потом он снова вернулся под одеяло. И по-прежнему молчал. Хэллоранн приехал в начале шестого вечера на своем теперь уже древнем (но отлично сохранившемся и ослепительно отполированном) красном «кадиллаке». Венди ждала его у окна, как ждала когда-то мужа в надежде, что Джек придет домой в хорошем настроении. И трезвым.

Она рванула вниз по ступенькам и отворила дверь, когда Дик еще только потянулся к звонку с табличкой «Торранс 2А». Он развел руки, и Венди тут же ринулась к нему в объятия, желая зарыться в них хотя бы на час. А то и на все два.

Наконец Дик ее отстранил и придержал за плечи.

— Хорошо выглядишь, Венди. Как там мальчонка? Заговорил?

— Нет, но с тобой заговорит. Может, поначалу и не вслух, но ты ведь можешь... — Не договорив, Венди нацелила указательный палец ему в лоб, как пистолет.

— Не обязательно, — ответил Дик и обнажил в улыбке новехонькие вставные челюсти. Большую часть старых забрал «Оверлук» той ночью, когда взорвался бойлер. Молотком, раздробившим Дику зубы и наградившим Венди на всю жизнь дерганой походкой, махал тогда Джек Торранс, но они оба понимали, что на самом деле то был «Оверлук».

— Он очень силен, Венди. Если Дэнни захочет от меня отгородиться, то у него получится. Знаю по опыту. А кроме того, будет лучше, если мы поговорим вслух. Лучше для него. А теперь расскажи подробно, что произошло.

Рассказав, Венди отвела Дика в ванную. Она сохранила для него все следы, как делают полицейские на месте преступления до приезда судмедэкспертов. Да тут и было совершено преступление. В отношении ее мальчика.

Дик смотрел долго, ни к чему не притрагиваясь, потом кивнул.

— Давай поглядим, как там Дэнни. Может, уже очухался.

Дэнни не очухался, но на сердце у Венди сразу полегчало при виде радости, которой осветилось лицо сына, когда тот понял, кто это сидит рядом с ним на кровати и его тормозит.

(привет Дэнни я принес тебе подарок)

(у меня не день рождения)

Венди стояла и смотрела на них. Она понимала, что они разговаривают, но не знала, о чем.

— Вставай, сынок. Прогуляемся по пляжу, — сказал Дик уже вслух.

(Дик она вернулась миссис Мэсси из номера 217 вернулась)

Дик снова тряхнул его за плечо.

— Говори вслух, Дэн. Ты пугаешь маму.

— А что за подарок? — спросил Дэнни.

Дик улыбнулся.

— Уже лучше. Рад слышать твой голос, да и Венди тоже.

— Да. — На большее она не отважилась, иначе они бы слышали дрожь в ее голосе и забеспокоились. Ей этого не хотелось.

— Пока нас не будет, тебе, наверное, стоит убраться в ванной, — сказал ей Дик. — Резиновые перчатки у тебя есть?

Венди кивнула.

— Отлично. Надень их.

6

До пляжа было две мили. Парковку окружали аляповатые пляжные постройки — киоски с «муравейником» и хот-догами, сувенирные магазинчики, — но сезон уже кончился, и покупателей почти не было. Они оказались на пляже почти в одиночестве. Всю дорогу от квартиры Дэнни держал на коленях свой подарок — продолговатый пакет, довольно тяжелый, завернутый в серебристую бумагу.

— Сначала мы немного поговорим, а потом ты его откроешь, — сказал Дик.

Они шли у самой линии прибоя, по гладкому и блестящему песку. Дэнни шагал медленно, потому что Дик был старый. Когда-нибудь он умрет. Может быть, даже скоро.

— Меня еще хватит на несколько лет, — сказал Дик. — Не переживай. Расскажи лучше, что случилось вчера. И ничего не пропускай.

Рассказ занял немного времени. Трудней всего было найти слова, чтобы объяснить, какой ужас он чувствовал, и как он сплетался с душащей Дэнни уверенностью: теперь, найдя его, она никогда не уйдет. Но это же был Дик, так что слова ему не понадобились — хотя отчасти он смог их подыскать.

— Она вернется. Я это знаю. Будет приходить и приходить, пока не прикончит меня.

— Помнишь, как мы познакомились?

Удивленный внезапной сменой темы, Дэнни кивнул. Хэллоранн провел для него и его родителей экскурсию по «Оверлуку» в их первый день.

Очень давно, как ему теперь казалось.

— Помнишь, как я в первый раз заговорил внутри твоей головы?

— Конечно.

— Что я сказал?

— Спросил, поеду ли я с тобой во Флориду.

— Верно. И что ты почувствовал, когда узнал, что ты уже не один? Что ты не единственный?

— Это было здорово, — сказал Дэнни. — Так здорово.

— Да, — сказал Хэллоранн. — Еще бы.

Некоторое время они шли молча. Маленькие птички — песочники, как называла их мать, — то забегали в волны, то выскакивали на берег.

— Тебе не показалось странным, что я появился как раз тогда, когда тебе понадобился? — Он взглянул на Дэнни с улыбкой. — Нет. Конечно же, нет. С чего бы? Ты был еще ребенком. Сейчас ты немного постарше. В некоторых отношениях — намного старше. Послушай, Дэнни. Вселенная умеет удерживать равновесие. Я в это верю. Есть такая пословица: «Когда ученик готов, приходит учитель». Я был твоим учителем.

— Не только учителем, — сказал Дэнни. Он взял Дика за руку. — Ты был моим другом. Ты нас спас.

Дик пропустил это мимо ушей... или Дэнни просто так показалось.

— Моя бабушка тоже сияла — помнишь, я тебе говорил?

— Да. Ты сказал, что вы могли подолгу разговаривать, даже не раскрывая рта.

— Точно. Она меня учила. А ее учила ее прабабушка, еще при рабстве. Когда-нибудь, Дэнни, придет твой черед стать учителем. Ученик появится.

— Если миссис Мэсси не доберется до меня первой, — мрачно сказал Дэнни.

Они подошли к скамейке. Дик присел.

— Дальше идти я не решусь, а то потом могу и не доковылять обратно. Садись. Я тебе расскажу одну историю.

— Не надо мне никаких историй, — сказал Дэнни. — Она вернется, ты что, не понимаешь? Будет приходить, и приходить, и приходить.

— Закрой рот и открой уши. И слушай свой урок. — Дик широко улыбнулся, демонстрируя сверкающие вставные челюсти. — Я думаю, ты все поймешь. Ты, сынок, вовсе не дурак.

Бабушка Дика с материнской стороны — та, что сияла, — жила в Клируотере. Она была Белая Бабушка. Не из-за белого цвета кожи, конечно, а потому, что была хорошей. Дедушка с отцовской стороны жил в Данбри в штате Миссисипи — в поселке недалеко от Оксфорда. Его жена умерла задолго до рождения Дика. Для цветного в те времена и в тех краях он был богат. Ему принадлежало похоронное бюро. Дик с родителями навещал его четырежды в год, и как же он ненавидел эти визиты. Он дико боялся Энди Хэллоранна и называл его (про себя, ибо сказать такое вслух означало заработать пощечину) Черным Дедушкой.

— Ты знаешь, кто такие педофилы? — спросил Дик у Дэнни. — Те, кто хочет заниматься сексом с детьми?

— Ну вроде, — настороженно ответил мальчик. Он знал, что нельзя разговаривать с незнакомцами и садиться к ним в машину. Потому что они могут с тобой что-то сделать.

— Ну так старина Энди был не просто педофилом. Он был чертовым садистом.

— Это как?

— Это тот, кто любит делать людям больно.

Дэнни понимающе закивал.

— Как Фрэнки Листроне из нашей школы. Он всем делает «крапиву» и выкручивает руки. Если ты не плачешь, он отстаёт. А если заплачешь — никогда не отстанет.

— Плохо, конечно, но там было хуже.

Дик погрузился в молчание, как показалось бы случайному прохожему. Но рассказ продолжался — в виде картинок и фраз-связок. Дэнни увидел Черного Дедушку, высокого, в костюме, таком же черном, как он сам, и в какой-то необычной

(котелок)

шляпе. Он увидел вечные капельки слюны в углах его рта и вечно красные глаза, будто он устал или только что плакал. Дэнни увидел, как он сажает Дика — младше, чем Дэнни сейчас (наверно, в том возрасте, в каком он был в «Оверлуке») — к себе на колени. Если они были не одни, дед просто щекотал его. А наедине — запуская руку Дику между ног и стискивал его яички, пока мальчик чуть не терял сознание от боли.

«Тебе нравится? — пыхтел ему в ухо дедушка Энди. От него пахло сигаретами и виски „Белая лошадь“. — А как же, всем мальчишкам это нравится! А коли и не нравится — ты все равно никому не скажешь. А не то я тебе покажу! Я тебя закопаю!»

— Елки-палки, — сказал Дэнни. — Фу, какая гадость!

— Там еще много что было, — сказал Дик, — но я тебе расскажу только об одном. После смерти жены дедушка нанял помощницу по дому. В обед она подавала на стол все сразу, от салата до сладкого, потому что Черному Дедушке так больше нравилось. На сладкое всегда был торт или пудинг. Его ставили на тарелочке или на блюде возле твоей обеденной тарелки, чтобы ты смотрел на него и облизывался, запихивая в себя всю остальную дрянь. У дедушки было строгое правило: никакого десерта, пока не доел все жареное мясо, вареные овощи и пюре до последнего кусочка. Даже соус требовалось весь прикончить — а он был комковатый и не больно-то вкусный. Если хоть капля оставалась на тарелке, Черный Дедушка давал мне кусок хлеба и говорил: «Подбери все, Дики-Птенчик, чтобы тарелка была как псом вылизанная». Это он меня так называл: Дики-Птенчик.

Иногда я никак не мог доесть и не получал торт или пудинг. Он забирал мою порцию и съедал сам. А иногда, покончив со всем, что на тарелке, я видел, что он загасил окурок в моем куске торта или ванильном пудинге. Он мог это делать, потому что всегда сидел рядом со мной. Дедушка делал вид, что все это — смешная шутка. «Ой, перепутал с пепельницей», говорил он. Мама с папой никогда ему не перечили, хотя, наверно, понимали, что если это и шутка, то с ребенком так шутить не годится. Они тоже делали вид, что он пошутил.

— Это очень плохо, — сказал Дэн. — Твои родители должны были за тебя заступиться. Моя мама всегда заступает. И папа тоже так делал.

— Они его боялись. И не зря боялись. Энди Хэллоранн был с большим прибабахом. Он говорил, «Ну давай, Дики, объешь вокруг. Небось не отравишься». Если я откусывал хоть кусочек, он приказывал Нонни — так звали домоправительницу — принести мне новый десерт. Если нет — то нет. Дошло до того, что я никогда не мог доесть до конца, потому что у меня крутило живот.

— Надо было переставить торт или пудинг по другую сторону от тарелки, — сказал Дэнни.

— Конечно, я пробовал. Я же не дурак. Но он переставлял его обратно, говоря, что десерт должен быть справа.

Дик помолчал, глядя на океан, где длинный белый корабль медленно двигался вдоль линии, разделяющей небо и Мексиканский залив.

— Иногда, когда мы оставались одни, он меня кусал. А когда я однажды пригрозил, что пожалуюсь папе, если он от меня не отстанет, он затушил окурок об мою голую ногу. Он сказал: «И об этом тоже ему расскажи, и посмотрим, много ли тебе будет от этого толку. Твой папаша

все про меня знает и слова мне не скажет, потому что он трус и потому что он хочет заполучить мои денежки, когда я помру — а я пока что помирать не тороплюсь».

Дэнни слушал, вытаращив глаза. Он всегда думал, что сказка про Синюю бороду — самая страшная в мире, страшнее некуда. Но эта история оказалась хуже. Потому что она была правдой.

— Иногда он говорил, что знает одного плохого человека по имени Чарли Мэнкс, и если я не буду делать что он велит, то он позвонит Чарли Мэнксу по междугородному телефону, и тот приедет в своей шикарной машине и заберет меня туда, куда попадают плохие дети. Потом дедушка засовывал мне руку между ног и снова начинал тискать. «Так что ничего ты не скажешь, Дики-Птенчик. А если скажешь, старина Чарли будет держать тебя с другими детьми, которых он украл, до самой смерти. А когда умрешь, то попадешь в ад и будешь гореть в вечном огне. Потому что ты наступал. Неважно, поверят тебе или нет, — стукач есть стукач».

Я долго верил старому мерзавцу. Даже Белой Бабушке ничего не говорил, той, что сияла. Я боялся, что она решит, будто я сам виноват. Был бы я постарше — знал бы, что это не так, но я был совсем малыш. — Он снова помолчал. — Но это еще не все. Ты знаешь, о чем я, Дэнни?

Дэнни долго смотрел Дику в лицо, перебирая мысли и образы в его мозгу. Наконец он произнес:

— Ты хотел, чтобы твой отец получил деньги. Но они ему не достались.

— Нет. Черный дедушка все оставил приюту для сирот-негритят в Алабаме, и я даже знаю, почему. Но не в том суть.

— И твоя хорошая бабушка ничего не знала? И не догадалась?

— Она знала, что дело тут нечисто, но я от нее отгородился, и она не стала настаивать. Просто сказала мне, что когда я буду готов поговорить, она будет готова послушать. Дэнни, когда Энди Хэллоранн умер от инсульта, я был самым счастливым мальчиком на земле. Мама сказала, что мне необязательно ехать на похороны, что я могу остаться с бабушкой Роуз — Белой Бабушкой, но я сам хотел поехать. Еще бы не хотеть. Мне надо было убедиться, что Черный Дедушка и правда умер.

В тот день шел дождь. Все стояли над могилой с черными зонтами. Я смотрел, как его гроб — наверняка самый большой и самый лучший в его бюро — опускали под землю, и вспоминал все те разы, когда он выкручивал мне яйца, все окурки в моих тортах и тот, который он загасил об мою ногу, и как он царил за обеденным столом, словно сумасшедший старый король в шекспировской пьесе. Но больше всего я думал о Чарли

Мэнксе — которого Черный Дедушка, конечно же, выдумал, — и что дедушка теперь не может позвонить никакому Чарли Мэнксу по междугородке, чтобы тот приехал за мной на шикарной машине и увез к другим похищенным мальчикам и девочкам.

Я заглянул за край могилы — «пускай посмотрит», сказал мой папа, когда мама попыталась меня оттащить, — и увидел гроб в этой мокрой яме, и подумал: «Ты там на шесть футов ближе к пеклу, Черный Дедушка, и скоро ты туда доберешься. И надеюсь, дьявол закатит тебе тысячу горячих своей пылающей рукой».

Дик полез в брючный карман и вытащил пачку «Мальборо» с засунутой под целлофан книжечкой спичек. Он сунул в рот сигарету и долго не мог поднести к ней спичку, потому что у него дрожали и руки, и губы. Дэнни с изумлением увидел в глазах Дика слезы.

Догадываясь, к чему движется история, Дэнни спросил:

— Когда он вернулся?

Дик глубоко затянулся и, улыбаясь, выпустил дым.

— Ты ведь не копался у меня в голове, чтобы это узнать?

— Нет.

— Через полгода. Однажды я пришел из школы, а он лежал голый у меня на кровати с полусгнившим членом наизготовку. Он сказал: «Иди, садись на него, Дики-Птенчик. Ты мне всыплешь тысячу, а я тебе две». Я заорал, но услышать меня было некому. Мама с папой оба работали: мама в ресторане, а папа в типографии. Я выбежал и захлопнул дверь. И услышал, как Черный Дедушка встал... топ... прошел через комнату... топ-топ-топ... а потом я услышал...

— Ногти, — проговорил Дэнни почти неслышно. — Как они скребут дверь.

— Точно. Больше я туда не заходил до ночи, когда мама и папа уже оба были дома. Он исчез, но остались... следы.

— Конечно. Как у нас в ванной. Потому что он начал портиться.

— Именно. Я поменял белье — я это умел, мама меня научила за два года до того. Она сказала, что я уже слишком большой и прислуга мне больше не нужна, что прислуга бывает у белых мальчиков и девочек, таких, за какими она ухаживала, пока не стала официанткой в «Бифштексах от Беркина». Неделю спустя я увидел Черного Дедушку в парке на качелях. Он был одет, но костюм его был весь в какой-то серой дряни — наверное, в гробу завелась плесень.

— Да, — отозвался Дэнни. Он говорил шелестящим шепотом — все, что мог из себя выжать.

— Но ширинка у него была расстегнута, и все хозяйство торчало наружу. Прости, что я все это тебе рассказываю, Дэнни: маловат ты про такое слушать, но тебе надо это знать.

— И ты пошел к Белой Бабушке?

— Пришлось. Потому что я знал то же, что и ты: он будет возвращаться. Не так, как... Дэнни, ты когда-нибудь видел мертвецов? Нормальных мертвецов, я хочу сказать. — Он засмеялся, потому что это звучало смешно. Дэнни тоже так показалось. — Призраков.

— Несколько раз. Один раз их было трое, возле перехода через железную дорогу. Двое парней и девушка. Подростки. Может, они там погибли...

Дик кивнул.

— Обычно они остаются там, где перешли в мир иной, пока не попривыкнут к тому, что мертвые, и не отправятся дальше. Некоторые из тех, кого ты видел в «Оверлуке», такими и были.

— Я знаю. — Возможность поговорить об этих вещах, и поговорить с тем, кто о них знал, приносила ему неопишемое облегчение. — А еще я один раз видел женщину в ресторане. Знаешь, бывают такие, со столиками на улице?

Дик снова кивнул.

— Она была непрозрачная, но больше никто ее не видел, и когда официантка задвинула стул, на котором она сидела, то женщина-призрак исчезла. Ты тоже их видишь?

— Давно не видел, но у тебя и сияние посильнее, чем было у меня. Оно с возрастом немного уменьшается...

— Хорошо! — с чувством сказал Дэнни.

— ...но у тебя останется немало и тогда, когда ты вырастешь, потому что изначально оно было такое мощное. Обычные привидения — не такие, как женщина, которую ты видел в номере 217 и потом в вашей ванной. Верно ведь?

— Да, — подтвердил Дэнни. — Миссис Мэсси настоящая. Она оставляет следы. Ты их видел. И мама тоже — а ведь она не сияет.

— Пошли обратно, — сказал Дик. — Пора тебе посмотреть, что я тебе привез.

На стоянку возвращались еще медленнее, потому что Дик выдохся.

— Все из-за сигарет, — сказал он. — Даже не начинай, Дэнни.

— Мама курит. Думает, что я не знаю, но я знаю. Дик, а что сделала твоя Белая Бабушка? Что-то же она сделала, раз Черный Дедушка до тебя так и не добрался.

— Она кое-что мне подарила, как подарю тебе я. Так поступает учитель, когда ученик готов. Само обучение — уже подарок, знаешь ли. Лучший из тех, что можно сделать или получить. Она никогда не называла дедушку Энди по имени. Только извращуном. — Дик не сдержал улыбки. — Я ей сказал то же, что ты только что сказал мне: что, мол, дед был настоящим, а не привидением. Она ответила, что так и есть, потому что настоящим его делал я. С помощью сияния. Она рассказала мне, что некоторые духи — особенно духи злые — не хотят покидать этот мир, потому что знают, что их ожидает нечто гораздо худшее. Большинство исчезает от голода, но некоторые еду находят. «Именно сиянием, — говорила мне она, — духи и питаются. Ты сам подкармливаешь этого извращуна. Не нарочно, но подкармливаешь. Он ведь как комар: будет кружить и кружить над головой, пока снова не сядет и не вопьется в кожу. С этим ничего не поделать. А вот обратить то, за чем он пришел, против него самого ты можешь».

Они подошли к «кадиллаку». Дик отпер дверь и со вздохом облечения сел за руль.

— Когда-то я мог прошагать десяток миль и пробежать еще пять. А теперь после небольшой прогулки по пляжу моя спина ноет так, будто ее лягнула лошадь. Давай, Дэнни. Открой подарок.

Дэнни снял обертку и обнаружил зеленый металлический ящичек-сейф. Спереди, под замком, была маленькая кодовая панель.

— Ух ты, круто!

— Правда? Тебе понравилось? Хорошо. Купил его в «Вестерн авто». Чистая американская сталь. Белая Бабушка дала мне когда-то похожий, только с висячим замком и ключиком, который я носил на шее. Но то было очень давно. Сейчас-то на дворе продвинутые восьмидесятые. Панельку видишь? Набираешь на ней число из пяти цифр, накрепко его запоминаешь и нажимаешь на эту кнопку. А когда захочешь потом открыть сейф, то просто вводишь это число — и всё.

Дэнни пришел в восторг.

— Спасибо, Дик! Я буду держать в нем мои сокровища! — А именно: его лучшие бейсбольные карточки, каб-скаутский значок-компас, счастливый зеленый камешек и фотографию, на которой они с отцом стоят на лужайке их дома в Боулдере, еще до «Оверлука». До наступления

плохих времен.

— Это прекрасно, Дэнни, я не против, но я хочу, чтобы ты сделал кое-что еще.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты изучил этот сейф, изнутри и снаружи. Не просто осмотрел, а ощупал со всех сторон. Сунь в него нос и проверь, чем там пахнет. Пусть этот сейф станет твоим самым близким другом, по крайней мере, на некоторое время.

— А зачем?

— А затем, что точно такой же ты создашь у себя в голове. Такой же, но особенный. И в следующий раз, когда эта сучка Мэсси вернется, ты будешь готов к бою. Я тебе расскажу, что надо делать, как когда-то Белая Бабушка рассказала мне.

По дороге домой Дэнни почти не разговаривал. Ему было о чем подумать. Его подарок — ящичек-сейф из прочного металла — лежал у него на коленях.

9

Миссис Мэсси вернулась неделю спустя, только теперь она не сидела на унитазах, а лежала в ванне. Дэнни не удивился: ведь именно в ванне она когда-то и умерла. На этот раз Дэнни не убежал, а зашел в ванную и закрыл за собой дверь. Улыбаясь, она поманила его к себе. Дэнни подошел, тоже улыбаясь. Он слышал, как в соседней комнате работает телевизор. Мама смотрела «Трое — это компания».

— Привет, миссис Мэсси, — поздоровался Дэнни. — Я вам кое-что принес.

Лишь в последнюю секунду она поняла все и закричала.

10

Мгновения спустя в ванную постучалась мама.

— Дэнни? У тебя все нормально?

— Все хорошо, мам. — Ванна опустела. Правда, в ней остались разводы какой-то слизи, но Дэнни знал, что убрать ее будет легко: немного воды — и она быстренько смоеется в сливное отверстие. — Тебе в ванную надо? Я уже выхожу!

— Нет. Просто... мне показалось, что ты кричал.
Дэнни схватил зубную щетку и открыл дверь.
— Все в полном порядке. Видишь? — сказал он и широко улыбнулся.
Теперь, когда миссис Мэсси исчезла, улыбка далась ему легко.
Тревога покинула лицо Венди.
— Хорошо. И не забывай про задние зубы. Там вся еда и прячется.
— Не забуду.
В недрах головы, там, где на особой полочке хранился брат-близнец его сейфа, Дэнни слышал приглушенные вопли. Ну и пусть. Он подумал, что они скоро прекратятся, и оказался прав.

11

Два года спустя, накануне Дня благодарения, Дэнни столкнулся лицом к лицу с Хорасом Дервентом на безлюдной лестнице в начальной школе «Алафия». Плечи костюма Дервента припорошили конфетти. С разлагающейся руки свисала черная маска. От него исходил могильный запах.

— Отличная вечеринка, да? — спросил он.
Дэнни развернулся и быстренько ретировался.
После школы он позвонил по межгороду в ресторан на Ки-Уэсте, в котором в то время работал Дик.
— Меня нашел еще один из оверлукцев. Сколько у меня может быть сейфов, Дик? В смысле, в голове.
— Да сколько угодно, сынок, — ответил Дик с улыбкой в голосе. — В этом-то и прелесть сияния. Думаешь, Черный Дедушка был единственным, кого мне пришлось посадить под замок?
— Они там умирают?
Теперь Дик не улыбался — такого холода в его голосе мальчик никогда еще не слышал.

— А тебе не все равно?
Дэнни было все равно.
Когда вскоре после Нового года бывший владелец «Оверлука» объявился снова — на этот раз в Дэнниной кладовке — Дэнни встретил его во всеоружии. Он зашел в кладовку и прикрыл за собой дверь. Вскоре после этого на высоко подвешенной полке у него в голове рядом с сейфом миссис Мэсси появился еще один. Некоторое время из него раздавался стук и отборные проклятия, которые Дэнни запомнил на будущее. Вскоре они

прекратились, и из темниц Дервента и миссис Мэсси не раздавалось больше ни звука. Были ли они живы (насколько вообще могут быть живы умертвия), не имело никакого значения.

Важно было то, что они не могли выбраться. Дэнни был в безопасности.

Так он тогда думал. Он, правда, еще думал, что никогда не притронется к спиртному после того, что оно сделало с его папой.

Да только все мы иногда ошибаемся.

ГРЕМУЧАЯ ЗМЕЯ

1

Ее звали Андреа Штайнер, ей нравились фильмы и не нравились парни — неудивительно, если учитывать, что Андреа в восемь лет изнасиловал собственный отец. И продолжал насиловать еще восемь лет, пока она не положила этому конец: взяла вязальную спицу матери и сначала проткнула отцовские яйца — одно за другим, — а затем вонзила ту же спицу в левый глаз своего насильника. С яйцами все прошло гладко, потому что отец спал, но боль заставила его проснуться — несмотря на особый дар Андреа. Впрочем, она была крупной девушкой, а отец в тот вечер надрался. Ей удалось удержать его достаточно долго, чтобы нанести *coup de grâce*.

Теперь ей было тридцать два, она скиталась по Америке, а место арахисового фермера в Белом доме занял бывший актер. У новосела были типичные для актера неправдоподобно темные волосы и типичная актерская улыбка, полная фальши. Энди видела его в одном фильме по телевизору. В нем будущий президент играл парня, попавшего под поезд и лишившегося обеих ног. Мысль о безногом мужике ей понравилась. Мужик без ног не сможет погнаться за тобой и изнасиловать.

Фильмы! Фильмы — это да. Они уносят тебя далеко-далеко, и ты всегда можешь рассчитывать на попкорн и счастливый финал. С тобой мужик, и в каком-то смысле это можно назвать свиданием: за все платит он. Сегодняшнее кино было здоровским, с драками, поцелуями и громкой музыкой. Оно называлось «В поисках утраченного ковчега». Нынешний кавалер запустил руку под юбку Андреа, и сейчас она лежала на ее голом бедре, но в этом не было ничего страшного: рука — не член. Она познакомилась с ним в баре. Почти со всеми, кто водил ее на свидания, она знакомилась в баре. Он заплатил за ее выпивку, но выпивка — еще не свидание. Бесплатная выпивка — это обычный съем.

— Что это значит? — спросил он, проведя кончиком пальца по ее левому плечу. Андреа надела блузку без рукавов, поэтому татуировку было хорошо видно. Она любила выставлять свое украшение напоказ, когда искала пару. Ей хотелось, чтобы мужики видели ее. Татуировка казалась им эффектной. Андреа набила ее в Сан-Диего через год после того, как убила

отца.

— Это змея, — ответила она. — Гремучая змея. Видишь клыки?

Еще бы ему не видеть. Огромные, непропорционально большие клыки. С одного свисала ядовитая капля.

Он был похож на бизнесмена, решившего отдохнуть полдня от своего переключивания бумажек, — в дорогом костюме, с зачесанными назад волосами, как у президента. Только волосы не темные, а почти седые, и на вид лет шестьдесят. Почти вдвое старше ее самой, но это не имеет значения. И будь ей шестнадцать, а не тридцать два — все равно бы не имело. Или восемь. Она вспомнила одну из отцовских присказок: ссать уже садится — мне вполне сгодится.

— Конечно, вижу. — Теперь мужчина уже сидел рядом с ней. — Но что это значит?

— Узнаешь, если повезет, — ответила Энди и провела языком по верхней губе. — У меня есть еще одна татушка. В другом месте.

— Покажешь?

— Может быть. Ты любишь кино?

Он нахмурился.

— В каком смысле?

— Мы идем на свидание или как?

Он знал, что это значит — или что должно было бы значить. Вокруг полно женщин, и под «свиданием» все они понимают вполне определенное развитие событий. Энди, однако, имела в виду нечто иное.

— Конечно. Ты симпатичная.

— Тогда пригласи меня на свидание. Настоящее свидание. В «Риальто» показывают «В поисках утраченного ковчега».

— Мне больше по душе маленький отель в двух кварталах отсюда, дорогая. Номер с барной стойкой и балконом — как тебе?

Она почти коснулась губами его уха и крепко прижалась грудью к руке.

— Чуть позже. Давай сначала сходим в кино. Заплати за мой билет и попкорн. Темнота меня заводит.

И вот они здесь. На экране Харрисон Форд, огромный как небоскреб, хлещет кнутом дорожную пыль. Мужик с прической президента щупает ее ногу, но Энди держит на коленях стакан с попкорном, чтобы мужская рука не дошла от третьей базы до «дома». Он пытается забраться выше, и это ее раздражает, потому что Андреа хочет досмотреть фильм до конца и узнать, что же находится в Утраченном Ковчеге. И поэтому...

В два часа в будний день в кинотеатре было почти пусто, но три человека сидели на два ряда позади Энди Штайнер и ее кавалера. Двое мужчин: один довольно старый, а второй — на пороге средних лет, судя по внешности (хотя внешность бывает обманчива), а между ними — женщина удивительной красоты. Высокие скулы, серые глаза, сливочная кожа. Копна черных волос перехвачена широкой бархатной лентой. Обычно она ходила в шляпе — старом потертом цилиндре, но сегодня оставила ее в своем доме на колесах. В кино в цилиндрах не ходят. Ее звали Роза О'Хара, но кочевая семья, с которой она путешествовала, прозвала ее Розой Шляпницей.

Мужчина на пороге средних лет, Барри Смит, имел стопроцентно европейское происхождение, но в той же семье его называли Барри-Китаёза из-за слегка раскосых глаз.

— Теперь смотрите, — сказал он, — это интересно.

— Фильм интереснее, — пробурчал старик, Дедуля Флик. Но в нем просто говорил его вечный дух противоречия. Он тоже наблюдал за парочкой в двух рядах от них.

— Надеюсь, что интересно, — сказала Роза, — потому что пар у нее не такой уж сильный. Есть немного, но...

— Сейчас, сейчас! — сказал Барри, увидев, что Энди повернулась к мужчине и зашептала что-то ему на ухо. Барри улыбался во весь рот, позабыв про пакет с желейными мишками, который держал в руках. — Я три раза видел, как она это делает, и все равно балдею.

Уши мистера Бизнесмена заросли курчавыми седыми волосами, выпачканными серой цвета дерьма, но Энди это не могло остановить: она хотела смыться из этого города, но с финансами у нее был полный швах.

— Ты не устал? — прошептала она в омерзительное ухо. — Не хочешь поспать?

Мужчина сразу же уронил голову на грудь и захрапел. Энди полезла к себе под юбку, вытащила оттуда вмиг расслабившуюся руку и уложила на подлокотник. Затем она принялась шарить в дорогом на вид пиджаке мистера Бизнесмена. Бумажник оказался в левом внутреннем кармане. Это хорошо. Не придется заставлять его отрывать от кресла толстую задницу.

Когда они уже заснут, сдвинуть их с места бывает трудно.

Она открыла бумажник, бросила кредитки на пол и несколько мгновений рассматривала фотографии: мистер Бизнесмен с кучей других толстых мистеров Бизнесменов на поле для гольфа; мистер Бизнесмен с женой; мистер Бизнесмен, намного моложе, стоит перед елочкой с сыном и двумя дочками. Девочки были в колпачках Санты и одинаковых платьях. Скорее всего он их не насиловал, но исключать этого было нельзя. Она давно усвоила: мужчины насилуют, если знают, что это сойдет им с рук. Узнала об этом, сидя на отцовских коленях, так сказать.

В отделении для банкнот оказалось около двухсот долларов. Она надеялась на большее: в баре, где она его подцепила, проститутки были классом повыше, чем в аэропорту, — но для дневного сеанса в четверг улов был неплох, и всегда найдутся мужчины, готовые повести красивую девушку в кино и как следует полапать в качестве аперитива. По крайней мере, они надеялись, что это только аперитив.

4

— Ладно, — пробормотала Роза, начиная вставать. — Убедил. Давайте попробуем.

Но Барри остановил ее, положив руку на плечо.

— Нет, подожди. Смотри. Сейчас будет самое интересное.

5

Энди снова наклонилась к омерзительному уху и прошептала: «Засни глубже. Как можно глубже. Ты почувствуешь боль, но она будет всего лишь сном». Она открыла сумочку и достала нож с перламутровой рукояткой. Маленький, но острый, как бритва.

— Чем будет боль?

— Всего лишь сном, — пробормотал мистер Бизнесмен в узел своего галстука. — Правильно, дорогуша. — Энди обняла его и чиркнула двойное «V» у него на щеке, такой толстой, что она скоро превратится в бульдожью. Мгновение она любовалась своей работой в мерцающем свете проектора. Потом хлынула кровь. Когда он проснется, его лицо будет гореть огнем, а правый рукав дорогущего пиджака будет пропитан кровью. Мужика явно понадобится «скорая».

И как ты объяснишь все это своей женушке? Уверена, что-нибудь да придумаешь. Но если не сделаешь пластическую операцию, то каждый раз в зеркале будешь видеть мои метки. И каждый раз, когда отправишься попытать счастье в очередном баре, будешь вспоминать, как однажды тебя укусила гремучая змея. Змея в синей юбке и белой блузке-безрукавке.

Она засунула два полтинника и пять двадцаток в сумочку, захлопнула ее и уже хотела встать, но тут на плечо ей легла чья-то рука, а в ухе слышался женский шепот.

— Привет, золотце. Досмотришь кино в другой раз. А сейчас ты пойдешь с нами.

Энди хотела повернуться, но чьи-то руки сжали ей голову. Да только самое ужасное было в том, что сжали они ее изнутри.

А потом — до тех пор, пока она не очнулась в «Эрскрузере» Розы, стоящем в каком-то запущенном кемпинге на задворках этого среднезападного города — все погрузилось во тьму.

6

Когда она проснулась, Роза принесла ей чашку чаю и долго с ней разговаривала. Энди все слышала, но в основном ее внимание поглощала сама похитительница. Мягко говоря, фигура заметная. Роза Шляпница была шести футов ростом, с длинными ногами в зауженных книзу белых слаксах и высокой грудью под футболкой с эмблемой ЮНИСЕФ и надписью «Спаси ребенка любой ценой». У нее было лицо королевы, спокойное и безмятежное. Волосы, которые она теперь распустила, струились по спине. Потертый цилиндр, лихо сидящий на голове, вносил диссонанс, но в остальном это была самая красивая женщина из всех, когда-либо виденных Энди Штайнер.

— Ты понимаешь, что я тебе говорю? Я предлагаю возможность, Энди, и не относись к ней легкомысленно. В последний раз мы кому-то делали такое предложение двадцать лет назад.

— А если я откажусь? Тогда что? Убьете меня? И заберете этот, как его... — «Как же она его называла?» — Пар?

Роза улыбнулась полными кораллово-розовыми губами. Энди, считавшая себя асексуалкой, все же задумалась, какова на вкус ее помада.

— У тебя не так много пара, чтобы было о чем говорить, дорогуша. Да и тот, что есть, — не особый деликатес. Он для нас был бы все равно что для лоха — жесткое мясо старой коровы.

— Для кого?

— Неважно. Ты слушай. Мы тебя не убьем. Если откажешься, мы просто сотрем твои воспоминания о нашем разговоре. Ты окажешься на обочине дороги возле какого-нибудь захолустного городишки — Топики или Фарго, например, — без денег, без документов, не зная, как ты там очутилась. Последнее, что ты будешь помнить, — как вошла в кинотеатр с мужчиной, которого ограбила и изуродовала.

— Он заслужил, чтобы его изуродовали! — огрызнулась Энди.

Роза встала на цыпочки и потянулась, коснувшись пальцами крыши фургона.

— Это уж твое дело, куколка; я не твой психиатр.

Она была без лифчика; Энди видела сквозь ткань футболки ее соски, похожие на знаки препинания.

— Но подумай вот о чем: вместе с деньгами и, несомненно, фальшивыми документами мы заберем у тебя твой талант. Когда ты в следующий раз в темном кинозале предложишь мужчине заснуть, он повернется к тебе и спросит, какого, собственно, хера.

Энди почувствовала холодный укол страха.

— Вы не сможете.

Но она вспомнила чудовищно сильные руки, проникшие в ее мозг, и поняла, что эта женщина сможет. Вероятно, ей понадобится помощь ее друзей из автоприцепов и домов на колесах, окружающих этот, как поросята свиноматку, но — о да — она это сможет.

Роза проигнорировала ее слова.

— Сколько тебе лет, милочка?

— Двадцать восемь.

Она убавляла себе возраст, с тех пор как первая цифра в нем превратилась в тройку.

Роза смотрела на нее с улыбкой, ничего не говоря. Энди смотрела в ее красивые серые глаза секунд пять. Потом ей пришлось отвести взгляд. Но при этом в поле ее зрения оказались эти гладкие груди, ничем не стесненные, но без малейшего намека на обвисание. И когда она снова подняла глаза, то ее взгляд остановился на губах женщины. На этих кораллово-розовых губах.

— Тебе тридцать два, — сказала Роза. — Это сказывается, хотя пока и не сильно, — потому что жизнь у тебя была тяжелая. Жизнь в бегах. Но ты все еще хорошенькая. Оставайся с нами, живи с нами, и через десять лет тебе действительно будет двадцать восемь.

— Это невозможно.

Роза улыбнулась.

— Через сто лет ты будешь выглядеть и чувствовать себя на тридцать пять. Пока не напьешься пара. И тогда тебе снова станет двадцать восемь, только чувствовать ты себя будешь на десять лет моложе. А пар ты будешь получать часто. Жить долго, оставаться молодой и хорошо питаться — вот что я тебе предлагаю. Что ты об этом думаешь?

— Что это слишком хорошо для правды, — ответила Энди. — Как эти рекламы страхования жизни всего за десять долларов.

Отчасти она была права. Роза не солгала ей ни в чем (по крайней мере пока), но и не сказала всей правды. Например, о том, что пара иногда не хватало. И что не все переживают Переход. Роза полагала, что эта — переживет, и Грецкий Орех, врач-самозванец Верных, осторожно с ней соглашался, но гарантий не было.

— И вы с друзьями называете себя...

— Они не мои друзья, а моя семья. Мы — Узел верных.

Роза переплела пальцы и поднесла их к лицу Энди.

— И то, что нас связывает, нельзя развязать. Это ты должна понять.

Энди, которая уже знала, что если девушку изнасилуют, то ее потом нельзя изнасиловать обратно, прекрасно это понимала.

— А у меня вообще есть другие варианты?

Роза пожала плечами.

— Только нехорошие, дорогуша. Но лучше, чтобы ты сама этого хотела. Это облегчит Переход.

— А это больно? Переход этот?

Роза улыбнулась и произнесла свою первую откровенную ложь.

— Ни капли.

Летняя ночь. Окраина среднезападного города.

Где-то люди смотрели, как Харрисон Форд размахивает хлыстом; где-то, без сомнения, актер-президент лыбился своей фальшивой улыбкой; а здесь, в этом палаточном лагере, Энди Штайнер лежала на уцененном лежаке в свете фар «Эрскрузера» Розы и чьего-то «Виннебаго». Роза объяснила ей, что хотя Узел верных и владел несколькими палаточными лагерями, этот принадлежал не им: просто их агенту всегда удавалось арендовать на время такие вот заведения на грани банкротства. Америка переживала экономический спад, но Верные проблем с деньгами не

испытывали.

— А кто такой этот агент? — спросила Энди.

— О, он у нас просто чудо, — с улыбкой ответила Роза. — Обаяние такое, что птицы с деревьев валятся к его ногам. Скоро ты с ним познакомишься.

— Он твой парень?

Роза рассмеялась и ласково коснулась щеки Энди. От этого прикосновения внутри заворочался червячок возбуждения — какое-то безумие, но так и было.

— А ты у нас с огоньком, да? Думаю, у тебя все получится.

Может, и так, но, лежа здесь, Энди уже не чувствовала того радостного возбуждения — только страх. В ее голове проносились истории из новостей о трупах, найденных в канавах, трупах, найденных в лесу, трупах, найденных на дне высохших колодцев. Девушки и девочки. Почти всегда — девушки и девочки. Роза-то ее не пугала — почти не пугала, да и рядом были другие женщины... но и мужчины тоже были.

Роза встала рядом с ней на колени. Свет фар должен был превратить ее лицо в грубую, уродливую черно-белую маску, но почему-то сделал ее еще прекрасней. Она вновь погладила Энди по щеке.

— Не бойся, — произнесла Роза. — Не бойся.

Она повернулась к другой девушке, мертвенно-бледной красавице, которую называла Тихая Сэйри, и кивнула. Сэйри кивнула в ответ и скрылась в недрах «Крузера». Остальные тем временем образовали вокруг лежака нечто вроде круга. Энди это не нравилось. Все это напоминало жертвоприношение.

— Не бойся. Скоро ты будешь одной из нас, Энди. Ты будешь с нами.

«Если только не схлопнешься, — подумала Роза. — В этом случае мы бросим твою одежду в мусоросжигатель за туалетами, а завтра утром двинемся дальше. Кто не рискует — тот не пьет шампанского».

Впрочем, она надеялась, что до этого не дойдет. Ей нравилась эта девушка, да и вообще баюн придется им очень кстати.

Сэйри вернулась со стальной емкостью, похожей на термос. Она протянула ее Розе, и та сняла с нее красную крышку, под которой обнаружились клапан и небольшое сопло. Энди эта емкость напомнила спрей от комаров, только без надписей. Она подумала о том, чтобы вскочить с лежака и убежать, а потом вспомнила о кинотеатре. Вспомнила руки, проникшие в голову и не дающие двинуться с места.

— Дедуля Флик, начнешь? — спросила Роза.

— С радостью.

Старик из кинотеатра. Сегодня на нем были розовые мешковатые бермуды, белые гольфы, доходившие до костлявых коленей, и сандалии. Энди подумала, что он похож на дедулю Уолтона из телесериала, проведи тот пару лет в концентрационном лагере. Он поднял ладони, и остальные последовали его примеру. Они взялись за руки — их силуэты в перекрестье лучей фар напоминали цепочку странных бумажных кукол.

— Мы — Узел верных, — сказал он. Голос, доносящийся из впалой груди, больше не дрожал, это был глубокий, звучный голос гораздо более молодого и сильного человека.

— Мы — Узел верных, — ответили они. — Да не будет связанное распутано.

— Вот женщина, — сказал Дедуля Флик. — Присоединится ли она к нам? Свяжет ли свою жизнь с нашей? Останется с нами?

— Ответь «да», — сказала Роза.

— Д-да, — выдавила из себя Энди. Ее сердце не билось — трепетало, как кусок проволоки под напряжением.

Роза повернула клапан. Раздался тихий, жалобный звук, и из емкости вырвалось облако серебряного тумана. Вместо того, чтобы рассеяться под легким вечерним ветерком, оно висело прямо над сосудом. Затем Роза наклонилась вперед, вытянула свои обворожительные коралловые губы и тихонько подула на него. Туман — слегка похожий на облачко из комиксов, только без слов — поплыл и завис над потрясенным лицом Энди, широко распахнувшей глаза.

— Мы — Узел верных, испытанный временем, — провозгласил Дедуля Флик.

— Саббатха ханти, — ответили остальные.

Облако очень медленно начало опускаться.

— Мы — избранные.

— Лодсам ханти, — ответили остальные.

— Дыши глубже, — сказала Роза и мягко поцеловала Энди в щеку. — Увидимся на той стороне.

Возможно.

— Мы — счастливы.

— Каханна ризоне ханти.

И уже все вместе:

— Мы — Узел верных, и мы...

Но Энди этого уже не слышала. Серебряное облако накрыло ее лицо, и каким же оно было холодным! Когда она вдохнула, облако каким-то мрачным образом ожило, и внутри нее раздался крик. Сотканное из тумана

дитя — она не могла точно определить, мальчик или девочка — пыталось вырваться, но кто-то уже убивал его. Роза убивала, а остальные выстроились вокруг (узлом) с фонариками в руках и освещали это убийство, происходящее словно в замедленной съемке.

Энди попыталась выпрямиться, но у нее больше не было тела. Ее тело исчезло. Там, где оно раньше находилось, возникла боль, принявшая форму человеческого существа. Предсмертная боль ребенка. Ее собственная боль.

«Прими ее». Мысль укутала ее, словно горящее тело накрыли прохладной тканью. «Это единственный способ».

«Не могу, я бежала от этой боли всю жизнь».

«Может, и так, но теперь бежать некуда. Прими ее. Проглоти ее. Вдохни пар или умри».

8

Верные стояли с воздетыми руками, произнося нараспев древние слова: саббатха ханти, лодсам ханти, каханна ризоне ханти. Они наблюдали, как блузка Энди Штайнер легла плоско на том месте, где была ее грудь, как ее юбка схлопнулась, словно закрывающийся рот. Они смотрели, как ее лицо превратилось в матовое стекло. Но глаза остались на месте, паря, словно два воздушных шарика на невидимых нитях.

Но и они исчезнут, подумал Грецкий Орех. Силы у нее маловато. Я думал, что достаточно, но ошибся. Может, она вернется еще разок-другой, но потом снова схлопнется. Останется одна одежда. Он попытался вспомнить собственный Переход, но в памяти всплыла лишь полная луна и костер вместо фар. Костер, конское ржание... и боль. Можно ли в самом деле помнить боль? Вряд ли. Можно знать, что она была, и ты от нее страдал, но это не одно и то же.

Лицо Энди появилось снова, как лицо призрака над столом медиума. Перёд блузки вздулся, заполнившись ее плотью; юбку растянули вернувшиеся в этот мир бедра и колени. Она издала отчаянный крик боли.

— Мы — Узел верных, испытанный временем, — монотонно повторяли они в пересекающихся лучах фар. — Саббатха ханти. Мы — избранные, лодсам ханти. Мы — счастливицы, каханна ризоне ханти.

Они будут продолжать, пока все не закончится. Так или иначе, долго это не продлится.

Энди снова начала исчезать. Ее плоть превратилась в мутное стекло, сквозь которое Верные видели скелет и костлявую ухмылку черепа. В

ухмылке поблескивало несколько серебряных пломб. Оказавшиеся вне тела глаза отчаянно вращались в глазницах, которых уже не было. Она все еще кричала, но звук был тонкий и призрачный, словно доносился с другого конца длинного коридора.

9

Роза подумала, что Энди сдастся (как все обычно и поступали, когда боль становилась невыносимой), но эта деваха оказалась крепкой. Не переставая кричать, она воплотилась снова. Ее вновь обретенные руки вцепились в Розу безумной хваткой и потянули вниз. Роза наклонилась, почти не замечая боли.

— Я знаю, чего ты хочешь, куколка. Вернись — и получишь. — Приблизив свой рот ко рту Энди, Роза принялась ласкать языком ее верхнюю губу, пока та не превратилась в туман. Но глаза остались, не отрываясь от Розы ни на секунду.

— Саббатха ханти, — доносилось отовсюду. — Лодсам ханти. Каханна ризоне ханти.

Энди вернулась: вокруг ее горящих болью глаз выросло лицо. Затем появилось тело. На мгновение Роза увидела кости рук и сжимавших ее ладонь пальцев, пока те снова не обросли плотью.

Роза снова поцеловала ее. Невзирая на дикую боль, Энди ответила на поцелуй, и тогда Роза вдула часть своей собственной сущности в горло молодой женщины.

Вот эту я хочу. А если хочу, то получу.

Энди снова начала растворяться, но Роза чувствовала: она борется. И побеждает. Она впитывала в себя бурную жизненную силу, которую Роза вдула ей в легкие, вместо того, чтобы ее отталкивать.

Она впервые вдохнула пар.

10

Новая участница Узла верных провела эту ночь в постели Розы О'Хара. Впервые в жизни она обнаружила, что в сексе есть нечто помимо ужаса и боли. Горло у нее саднило от криков, которые она издавала на лежаке, но она закричала снова, когда это новое ощущение — удовольствие под стать боли Перехода — охватило ее тело и, казалось, снова сделало его

прозрачным.

— Кричи сколько хочешь, — сказала Роза, поднимая голову от низа ее живота. — Криков они все наслушались. И от хорошего, и от плохого.

— А секс — он для всех такой?

Если да, то сколько же она упустила! Вот что украл у нее ее ублюдок-отец. А воровкой почему-то считают ее!

— Для нас — такой, когда мы надышимся пара, — ответила Роза. — Это все, что тебе нужно знать.

Она опустила голову, и все началось заново.

11

Чарли Жетон и Матрешка сидели на нижней ступеньке чарлиного «Баундера». Было уже за полночь. Они курили косяк и смотрели на луну. Из «Эрскрузера» Розы доносились все новые крики.

Чарли с Матрешкой переглянулись и осклабились.

— Кажется, кто-то там кайфует, — заметила Матрешка.

— А чего ж не кайфовать-то? — ответил Чарли.

12

Энди проснулась с первыми лучами солнца. Голова ее покоилась у Розы на груди. Она проснулась совсем другой; она проснулась прежней. Подняв голову, Энди увидела, что Роза смотрит на нее своими прекрасными серыми глазами.

— Ты меня спасла, — сказала Энди. — Вернула меня обратно.

— Одна бы я не справилась. Ты сама хотела вернуться.

«А еще ты хотела меня, куколка».

— То, что мы делали потом... мы уже не повторим, так?

Роза улыбнулась и покачала головой.

— Нет. Но это ничего. Некоторые впечатления переплунуть просто невозможно. А кроме того, сегодня возвращается мой мужчина.

— Как его зовут?

— Для лохов он Генри Ротман. В Узле его кличут Папашей Вороном.

— Ты его любишь? Любишь, ведь так?

Роза улыбнулась, прижала Энди к себе и поцеловала. Но на вопрос не ответила.

— Роза?

— Что?

— Я... я по-прежнему человек?

На это Роза ответила так, как когда-то ответил Дик Хэллоранн на вопрос маленького Дэнни Торранса. И таким же тоном:

— А тебе не все равно?

Энди решила, что все равно. И что она дома.

Ему снился беспорядочный ворох кошмаров: кто-то размахивал молотком и гнался за ним по бесконечным коридорам; где-то сам по себе работал лифт; со всех сторон к нему подкрадывались ожившие кусты-животные. А под конец — одна четкая мысль: лучше б я умер.

Дэн Торранс открыл глаза. Сквозь них в его несчастную голову тут же ворвался солнечный свет, угрожая выжечь последние мозги. Похмелье было просто ядерным. Лицо горело. Нос забился: правда, в левой ноздре еще осталось игольное ушко-отверстие, сквозь которое проникала ниточка воздуха. В левой? Нет, все-таки в правой. Дэн мог дышать и через рот, но тот весь пропитался запахом виски и сигарет. Набитый непонятно чем живот, казалось, превратился в свинцовый шар. Один из собутыльников Дэна называл такое вот мерзкое состояние «похмельным брюхом».

Рядом послышался храп. Дэн повернул голову (невзирая на громкие протесты шеи, которые отдавались болью в виске). Он снова приоткрыл глаза, но только чуть-чуть — хватит с него этого жуткого палящего солнца. Пока хватит. Он лежал на голом матрасе, который лежал на голом полу. Рядом с ним на спине распростерлась голая женщина. Взглянув на себя, Дэн убедился, что на нем тоже ничего нет.

«Как там ее... Долорес? Нет. Дебби? Уже ближе...»

Дини. Дини ее зовут. Он встретил ее в баре под названием «Млечный путь», и всё шло неплохо, пока...

Дальше он не помнил, а взглянув на свои опухшие, со сбитыми костяшками, руки, решил и не вспоминать. Да и какая разница? Ведь сценарий-то всегда был один и тот же. Он напился, кто-то что-то там ляпнул. Ну а дальше, как обычно, побоище. В голове у Дэна томился бешеный пес. В трезвом состоянии ему удавалось удерживать пса на цепи. Но когда Дэн напивался, цепь исчезала. «Рано или поздно я кого-нибудь убью», подумал он. А может, он уже кого-то и убил этой ночью.

«Привет, Дини, покажи-ка дыни».

Он что, правда такое сказал? Дэн очень боялся, что да. Кое-что он начал вспоминать, и уже этого оказалось достаточно. Они играли в восьмерку. В попытке придать битку вращение посильнее Дэн попросту

выбил его со стола. Испачканный мелом сукин сын пару раз подпрыгнул и откатился к музыкальному автомату, из которого, само собой, бренчало кантри. Кажется, Джо Диффи. И зачем, спрашивается, Дэн так крепко приложился? А затем, что за спиной у него стояла Дини и сжимала ему член под столом. Вот Дэну и захотелось выпендриться. И все бы ничего, но какой-то мужик в кепке и шелковой ковбойке позволил себе рассмеяться. А зря.

За побоищем дело не стало.

Дэн притронулся ко рту. Еще вчера вечером, когда после обналички чека у него в кармане оказалось больше пятисот долларов, на месте нынешних пухлых сосисок были нормальные губы.

«Зубы, кажется, все на мес...»

В животе булькнуло. Дэн отрыгнул полный рот кислой мерзости с привкусом виски и снова ее проглотил. Возвращаясь в желудок, она обжигала пищевод. Скатившись с матраса, он встал на колени. С трудом поднялся на ноги и покачнулся, когда комната вокруг него затанцевала танго. Его голова раскалывалась от похмелья, желудок тяготился той дешевой дрянью, которой они вчера закусывали спиртное... а еще он по-прежнему был пьян.

Подцепив с пола трусы, Дэн вышел из спальни. Он не то чтобы хромал, но слегка припадал на левую ногу. Дэн смутно — и слава богу, что только смутно — помнил, как вчерашний ковбой запустил в него стулом. Тогда-то они с Дини-покажи-дыни и покинули бар. Они почти бежали и хохотали как сумасшедшие.

В животе снова закрутило: желудок словно бы кто-то сжал рукой в гладкой резиновой перчатке. Тут уже сработали все блевотные механизмы: уксусный запах сваренных вкрутую яиц в огромной стеклянной банке, вкус свиных шкварок, образ картошки фри, тонущей в кровавом озере кетчупа. Вся та дрянь, которую вчера он впихивал в себя в перерывах между рюмками. Дэн знал, что его вот-вот вырвет, но образы все сменяли и сменяли друг друга, словно на барабане в каком-то кошмарном игровом шоу.

«Что мы приготовили для нашего следующего участника, Джонни? Ты не поверишь, Боб, но это огромное блюдо ЖИРНЫХ САРДИН!»

Ванная находилась в другом конце коридора. Дверь была открыта, сидение унитаза поднято. Дэн ринулся к унитазу, упал на колени и выблевал поток коричневатой-желтой жижи на плавающую в унитазе какашку. Дэн отвернулся, нащупал ручку слива и нажал на нее. Из бачка полил водопад, но звука сливаемой в канализацию воды не слышалось.

Заглянув в унитаз, Дэн увидел, что какашка (может быть, его собственная) поднимается к заляпанной мочой кромке унитаза на волне полупереваренных закусок. Все это месиво уже почти перелилось через край (отличный штрих к этому уже и без того кошмарному утру), но тут канализационная труба прочистила горло и все в себя всосала. Дэна снова вырвало. Потом он уселся на корточки, прислонился спиной к стене ванной и с опущенной головой дожидался, когда заполнится бачок, чтобы смыть еще раз.

«Все, хватит. Клянусь. Никакой выпивки, никаких баров, никаких драк». Он давал себе такое обещание уже в сотый раз. А то и в тысячный.

Одно он знал наверняка: пора ему сматываться из этого города, иначе неприятностей не миновать. Возможно, крупных.

«Джонни, что у нас сегодня за главный приз? Боб, сегодня это ДВА ГОДА ТЮРЬМЫ ЗА ИЗБИЕНИЕ!»

Зрители в студии сходят с ума.

Бачок наполнился. Дэн потянулся к ручке слива, чтобы смыть вторую часть пьесы под названием «Похмельное утро», но остановился на полпути, пытаясь залатать черную дыру в памяти. Помнит ли он свое имя? Да! Дэниел Энтони Торранс. Помнит ли он имя телки, которая храпит сейчас на матрасе в соседней комнате? Да! Дини. Фамилии ее он не помнил, да, может, она ему и не сказала. Помнит ли он, как зовут нынешнего президента?

К своему ужасу, этого Дэн вспомнить не мог. Мужик стрижется под Элвиса и довольно паршиво играет на саксофоне. Но как его звать?..

«Ты хотя бы знаешь, в каком ты сейчас городе?»

В Кливленде? В Чарльстоне? В каком-то из них, точно.

Когда Дэн уже нажимал на ручку слива, имя президента отчетливо всплыло у него в голове. И Дэн, оказывается, не был ни в Кливленде, ни в Чарльстоне. Сейчас он в Уилмингтоне, штат Северная Каролина, а работает он санитаром в больнице святой Марии. Или уже не работает. Пора двигаться дальше. Если он переберется в другое место, хорошее место, то, возможно, ему удастся завязать со спиртным и зажить по-новому.

Он поднялся и посмотрел в зеркало. Повреждения оказались не такими уж страшными. Нос хоть и распух, но, кажется, не сломан. Над опухшей верхней губой корка запекшейся крови. На правой щеке — синяк (похоже, вчерашний ковбой был левшой) с отчетливым отпечатком кольца в центре. Еще один синяк — довольно большой — на левом плече. Дэн вроде бы помнил, что это его огрели кием.

Он заглянул в аптечный шкафчик. Среди тюбиков с косметикой и

нагромождения свободно продаваемых лекарств он обнаружил три пузырька, которые можно было купить только по рецепту. Первый — «Дифлюкан», обычно применяемый для лечения грибковых инфекций. Во втором было обезболивающее, «Дарвон» — сильная штука. Он открыл пузырек, увидел внутри с полдюжины капсул и сунул половину в карман — позже пригодятся. Последним оказался «Фиорицет», и, к счастью для его раскалывающейся головы, пузырек был почти полон. Дэн заглотнул три таблетки и запил их холодной водой. От того, что он склонился над раковиной, головная боль стала невыносимой, но уже скоро должно было полегчать. «Фиорицет», предназначенный для борьбы с мигренью, гарантированно справится с похмельем. Ну... почти гарантированно.

Он начал закрывать шкафчик, потом заглянул в него еще раз, немного разгреб завалы. Противозачаточного кольца не было. Может, оно в сумочке? Он надеялся на это, потому что презервативов у него с собой не было. Если он трахнул ее — воспоминаний об этом не сохранилось, но, вероятнее всего, так и случилось, — секс был незащищенным.

Он надел трусы и прошаркал обратно в спальню, на миг замерев в дверях и бросив взгляд на женщину, притаившуюся у него прошлым вечером к себе домой. Руки и ноги раскинуты, все на виду. Вчера со своими кольцами в ушах, в короткой кожаной юбке, топики и пробковых сандалиях она казалась ему Принцессой Запада... сегодня же он видел обвисший белый мешок растущего пивного живота и первые признаки второго подбородка прямо под первым.

И еще кое-что похуже: ее даже нельзя было назвать женщиной в полном смысле этого слова. Наверное, не малолетка (господи, только не малолетка), но уж точно никак не старше двадцати, а может и младше. Одну стену украшал пугающе детский плакат группы «Кисс», на котором Джин Симмонс извергал из себя огонь. На другом постере на ветке висел котенок с испуганными глазами. «Держись, малыш», советовал постер.

Ему нужно убираться отсюда.

Их одежда валялась вперемешку в изножье матраса. Дэн отложил в сторону ее трусики, взял футболку, просунул в нее голову и начал натягивать джинсы. Он уже наполовину застегнул молнию, когда вдруг понял, что левый передний карман стал существенно легче по сравнению со вчерашним днем.

Нет. Не может быть.

Голова, начавшая было успокаиваться, вновь принялась пульсировать, а сердце стало набирать обороты. Запустив руку в карман, Дэн обнаружил там лишь десятидолларовую купюру и две зубочистки, одна из которых

вошла ему глубоко под ноготь, чего он почти не заметил.

Мы не могли пропить пять сотен. Никак не могли. Да мы бы умерли от такого количества выпивки.

Бумажник по-прежнему лежал в заднем кармане. Он вытащил его, вопреки здравому смыслу надеясь на чудо, но чуда не случилось. Должно быть, в какой-то момент он переложил десятку, которую обычно держал в бумажнике, в передний карман. Вероятно, это ее вчера и спасло, что теперь казалось издевательством.

Он посмотрел на храпящую, распластавшуюся по матрасу девушку-женщину и даже направился к ней, чтобы хорошенько встряхнуть, разбудить и поинтересоваться, куда она, блядь, дела все его деньги — душил бы, пока не проснулась, если уж на то пошло. Но если она их украла, зачем привела его к себе? И не случилось ли с ним что-то еще... уже после «Млечного пути»? Теперь, когда голова прояснилась, он начал вспоминать — воспоминания туманные, но, скорее всего, подлинные, — как они взяли такси до вокзала.

«Милый, я знаю одного парня, который там обретается».

Она действительно так сказала или это лишь его воображение?

«Сказала, чего уж там. Я в Уилмингтоне, президент — Билл Клинтон, и вчера вечером мы отправились на вокзал. Где и в самом деле был парень. Из тех, что предпочитает заключать сделки в мужских туалетах, особенно если у клиента слегка отрихтованная физиономия. Когда он спросил, кого я разозлил, я ответил...»

— Я ответил, что это не его собачье дело, — пробормотал Дэн.

Когда они зашли в туалет, Дэн рассчитывал порадовать подружку дозой, ничего больше. Дини, быть может, и нравился кокаин, но Дэн не хотел иметь с ним ничего общего. Он слышал, что кокс называют «аспирином для богачей», а Дэн был далеко не богат. Но тут из кабинки вышел какой-то тип с портфелем, похожий на бизнесмена. Когда мистер Бизнесмен подошел к раковине, чтобы ополоснуть руки, Дэн увидел мух, ползающих по его лицу.

Мух-падальщиц. Мистер Бизнесмен был ходячим трупом и даже не подозревал об этом.

И вместо того, чтобы взять маленькую порцию, Дэн, похоже, пустился во все тяжкие. Или в последний момент передумал? Могло быть и так, ведь его память больше почти ничего не сохранила.

«Но мух я все же запомнил».

Да. Это он запомнил. Выпивка умеряла сияние, вырубала его на время, но он не был уверен в том, что мухи вообще относились к сиянию. Они

появлялись, когда им вздумается — на трезвую голову или на пьяную.

Он снова подумал: мне нужно убираться отсюда.

Он снова подумал: лучше б я умер.

2

Дини тихо всхрипнула и отвернулась от безжалостного утреннего света. Если не считать матраса на полу, мебели в комнате не было — даже завалящей тумбочки. Открытая дверь чулана демонстрировала скудный гардероб, сваленный в две пластиковые корзины для белья. То немного, что висело на вешалках, предназначалось, видимо, для походов по барам: красная футболка со словами «Sexy Girl», вышитыми блестками, и джинсовая юбка с обтрепанным по последней моде подолом. Еще там стояли две пары кроссовок, две пары лодочек без каблуков и пара туфель с ремешком на шпильках в стиле «трахни меня». Никаких пробковых сандалий. И ни намека на его собственные побитые жизнью «Рибоки», раз уж речь зашла об этом.

Они вроде бы сбросили обувь, когда вошли, и если так, то она должна сейчас валяться в гостиной, которую он смутно припоминал. Там же, наверное, лежит и ее сумочка. Дэн мог отдать Дини остатки своей личности на сохранение — маловероятно, но вполне возможно.

Чувствуя, как пульсирует голова, он побрел по короткому коридору туда, где, как ему помнилось, была вторая и последняя комната квартиры. В дальнем углу располагалась кухонька, всю роскошь которой составляли плита с горелками да маленький холодильник, приютившийся под рабочим столом. В зоне гостиной стоял просевший диван с подложенными под один край кирпичами. Напротив — телевизор с трещиной посреди экрана. Трещину заклеили полоской клейкой ленты, и с одного угла она уже начала отходить. К ленте прилипло несколько мух, одна все еще слабо шевелилась. Дэн смотрел на нее с нездоровым интересом, в который уже раз отмечая про себя, что похмелье позволяет заметить уродливейшие детали в самом обычном окружении.

Прямо перед диваном стоял кофейный столик. На нем находились пепельница, полная окурков, пакетик с белым порошком и журнал «Пипл» с остатками наркотика на обложке. Завершала картину долларовая купюра, скрученная в трубочку. Он не знал, как много они успели нюхнуть, но судя по тому, что осталось, с пятью сотнями можно попрощаться навсегда.

«Твою мать, я ведь не люблю кокс. Как я вообще его нюхал, если даже дышу через раз?»

Не он. Она. Она нюхала, а он втирал себе в десны. Воспоминания начали возвращаться. Дэн предпочел бы, чтобы они оставались, где были, но увы — поздно.

Мухи-падалыщицы в туалете ползают по влажной поверхности глазных яблок мистера Бизнесмена, вылезают изо рта и влезают обратно. Мистер Барыга спрашивает, на что уставился Дэн. Дэн отвечает: ни на что, неважно, покажи лучше, что у тебя есть. Как выяснилось, у мистера Барыги есть предостаточно. У них всегда так. Еще одна поездка в такси — к ней домой. Дини на заднем сиденье втягивает кокаин с запястья, не желая (или просто не в состоянии) дотерпеть до квартиры. Они оба пытаются спеть «Мистер Робото».

Он увидел ее сандалии и свои «Рибоки», лежащие в дверях, и нахлынула новая волна золотых воспоминаний. Она не разулась — просто сбросила сандалии со ступней, потому что к этому моменту его руки крепко сжимали ее ягодицы, а ноги девушки обвивали его талию. Ее шея пахла духами, дыхание — свиными шкварками с ароматом барбекю. Прежде чем подойти к бильiardному столу, они ели их горстями.

Дэн надел кроссовки и прошел в кухню, надеясь обнаружить в единственном шкафчике растворимый кофе. Кофе он не нашел, зато нашел сумочку, лежащую на полу. Он вспомнил, как Дини швырнула ее на диван и засмеялась, когда промазала. Половина добра высыпалась наружу, включая красный кошелек из искусственной кожи. Дэн сложил все обратно в сумочку и отнес ее на кухню. Хотя он и был уверен в том, что его деньги лежали сейчас в кармане мистера Барыги, но где-то в глубине души надеялся, что кое-что осталось — просто потому, что ему это было так нужно. Десятки хватит на три стакана или пару упаковок пива, но сегодня ему потребуется гораздо больше.

Он достал ее кошелек и открыл его. Внутри были фотографии. На нескольких — Дини с каким-то парнем, настолько похожим на нее, что было ясно: они родня. На парочке — Дини с малышом на руках. Портрет Дини в выпускном платье рядом с зубастым парнем в жутком смокинге. Отделение для купюр было раздуто, и он исполнился надежды... пока не раскрыл его и не обнаружил пачку продовольственных талонов. И банкноты: две двадцатки, три десятки.

«Вот мои деньги. То, что от них осталось».

Хотя он знал, что это не так. Он никогда бы не отдал свою недельную зарплату на сохранение только что снятой пьянчужке. Деньги были ее.

Да, но разве кокаин — не ее мысль? Разве не она виновата в том, что сегодня утром он гол как сокол, да еще и мучается от похмелья?

«Нет. Ты напился, оттого и похмелье. Ты увидел мух, потому и остался без денег».

Может, и так, но если бы она не позвала его на вокзал, он никогда бы не увидел мух.

«Эти семьдесят баксов могут понадобиться ей на еду».

Точно. На банку арахисового масла и банку джема, и буханку хлеба, чтобы было, на что все это намазать. Для остального у нее есть талоны.

«А как насчет арендной платы? Может, деньги нужны для этого».

Если ей нужно заплатить за квартиру, пусть продаст телевизор. Дилер наверняка с радостью возьмет его, пусть и с трещиной. К тому же семьдесят долларов — слишком мало для месячного платежа, даже для такой дыры.

«Это не твои деньги, док». Мамин голос — последнее, что он хотел слышать в диком похмелье, чувствуя непреодолимое желание выпить.

— Иди в жопу, ма, — сказал он тихо, но с чувством.

Дэн взял деньги, переложил их в свой карман, засунул кошелек обратно в сумочку и развернулся.

Перед ним стоял ребенок.

На вид ему было года полтора, одет в футболку атлантических «Храбрецов». Она доходила ему до коленей, но подгузник все равно виднелся из-под нее, потому что был полон и свисал почти до лодыжек. Сердце в груди Дэна совершило безумный скачок, а в голове внезапно раздался тяжелый гул, как если бы Тор опустил свой молот ему прямо на макушку. Какую-то секунду он был уверен, что сейчас его хватит инфаркт, или инсульт, или то и другое сразу.

Он сделал глубокий вдох и выдохнул.

— Откуда ты взялся, герой?

— Мама, — ответил ребенок. В этом был смысл: Дэн, в конце концов, появился на свет оттуда же. В мозгу начало формироваться чудовищное непрошенное умозаключение.

«Он видел, как ты взял деньги».

Ну и пусть. Рождавшаяся мысль не имела к этому отношения. Видел, ну и что? Ему даже двух лет еще не исполнилось. В этом возрасте дети принимают как должное все, что делают взрослые. Если бы он увидел, как его мама ходит по потолку, стреляя огнем из пальцев, то и глазом бы не моргнул.

— Как зовут тебя, герой?

Его голос пульсировал в ритм с биением сердца, которое по-прежнему не желало успокаиваться.

— Мама.

«В самом деле? Ох и повеселятся же твои одноклассники, когда ты пойдешь в школу».

— Ты из соседней квартиры? Или с другого конца этажа?

«Пожалуйста, ответь „да“. Потому что вот она, мысль: если это ребенок Дини, то получается, что она отправилась шляться по барам, заперев его в этой поганой квартирке. Одного».

— Мама!

Тут малыш заметил кокаин на кофейном столике и устремился к нему. Намокший подгузник раскачивался из стороны в сторону.

— Сахав!

— Нет, это не сахар, — сказал Дэн, хотя, само собой, это был именно он: сахар для ноздрей.

Никак не реагируя на слова Дэна, ребенок потянулся к порошку. Дэн заметил на его руке синяки, похожие на отпечатки пальцев.

Он сгреб малыша в охапку. Когда Дэн оттаскивал его от столика (из подгузника на пол сквозь пальцы потекла струйка мочи), в голове мелькнул короткий, но очень ясный образ: парень, похожий на Дини, с фотографии в кошельке. Он хватает ребенка и трясет его, оставляя на маленькой ручке отметины своих пальцев.

(эй Томми какую часть фразы «вали нахер» тебе повторить еще раз?)

(Рэнди перестань он же ребенок)

Все ушло. Второй голос — протестующий, слабый — принадлежал Дини, и он понял, что Рэнди — ее старший брат. Почему бы и нет? Обидчику не обязательно быть бойфрендом. Иногда это брат. Иногда — дядя. Иногда

(выходи щенок выходи и получи свое)

дорогой папочка.

Он понес ребенка — Томми, его зовут Томми — в спальню. Там малыш увидел мать и немедленно принялся вырываться.

— Мама! Мама! Мама!

Когда Дэн спустил его на пол, Томми забрался на матрас и устроился рядом с матерью. Даже во сне Дини обняла его и прижала к себе. Футболка мальчика задралась, и Дэн увидел другие синяки, на этот раз на ногах.

«Брата зовут Рэнди. Я могу его найти».

Мысль была ясной и холодной, как озерный лед в январе. Если он возьмет фотографию из кошелька и сосредоточится, игнорируя головную боль, ему, наверно, удастся отыскать старшего брата. Он уже проделывал такое раньше.

«Могу сделать так, что синяки в этот раз останутся на нем. Могу сказать ему, что в следующий раз убью».

Только следующего раза не будет. С Уилмингтоном покончено. Он больше не собирался видаться с Дини или посещать эту убогую лачугу. Он вообще не хотел больше вспоминать минувшую ночь и это утро.

Теперь пришла очередь Дика Хэллоранна: «Нет, сынок. Может, порождения „Оверлука“ и удастся спрятать в сейф, но с воспоминаниями такой фокус не пройдет. Они и есть настоящие призраки».

Он встал в дверном проеме, глядя на Дини и ее побитого мальчика. Малыш снова заснул, и в утреннем свете парочка имела почти ангельский вид.

«Она — не ангел. Пусть и не она оставила эти синяки, но ей хватило ума отправиться на гулянку и бросить его тут одного. Если бы ты не проснулся и не зашел в ту комнату...»

«Сахав», — произнес мальчик, потянувшись за коксом. Нехорошо. Надо что-то делать.

«Но не мне. Мило же я, воняющий бухлом и рвотой, буду выглядеть в офисе Министерства внутренней безопасности, когда попытаюсь заявить о насилии в отношении ребенка! Еще один честный гражданин, пытающийся исполнить свой гражданский долг».

«Но ты можешь вернуть деньги, — произнес голос Венди. — Ты можешь сделать хотя бы это».

И он почти сделал: вытащил купюры из кармана и взял в руку. Даже подошел с ними к кошельку, и прогулка, должно быть, прочистила ему мозги, потому что в них возникла идея.

«Возьми кокс, если уж так хочешь что-то взять. С легкостью продашь остатки за сотню. За две, если повезет».

Да вот только покупатель может оказаться агентом Федерального управления по борьбе с наркотиками — с его везением так и будет, — и он окажется в тюрьме. Кстати, он может попасть туда и за то, что натворил в «Млечном пути». Наличие гораздо безопасней. Пусть и всего семьдесят баксов.

«Разделю, — решил он. — Сорок ей, тридцать мне».

Но толку с тридцатки? К тому же в кошельке лежит куча талонов, да

такая, что лошадь подавится. Хватит, чтобы прокормить ребенка.

Он взял кокаин и покрытый порошком журнал, отнес на кухню и положил на стол, где ребенок не смог бы до них добраться. В раковине лежала губка, и он стер со столика в гостиной остатки кокаина, повторяя себе, что если Дини проснется и обнаружит его за этим занятием, он отдаст ей чертовы деньги. Повторяя, что если не проснется, значит, так ей и надо.

Дини не вышла. Она продолжала спать.

Дэн закончил уборку, швырнул губку обратно в раковину и подумал, не оставить ли записку. Но что он в ней напишет? «Следи за ребенком получше, и, кстати, я выгреб всю наличку из твоего кошелька»?

Ладно, обойдемся без записки.

Он ушел с деньгами в кармане, постаравшись не слишком громко хлопнуть дверью, и решил, что поступил вполне тактично.

3

Около полудня, успев забыть о похмелье благодаря «Фиорицету» Дини и «Дарвону» на закуску, он подходил к заведению под названием «Голден» — спиртное со скидкой и импортное пиво. Оно находилось в старой части города, где здания были кирпичными, тротуары — почти безлюдными, а ломбарды (у каждого из них на витрине имелся большой выбор опасных бритв) встречались в изобилии. Он собирался купить очень большую бутылку очень дешевого виски, но то, что обнаружилось перед входом, изменило его намерения. Тележка из супермаркета, нагруженная безумной коллекцией какого-то бродяги. Сам бродяга внутри магазина препирался с продавцом. Сверху в тележке лежало свернутое одеяло, перехваченное веревкой. Дэн заметил на нем пару пятен, но в целом оно выглядело прилично. Он схватил его и быстро пошел прочь, зажав одеяло под мышкой. По сравнению с кражей семидесяти долларов у матери-одиночки и наркоманки, похищенный у бомжа волшебный ковер казался мелочью. Может быть, поэтому он чувствовал себя мелким, как никогда.

«Я — Невероятно уменьшающийся человек, ^[2] — подумал он, спеша завернуть с добычей за угол. — Украду еще пару вещей и исчезну».

Он ждал возмущенных воплей бродяги, — чем они безумней, тем громче вопят, — но ничего не услышал. Еще один поворот, и можно считать, что он в безопасности.

И Дэн повернул.

Тот вечер застал его возле устья большого водостока на склоне под мостом через Кейп-Фир. Комната у него была, но между ним и ею стояла маленькая проблемка: задержанная арендная плата, которую он поклялся внести не позже пяти часов вчера. И это было еще не все. Если бы он вернулся к себе, его могли пригласить в некое похожее на крепость муниципальное здание на Бесс-Стрит для ответов на вопросы касательно некоего происшествия в баре. В общем, безопасней было держаться оттуда подальше.

В городе был приют под названием «Дом надежды» (который местные алкаши, конечно, прозвали Домом безнадёги), но Дэн туда не собирался. Там можно было бесплатно переночевать, но бутылки отбирали на входе. В Уилмингтоне хватало дешевых ночлежек и мотелей, где всем было насрать, что ты пьешь, нюхаешь или колешь, но зачем тратить деньги на крышу над головой вместо выпивки, если на улице сухо и тепло? О кроватях и крышах придется волноваться, когда он отправится на север. Не говоря уже о том, как он добудет свои скудные пожитки из комнаты на Бёрни-стрит без ведома хозяйки.

Луна вставала над рекой. Дэн сидел на расстеленном одеяле. Скоро он на него уляжется, завернется в него, как в кокон, и уснет. Он был пьян ровно настолько, чтобы ощущать себя счастливым. Взлет и набор высоты проходили трудно, но теперь турбулентность низких высот осталась позади. Он полагал, что его жизнь не показалась бы образцовой большинству американцев, но на данный момент она его устраивала. У него имелась бутылка «Олд Сан» (купленная в магазине на приличном расстоянии от «Голдена») и половинка бутерброда «Завтрак героя» на завтра. Будущее было туманно, но сегодня луна светила ясно. Все было как надо.

(Сахав)

Внезапно ребенок оказался рядом с ним. Томми. Прямо рядом с ним. Тянется к порошку. Синяки на ручке. Голубые глаза.

(Сахав)

Он видел его с мучительной ясностью, не имевшей никакого отношения к сиянию. И не только его. Дини, похрапывавшая лежа на спине. Красный кошелек из искусственной кожи. Стопка продуктовых талонов с надписью «Министерство сельского хозяйства США». Деньги. Семьдесят долларов. Которые он взял.

«Думай о луне. Думай о том, как безмятежно она всходит над рекой».

Какое-то время он так и делал, но потом увидел Дини на спине, красный кошелек из искусственной кожи, стопку продуктовых талонов, жалкую пачечку денег (большой части которой уже не было). Яснее всего он видел малыша, тянущегося к коксу своей ладошкой-морской звездой. Голубые глаза. Синяки на руке.

«Сахав», сказал он.

«Мама», сказал он.

Дэн научился отмерять выпивку так, чтобы ее хватало надолго, опьянение было мягче, а головная боль на следующий день — меньше и терпимее. Но иногда с его меркой что-то случалось. И все шло псу под хвост. Как тогда в «Млечном пути». Но то произошло более-менее случайно, а сегодня он прикончил бутылку четыремя большими глотками намеренно. Мозг — грифельная доска. Выпивка — тряпка для стирания.

Он улегся и натянул на себя краденое одеяло. Дэн ждал беспамятства, и оно пришло, но Томми пришел раньше. Футболка «Храбрецов». Свисающий подгузник. Голубые глаза, рука в синяках, ладошка-морская звезда.

«Сахав. Мама».

«Я никогда об этом не расскажу, — подумал он. — Ни единой душе».

Когда луна вошла над Уилмингтоном в штате Северная Каролина, Дэн Торранс впал в забытие. Ему снился «Оверлук», но, проснувшись, он не вспомнил этих снов. Вспомнил он голубые глаза, руку в синяках, протянутую ладошку.

Ухитрившись забрать свои вещи, Дэн отправился на север, сначала в штат Нью-Йорк, затем в Массачусетс. Прошло два года. Иногда он помогал людям, обычно — старикам. Он это умел. Слишком часто в пьяные ночи малыш был последним, о чем он успевал подумать, и первым, о чем он думал наутро с похмелья. И это о малыше он всегда думал, когда обещал себе бросить пить. Может, на следующей неделе. А уж в следующем месяце — точно. Малыш. Глаза. Рука. Ладонка-морская звезда.

«Сахав».

«Мама».

Часть первая

АБРА

Глава первая

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МИНИТАУН

1

После Уилмингтона он перестал пить ежедневно.

Он мог неделю, даже две не брать в рот ничего крепче диетической колы. Он просыпался без похмелья, и это было хорошо. Он просыпался с ощущением жажды и тоски — тяги — и это было плохо. Потом наступал вечер. Или выходные. Иногда спусковым крючком служила реклама «Будвайзера» по телевизору — молодые люди со свеженькими лицами, без пивных животов, опрокидывающие по кружке после волейбольного матча. Иногда он видел пару приличных дам, выпивающих по бокальчику после работы за столиком уличного кафе — из тех, что носят французские названия и украшены множеством висячих растений. Иногда слышал песню по радио. Однажды это был «Мистер Робото» в исполнении «Стикс». Когда он был сухой — то уж сухой как лист, а когда пил — то уж напивался от души. Если он просыпался рядом с женщиной, то вспоминал Дини и мальчика в футболке «Храбрецов». Он думал о семидесяти долларах. Он думал даже об украденном одеяле, которое оставил в водостоке. Может быть, оно так до сих пор там и лежит. Если так, скорее всего оно покрылось плесенью. Иногда он напивался и прогуливал работу. Какое-то время это терпели — он хорошо знал свое дело, но рано или поздно терпение заканчивалось. И тогда он говорил «спасибо» и садился в автобус. Уилмингтон сменился Олбани, Олбани — Ютикой. Ютика превратилась в Нью-Палтц. Нью-Палтц уступил место Стербриджу, где он напился на фольк-концерте под открытым небом и проснулся на следующий день со сломанным запястьем. Следующим был Уэстон, после него — дом престарелых на Мартас-Виньярде, и там-то он долго не проработал. На третий день старшая медсестра унюхала запах перегара, и на этом все — прощай и ничего не обещаю. Однажды его путь пересекся со следом Узла верных, но он об этом так и не узнал. По крайней мере, не осознал, хотя дальней частью мозга — той, что сияла, — что-то почувствовал. Запах, исчезающий, неприятный, как запах жженой резины на участке шоссе, где недавно произошла большая авария.

С Мартас-Виньярда Дэн отправился на автобусе «МассЛайнс» в

Ньюберипорт. Там он нашел работу в доме ветеранов, заведении, где всем все было более-менее пофиг, где старые солдаты часто сидели в инвалидных креслах под дверями пустых консультационных кабинетов, пока моча из их коллекторов не начинала течь на пол. Ужасное место для пациентов, и чуть получше — для таких никчемушников, как он — хотя Дэн и еще несколько сотрудников старались получше обращаться с ветеранами. Он даже помог паре из них перейти порог, когда пришло их время. На этой работе он задержался надолго, так что президент-саксофонист даже успел передать ключи от Белого дома президенту-ковбою.

Дэн несколько раз напивался в Ньюберипорте, но всегда накануне выходного, так что все проходило без проблем. После одного из мини-запоев он проснулся с мыслью, «По крайней мере талоны я ей оставил». Это вернуло к жизни старый добрый психопатический дуэт ведущих.

«Нам очень жаль, Дини, но никто не уйдет с пустыми руками! Что у нас для нее есть, Джонни?»

«Что ж, Боб, Дини не выиграла денег, но она получает нашу новую настольную игру, несколько граммов кокаина и толстую пачку ПРОДУКТОВЫХ ТАЛОНОВ!»

А Дэн получил несколько месяцев без выпивки. Вероятно, это был его странный способ покаяния. Ему не раз приходило в голову, что будь у него адрес Дини, он бы давно отослал ей эти сраные семьдесят баксов. Он бы даже отправил ей вдвое больше, если бы это избавило его от воспоминаний о пацане в футболке «Храбрецов» с протянутой ладошкой-морской звездой. Но адреса у него не было, так что вместо этого он оставался трезвым. Бичевал себя кнутами. Сухими.

Потом как-то вечером он шел мимо питейного заведения под названием «Отдых рыбака» и увидел в окно симпатичную блондинку, в одиночестве сидевшую у бара. На ней была юбка из шотландки до середины бедра, она выглядела одинокой, и он вошел; и оказалось, что она недавно развелась, какая жалость, не составить ли ей компанию, и через три дня он очнулся все с той же черной дырой в памяти. Он пошел в ветеранский центр, где мыл полы и вкручивал лампочки, надеясь, что его простят, но напрасно. «Более-менее пофиг», как оказалось, не то же самое, что «пофиг» — почти, да не совсем. Уходя с несколькими предметами, которые хранились в его шкафчике, Дэн вспомнил фразу Бобкэта Голдтуэйта: «Моя работа никуда не делась, просто теперь ее делает кто-то другой». Так что он сел на другой автобус, на сей раз в Нью-Гэмпшир, а перед посадкой приобрел стеклянную емкость с опьяняющей жидкостью.

Всю дорогу он просидел на Сиденье для пьянчуг — том, что возле туалета. Он знал по опыту, что если собираешься квасить всю поездку, лучше всего выбирать это место. Он сунул руку в коричневый бумажный пакет, открутил крышечку стеклянной емкости с опьяняющей жидкостью и вдохнул коричневый запах. Этот запах умел говорить, хотя произносил только одну фразу: «Привет, старый друг!»

Он подумал: «Сахав».

Он подумал: «Мама».

Он подумал, что Томми теперь уже ходит в школу. Если, конечно, добрый дядюшка Рэнди его не прикончил.

Он подумал: «Единственный, кто может нажать на тормоза, — это ты».

Эта мысль посетила его не впервые, но на этот раз вслед за ней пришла другая. «Тебе не обязательно так жить, если ты этого не хочешь. Можно, конечно... но необязательно».

Голос был такой странный, такой непохожий на его обычные внутренние диалоги, что он подумал, что тот исходит от кого-то другого — он мог ловить чужие мысли, но теперь это редко случалось без его желания. Он научился от них отгораживаться. Тем не менее он окинул взглядом салон, почти уверенный, что кто-нибудь на него смотрит. Нет, никто. Все спали, разговаривали с соседями или смотрели в окно на серенький новоанглийский день.

Тебе не обязательно так жить, если ты этого не хочешь

Если бы это было так. Тем не менее бутылку он закрыл и положил на соседнее сиденье. Дважды он снова брал ее в руки. В первый раз сразу же положил на место. Во второй — опять полез в пакет и отвинтил крышку, но тут автобус подъехал к зоне отдыха сразу за границей Нью-Гэмпшира. Дэн направился в «Бургер Кинг» с остальными пассажирами, остановившись только, чтобы бросить бумажный пакет в мусорный контейнер. На одном боку высокого зеленого бачка красовалась трафаретная надпись: «Все ненужное оставляйте здесь».

«Было бы здорово», подумал Дэн, когда бутылка звякнула, упав на дно. «Как же это было бы здорово».

Часа через полтора автобус миновал дорожный знак с надписью: «Добро пожаловать во Фрейзер, где на каждый сезон есть свой резон!» А ниже: «Родина Минитауна!»

Автобус остановился рядом с Общественным центром Фрейзера, чтобы взять пассажиров, и с пустовавшего соседнего сидения, на котором первую половину поездки ехала бутылка, послышался голос Тони. Дэн узнал его, хотя уже много лет Тони не разговаривал с ним так отчетливо.

(вот это место)

«Сойдет», подумал Дэн.

Он сдернул сумку с багажной сетки над головой и сошел. Остановился на тротуаре и проводил отъезжающий автобус глазами. С запада на горизонте поднимались зубцы Белых гор. До сего дня, колеся по стране, Дэн держался подальше от гор, особенно от зловещих пиков, деливших страну пополам. «И вот наконец, — подумалось ему, — я снова оказался в горах. Сдается мне, я всегда знал, что так и будет». Но здешние горы были более пологими, чем те, что иногда являлись ему в кошмарах, и он решил, что сможет ужиться с ними, хотя бы на некоторое время. То есть при условии, что сможет выкинуть из головы малыша в футболке «Храбрецов». Что сможет завязать. Наступает момент, когда ты понимаешь, что дальше бежать бессмысленно. Что куда бы ты ни поехал, от себя не убежишь.

В воздухе кружилась снежная завируха, тонкая, как невестина фата. Дэн видел, что магазины по обе стороны широкой главной улицы обслуживают в основном лыжников, приезжавших в декабре, и летних отдыхающих, прибывающих в июне. В сентябре и октябре здесь наверняка полно любителей поглазеть на осеннюю листву, но сейчас стояла погода, которая в Нью-Гэмпшире считается весенней: два стылых месяца холодов и сырости. Очевидно, для этого сезона во Фрейзере еще не придумали резона, потому что на променаде — Крэнмор-авеню — не было ни души.

Дэн закинул сумку на плечо и неспешным шагом двинулся на север. У кованого забора он остановился посмотреть на ветшающий викторианский особняк, зажатый с двух сторон более новыми кирпичными зданиями. С особняком они соединялись крытыми галереями. Слева на крыше возвышалась башенка, а справа — нет, отчего дом выглядел немного скособоченным, что Дэну даже понравилось. Как будто старая дама говорила: «Ну да, отвалился от меня кусок. Ну и черт с ним. Когда-нибудь это случится и с тобой». Дэн начал улыбаться. Потом его улыбка угасла.

Из окна комнаты в башенке на него смотрел Тони. Увидев, что Дэн взглянул вверх, мальчик помахал ему рукой. Тот же скупой жест, памятный Дэну со времен собственного детства, когда Тони приходил часто. Дэн зажмурился, потом открыл глаза. Тони исчез. Да его и не было никогда, как он мог там оказаться? Окно было заколочено.

На лужайке табличка с золотыми буквами на зеленом фоне в тон

самому зданию извещала, что это «Дом Хелен Ривингтон».

У них есть кошка, подумал Дэн. Серая, зовут Одри.

Это оказалось и так, и не так. Не кошка, а серый кастрированный кот, и его звали не Одри.

Дэн долго смотрел на табличку — пока не разошлись облака и на нее не упал солнечный луч, совсем как в Библии, — а потом пошел дальше. Хотя солнце теперь светило достаточно ярко, чтобы хромированные части нескольких машин, вкривь и вкось припаркованных у «Олимпии Спортс» и «Фреш Дэй Спа», отражали солнечные зайчики, снег по-прежнему кружился в воздухе, что напомнило Дэну мамины слова, сказанные в такую же погоду давным-давно, еще в Вермонте: «Дьявол бьет свою жену».

3

Примерно через пару кварталов от хосписа Дэн снова остановился. Напротив мэрии находился общественный центр Фрейзера. Лужайка в пару акров, уже начинавшая зеленеть, эстрада, поле для софтбола, асфальтированная баскетбольная площадка с одним щитом, столы для пикника и даже лужайка для гольфа. Все это было очень мило, но Дэна заинтересовала табличка с надписью: «Посетите Минитаун — „маленькое чудо“ Фрейзера — и прокатитесь по Минитаунской железной дороге».

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы увидеть, что Минитаун был мини-копией Крэнмор-авеню. Вот методистская церковь, мимо которой уже проходил Дэн, ее шпиль пронзает воздух на высоте семи футов; вот кинотеатр «Мьюзик Бокс»; «Мороженое Спондуликса»; книжный магазин «Маунтин Букс»; «Рубашки и проч.»; Фрейзерская галерея («Наша специализация — гравюры»). А вот и точная миниатюрная копия «Дома Хелен Ривингтон», высотой человеку по пояс, хотя и без боковых пристроек. Наверное, потому, решил Дэн, что они выглядят уродливыми обрубками, особенно по сравнению с центральной частью.

За Минитауном был миниатюрный поезд с надписью «Минитаунская железная дорога» на вагончиках, явно рассчитанных на самых маленьких. Из трубы ярко-красного паровозика размером не больше мотоцикла «Хонда-Голд-Уинг» шел дым. До Дэна донесся рокот дизельного движка. На боку паровозика старомодными золотистыми буквами было выведено: «Хелен Ривингтон». Покровительница города, предположил Дэн. Наверняка где-то во Фрейзере есть и улица ее имени.

Некоторое время он оставался на месте, хотя солнце уже опять зашло

за тучу, и на улице похолодало настолько, что изо рта шел пар. В детстве Дэн постоянно мечтал об игрушечной железной дороге, но так ее и не получил. И вот здесь, в Минитауне, нашел великанскую версию игрушки, в которую влюбился бы ребенок любого возраста.

Дэн перекинул сумку на другое плечо и перешел улицу. Снова услышать — и увидеть — Тони было неприятно, но теперь он был рад, что остановился здесь. Может быть, это действительно то самое место, которое он искал, место, где он сможет наконец-то выбраться из опасной кривой колеи, в которую свернула его жизнь.

«Куда бы ты ни пошел, от себя не убежишь».

Дэн запихнул эту мысль в воображаемый шкаф. Это у него получалось неплохо. Шкаф был набит самыми разнообразными вещами.

4

С обеих сторон паровозик был прикрыт обтекателем, но Дэн углядел под одним из свесов крыши Минитаунской станции табуретку, притащил и залез на нее. В кабине машиниста было два покрытых овчиной сиденья. Дэну подумалось, что их вытащили из автомобиля пятидесятых годов. Сама кабина и панель управления также напоминали автомобильные, за исключением старомодного зигзагообразного рычага, торчащего из пола. Схемы переключения передач не было; фабричный набалдашник заменял ухмыляющийся череп в бандане, которая от прикосновений многих рук за все годы вылиняла из красной до нежно-розовой. Верхняя часть руля была обрезана, а оставшаяся походила скорее на штурвал легкого самолета. На «торпеде» черными полустершимися, но все еще читаемыми буквами было написано: «Ограничение скорости — 40».

— Нравится? — спросил из-за спины чей-то голос.

Дэн резко обернулся, едва не свалившись при этом с табуретки. Большая загрубевшая рука подхватила его за локоть, не дав упасть. Позади него стоял мужчина лет под шестьдесят или чуть старше, в теплой джинсовой куртке и охотничьей шапке в красную клетку и с опущенными ушами. В свободной руке он держал чемоданчик с инструментами и металлической табличкой с надписью «Собственность мэрии Фрейзера» на крышке.

— Извините, — сказал Дэн, слезая с табуретки. — Я не хотел...

— Да ладно. Народ все время лазает посмотреть. Обычно повернутые моделисты. Для них это просто сон наяву. Летом, когда тут битком и «Рив»

ездит чуть не каждый час, мы их гоняем, но сейчас тут нет никаких «мы», только я. А я не возражаю.

Он протянул руку:

— Билли Фримэн. Муниципальный рабочий. «Рив» — мое детище.

Дэн пожал протянутую руку:

— Дэн Торранс.

Билли Фримэн изучил сумку:

— Вижу, прямоком с автобуса. Или ты автостопщик?

— С автобуса. — Ответил Дэн. — А что у этой штуки за двигатель?

— А вот это интересно. Ты, наверное, про «Шевроле-Веранео» и слыхом не слыхивал, а?

Не слыхивал, но знал. Потому что это знал Фримэн. Такого яркого сияния у Дэна не было уже много лет. Это, пусть и отдаленно, напомнило ему тот восторг, который он испытывал в раннем детстве, до того, как узнал, насколько опасным может быть сияние.

— Бразильский «Субурбан», так? Турбодизель.

Кустистые брови Фримэна приподнялись, и он широко улыбнулся:

— В точку! Кейси Кингсли, он тут главный, купил его на аукционе в прошлом году. Умереть не встать. Тянет как зверь. Приборная панель тоже с «Субурбана». А сиденья я поставил сам.

Теперь сияние угасало, но Дэн уловил еще одну деталь.

— С «Понтиака-Джадж».

Фримэн расплылся в улыбке:

— Точно. Откопал их на помойке по дороге на Сунапи. А коробка передач с крутого «Мака» шестьдесят первого года. Девять скоростей. Ничего так, а? Ищешь работу или просто так слоняешься?

От столь неожиданного перехода Дэн моргнул. Ищет ли он работу? Он полагал, что да. Логичнее было бы начать с хосписа, мимо которого он прошел на Крэнмор-авеню, и Дэн догадывался — то ли благодаря сиянию, то ли обыкновенной интуиции, — что им требуются работники, но пока что не испытывал желания туда идти. Появление Тони в окне башенки встревожило его.

«А еще, Дэнни, надо, чтобы последняя выпивка как следует выветрилась, прежде чем ты придешь туда и попросишь бланк заявления о приеме на работу. Даже если тебе предложат всего лишь гонять полотер в ночную смену».

Голос Дика Хэллоранна. Господи Иисусе. Давно Дэн не думал о Дике. Может быть, с самого Уилмингтона.

С приходом лета — сезона, для которого во Фрейзере совершенно

точно хватало резонов, — работы будет навалом. Но если бы Дэну пришлось выбирать между рестораном «Чили» в местном торговом центре и Минитауном, он бы совершенно точно выбрал Минитаун. Дэн открыл было рот, чтобы ответить Фримэну, но не успел, потому что Хэллоранн заговорил снова.

«Тебе скоро тридцатник, малыш. Вполне возможно, что шансов у тебя осталось не так уж много».

А Билли Фримэн все смотрел на него с неприкрытым и простодушным любопытством.

— Да, — ответил Дэн, — я ищу работу.

— В Минитауне ты долго не проработаешь. Когда приходит лето и начинаются школьные каникулы, мистер Кингсли нанимает местных. В основном от восемнадцати до двадцати двух лет. Этого от него ждут члены городской управы. Да и работают ребяташки задешево.

Он широко улыбнулся, демонстрируя дыры на месте пары когда-то выпавших зубов:

— Не самое плохое место, чтобы сшибить бакс-другой. Сейчас, конечно, работать на улице не очень-то приятно, но холода долго не продержатся.

Нет, не продержатся. Большая часть строений на общественной площадке была укрыта брезентом, но скоро его снимут, обнажая все составляющие маленького курортного городка летом: прилавки с хот-догами, киоски с мороженым, что-то круглое, что на взгляд Дэна смахивало на карусель. И конечно же, был еще поезд, поезд с маленькими вагончиками и большим турбодизелем. Если Дэн сможет продержаться в завязке и завоюет доверие, Фримэн или его босс — Кингсли, — может быть, даже позволят ему пару раз побыть за машиниста. Было бы здорово. А потом, когда муниципальный департамент наймет на работу недавних школьников из местных, у него всегда останется хоспис.

То есть, если он решит здесь осесть.

«Уж лучше тебе осесть хоть где-нибудь», сказал Хэллоранн — похоже, сегодня у Дэна выдался день бесплотных голосов и видений. «Уж лучше тебе осесть где-нибудь поскорее, иначе ты вообще не сможешь остановиться».

К собственному удивлению, Дэн рассмеялся:

— По-моему, звучит здорово, мистер Фримэн. По-настоящему здорово.

— На земле когда-нибудь работал? — спросил его Билли Фримэн. Они медленно шли вдоль состава. Крыши вагончиков доходили Дэну только до груди, заставляя его чувствовать себя великаном.

— Умею полоть, сажать и красить. Знаю, как управляться с садовым пылесосом и бензопилой. Могу чинить небольшие движки, если поломка не очень серьезная. И могу водить газонокосилку, не наезжая на маленьких детей. Вот про поезд... про поезд не знаю.

— На это тебе надо будет получить разрешение у Кингсли. Страховка и прочая мутотень. Слушай, а рекомендации у тебя есть? Без них мистер Кингсли на работу не берет.

— Кой-какие. В основном, на место уборщика и больничного санитаря. Мистер Фримэн...

— Можно просто Билли.

— Непохоже, чтобы ваш поезд мог возить пассажиров, Билли. Где им сидеть?

Билли широко улыбнулся.

— Погоди-ка. Посмотрим, насмешит ли это тебя так же, как меня. Мне никогда не надоедает на это смотреть.

Фримэн вернулся к паровозу и перегнулся внутрь. До того лениво тарахтевший движок взревел и выпустил несколько облачков черного дыма. По всему составу «Хелен Ривингтон» пронесся вой гидравлики. Внезапно крыши пассажирских вагонов и желтого тормозного — всего их было девять — начали подниматься. Дэну показалось, что это поднимаются крыши девяти кабриолетов одновременно. Он наклонился, чтобы посмотреть сквозь окошки, и увидел, что по центру каждого вагона установлены жесткие пластиковые сидения. В пассажирских по шесть, а в тормозном — два. Всего пятьдесят.

Когда Билли вернулся, Дэн улыбался во весь рот:

— Наверно, ваш поезд выглядит очень странно, когда в нем сидят пассажиры.

— О да. Все животики надрывают от смеха и щелкают фотоаппаратами как нанятые. Смотри.

В хвосте каждого пассажирского вагона находилась стальная ступенька. Билли вскочил на одну, прошел по проходу и сел. Возник странный оптический обман, делавший Билли гораздо больше размером. Он величественно помахал Дэну, который представил, как пятьдесят

бробдингнегов, под которыми крошечный поезд был едва заметен, торжественно выезжают с Минитаунской станции.

Едва Билли Фримэн встал и вернулся на землю, Дэн заплодировал.

— Бьюсь об заклад, что между Днем памяти и Днем труда вы продаете миллиард открыток.

— Уж будь уверен.

Билли порылся в кармане куртки, вынул потрепанную пачку сигарет «Дюк» — дешевую, хорошо знакомую Дэну марку, продающуюся по всей Америке на автобусных остановках и в универмагах — и протянул Дэну. Тот взял одну. Билли прикурил им обоим.

— Нужно ловить момент, пока могу, — пояснил Билли, глядя на сигарету. — Еще пара лет, и курение здесь запретят. Женский клуб Фрейзера уже что-то такое болтает. Кучка старых перечниц, вот что я скажу, но знаешь, как говорится: рука, качающая чертову колыбель, правит чертовым миром.

Он выдохнул дым через ноздри:

— Не то чтобы большая половина из них качала колыбель со времен президентства Никсона. Ну или нуждалась в тампаксах, если на то пошло.

— Может, это не так уж плохо, — сказал Дэн. — Дети копируют своих родителей.

Он подумал об отце. Если Джеку Торрансу что и было дороже бутылки то это дюжина бутылок, сказала как-то мать незадолго до смерти. Конечно, самой Венди были дороги ее сигареты, и они-то ее и убили. Когда-то давно Дэн обещал себе, что никогда не усвоит и эту дурную привычку. Со временем он пришел к выводу, что жизнь любит ловить тебя на слове.

Билли Фримэн посмотрел на него, прищурившись так сильно, что один глаз почти закрылся:

— У меня на людей чуйка, и тебя я сразу почуял. — Он произнес «почуел», как говорят в Новой Англии. — Она у меня сработала еще до того, как ты обернулся и я увидел твое лицо. Я подумал, что ты отлично подойдешь для весенней уборки, мне как раз нужен помощник с сегодняшнего дня и до конца мая. Вот так-то, а я своей чуйке доверяю. Может, я выжил из ума.

Дэн совсем не считал, что он выжил из ума, и теперь понял, почему слышал мысли Билли Фримэна так четко, и даже без малейших усилий. Он вспомнил сказанное ему однажды Диком Хэллоранном, Диком, который стал его первым взрослым другом. «У многих людей есть то, что я называю сиянием, но у большинства это только искра. Она позволяет им предугадывать, какую следующую песню поставит ди-джей на радио или

что скоро зазвонит телефон».

У Билли Фримэна была эта искорка. Мерцание.

— Полагаю, мне надо поговорить с этим Кэри Кингсли?

— Кейси, а не Кэри. А так да, с ним. Он руководит здесь городскими службами уже двадцать пять лет.

— Когда будет удобно?

— Да прямо сейчас, я думаю, — Билли ткнул пальцем. — Вон та груда кирпичей через дорогу и есть мэрия Фрейзера, и там все городские конторы. Кингсли сидит в подвале, в конце коридора. Ты поймешь, что пришел куда надо, когда услышишь диско-музыку с потолка. По вторникам и четвергам в спортзале у женщин занятия аэробикой.

— Ладно, — согласился Дэн. — Так и сделаю.

— Рекомендации с тобой?

— Да. — Дэн похлопал по сумке, которую прислонил к стене Минитаунской станции.

— Надеюсь, ты не сам их накропал?

Дэнни улыбнулся:

— Нет, они настоящие.

— Тогда вперед — труба зовет.

— Окей.

— И еще одно, — сказал Билли, когда Дэн пошел прочь. — Он на дух не переносит выпивку. Если ты пьешь, а он тебя спросит, советую тебе... соврать.

Дэн кивнул и поднял руку, чтобы показать, что понял. Врать подобным образом ему было не впервой.

Судя по испещренному прожилками носу, Кейси Кингсли не всегда не переносил выпивку на дух. Это был крупный человек, и маленький захламленный кабинет, казалось, был тесен ему, как костюм. В данную минуту он качался на задних ножках стула за столом, просматривая рекомендации Дэна, аккуратно собранные в голубую папочку. Затылком Кингсли почти касался основания простого деревянного креста, что висел на стене рядом с семейной фотографией. На фото более молодой и подтянутый Кингсли позировал со своей женой и тремя дочерьми в купальниках на каком-то пляже. С потолка чуть ли не в полную мощь грохотал шлягер «Виллидж Пипл» «УМСА», сопровождающийся

радостным топотом многих ног. Дэну представлялась огромная сороконожка. Только что из здешней парикмахерской и в ярко-красном трико девяти футов длиной.

— Угу, — бормотал Кингсли, — Угу... да... так-так-так.

На краю стола стояла стеклянная банка с леденцами. Не отрывая глаз от тонкой стопки рекомендаций Дэна, Кингсли снял крышку, выудил один леденец и закинул в рот.

— Угощайся, — сказал он.

— Нет, спасибо, — отказался Дэн.

Странная мысль посетила его. Давным-давно его отец, вероятно, сидел в такой же комнате и отвечал на вопросы управляющего «Оверлуком». О чем он тогда думал? Что ему в самом деле нужна работа? Что это его последний шанс? Может быть. Наверное. Но конечно же, Джек Торранс отвечал не только за себя. Дэн — нет. Он может поехать бродяжничать дальше, если тут не выгорит. Или попытать счастья в хосписе. Но... ему нравилась городская зона отдыха. Нравился поезд, превращавший взрослых обычного роста в Голиафов. Нравился Минитаун, абсурдный, веселый и будто храбрившийся, как положено уважающему себя маленькому американскому городку. И нравился Билли Фримэн, который сиял самую чуточку и наверняка сам не знал об этом.

Наверху песня «Я выживу» сменила «УМСА». И Кингсли, который как будто только и этого и ждал, сунул рекомендации Дэна обратно в папку и подвинул к нему.

«Сейчас он мне откажет».

Но за весь день, полный верных догадок, это оказалось первым промахом.

— Бумажки вроде в порядке, но сдается мне, что ты больше пришелся бы ко двору в Центральном госпитале Нью-Гэмпшира или у нас в хосписе. Может, тебя даже возьмут в сиделки для стариков — вижу, что у тебя есть несколько медицинских сертификатов по оказанию первой помощи. Пишут, ты умеешь обращаться с дефибриллятором. Слышал о сиделках на дому?

— Да. И я подумывал о хосписе. А потом увидел зону отдыха, Минитаун и поезд.

— Небось, самому хочется прокатиться пару раз за машиниста? — проворчал Кингсли.

— Нет, сэр. Не особенно, — без колебаний солгал Дэн. После признания о том, как ему хотелось бы взгромоздиться на сиденья из старого спорткара и взять в руки руль, разговор свернет на водительские права, а затем на причину, по которой он их потерял, а закончится

предложением закрыть дверь кабинета мистера Кейси Кингсли с той стороны. — Я больше по граблям и газонокосилкам.

— И по временным подработкам, если судить по этим бумагам.

— Скоро остепенюсь. От охоты к перемене мест я уже почти излечился.

«Интересно, — подумалось ему, — для Кингсли это прозвучало такой же брехней, как и для меня самого?»

— Ничего кроме временной подработки предложить не могу. — Сказал Кингсли. — Как только школьников распустят на лето...

— Билли мне говорил. Если в начале лета я решу остаться, попрошусь в хоспис. Я даже могу написать им заявление заранее, если только вы не отсоветуете.

— Мне в любом случае все равно, — Кингсли с интересом посмотрел на Дэна. — Тебя не напрягают умирающие?

«Там умирала твоя мать, — подумал Дэн. Похоже, сияние никуда не делось, и даже не думало гаснуть. — Ты держал ее за руку, пока она отходила. Ее звали Эллен».

— Нет, — ответил он. А потом почему-то добавил:

— Весь мир — это хоспис под открытым небом.

— Еще и философ. Что ж, мистер Торранс, думаю, я вас возьму. Суждению Билла я доверяю — в людях он редко ошибается. Не опаздывать, пьяным на работу не приходить, с красными глазами и благоухая травкой — тоже. Выкинете что-нибудь в этом духе — скатертью дорога, потому что в «Ривингтоне» в вашу сторону даже не посмотрят — это я гарантирую. Все ясно?

На мгновение Дэна охватило возмущение,

(настырный сукин сын)

но он подавил его. Кингсли играл на своем поле и по своим правилам.

— Кристально.

— Можешь приступать с завтрашнего дня, если тебе подходит. В городе сдается полно комнат. Могу лично сделать пару звонков, если хочешь. Наскребешь девяносто баксов до первой зарплаты?

— Да. Спасибо, мистер Кингсли.

Кингсли махнул рукой:

— На первое время я бы присоветовал «Ред Руф Инн». Мой бывший шурин там управляет, даст тебе скидку. По рукам?

— По рукам.

Как же быстро легли на место последние кусочки сложнейшей мозаики. Дэн велел себе не расслабляться по этому поводу.

Кингсли встал. Это был крупный мужчина, и вставал он медленно. Дэн тоже поднялся на ноги и, когда Кингсли протянул ему через стол свою лапищу, пожал ее. «Саншайн Бэнд» сообщал с потолка, что вот это другое дело, угу-угу, ага-ага.

— Ненавижу эти буги-пляски, — заметил Кингсли.

«Нет, — подумал Дэн, — неправда. Они напоминают тебе о дочери, той, с которой ты больше не общаешься. Потому что она тебя еще не простила».

— Ты в порядке? — спросил Кингсли. — Что-то ты бледный.

— Просто устал. Долго ехал в автобусе.

Сияние вернулось и горело ярко. Вопрос в том, почему сейчас?

7

После первых трех дней работы, которые Дэн провел, крася эстраду и убирая последние осенние листья, Кингсли торопливо пересек Крэнмор-авеню и сказал, что для него есть комната на Элиот-стрит. Отдельный санузел с ванной и душем. Восемьдесят пять в неделю. Дэн согласился.

— Сходи туда в обеденный перерыв, — сказал Кингсли. — Спросишь миссис Робертсон.

Он наставил на Дэнни палец, начинавший уже скрючиваться от артрита.

— И смотри у меня, не налажай, Солнечный Джим!^[3] Она мой старый друг. Помни, что я за тебя поручился на основании каких-то сомнительных бумажонок и интуиции Билли Фримэна.

Дэн сказал, что не налажает, но добавочная доза искренности, которую он постарался вложить в эти слова, прозвучала неубедительно даже для его собственных ушей. Он снова думал об отце, которому пришлось клянчить работу у богатого старого друга, потеряв пост профессора в Вермонте. Странно было сочувствовать человеку, который тебя чуть не убил, но он испытывал именно сочувствие. Считали ли люди необходимым говорить его отцу, чтобы он не налажал? Вероятно. И Джек Торранс все равно лажал. Феерически. На пять звезд. Пьянство, конечно, играло в этом свою роль, но когда падаешь, некоторые люди просто не могут не пройти по твоей спине и не поставить ногу тебе на шею, вместо того чтобы помочь подняться. Это паршиво, но в природе человеческой вообще много паршивого. Конечно, когда бегаешь среди задрипанных шавок, то видишь в основном лапы, когти и задницы.

— И попроси Билли найти тебе сапоги по размеру. Он припрятал несколько штук в сарае с оборудованием, хотя когда я их в последний раз видел, там была половина непарных.

День был солнечный, воздух — теплый. Дэн, работавший в джинсах и футболке «Ютика Блю Сокс», взглянул на почти безоблачное небо и потом — снова на Кейси Кингсли.

— Да, я все понимаю, но мы в горах, парень. Метеорологи обещают северо-восточный ветер и фут осадков. Это ненадолго — в Нью-Гэмпшире апрельский снег называют удобрением для бедных, — но при этом ожидается еще и ураганный ветер. Надеюсь, ты умеешь пользоваться пылесосом для снега не хуже, чем для листьев. — Он помолчал. — И надеюсь, спина у тебя в порядке, потому что завтра вам с Билли придется собрать немало упавших веток. А может, и распилить несколько упавших деревьев. С бензопилой управиться сможешь?

— Так точно, — отрапортовал Дэн.

— Хорошо.

8

Дэн и миссис Робертсон понравились друг другу. Она даже предложила ему угоститься сэндвичем с яичным салатом и кофе на общей кухне. Он принял предложение, ожидая обычных вопросов: что привело его во Фрейзер и где он жил раньше. На удивление, их не последовало. Вместо этого она спросила, не поможет ли он ей закрыть ставни на первом этаже на случай, как она выразилась, «если начнет задувать». Дэн согласился. У него было немного жизненных правил, но среди них имелось и такое: всегда будь в хороших отношениях с хозяйкой; никогда не знаешь, когда придется просить ее подождать с платой.

В парке Билли уже ждал его со списком поручений. Накануне они вдвоем сняли брезент со всех детских аттракционов. В этот вечер пришлось снова их закрыть, а также запереть все киоски и ларьки. И напоследок — завести «Рив» обратно в сарай. Потом они уселись на складные стулья возле станции Минитаун и закурили.

— Знаешь что, Дэнно? — сказал Билли. — Устал я как собака.

— Не ты один.

Но он чувствовал себя неплохо, как следует поразмявшись. Дэн и забыл, насколько приятней работать на свежем воздухе, когда ты не с похмелья.

Небо затянуло облаками. Билли взглянул на них и вздохнул.

— Хоть бы только мело и дуло не так сильно, как по радио обещали. Но это вряд ли. Я нашел тебе сапоги. С виду они не очень, но по крайней мере одинаковые.

Дэн взял сапоги с собой, когда отправился на другой конец города к своему новому жилищу. К тому времени ветер начал усиливаться, а небо — темнеть. Утром во Фрейзере было практически лето. А сейчас, вечером, в воздухе чувствовалась леденящая сырость грядущего снега. Боковые улочки были пустынные, дома застегнуты на все пуговицы.

Дэн свернул с Морхед-стрит на Элиот и остановился. По тротуару, подгоняемая ветром и окруженная россыпью прошлогодних листьев, неслась потертая шляпа-цилиндр, вроде тех, что носят фокусники. Или актеры в старой музыкальной комедии, подумал он. При виде нее мороз сковал его изнутри, потому что шляпы там не было. На самом деле — не было.

Он закрыл глаза, медленно сосчитал до пяти, чувствуя, как хлопают штанины джинсов на усиливающемся ветру, затем открыл глаза. Листья никуда не делись, но цилиндр исчез. Это сияние преподнесло ему очередное яркое, тревожащее и, как обычно, бессмысленное видение. Оно всегда усиливалось, когда он долго оставался трезвым, но никогда не было таким сильным, как после приезда во Фрейзер. Тут словно бы воздух был какой-то другой. С лучшей проводимостью для этих странных передач с планеты Гдетотам. Особенный.

«Так же, как был особенным „Оверлук“».

— Нет, — сказал он. — Нет, я так не думаю.

«Пара стаканчиков, и все исчезнет, как и появилось, Дэнни. Ты так не думаешь?»

К сожалению, именно так он и думал.

Окна комнаты Дэна на третьем этаже в обшарпанном викторианском особняке миссис Робертсон выходили на горы, что лежали к западу. Вид, без которого он вполне мог бы обойтись. Его воспоминания об «Оверлуке» с годами покрылись серым туманом, но как только он распаковал свои небогатые пожитки, воспоминания начали всплывать — как отвратительный органический артефакт (вроде разложившегося зверька, к примеру) со дна глубокого озера.

«Первый настоящий снег пошел в сумерках. Мы стояли на крыльце этого старого пустого отеля — папа в центре, мы с мамой по бокам. Он обнимал нас. Тогда все было хорошо. Он не пил. Сперва снежные хлопья падали совершенно отвесно, но потом налетел ветер, заноса снегом крыльцо и обочины „Оверлука“, исчезли и...»

Он попытался заблокировать этот момент, но безуспешно.

«...кусты живой изгороди в форме зверей. Те, что иногда двигались, когда на них никто не смотрел».

Он отвернулся от окна, чувствуя, как руки покрылись мурашками. У него был сэндвич, купленный в магазине «Красное яблоко», и он планировал перекусить им, когда начнет читать взятую там же книжку Джона Сэндфорда в мягкой обложке, но, откусив пару раз, Дэн завернул его и положил на подоконник, где сэндвич мог оставаться холодным. Позже доем, решил Дэн, хотя и не верил, что после девяти вечера будет долго бодрствовать. Хорошо, если сумеет одолеть сотню страниц.

Ветер снаружи усиливался. Время от времени он издавал вопли, от которых кровь стыла в жилах, и тогда Дэн отрывался от книжки и поднимал глаза. В половине девятого пошел снег, мокрый и тяжелый. Довольно быстро снег замел его окно, скрыв за собой горы. В каком-то смысле стало только хуже. В «Оверлуке» снег тоже замел окна. Сначала на первом этаже... потом на втором... и, наконец, на третьем.

После чего они оказались заперты с живыми мертвецами.

«Отец думал, что они сделают его управляющим. Все, что ему нужно было сделать — продемонстрировать преданность, отдав сына».

— Своего единственного сына, — пробормотал Дэн и оглянулся по сторонам, словно услышав кого-то еще. Он и в самом деле чувствовал, будто не один в комнате. Не совсем один. Ветер снова завыл за стеной, и Дэн вздрогнул.

«Еще не поздно вернуться в „Красное яблоко“ за бутылочкой крепкого. Успокоить все эти неприятные мысли».

Нет. Он будет читать книгу. Расследование вел Лукас Дэвенпорт, так что он будет читать книгу.

Он захлопнул ее в четверть десятого и лег в постель. «Не засну, — подумал он. — При таком-то ветре».

И все же заснул.

Он сидел в устье водостока, глядя на склон, покрытый кустами жесткой травы, на реку Кейп-Фир и мост через нее. Ночь была ясной, а луна — полной. Ни ветра, ни снега. И «Оверлук» тоже исчез. Даже если бы он не сгорел дотла во времена правления Арахисового Фермера, отель все равно находился в тысяче миль отсюда. Почему же тогда Дэн так испуган?

Потому что он не один, вот почему. Кто-то дышит ему в спину.

«Хочешь совет, лапочка»?

Голос был текучим, колеблющимся. Дэн почувствовал, как позвоночник начал холодеть. Ногам и без того было холодно, на коже высыпали звездочки мурашек. Он видел эти белые отметины, потому что был в шортах. Конечно, в шортах. Мозг взрослого человека по какой-то причине очутился в теле пятилетнего мальчишки.

«Лапочка. Кто...»

Он прекрасно знал, кто. Дэн сказал Дини, как его зовут, но она все время звала его «лапочкой».

«Ты не можешь этого помнить. Кроме того, это всего лишь сон».

Разумеется, сон. Он — во Фрейзере, штат Нью-Гэмпшир; спит под аккомпанемент весенней снежной бури за окнами гостиницы миссис Робертсон. Тем не менее, он чувствовал, что лучше бы ему не оборачиваться. Для собственной же безопасности.

«Обойдусь, — ответил он, глядя на реку и полную луну. — Я наслушался советов знатоков. Бары и парикмахерские ими кишат».

«Держись подальше от женщины в шляпе, лапочка».

Какой шляпе, мог он спросить, но зачем себя утруждать? Он знал, о какой шляпе речь, потому что видел, как ветер гонит ее по тротуару. Черная как грех снаружи, отделанная белым шелком внутри.

«Она — Сучья Королева Адова Замка. Если встанешь у нее на пути, сожрет живьем».

Он повернул голову — просто не мог с этим ничего поделать. Дини сидела позади него в водостоке, одеяло бездомного было обернуто вокруг ее белых плеч. Волосы прилипли к щекам. Раздутое лицо стекало вниз, глаза покрылись мутной пеленой. Она была мертва — возможно, уже не первый год.

Ты не настоящая, хотел сказать Дэн, но не произнес ни слова. Ему снова было пять лет, Дэнни снова было пять, и если «Оверлук» обратился в прах, то почему рядом сидит мертвая женщина, которую он обокрал?

«Все в порядке, — донеслись булькающие слова из ее опухшей глотки. — Я продала кокс. Разбодяжила сахаром и заработала две сотни».

Она ухмыльнулась, и сквозь ее зубы потекла вода.

«Ты мне нравился, лапочка. Вот почему я вернулась, чтобы тебя предупредить. Держись подальше от женщины в шляпе».

«Не настоящее лицо, — произнес Дэн голосом Дэнни — высоким, хрупким, ломающимся голосом ребенка. — Не настоящее лицо, его на самом деле нет».

Он зажмурился, как часто делал в «Оверлуке», если видел жуткие вещи. Женщина начала визжать, но Дэн не открывал глаз. Вопль продолжался, становясь то громче, то тише, и тут он понял, что это завывает ветер. Он не в Колорадо и не в Северной Каролине. У него был кошмар, но он уже закончился.

11

«Таймекс» показывал два часа ночи. В комнате было холодно, но руки и грудь Дэна покрылись липким потом.

«Хочешь совет, лапочка?»

— Нет, — ответил он. — Только не от тебя.

Она умерла.

Знать этого он никак не мог, но знал. Дини, в своей кожаной мини-юбке и пробковых сандалиях походившая на богиню Запада, умерла. Он даже знал, как именно. Проглотила таблетки, заколола волосы повыше, легла в ванну, полную теплой воды, заснула, соскользнула в воду, захлебнулась.

Ветер выл до жути знакомо, голосом, полным бессильной угрозы. Ветры дуют везде, но так они звучат только в горах. Словно какой-то сердитый бог лупит по миру воздушным молотом.

«Я называл его выпивку „Гадость“, — подумал Дэн. — Только иногда это Радость. Когда просыпаешься от кошмара, и знаешь, что по меньшей мере на пятьдесят процентов это сияние, выпивка — это Радость с большой буквы».

Стакан помог бы ему уснуть. Три — гарантировали бы не просто сон, а сон без сновидений. Сон — природный доктор, и как раз в эту минуту Дэн Торранс чувствовал себя больным и нуждался в сильнодействующем лекарстве.

«Все закрыто. Повезло тебе».

Что ж. Возможно.

Он повернулся на бок, и при этом что-то завозилось у него за спиной. Нет, не что-то. Кто-то. Кто-то забрался к нему в постель. Дини забралась к

нему в постель. Разве что этот кто-то был слишком маленьким для Дини. Больше похоже на...

Кое-как Дэн выбрался из кровати, грузно рухнул на пол и оглянулся через плечо. Это был маленький сынишка Дини — Томми. Справа его череп был проломлен. Осколки кости торчали сквозь пропитанные кровью светлые волосенки. Мерзкая серая слизь — мозги — засыхала на его щеке. Он никак не мог оставаться в живых с такой ужасающей раной, но все же был жив. Мальчик протянул к Дэну раскрытую ладонь, похожую на морскую звезду.

— Сахав, — сказал он.

Вой возобновился, но теперь выл не ветер и не Дини.

На этот раз завыл Дэн.

12

Когда Дэн проснулся вторично — на этот раз по-настоящему, — он уже не выл, только что-то тихо рычало у него в груди. Дэн сел, хватая ртом воздух; одеяло сбилось вокруг него. В постели больше никого не было, но сон еще не развеялся окончательно, и простого осмотра было недостаточно. Он откинул одеяло, и все равно этого было мало. Он провел руками по простыне — не сохранила ли она тепло или вмятину от маленькой попки. Ничего. Конечно, ничего. Тогда он заглянул под кровать и увидел всего лишь пару взятых взаймы сапог.

Теперь ветер ослаб. Метель еще не кончилась, но шла на убыль.

Он двинулся в ванную, потом резко обернулся, словно пытаясь застать кого-то врасплох. Просто кровать, одеяло валяется на полу у изножья. Он зажег над раковиной свет, сполоснул лицо холодной водой и сел на закрытую крышку унитаза, делая один глубокий вздох за другим. Решил было взять сигарету из пачки рядом с книжкой на столике, но ноги были как ватные, и он не был уверен, что они его выдержат. Пока, по крайней мере. Так что пока лучше посидеть. Ему была видна кровать, и кровать эта была пуста. Вообще вся комната была пуста. С этой стороны никаких проблем.

Вот только... она не казалась ему пустой. Пока еще нет. Когда это пройдет, решил он, тогда и вернусь в кровать. Но спать не буду. На сегодня сон исключался.

За семь лет до этого, работая санитаром в больнице в Талсе, Дэн подружился с пожилым психиатром, у которого был неизлечимый рак печени. Однажды, когда Эмиль Кеммер рассказывал (не особенно заботясь о сохранении врачебной тайны) про самые интересные случаи из своей практики, Дэн признался ему, что с детства страдал от «двойных снов», как он их называл. Знакомо ли Кеммеру это явление? Существует ли для него термин?

Кеммер в расцвете лет был крупным мужчиной, о чем свидетельствовало старое черно-белое свадебное фото, стоявшее у него на тумбочке, но рак — самая радикальная из диет, и в день, когда состоялся этот разговор, его вес примерно равнялся возрасту: девяносто один. Однако ум его оставался ясным, и сейчас, сидя на закрытой крышке унитаза и прислушиваясь к утихающей буре, Дэн вспомнил лукавую улыбку старика.

— Обычно, — сказал он со своим ужасным немецким акцентом, — мне платят за диагностику, Дэниел.

Дэн ухмыльнулся.

— Ну, значит, мне не повезло.

— Не обязательно.

Кеммер пристально смотрел на Дэна. Глаза у него были ярко-голубые. Хотя Дэн понимал, как это чудовищно несправедливо, но не мог не представлять эти глаза под каской Ваффен-СС, похожей на ведро для угля.

— В этом доме смерти поговаривают, что у вас есть талант — вы помогаете людям умирать. Это правда?

— Иногда, — осторожно ответил Дэн. — Не всегда.

На самом деле — почти всегда.

— Вы поможете мне, когда придет время?

— Конечно. Если смогу.

— Хорошо. — Кеммер уселся в постели — трудоемкий и болезненный процесс, но когда Дэн дернулся ему помочь, тот отмахнулся. — То, что вы называете двойными снами, хорошо известно психиатрам и представляет особый интерес для юнгианцев, которые называют это ложным пробуждением. Первое сновидение — обычно осознанное, то есть спящий знает, что он спит...

— Да! — воскликнул Дэн. — Но второе...

— Спящий считает, что бодрствует, — сказал Кеммер. — Юнг

придавал этому большое значение и даже приписывал этим снам пророческую силу... но мы-то знаем, что это не так, верно, Дэн?

— Конечно, — согласился Дэн.

— Поэт Эдгар Аллан По описал явление ложного пробуждения задолго до Юнга. Он пишет, «Все, что в мире зримо мне или мнится, — сон во сне». ^[4] Я ответил на ваш вопрос?

— Пожалуй, да. Спасибо.

— Не за что. А теперь я, пожалуй, выпью сока. Яблочный, если можно.

14

«Пророческую силу... но мы-то знаем, что это не так».

Даже если бы Дэн и не скрывал свое сияние от всех на протяжении многих лет, он не отважился бы противоречить умирающему... особенно с такими пытливыми голубыми глазами. Правда в том, что хотя бы один (а то и оба) из его двойных снов были в некотором роде пророческими, но Дэн либо понимал такие пророчества только наполовину, либо не понимал их вовсе. Но теперь, сидя на унитазе в одних трусах и дрожа всем телом (не только от холода), он понял гораздо больше, чем ему бы хотелось.

Томми умер. Скорее всего, от руки своего жестокого дяди. А вскоре после этого его мать покончила с собой. Что же до остальной части сна... или той призрачной шляпы, которая сегодня катилась по тротуару...

«Держись подальше от женщины в шляпе. Она Сучья Королева Адова Замка».

— Меня она не волнует, — сказал Дэн.

«Встанешь у нее на пути — сожрет живьем».

Но Дэн не собирался с ней встречаться, а уж вставать на пути — так тем более. Что касается Дини, то за ее бешеного братца и запущенного ребенка он ответственности не несет. Теперь на Дэне даже не лежал груз вины за украденные семьдесят баксов; Дини продала кокаин — в правдивости этой части сна Дэн не сомневался, — так что они были квиты. Более чем.

Что его волновало, так это где достать выпивку. Да чего уж там: не просто достать, а нажраться в хлам. Конечно, чувствовать теплый солнечный свет по утрам было приятно. Приятно было чувствовать усталость в натруженных мышцах. Не испытывать похмелья по утрам тоже было приятно. Но цена — все эти безумные сны и видения, не говоря уже о залетных (и непрощенных) мыслях чужачков, — была слишком высока.

Так высока, что не вынести.

Он сидел на единственном в комнате стуле и читал роман Джона Сэндфорда в свете единственной в комнате лампы до тех пор, пока в семь утра не зазвонили колокола двух городских церквей. Потом надел свои новые (для него, во всяком случае, они были новыми) сапоги и дафлкот и вышел наружу, в мир, который изменился и стал мягче. Все острые углы исчезли, снег еще сыпал, но уже гораздо тише.

«Мне нужно убраться отсюда и вернуться во Флориду. В жопу Нью-Гэмпшир, где даже Четвертого июля, должно быть, валит снег».

Ему ответил голос Хэллоранна — тем же тоном, каким он разговаривал с ним в детстве, когда Дэн еще был Дэнни, но теперь к нему добавились стальные нотки. «Уж лучше тебе осесть где-нибудь, иначе ты вообще не сможешь остановиться».

«И тебя в жопу, старик», пробормотал он.

Он пошел назад, к «Красному яблоку», поскольку магазины, продающие крепкое спиртное, не откроются еще по меньшей мере час. Пытаясь определиться, он медленно расхаживал между холодильником с пивом и холодильником с вином, потом решил, что если уж ему нужно надраться, то сделать это нужно максимально мерзким способом. Вытащив две бутылки «Тандербёрд» (восемнадцать градусов, отличная замена виски, если оно временно вне досягаемости), Дэн было направился к кассе, но остановился.

«Потерпи еще один день. Дай себе последний шанс».

Он мог бы, но зачем? Чтобы снова проснуться в постели с Томми, которому кто-то снес половину черепа? В следующий раз это может оказаться и Дини, пролежавшая в ванной комнате два дня, прежде чем управляющий устал стучать в дверь и отпер ее своим ключом. Дэн не мог этого знать, и Эмиль Кеммер, будь он здесь, с этим бы горячо согласился, и все же он знал. Знал. Так какого черта?

«Может, эта гиперчувствительность пройдет. Может, это лишь временный эффект, этакая экстрасенсорная белая горячка. Может, если ты дашь себе еще немного времени...»

Но время меняется. Факт, который в полной мере осознают лишь алкоголики и наркоманы. Когда ты не можешь заснуть, когда боишься обернуться в страхе от того, что можешь увидеть, время растягивается и

скалит острые зубы.

— Вам помочь? — спросил продавец, и Дэн знал,
(долбаное сияние долбаная хрень)

что заставляет его нервничать. Почему бы и нет? Растрепанные волосы, круги под глазами, вялый и неуверенный шаг — Дэн наверняка походил на торчка, который раздумывает, а не достать ли ему пушку и потребовать содержимое кассы.

— Нет, — ответил он. — Я только что обнаружил, что забыл бумажник.

Дэн вернул зеленые бутылки в холодильник. Когда он его закрыл, бутылки сказали ему ласково, как старые друзья: до встречи, Дэнни.

16

Закутанный до бровей Билли Фримэн уже поджидал его. Он протянул Дэну старомодную лыжную маску с вышитой на ней эмблемой «Эннистонских Циклонов».

— Что еще за «Циклоны»? — полюбопытствовал Дэн.

— Эннистон находится в двадцати милях к северу от нас. В футболе, баскетболе и бейсболе они наши главные соперники. Если кто-то увидит тебя в этой маске, то запустит в голову снежком, но другой у меня просто не было.

— Ну тогда вперед, «Циклоны»! — натянув маску, сказал Дэн.

— Трахал я тебя и лошадь твою, — огрызнулся Билли, осматривая его. — У тебя все нормально, Дэнно?

— Ночью не очень-то спалось.

— Да уж. Чертов ветер развылся не на шутку, правда? Напомнил мне мою бывшую, когда я заикнулся о ночи бурной любви. Ну что, готов к работе?

— Более-менее.

— Тогда поехали. У нас сегодня тяжелый день.

17

День действительно оказался тяжелым, но к полудню из-за туч показалось солнце, и температура снова перевалила за пятьдесят градусов. Снег таял, и Минитаун наполнился журчанием сотен маленьких

водопадиков. С повышением температуры у Дэна улучшилось настроение, и он даже не заметил, как начал напевать («Парень! Я был точно таким!»), следуя взад-вперед за своим снегоочистителем по стоянке небольшого торгового центра около городского парка. Над головой у него хлопал на ветру плакат, который обещал «уйму товаров по мини-ценам». Днем ветерок скорее шептал, а не завывал, как ночью.

Видений не было.

После работы Дэн потащил Билли в «Повозку Чака» и заказал им по бифштексу. Билли предложил купить пива. Дэн покачал головой.

— Держусь подальше от алкоголя. А то если начну, то вряд ли смогу остановиться.

— Тебе стоит поговорить с Кингсли, — сказал Билли. — На этой почве он пятнадцать лет назад развелся с женой. Сейчас-то он в порядке, но его дочь до сих пор с ним не разговаривает.

За ужином они пили кофе. Много кофе.

В свое логово на третьем этаже особняка на Элиот-стрит Дэн вернулся сытым, усталым и, к своей радости, трезвым. Телевизора у него не было, зато был недочитанный роман Сэнфорда, в который он и погрузился на пару часов. Одним ухом Дэн прислушивался к ветру, но тот не усиливался. Кажется, вчерашний ураган стал финальным зимним аккордом. Дэна это устраивало. В десять он лег в постель и почти сразу заснул. Утренний визит в «Красное яблоко» казался теперь каким-то наваждением, словно бы он пошел туда в приступе лихорадки, которая теперь уже прошла.

Дэн проснулся посреди ночи, но не из-за ветра, а от дикого желания пописать. Встав с кровати, он прошаркал в ванную и включил свет.

В ванне стоял цилиндр. Он был полон крови.

— Нет, — сказал Дэн. — Это сон.

Или двойной сон. Или тройной. Может, даже четверной. Эмилю Кеммеру Дэн тогда рассказал не все. Он умолчал о своем страхе, что когда-нибудь он просто потеряется в этом сонном лабиринте, а пути назад уже не найдет.

«Все, что в мире зримо мне или мнится, — сон во сне».

Да только все это настоящее. Как и сам цилиндр. Его бы не увидел никто, кроме Дэна, но это ничего не меняло. Цилиндр настоящий. Дэн знал:

где-то в мире он есть.

Уголкем глаза Дэн увидел какую-то надпись на зеркале над раковиной. Сделанную помадой.

«Нельзя мне на нее смотреть».

Поздно. Голова уже поворачивалась; Дэн слышал дверной скрип шейных сухожилий. Да и какая разница? Ведь Дэн и так знал, что там написано. Миссис Мэсси сгинула, как и Хорас Дервент: они томились в шкапулках-сейфах, спрятанных в недрах его разума. Но «Оверлук» еще с ним не закончил. На зеркале не помадой, а кровью было начертано одно единственное слово:

ТРЕМС.

Под надписью, в раковине, валялась окровавленная футболка «Храбрецов».

«Конца этому не будет, — подумал Дэнни. — „Оверлук“ сгорел дотла, а самые страшные из его порождений рассованы по сейфам. Но засунуть в сейф сияние я не могу, потому что оно не просто во мне: оно — это я. Если я не буду заглушать его выпивкой, то видения будут преследовать меня до тех пор, пока не сведут с ума».

Дэн смотрел на свое отражение в зеркале. Надпись «ТРЕМС» алела на фоне его лба, словно клеймо. Нет, не сон это. В раковине валялась футболка убитого ребенка, а в ванне стоял наполненный кровью цилиндр. Безумие надвигалось. Дэн уже видел его в своих выпученных глазах.

И тут, словно луч фонарика во тьме, Дэн услышал голос Хэллоранна: «Сынок, ты многое видишь, но эти видения — они как картинки в книжке. В „Оверлуке“ ты не был беспомощным ребенком, не беспомощен ты и сейчас. Наоборот. Закрой глаза, а когда откроешь — вся эта дрянь исчезнет».

Дэн закрыл глаза. Он попытался отсчитывать секунды, но водоворот мыслей в голове дал ему добраться лишь до четырнадцатой. Он уже представил, как руки неведомого хозяина цилиндра смыкаются у него на горле. Но глаз Дэн не открыл. Он ждал. Идти-то все равно было некуда.

Наконец, набравшись храбрости, Дэн открыл глаза. Ванна опустела. Раковина — тоже. Исчезла и надпись.

«Оно еще вернется. В следующий раз это будут ее пробковые сандалии. Или я увижу в ванной ее саму. Почему бы и нет? Ведь миссис Мэсси я тоже увидел в ванной, а умерли они одинаково. Только вот денег у миссис Мэсси я не крал и тайком от нее не смывался».

— Я дал себе еще один день, и я продержался, — сообщил он пустой комнате. — Уже что-то.

Да, и хотя на работе день выдался тяжелый, это был хороший день, что Дэн с радостью и признавал. Днем все было тип-топ, а вот ночью...

Разум — школьная доска. А выпивка — тряпка.

Дэн лежал без сна до шести утра. Потом он оделся и снова отправился в «Красное яблоко». На этот раз он не колебался, только вместо двух бутылок «Бёрд» взял из холодильника три. Как там говорится? Воровать — так миллион. Продавец сложил бутылки в пакет без комментариев; он привык к ранним пташкам, покупающим вино. Дэн дошел до парка, уселся на одну из скамеек в Минитауне и вытащил из пакета одну из бутылок, глядя на нее, как Гамлет на череп Йорика. Сквозь зеленое стекло содержимое было больше похоже на крысиный яд, чем на вино.

— Можно подумать, это плохо, — сказал Дэн и отвинтил крышку.

На этот раз заговорила его мать. Венди Торранс, которая докурилась до смерти. Потому что когда самоубийство — единственный выход, можно по крайней мере самому выбрать оружие.

«И вот этим все закончится, Дэнни? Все было ради этого?»

Он повернул крышку против часовой стрелки. Потом завинтил ее. Потом снова крутанул в обратную сторону. На этот раз он ее снял. От вина пахло кислятиной — запах музыки из музыкальных автоматов, дерьмовых баров и бессмысленных ссор, за которыми следовали драки на парковке. В конце концов, жизнь — такая же глупость, как эти драки. Мир — это не хоспис под открытым небом; мир — это отель «Оверлук», где вечеринка никогда не заканчивается. Где мертвые остаются живыми навсегда. Он поднес бутылку к губам.

«И для этого мы так боролись, чтобы выбраться из того проклятого отеля, Дэнни? Для этого так старались построить для себя новую жизнь?» В ее голосе не было упрека — только печаль.

Дэнни снова завернул крышку. Потом открутил. Завернул. Открутил.

Он подумал: «Если я выпью, „Оверлук“ победит. Несмотря на то, что отель сгорел дотла, когда взорвался бойлер, — он победит. Если я не выпью, я сойду с ума».

Он подумал: «Все, что в мире зримо мне или мнится, — сон во сне».

Он все еще крутил крышку туда-сюда, когда его обнаружил Билли Фримэн, проснувшийся спозаранку от смутного тревожного ощущения, что случилось что-то плохое.

— Ну что, Дэн, ты выпьешь или так и будешь дробить?
— Выпью, наверно. А что еще делать?
И Билли сказал ему, что.

Когда в четверть девятого утра Кейси Кингсли пришел на работу, он не очень удивился при виде нового подчиненного, сидящего у двери его кабинета. Не удивило Кингсли и то, что в руках у Торранса была бутылка. Торранс свинчивал с нее крышечку и тут же закручивал обратно. Да и чего удивляться, если у парня с самого начала был этот ошарашенный, устремленный вдаль взгляд, который бывает у завсегдатаев винных магазинов.

Билли Фримэн сиял слабее Дэна — несравнимо слабее, — но и простой искоркой дело у него не ограничивалось. В первый же день он позвонил Кингсли из сарая с оборудованием, как только Дэн направился через дорогу к муниципальному зданию. Есть тут один парень, который ищет работу, сказал тогда Билли. С рекомендациями у парня не очень, но Билли считал, что тот сгодится ему в помощники до Дня поминовения. Кингсли, который уже давно научился доверять Билловой интуиции, согласился. «Нанять нам в любом случае кого-то придется», сказал он.

Ответил Билли довольно необычно, но ведь Билли и сам-то был необычным. Однажды, два года назад, он вызвал «скорую» за пять минут до того, как какой-то малыш свалился с качелей и разбил себе голову.

«Мы ему нужны больше, чем он нам», сказал тогда Билли.

И вот парень здесь. Сидит, наклонившись вперед, словно в очередном автобусе или за барной стойкой, а винищем несет на весь коридор. Кингсли, у которого выработалось чутье гурмана на подобные запахи, без труда определил пойло. «Тандербёрд». Как в той салунной присказке: «Кто идет? — „Тандербёрд“! А цена? — Пей до дна!» Но когда Торранс посмотрел на Кингсли, тот увидел в глазах парня одно лишь отчаяние.

— Меня к вам Билли послал.

Кингсли промолчал. Он видел, что парень борется, собираясь с мыслями. Это было видно по его глазам; по загнутым книзу уголкам рта; но в основном по тому, как парень держал бутылку: он ее любил, ненавидел и нуждался в ней одновременно.

Наконец, Дэн выдавил из себя слова, от которых бежал всю жизнь.

— Мне нужна помощь.

Он провел рукой по глазам. Кингсли нагнулся и ухватился за бутылку. Мгновение парень держался за нее... потом отпустил.

— Тебе тошно. Ты устал, — сказал Кингсли. — Это я вижу. И не надоело тебе тошниться?

Дэн посмотрел на него. Горло ходило ходуном. Наконец, пересилив себя, он сказал:

— Вы даже не представляете, насколько.

— Может, и представляю. — Из своих огромных брюк Кингсли достал огромную связку ключей. Один из них он вставил в замок двери с надписью «Муниципальная служба Фрейзера» на матовом стекле. — Заходи. Давай поговорим.

Глава вторая

ДУРНЫЕ ЧИСЛА

1

Пожилая поэтесса с итальянским именем и совершенно американской фамилией держала на коленях спящую правнучку и смотрела видео, которое муж ее внучки снял три недели назад в родильном зале. Видео начиналось с заставки «Абра появляется на свет!» Изображение дергалось, и Дэвид старался, чтобы ничего медицинского не попало в кадр (слава тебе, Господи), но Кончетта Рейнольдс видела взмокшие от пота волосы Люции, прилипшие ко лбу, и слышала ее вопль «Да тужусь я!» в ответ на увещевания сестры тужиться, и заметила капельки крови на голубой простыне — не слишком много, но достаточно для того, чтобы собственная бабушка Четты сказала: «Все по-честному». Но, разумеется, не по-английски.

Камера дернулась, когда в кадре наконец появился младенец, и Кончетта почувствовала, как бегут по спине и рукам мурашки от крика Люси: «У нее нет лица!»

Дэвид, сидевший сейчас рядом с Люси, фыркнул. Потому что, конечно же, у Абры было личико, и очень миленькое. Четта опустила глаза, словно для того, чтобы самой в этом удостовериться. Когда она снова подняла их на экран, новорожденную уже передавали на руки матери. Спустя еще тридцать-сорок секунд беспрестанного дерганья появилась еще одна карточка: «С днем рождения, Абра Рафаэлла Стоун!»

Дэвид нажал на пульте кнопку СТОП.

— Ты — одна из немногих, кто вообще это когда-нибудь увидит, — категорически заявила Люси. — Стыд какой.

— Прекрасное видео, — сказал Дэйв. — И уж кто-кто, а сама Абра точно его посмотрит.

Он покосился на жену, сидевшую рядом с ним на диване.

— Когда достаточно подрастет. И если ей захочется, конечно.

Он похлопал Люси по колену, потом улыбнулся бабушке жены, женщине, которую он уважал, хоть и недолго любил:

— А до того момента запись будет лежать в банковском сейфе вместе со страховкой, документами на дом и миллионами, которые я заработал на

продаже наркотиков.

Кончетта улыбнулась, чтобы показать, что шутку поняла, но лишь слегка — дабы продемонстрировать, что находит ее не особенно смешной. Абра все спала и спала у нее на коленях. «В каком-то смысле все дети рождаются в рубашке, — подумала Кончетта, — их личики скрыты за завесой тайны и будущих возможностей. Может быть, стоит написать об этом. А может быть, и нет».

Кончетта приехала в Америку в возрасте двенадцати лет и английским владела превосходно — что неудивительно, ведь она была выпускницей Вассара и профессором (уже в отставке) именно этого языка, — но в душе ее были живы все суеверия и бабушкины сказки. Иногда они отдавали ей команды, и при этом всегда говорили по-итальянски. Четта была уверена, что большинство представителей мира искусства — хорошо адаптированные шизофреники, и что она сама не является исключением. Она знала, что суеверия — это чепуха; и все же плевала между пальцев, если дорогу ей переходила черная кошка или ворона.

Большей частью она была обязана этой шизофренией «Сестрам Милосердия». Сестры верили в Бога, верили в божественную природу Иисуса, верили, что зеркала суть колдовские озера, и что у девочки, которая слишком долго в них смотрится, вырастут на лице бородавки. Именно эти женщины руководили жизнью Кончетты с семи лет и до двенадцати. За поясом они носили линейки — не для того, чтобы что-то измерять, а чтобы лупить ими, — и не могли спокойно видеть детского уха, не испытывая желания его надрать.

Люси протянула руки к малышке. Четта не без сожаления отдала ее. Девочка была просто чудо как хороша.

В двадцати милях к юго-востоку от Абры, спящей на руках Кончетты Рейнольдс, на собрании общества Анонимных Алкоголиков Дэн Торранс слушал какую-то корову, нудевшую о сексе со своим бывшим. Кейси Кингсли велел ему посетить девяносто собраний за девяносто дней, и эта полуденная встреча в подвале методистской церкви Фрейзера была восьмой по счету. Дэн сидел в первом ряду — еще один приказ Кейси, известного в этих кругах как Большой Кейси.

«Те, кто хочет исцелиться, сидят в первом ряду, Дэнни. Задний ряд на встречах АА у нас называется Проходом несознанки».

Кейси же дал ему блокнотик с фотографией на обложке, на которой океанские волны разбивались о скалистый мыс. Над фотографией был напечатан девиз, который Дэн понимал, но не особенно любил: «Большой путь начинается с первого шага».

— Будешь отмечать в этом блокноте все собрания, на которых побывал. И смотри, будь готов по первой моей просьбе достать его из заднего кармана и продемонстрировать идеальную посещаемость.

— Уж и поболеть нельзя?

Кейси расхохотался:

— А ты и так каждый день болеешь: ты проспиртованный алкаш. Хочешь знать, что сказал мне мой куратор?

— По-моему, вы уже говорили. Фарш обратно не прокрутишь, так?

— Ты не умничай, а слушай.

— Я слушаю, — вздохнул Дэн.

— Тащишь свою жопу на собрание, — продолжил Кейси, — а если она у тебя по дороге отвалится, сложишь в кулечек и с собой понесешь.

— Как мило. А если я просто забуду?

Кейси пожал плечами:

— Тогда найдешь себе другого куратора, такого, который верит в забывчивость. Я — нет.

Дэн, чувствовавший себя хрупкой безделушкой, только что подкатившейся к краю очень высокой полки, и готовой грохнуться на пол, не хотел ни другого куратора, ни каких-либо перемен вообще. Он был в полном порядке, но чувствовал себя уязвимым. Очень уязвимым. Чуть ли не лишенным кожи. Видения, терзавшие его сразу после приезда во Фрейзер, сошли на нет, и хотя он часто думал о Дини и ее малыше, эти мысли были не такими болезненными. В конце почти каждого собрания АА кто-нибудь читал Зароки. Один из них звучал так: «Мы не будем жалеть о прошлом, но и оставлять его за закрытой дверью не хотим». Дэн подумал, что никогда не перестанет жалеть о прошлом, но хотя бы прекратил попытки закрыть дверь. Что толку, если она все равно снова распахнется? У этой сволочи нет даже щеколды, не говоря уж о замке.

Сейчас он принялся выводить одно-единственное слово на странице подаренного Кейси блокнотика. Аккуратными печатными буквами. Он не имел ни малейшего представления о том, что делает или что это значит. И слово это было «АБРА».

Тем временем ораторша подошла к концу своего отчета и разрыдалась, объявив сквозь слезы, что хотя ее бывший — дерьмо, и она по-прежнему его любит, она все же благодарна за то, что не сбилась с пути трезвости.

Дэн поаплодировал ей вместе с остальными завсегдатаями дневных собраний, а потом принялся закрашивать буквы ручкой. Обводить их. Делать более заметными.

«Знакомо ли мне это имя? Кажется, да».

Когда заговорил следующий выступающий, а сам Дэн подошел к кофейнику налить себе кофе, до него дошло. Аброй звали девушку из романа Джона Стейнбека «К востоку от рая». Он читал его... не мог вспомнить где. Где-то. Не важно.

Другая мысль

(ты ее сохранила?)

всплыла на поверхность сознания как пузырек воздуха из глубины и лопнула.

Сохранила что?

Фрэнки П., старейший из завсегдатаев обеденных собраний, взявший на себя роль председателя, спросил, кто хочет раздавать фишки. Когда никто не поднял руку, Фрэнки ткнул пальцем:

— Может, ты, затаившийся у столика с кофе?

Смущаясь, Дэн вышел вперед, надеясь, что не забыл порядок фишек. Первая — белая для начинающих — у него уже была. И когда он взял в руки потертую жестянку из-под печенья, в которую были ссыпаны фишки и медальоны, эта мысль возникла опять.

«Ты ее сохранила?»

3

В тот день Верные, перезимовавшие в трейлерном парке в Аризоне, подхватились и потянулись обратно на восток. Они двигались по шоссе 77 к Шоу-Лоу, как обычно выстроившись караваном из четырнадцати кемперов и нескольких прицепов, причем сзади у некоторых были прикреплены складные стулья или велосипеды. Здесь были «Саутвинды» и «Виннебаго», «Монако» и «Баундеры». Колонну возглавлял «Эрскрузер» Розы — на семьсот тысяч долларов импортной стали, лучший трейлер из тех, что можно купить за деньги, — двигавшийся со скоростью всего лишь 55 миль в час.

Торопиться некуда. Времени было навалом. До пиршества оставались еще целые месяцы.

— Ты ее сохранила? — спросила Кончетта у Люси, когда та распахнула блузку и предложила ребенку грудь. Эбби сонно моргнула, соснула пару раз и потеряла к груди всякий интерес. Четта подумала: «Когда соски начнут болеть, ты будешь кормить ее только если попросит. Во всю мощь своих легких».

— Сохранила что? — спросил Дэвид.

Люси поняла.

— Я отключилась, едва мне отдали малышку. Дэйв говорит, что я чуть не выронила ее. Не было времени, Момо.

— А, эта склизкая дрянь на лице, — пренебрежительно произнес Дэвид. — Они отлепили ее и выбросили. Правильно сделали, я считаю.

Он улыбался, но в глазах был вызов. «Лучше закрыть тему, — говорили они. — Ты сама это знаешь».

Она знала... и все же сомневалась. Неужели и в молодости она так же не могла определиться? Четта не помнила, хотя, похоже, не забыла ни одной лекции по «Святым таинствам» и бесконечным адским мукам, что читали «Сестры милосердия», эти бандитки в черном. История о девочке, которая была наказана слепотой за то, что подглядывала за голым братом в ванной. История о мужчине, который упал замертво из-за того, что оскорбил Папу Римского.

«Отдайте их нам, пока они маленькие, и уже не имеет значения, сколько классов они закончат с отличием или сколько поэтических сборников выпустят — пусть даже один из этих сборников соберет все возможные литературные премии. Отдайте их нам, пока они маленькие, и они наши навеки».

— Тебе нужно было сохранить *il amnio*. Это знак удачи.

Она обращалась к своей внучке, полностью игнорируя Дэвида. Он хороший человек, прекрасный муж для ее Лючии, но пошел он нахер со своим пренебрежением. И дважды нахер — с этим вызовом в глазах.

— Я бы сохранила, но у меня не было никакой возможности, Момо. А Дэйв не знал.

Она снова застегнула блузку.

Четта наклонилась к Абре и коснулась ее нежной щеки кончиком пальца — старая плоть встретилась с новой.

— Есть поверье, что рожденные с *il amnio* обладают двойным зрением.

— Вы же не верите в это, правда? — спросил Дэвид. — «Рубашка» —

всего лишь часть околоплодного мешка. Она...

Он говорил что-то еще, но Кончетта не слушала. Абра открыла глаза. В них была целая вселенная поэзии, строчки слишком прекрасные, чтобы их записать... или даже запомнить.

— Забудь, — сказала Кончетта. Она подняла ребенка и поцеловала в макушку, где пульсировал родничок, а совсем рядом, прямо под ним, таилась магия разума. — Что сделано, то сделано.

5

Как-то ночью, спустя где-то пять месяцев после почти ссоры из-за Абриной «рубашки», Люси приснилось, что ее дочь плачет — плачет так, что сердце разрывается. В этом сне Эбби находилась не в хозяйской спальне дома на Ричланд-корт, а в каком-то длинном коридоре. Люси побежала на звук плача. Сначала по обеим сторонам коридора появились двери, затем — сиденья, синие, с высокими спинками. Она была в самолете... или, может, в поезде. Казалось, она пробежала несколько миль, прежде чем оказалась перед дверью в ванную комнату. Плач доносился оттуда. Плач не от голода, а от страха. Возможно даже,

(Господи, святая Дева Мария)

от боли.

Люси жутко боялась, что дверь окажется запертой, и ей придется ее выбить — разве не это всегда происходит в кошмарах? — но ручка повернулась, и дверь открылась. Новый страх пронзил ее: что если Абра провалилась в унитаз? О таком то и дело пишут в газетах. Новорожденные в туалетах, новорожденные в мусорных контейнерах. Что если она упала в эту жуткую стальную чашу и сейчас захлебывается голубой дезинфицированной водой?

Но Абра лежала на полу. Она была голая. Глаза, полные слез, смотрели на мать. На груди — похоже, кровью — было начертано число 11.

6

Дэвиду Стоуну снилось, будто он бежит на плач дочки по бесконечному эскалатору, который двигался — медленно, но неумолимо — в противоположную сторону. Хуже того, эскалатор находился в торговом центре, который горел. Он бы задохнулся задолго до того, как добрался до

вершины, но то был странный пожар — без дыма, один лишь огонь. Других звуков, кроме криков дочки, он не слышал, хотя и мог различить людские фигуры, пылающие, как пропитанные керосином факелы. Когда Дэйв наконец поднялся наверх, он увидел Абру, лежащую на полу, словно брошенный кем-то мусор. Вокруг нее метались мужчины и женщины, не замечая девочки, и никто из них, несмотря на пламя, даже не пытался воспользоваться эскалатором, хотя тот исправно ехал вниз. Они просто бесцельно бегали во всех направлениях, точно муравьи, чей муравейник разворошила фермерская борона. Одна женщина в туфлях на шпильках едва не наступила на его дочь, что почти наверняка убило бы ее.

Абра лежала голой. На ее груди было написано число 175.

7

Стоуны проснулись одновременно, убежденные, что доносящийся до них плач — отголосок минувшего сна. Однако это было не так: плач раздавался на самом деле. Это что есть мочи вопила Эбби в своей колыбельке под мобилем с героями «Шрека» — глаза широко распахнуты, маленькие кулачки сжаты.

Не успокоили ее ни смена подгузников, ни материнская грудь, ни мили кругов по коридору и примерно тысячу раз спетая «Спи, моя радость, усни». В конце концов, испуг Люси — Эбби была ее первенцем, и она находилась на грани истерики, — заставил ее позвонить Кончетте в Бостон. Несмотря на то, что там было два часа ночи, Момо сняла трубку после второго гудка. В восемьдесят пять лет ее сон был столь же хрупок, как и кожа. Она больше прислушивалась к крикам правнучки, чем к словам растерянной Люси, перечислявший все, чем она пыталась успокоить дочь. Затем Кончетта задала несколько вопросов по существу:

— У нее есть жар? Ушко не теребит? Не подергивает ногами, словно хочет сходить по-большому?

— Нет, — ответила Люси. — Ничего такого. Слегка горячая от крика, но не думаю, что это жар. Момо, что делать?

Четта, уже сидевшая за своим столом, не колебалась.

— Дай ей еще пятнадцать минут. Если она не перестанет плакать и по-прежнему будет отказываться от груди, вези в больницу.

— В какую? «Бригхэм энд Виминс»? — Это было единственное, что пришло Люси в голову: больница, в которой она рожала. — Это же в полутора сотнях миль отсюда!

— Нет, нет. В Бриджтон. За границей штата, в Мэне. Это чуть ближе.

— Ты уверена?

— Компьютер не ошибается.

Абра не умолкала. Плач был монотонным, ужасающим, сводящим с ума. В больницу Бриджтона они приехали без пятнадцати четыре, а Абра по-прежнему кричала изо всех сил. Поездки в «Акуре» обычно помогали лучше всякого снотворного, но не сегодня. Дэвид размышлял об аневризме мозга и твердил себе, что он сошел с ума. С младенцами не случаются инсульты... ведь так?

— Дэйви? — тихим голосом произнесла Люси, когда они подъехали к знаку «Только для неотложных пациентов». — У младенцев же не бывает сердечных приступов или инсульта, правда?

— Конечно, нет.

Но ему в голову пришла другая мысль. Что если малышка каким-то образом проглотила английскую булавку, и та открылась у нее в желудке? Это глупо, они пользовались подгузниками «Хаггис», никаких булавок даже близко к малышке не лежало.

Тогда что-нибудь другое. «Невидимка» из волос Люси. Выпавший гвоздь. Может даже, не дай бог, отколовшийся пластиковый кусочек Шрека, Осла или принцессы Фионы.

— Дэйви! О чем ты думаешь?

— Ни о чем.

С автомобилем все нормально. Он в этом уверен.

Почти уверен.

Абра продолжала кричать.

8

Дэйв рассчитывал, что дежурный врач даст его дочери успокоительное, но правила запрещали это до установки диагноза, а с Аброй Рафаэллой Стоун, казалось, все было нормально. Ни жара, ни сыпи. Результаты УЗИ исключили пилоростеноз. Рентген показал, что в горле или желудке нет инородных тел, повреждений кишечника тоже нет. Иными словами, она просто никак не могла заткнуться. Стоуны в это вторичное утро были единственными посетителями отделения скорой помощи, и каждая из трех дежурных сестер по очереди пыталась успокоить Абру. Безрезультатно.

— Вы не дадите ей что-нибудь поесть? — спросила Люси врача, когда

он вернулся, чтобы проверить малышку. Ей в голову пришло название «Раствор Рингера»: она вроде бы слышала что-то такое в каком-то медицинском сериале — спасибо подростковой влюбленности в Джорджа Клуни. Но «Раствор Рингера» мог быть чем угодно — лосьоном для ног, антикоагулянтом или лекарством от язвы желудка. — Грудь она не берет, от бутылочки тоже отказывается.

— Захочет есть — поест, — ответил врач, но ни Люси, ни Дэвида это не успокоило. Во-первых, врач выглядел моложе их самих. С другой стороны (и это было еще хуже), он, похоже, сам не был до конца уверен в том, что говорит.

— Вы уже связались со своим педиатром, — врач сверился со своими записями, — доктором Далтоном?

— Оставили ему сообщение, — ответил Дэвид. — Скорее всего, до утра он не ответит, а к утру все закончится.

«Так или иначе», подумал он, и его мозг — неуправляемый от бессонницы и непрекращающейся тревоги — нарисовал ему до жути ясную картину: скорбящие вокруг маленькой могилы. И гробик, еще того меньше.

В семь тридцать Четта Рейнольдс ворвалась в палату, в которую загнали Стоунов и их вопящую без умолку дочь. Поэтесса, которая, по слухам, попала в окончательный список претендентов на Президентскую медаль Свободы, была одета в прямые джинсы и толстовку Бостонского университета с дыркой на локте. В этом наряде стало заметно, как она исхудала за последние три-четыре года. «Нет, не рак, если вы об этом, — говорила она, если кто-нибудь отмечал ее модельную худобу, обычно скрываемую под просторными платьями и кафтанами. — Я просто тренируюсь к финальному кругу по беговой дорожке».

Ее волосы, обычно заплетенные и уложенные затейливыми вензелями, демонстрирующими ее коллекцию винтажных заколок, стояли дыбом, как у Эйнштейна. Она была без косметики, и Люси, несмотря на стресс, поразилась, какой старой выглядела Кончетта. Конечно, она и была старой — восемьдесят пять лет не шутка, но до этого утра ей можно было дать максимум шестьдесят с большим хвостиком.

— Я бы приехала на час раньше, но не могла найти с кем оставить Бетти.

Бетти звали ее старую больную боксершу.

Четта заметила укоризненный взгляд Дэвида.

— Бетти умирает, Дэвид. А исходя из того, что вы рассказали мне по телефону, я не особенно тревожилась за Абру.

— А теперь встревожились?

Люси бросила на него предостерегающий взгляд, но Четта, похоже, приняла подразумеваемый упрек.

— Да. — Она протянула руки. — Дай ее мне, Люси. Посмотрим, может, у Момо она успокоится.

Но Абра не успокоилась у Момо, как та ее ни укачивала. Не помогла и тихая, на удивление мелодичная колыбельная (возможно, «Спи, моя радость, усни» на итальянском). Они все по очереди попробовали носить ее на руках — сперва по тесной палате, потом по коридору, потом снова в палате. Вопли не умолкали. В какой-то момент в больнице поднялась суматоха — видимо, привезли кого-то с настоящими, явно видными травмами, решил Дэвид, — но обитатели палаты номер четыре почти не заметили происходящего.

Без пяти девять дверь палаты открылась, и вошел педиатр Стоунов. Дэн Торранс узнал бы доктора Джона Далтона, хотя и не смог бы назвать его фамилии. Для Дэна он был просто доктор Джон, который варил кофе на вторичных собраниях по «Большой книге» в Норт-Конвее.

— Слава Богу! — воскликнула Люси, вручая ребенка педиатру. — Мы тут уже сто лет сидим одни!

— Я был в дороге, когда получил сообщение. — Далтон уложил Абру головкой на свое плечо. — Делал обход здесь, потом в Касл-Роке. Вы же в курсе, что случилось?

— А что случилось? — спросил Дэвид. Теперь, когда дверь оказалась открыта, он впервые осознал, что за ней что-то происходит. Люди громко разговаривали. Кое-кто плакал. Мимо прошла медсестра, которая их принимала, с красным, заплаканным лицом. Она даже не взглянула на вопящего младенца.

— Пассажирский самолет врезался во Всемирный торговый центр, — сказал Далтон. — И это вряд ли был несчастный случай.

Это был рейс 11 «Американ Эйрлайнз». Рейс 175 «Юнайтед Эйрлайнз» врезался в Южную башню Центра семнадцать минут спустя, в 9 часов 03 минуты. В 9-03 Абра Стоун внезапно прекратила плакать. В 9-04 она уже крепко спала.

По дороге обратно в Эннистон Дэвид и Люси слушали радио, а Абра мирно спала в своем автокресле на заднем сиденье. Слушать было

невыносимо, но и выключить — немыслимо... по крайней мере пока диктор не назвал авиакомпаний и рейсы: два в Нью-Йорке, один под Вашингтоном, один — врезавшийся в землю в Пенсильвании. Потом Дэвид наконец протянул руку и заглушил поток несчастий.

— Люси, я хочу тебе что-то сказать. Мне приснилось...

— Знаю. — Она говорила ровным тоном человека, только что пережившего шок. — Мне тоже.

К тому времени, как они пересекли границу Нью-Гэмпшира, Дэвид начал верить, что в этих разговорах о «рубашке» что-то есть.

10

В одном из городков Нью-Джерси на западном берегу Гудзона есть парк, названный в честь его самого знаменитого жителя. В ясный день оттуда открывается прекрасный вид на нижний Манхэттен. Узел верных прибыл в Хобокен восьмого сентября, расположившись на частном наделе земли, который они арендовали на десять дней. Сделку заключил Папаша Ворон. Красивый и общительный, лет сорока на вид, он любил носить футболку с надписью «Я умею ладить с людьми». Конечно, он не надевал ее, когда вел переговоры для Узла верных; тут он предпочитал костюм с галстуком. Именно этого ожидают лохи. В миру его звали Генри Ротман. Он был выпускником Гарварда (образца 1938 года) и всегда имел при себе наличные. У Верных хранилось больше миллиарда долларов на счетах по всему миру — часть в виде золота, часть в виде бриллиантов, редких книг, марок и картин, — но они никогда не расплачивались чеками или кредитками. Все, даже Горошина и Стручок, с виду похожие на детей, носили при себе пачку десяток и двадцаток.

Как сказал однажды Джимми-Арифмометр, «Наша компания работает с наличными и самовывозом. Платим наличкой, а лохи нас везут». Джимми был бухгалтером Верных. В бытность свою лохом он подвизался в компании, которая получила имя «Рейдеры Куонтрилла» (через много лет после того, как закончилась их война). В те времена он был крутым парнем в куртке из шкуры бизона и с «Шарпсом» на плече, но годы здорово его обтесали. Теперь он держал в своем фургоне фото Рейгана с автографом.

Утром одиннадцатого сентября Верные наблюдали за атакой на Башни-Близнецы со своей парковки, передавая друг другу четыре пары биноклей. Из парка Синатры смотреть было бы удобнее, но Розе не было нужды говорить им, что если они явятся туда заранее, это может вызвать

подозрения... а в ближайшие месяцы и годы американцам предстояло стать очень подозрительной нацией. «Заметил что-то — скажи».

Часов в десять утра, — когда вдоль всей набережной собрались толпы, и опасность подозрений миновала, — они отправились в парк. Близняшки, Горошина и Стручок, везли в коляске Дедулю Флика. На дедуле была кепка с надписью «Я ветеран». Его длинные, тонкие как у младенца седые волосы торчали из-под кепки, будто венчик молочая. Когда-то он представлялся ветераном Испано-Американской войны. Позже — Первой мировой. Теперь перешел на Вторую мировую. Лет через двадцать он собирался переключиться на Вьетнам. Дедуля Флик не боялся засыпаться на деталях: он был любителем военной истории.

Парк Синатры был забит народом. Большинство молчало, но некоторые рыдали. Энни-Фартук и Черноглазая Сью были очень полезны в таких случаях: они умели плакать по заказу. Остальные изобраили на лицах подобающую скорбь и изумление.

В общем, Узел верных слился с окружением. Таков был их обычай.

Зрители приходили и уходили, но Верные оставались на месте большую часть дня, безоблачного и прекрасного (не считая густых туч пыли и сажки над нижним Манхэттеном). Они стояли у железного ограждения, не разговаривали друг с другом, просто смотрели. И делали долгие замедленные вдохи, как туристы со Среднего Запада, впервые стоящие на мысе Пемаквид-Пойнт или Куодди-Хэд в Мэне и вдыхающие свежий морской воздух. В знак уважения Роза сняла цилиндр и держала его в опущенной руке.

В четыре часа Верные отправились назад в лагерь, напоенные энергией. Они собирались вернуться завтра, и через день, и через два. До тех пор, пока запасы пара не истощатся. А тогда они снова двинутся в путь.

К тому времени волосы Дедули Флика из белых станут серебристыми, и коляска ему уже будет не нужна.

Глава третья

ЛОЖКИ

1

От Фрейзера до Норт-Конвея было двадцать пять миль, и все же каждый четверг вечером Дэн Торранс отправлялся в путь отчасти просто потому, что мог. Теперь он работал в «Доме Хелен Ривингтон». Зарплата была приличной, к тому же он вернул себе водительское удостоверение. Машину он купил не бог весть какую, трехлетний «Каприс» на дешевой резине и с заикающимся приемником, но с двигателем у нее все было нормально, и всякий раз, поворачивая ключ зажигания, Дэн чувствовал себя самым удачливым человеком в Нью-Гэмпшире. Он считал, что если ему больше никогда не придется сесть в автобус, то он умрет счастливым. На дворе стоял январь 2004-го. Не считая пары случайных мыслей и видений, — плюс то, чем он иногда занимался в хосписе, — сияние угасло. Он бы все равно делал это добровольно взятое на себя дело, но после «Анонимных алкоголиков» Дэн рассматривал его еще и как своего рода искупление. Помощь людям в этом смысле была столь же важна, как и воздержание от выпивки. Если ему удастся продержаться еще три месяца, он сможет отпраздновать трехлетие своей завязки.

Дэн не забывал упомянуть в своих ежедневных «благодарственных медитациях», на которых настоял Кейси К. (потому что, сказал он со всей строгостью ветерана Программы, благодарный алкоголик не напивается), о своем возвращении за руль, но продолжал ездить на собрания «Большой книги» в основном по другой причине. В них было что-то успокаивающее. Камерное. Открытые встречи-обсуждения там были неуютно многолюдными, но по четвергам в Норт-Конвее все было иначе. Старая поговорка Анонимных алкоголиков гласит: если хочешь спрятать что-то от пьяницы, засунь в «Большую книгу»,^[5] и посещаемость встреч по четвергам подтверждала ее правдивость. Даже в пик туристического сезона, с Четвертого июля по День труда, в Амветс-холле к моменту удара председательского молотка собиралась едва ли дюжина человек. В результате Дэн слышал вещи, которые, как он подозревал, в присутствии пятидесяти (а иногда и семидесяти) кающихся алконавтов и нариков никогда бы не прозвучали. На больших собраниях ораторы обычно

скатывались в банальности и склонны были избегать личного. Там говорили: «Трезвость приносит свои дивиденды». Или: «Хочешь считать мои грехи — сам их и искупай». Но никогда там не услышишь откровений вроде «Я переспал с женой собственного брата, и оба мы были в стельку».

По четвергам на собраниях «Мы изучаем трезвость» от корки до корки читали синее руководство Билла Уилсона, всякий раз начиная с того места, на котором остановились в прошлый. Когда книга кончалась, они возвращались к «Мнению доктора», и все начиналось заново. Чаще всего за одно собрание успевали прочитать страниц десять или около того. Это занимало примерно полчаса. В оставшиеся полчаса группа должна была обсудить прочитанное. Иногда они и вправду это делали, но гораздо чаще разговор сворачивал в другом направлении, как непослушная планшетка на поле доски для спиритических сеансов под пальцами нервных подростков.

Дэн запомнил одно из таких собраний, на котором он оказался где-то после восьми месяцев «завязки». Они обсуждали главу «Обращение к женам», полную домостроевского высокомерия, — эта глава почти всегда вызывала живой отклик у молодых девушек, посещавших собрания. Им хотелось знать, почему спустя шестьдесят пять лет после первой публикации «Большой книги» никто не удосужился добавить в нее раздел «Обращение к мужьям».

Когда Джемма Т. — женщина лет тридцати, чья эмоциональная палитра состояла из двух красок: Злость и Глубокое Раздражение, — тем вечером подняла руку, он ожидал услышать очередное феминистическое выступление. Вместо этого она сказала:

— Я хочу с вами кое-чем поделиться. Я живу с этим с семнадцати лет, и если не расскажу все, мне никогда не избавиться от тяги к кокаину и выпивке.

Группа замерла в ожидании.

— Как-то раз я возвращалась пьяной с вечеринки и сбила мужчину, — сказала Джемма. — Это случилось в Соммервиле. Я так и оставила его лежать там, на обочине. Я понятия не имела, жив он или мертв, и до сих пор этого не знаю. Какое-то время я ждала, что за мной приедут полицейские, что меня арестуют... но никто так и не приехал. Все сошло мне с рук.

Она рассмеялась, как смеются над особенно удачной шуткой, а потом уронила голову на стол и зашла в рыдания, сотрясавших все ее худощавое тело. Тогда Дэн впервые понял, какой ужасной может быть «честность во всех делах наших», когда этот принцип применяется на практике. Он вспомнил — эти воспоминания до сих пор регулярно

посещали его, — как опустошал кошелек Дини и как маленький мальчик тянулся к кокаину на кофейном столике. Его восхищал поступок Джеммы, но сам он к такой радикальной честности готов не был. Если бы пришлось выбирать, рассказать об этом кому-нибудь или выпить...

Я лучше выпью. Без вопросов.

2

Сегодня вечером читали «Нечего терять» — один из рассказов «Большой книги» в разделе под жизнеутверждающим заголовком «Они потеряли почти все». История развивалась по уже известной Дэну схеме: хорошая семья, походы в церковь по воскресеньям, первый стакан, первая пьянка, разрушенный алкоголем бизнес, растущий ком лжи, первый арест, нарушенное обещание исправиться, приход в организацию и наконец — счастливый финал. Все рассказы в «Большой книге» заканчивались хорошо. В этом и крылась ее притягательность.

Вечер выдался холодным, но в помещении было жарко, и Дэн начал клевать носом, когда доктор Джон поднял руку и сказал:

— Я уже некоторое время кое о чем лгу своей жене и не знаю, как это прекратить.

Дэн сразу проснулся. Ему очень нравился ДД.

Оказалось, что жена Джона подарила ему на Рождество часы, довольно дорогие, и когда пару дней назад она спросила, почему он их не носит, Джон ответил, что забыл их в кабинете.

— Вот только там их нет. Я везде смотрел — пусто. Я постоянно езжу по больницам, и когда мне надо переодеться в халат, пользуюсь шкафчиками в докторской раздевалке. Там кодовые замки, но я их даже не запираю, потому что налички у меня с собой немного, да и красть, в общем, нечего. То есть, кроме часов. Не помню, чтобы снимал их и клал в шкафчик — ни в центральном госпитале и ни в Бриджтонском, — но мне кажется, вполне мог. Дело не в цене. Просто это напоминает старые дни, когда я каждый вечер напивался до одури, а по утрам догонялся «спидами», чтобы не свалиться.

В ответ ему кивали и выкладывали собственные рассказы об обманах, вызванных чувством вины. Советов никто не давал; это называлось «влезать в личную жизнь» и не поощрялось. Тут просто делились пережитым. Джон слушал, опустив голову и сжав руки между коленей. После того, как по рядам прошла корзинка («Наша организация

финансируется из наших собственных пожертвований»), он поблагодарил каждого за вклад в беседу. По лицу Джона, думал Дэн, и не скажешь, что этот вклад помог хоть на йоту.

После молитвы «Отче наш» Дэн убрал несъеденное печенье и сложил стопки потертых экземпляров «Большой Книги» в шкафчик с надписью «СОБСТВЕННОСТЬ АА». Несколько человек толкались возле пепельницы снаружи — это было так называемое собрание после собрания, — но на кухне не осталось никого, кроме Дэна и Джона. Во время обсуждения Дэн помалкивал; он был занят спором с самим собой.

Сияние затихло, но это не значило, что оно исчезло. По опыту своей добровольной работы Дэн знал, что на самом деле сияет даже сильнее, чем в детстве, хотя теперь ему лучше удавалось держать это под контролем. Оно теперь приносило больше пользы, чем страха. Товарищи по работе в Ривингтоне знали, что в нем что-то есть, но большинство называло это эмпатией и на этом успокаивалось. Сейчас, когда жизнь Дэна только начала входить в русло, ему меньше всего была нужна репутация доморощенного экстрасенса. Странности лучше не выставлять напоказ.

Но доктор Джон был хорошим парнем. И он мучился.

ДД поставил кофейник на сушилку вверх дном, вытер руки концом полотенца, свисавшего с ручки духовки, потом повернулся к Дэну с улыбкой, которая выглядела такой же натуральной, как растительные сливки, которые Дэн убрал вместе с печеньем и сахарницей.

— Ну, я пошел. Увидимся на той неделе.

В конце концов решение пришло само; Дэн просто не мог отпустить этого человека в таком состоянии. Он раскрыл объятия:

— Обнимемся.

Легендарное объятие АА. Дэн много раз видел, как обнимаются другие, но сам никогда никого не обнимал. На секунду Джон выглядел нерешительно, потом шагнул вперед. Дэн привлек его к себе, думая при этом: «Наверняка ничего не получится».

Но получилось. Все произошло так же быстро, как в детстве, когда ему случалось помогать маме с папой в поисках пропажи.

— Послушай меня, док, — сказал он, выпуская Джона из объятий. — Ты беспокоился о малыше с болезнью Гоши.

Джон попятился:

— Ты это о чем?

— Я неправильно произношу название, я знаю. Гоши? Глатчер? Что-то такое с костями.

У Джона отвисла челюсть:

— Ты говоришь о Нормане Ллойде?

— Вот ты мне и скажи.

— У Норми болезнь Гоше. Это расстройство липидного обмена. Наследственное и очень редкое. Приводит к скоплению слизи, неврологическим расстройствам и как правило — к ранней тяжелой смерти. У бедного ребенка практически стеклянный скелет, и он наверняка не доживет и до десяти. Но тебе-то это откуда знать? От его родителей? Ллойды живут черт знает где, в Нашуа.

— Ты волновался перед разговором с ним, смертельно больные дети сводят тебя с ума. Вот почему ты завернул в туалет Тигры помыть руки, хотя они были чистые. Ты снял часы и положил их на полочку, где держат такой темно-красный дезинфектант в мягких пластиковых бутылочках. Не знаю, как он называется.

Джон Д. пялился на него как на сумасшедшего.

— В какой больнице лежит этот ребенок? — спросил Дэн.

— Эллиот. Время примерно подходит, и я действительно завернул в туалет рядом с сестринским постом в педиатрическом отделении, чтобы помыть руки. — Он замолчал, нахмурившись. — И да, кажется, на стенах этого туалета были персонажи Милна. Но, если бы я снял там часы, я бы по...

Голос его затих.

— И ты помнишь, — сказал ему Дэн и улыбнулся. — Теперь помнишь. Да?

Джон возразил:

— Я заходил в бюро находок в Эллиоте. Как и в Бриджтоне и в центральной больнице, если уж на то пошло. Ничего.

— Ну, может, кто-то проходил мимо, увидел часы и украл их. Если это так, тебе чертовски не повезло... но по крайней мере ты можешь рассказать жене о случившемся. И почему так получилось. Ты думал о ребенке, волновался о ребенке, и ты забыл снова надеть часы, прежде чем выйти из уборной. Очень просто. И потом, вдруг они еще там. Полка высоко, и вряд ли кто-то пользуется этими пластиковыми бутылочками, потому что рядом с раковиной висит дозатор с мылом.

— Там на полке бетадин, — пояснил Джон, — высоко, чтобы дети не могли достать. Я никогда не замечал. Но... Дэн, ты когда-нибудь бывал в Эллиоте?

На этот вопрос Дэну отвечать не хотелось.

— Просто проверь на полке, док. Вдруг повезет.

На собрание «Учимся трезвости» в следующий четверг Дэн приехал пораньше. Если доктор Джон решил похерить свой брак, а, возможно, и карьеру из-за семисотдолларовых часов (алкаши разбрасываются браком и работой и за меньшие деньги), кофе придется варить ему. Но Джон был на месте. И часы тоже.

На этот раз обниматься полез Джон. И обнял Дэна от всего сердца. Дэн уже ждал, что сейчас его расцелуют в обе щеки на галльский манер, но тут ДД его отпустил.

— Они были именно там, где ты и сказал. Все десять дней там пролежали. Прямо чудо какое-то.

— Не-а, — сказал Дэн. — Большинство редко смотрит выше уровня глаз. Это доказанный факт.

— Как ты узнал?

Дэн покачал головой:

— Не могу объяснить. Узнал, и все тут.

— Как мне тебя отблагодарить?

Это был вопрос, которого Дэн ждал и который надеялся услышать:

— Выполнением этапа номер двенадцать, дубина.

Джон Д. поднял брови.

— Анонимность. Выражаясь простым языком: молчи в тряпочку.

На лице Джона появилось понимающее выражение. Он ухмыльнулся:

— Уж это я умею.

— Хорошо. Вари кофе. А я разложу книги.

Во многих группах АА в Новой Англии годовщины называют днями рождения и после собрания устраивают вечеринку с тортом. Незадолго до того, как Дэн должен был отпраздновать таким образом свое трехлетие, Дэвид Стоун и прабабушка Абры нанесли визит Джону Далтону — известному в некоторых кругах как Доктор Джон или ДД — и пригласили его на празднование дня рождения еще одной трехлетки.

— Это очень любезно, — ответил Джон, — и я с радостью заскочу, если смогу. Только почему мне кажется, что за этим стоит еще кое-что?

— Потому что так и есть, — призналась Четта. — И наш мистер

Упрямец наконец решил кое о чем поговорить.

— Что-то не так с Аброй? Если да — рассказывайте. Судя по результатам последнего осмотра, с ней все прекрасно. Блестящий ум. Психологическое развитие потрясает. Речь выше всяких похвал. Чтение — то же самое. В прошлый свой визит ко мне она прочла «Всюду, всюду крокодилы». Вероятно, механически запомнила, но для ребенка, которому нет и трех, это замечательный результат. Люси в курсе, что вы здесь?

— Именно Люси с Четтой меня и заставили, — сказал Дэвид. — Люси дома с Аброй, печет кексы к празднику. Когда я уходил, на кухне все было вверх дном.

— Так о чем вы просите? Чтобы я пришел на праздник в качестве наблюдателя?

— Именно, — ответила Кончетта. — Нельзя гарантировать, что что-то произойдет, но вероятность возрастает, когда она возбуждена, а она сильно волнуется перед праздником. Придут все ее друзья из детского сада, и будет выступать фокусник.

Джон открыл ящик стола и вынул желтый блокнот для записей.

— Чего именно вы ожидаете?

Дэвид колебался.

— Ну... трудно сказать.

Четта повернулась к нему:

— Давай же, *caro*. Сейчас уже слишком поздно отступать.

Тон у нее был легкий, даже веселый, но Джону Далтону показалось, что она обеспокоена. — Начни с той ночи, когда она начала плакать и никак не замолкала.

Дэвид Стоун десять лет преподавал студентам американскую историю и европейскую историю двадцатого века. Он знал, как построить повествование так, чтобы его внутренняя логика от вас не ускользнула. Сперва он рассказал, как их малютка-дочь завершила свой слезный марафон сразу после того, как во Всемирный торговый центр врезался второй самолет. Потом вернулся к снам, в которых его жена увидела на груди дочери номер рейса «Америкэн эйрлайнс», а он сам — номер рейса «Юнайтед эйрлайнс».

— В своем сне Люси нашла Абру в туалете самолета. Мне же приснилось, что я нашел ее в горящем торговом центре. Не знаю, какой вы

из этого сделаете вывод. Или не сделаете. По мне так номера рейсов уже говорят о многом, но о чем именно, я не знаю. — Дэвид рассмеялся, довольно безрадостно, развел руками и снова их опустил. — Может, даже боюсь узнать.

Утро одиннадцатого сентября — и тогдашнюю нескончаемую истерику Абры — Джон Далтон помнил прекрасно.

— То есть, если я правильно понял, вы верите, что ваша дочь, которой тогда было всего лишь пять месяцев отроду, каким-то образом предчувствовала атаки и сообщила вам о них с помощью телепатии?

— Да, — сказала Четта. — Кратко и точно. Браво.

— Я понимаю, как это звучит, — сказал Дэвид. — Вот поэтому мы с Люси никому и не говорили. То есть никому, кроме Четты. Ей Люси рассказала обо всем той же ночью. У Люси от Момо секретов нет.

Он вздохнул. Кончетта холодно посмотрела на него.

— А вам тоже снилось что-нибудь подобное? — спросил ее Джон.

Четта покачала головой.

— Я тогда была в Бостоне. Вне пределов ее... не знаю... зоны покрытия?

— С 9/11 прошло уже три года, — сказал Джон. — Я так понимаю, с тех пор тоже кое-что случилось.

Не то слово, но теперь, рассказав о первом (и самом невероятном) случае, Дэвид понял, что об остальных поведать будет гораздо легче.

— Пианино. Потом было пианино. Вы знаете, что Люси играет?

Джон покачал головой.

— В общем, играет. Еще с начальной школы. Не великая пианистка, конечно, но довольно неплохая. У нас есть «Фогель», который мои родители подарили нам на свадьбу. Стоит в гостиной, где когда-то стоял и манеж Абры. Так вот, в 2001-ом я подарил Люси на Рождество нотную тетрадь с мелодиями «Битлз» для пианино. Люси играла, а в манеже Абра возилась со своими игрушками и слушала. По тому, как она улыбалась и дрыгала ножками, мы понимали, что музыка ей нравится.

Джон не удивился. Музыку любят почти все младенцы, и у них есть свои способы это показать.

— В тетради были все хиты — «Эй, Джуд», «Леди Мадонна», «Пусть будет так», — но Абре больше всего нравилась гораздо менее известная песенка под названием «Не во второй раз». Вы ее знаете?

— Сразу не скажу, — ответил Джон. — Может, на слух и узнал бы.

— Песенка бодрая, но в отличие от остального быстряка «Битлз», она построена на фортепианной мелодии, а не их обычных гитарных. Не буги-

вуги, но почти. Абра ее полюбила. Когда Люси играла эту песенку, Абра не просто сучила ножками, а словно бы энергично крутила педали. — Дэйв улыбнулся, вспомнив, как Абра лежит на спинке в своем ярко-лиловом бодике. Ходить еще не умеет, зато отплясывает, как истинная королева танцпола. — Инструменталка в середине состоит почти из одного пианино, и она простая как дважды два. Ноты наигрываются одной левой рукой. Всего двадцать девять — я посчитал. Ее бы сыграл даже ребенок. Вот наш и сыграл.

Брови Джона подпрыгнули чуть ли не до линии волос.

— Все началось весной 2002-го. Мы с Люси лежали в кровати и читали. По телевизору шел прогноз погоды, который дают посредине выпуска одиннадцатичасовых новостей. Абра крепко спала в своей комнате. Так мы, по крайней мере, думали. Люси захотелось спать, и она попросила меня выключить телевизор. Я выключил, но тут послышалась музыка. Фортепианное соло из «Не во второй раз», те самые двадцать девять нот. Ни одной фальшивой. Доносилась мелодия откуда-то снизу. Док, мы испугались до усрачки. Подумали, что к нам в дом вломился грабитель, но какой грабитель останавливается побренчать «Битлз» на пианино перед тем, как сграбастать столовое серебро? Пистолета у меня нет, а все ключики для гольфа хранились в гараже. Вот я и схватил самую толстую книгу, какую смог найти, и пошел вниз навстречу неизвестности. Глупо, сам знаю. Сказал Люси, что если закричу, пусть немедленно набирает 911. Но в гостиной никого не было, а все двери были закрыты. Крышка пианино тоже была опущена. Я вернулся наверх и сказал Люси, что в гостиной никого не нашел. Мы пошли в Абрину комнату посмотреть, как она там. Не обменялись ни словом — просто пошли и всё. Думаю, мы понимали, что дело в Абре, но не хотели произносить этого вслух. Абра не спала, а просто лежала в кроватке и смотрела на нас. Знаете ведь, какие у них в этом возрасте мудрые глазки?

Джон знал. Казалось, умея младенцы говорить, они открыли бы нам все тайны мироздания. Иногда он думал, что так и есть, да только Господь устроил все так, что к тому времени как младенцы перестают гукать, они всё забывают, как забываем мы даже самые яркие сны через пару часов после пробуждения.

— Увидев нас, Абра улыбнулась, закрыла глазки и тут же уснула. На следующую ночь и в то же время все повторилось. Из гостиной раздаются те самые двадцать девять нот... потом тишина... и вот опять мы идем к Абре в комнату и видим, что она не спит. Не хнычет, даже соску не сосет, а просто смотрит на нас сквозь прутья кроватки. И засыпает.

— И все это чистая правда, — сказал Джон, не сомневаясь, а лишь желая убедиться окончательно. — Лапшу на уши вы мне не вешаете.

Дэвид не улыбнулся.

— Ни лапшинки.

Джон повернулся к Четте.

— А вы сами слышали эту мелодию?

— Нет. Дослушайте Дэвида.

— Следующие две ночи прошли тихо, и... помните вашу любимую присказку о том, что успешные родители планируют всё заранее?

— Конечно. — Джон неустанно повторял эту мантру новоиспеченным родителям. Как будете справляться с ночными кормлениями? Составьте расписание, чтобы кто-нибудь постоянно был наготове и не переутомлялся. Как будете справляться с купанием и кормлением, одеванием и играми, чтобы у ребенка выработался регулярный — а, значит, комфортный — режим дня? Составьте расписание. Разработайте план. Знаете ли вы, что делать в чрезвычайной ситуации? Если, например, перевернется кровать, или ребенок чем-то подавится? Будете знать, если у вас будет план, и в девятнадцати случаях из двадцати все закончится хорошо.

— Вот что мы сделали. Следующие три ночи я спал на диване в гостиной, прямо напротив пианино. На третью ночь, когда я уже устраивался поудобнее на диване и готовился ко сну, музыка послышалась снова. Крышка «Фогеля» была опущена, поэтому я подошел и поднял ее. Клавиши не двигались. Я не слишком удивился, потому что понял: музыка шла не от пианино.

— Что, простите?

— Она шла откуда-то выше. Прямо из воздуха. К тому времени Люси уже была в комнате Абры. В прошлые два раза мы не могли выдавить ни слова от растерянности, но теперь Люси была готова. Она попросила Абру сыграть мелодию снова. Секунду стояла тишина... а потом она ее сыграла. Я стоял так близко, что, казалось, мог бы выхватить из воздуха каждую ноту.

В кабинете Джона Далтона воцарилась молчание. Доктор уже ничего не записывал в блокнот. Четта мрачно на него смотрела. Наконец, он спросил:

— Это продолжается до сих пор?

— Нет. Люси посадила Абру к себе на колени и сказала ей больше не играть по ночам, потому что она мешает нам спать. На этом все и закончилось. — Он запнулся, размышляя. — Почти закончилось. Однажды, где-то три недели спустя, мы снова услышали музыку, но очень тихую. На

этот раз она шла со второго этажа. Из ее комнаты.

— Она играла для себя, — сказала Кончетта. — Проснулась... сразу заснуть у нее не получилось... вот она и сыграла себе коротенькую колыбельную.

Однажды в понедельник днем, примерно через год после падения Башен-близнецов, Абра — уже вставшая на ножки и не просто гулившая, а произносящая первые осмысленные слова, — проковыляла к входной двери и плюхнулась возле нее на пол с любимой куклой на коленях.

— Чем занято мое солнышко? — спросила Люси. Она сидела за пианино, наигрывая рэгтайм Скотта Джоплина.

— Пяпя! — объявила Абра.

— Солнышко, пяпы не будет до ужина, — пояснила Люси, но через пятнадцать минут к дому свернула «Акура», и из нее вылез Дэйв с портфелем в руках. В здании, где он читал лекции по понедельникам, средам и пятницам, прорвало водопровод, и все занятия отменили.

— Люси рассказала мне об этом, — сказала Кончетта. — И, конечно, я уже знала о приступе плача одиннадцатого сентября и о фантомном пианино. Я заехала к ним через пару недель. Велела Люси не говорить Абре ни слова о моем приезде. Но Абра знала. Она села перед дверью за десять минут до моего появления. Когда Люси спросила, кто придет, Абра ответила: «Момо».

— Она часто так делает, — подхватил Дэвид. — Не всякий раз перед появлением гостей, но если это кто-то из тех, кого она знает и любит... то почти всегда.

В конце весны 2003 года Люси обнаружила дочь в родительской спальне, дергающей второй ящик комода.

— Дейги! — говорила она. — Дейги, дейги!

— Я не понимаю тебя, солнышко, — сказала Люси, — но ты можешь посмотреть в ящике, если хочешь. Там только старое белье и остатки косметики.

Но Абру, казалось, ящик вовсе не интересовал; она даже не заглянула внутрь, когда Люси его выдвинула, чтобы показать дочери содержимое.

— Зади! Дейги! — А потом, набрав воздух в грудь:

— Зади дейги, мама!

У родителей никогда не получается как следует выучить малышей

язык — они просто не успевают, — но большинство кое-как его понимает, и до Люси наконец дошло, что дочь интересуется не содержимым комода, а тем, что за ним.

С интересом она отодвинула комод от стены. Абра тут же метнулась в образовавшееся пространство. Люси, думая, что там наверняка куча пыли, а то и тараканы или мыши, попыталась схватить малышку за подол рубашки, но не успела. К тому времени, когда Люси отодвинула комод настолько, чтобы самой пролезть за него, Абра уже сжимала купюру в двадцать долларов, провалившуюся в зазор между крышкой комода и основанием зеркала.

— Смотри! — заявила она радостно. — Дейги! Мои дейги!

— Нет, — заявила Люси, выхватывая купюру из маленького кулачка. — Детям не дают дейги, потому что они им не нужны. Но ты только что заслужила рожок с мороженым.

— Мо-ожное! — закричала Абра. — Мо-ожное!

— Теперь расскажите доктору Джону о миссис Джадкинс, — попросил Дэвид. — Вы же при этом были.

— Верно, была, — согласилась Кончетта, — это было на выходные Четвертого июля.

К лету 2003 года Абра начала говорить более-менее связными предложениями. Кончетта приехала накануне, чтобы провести праздник со Стоунами. В воскресенье, которое пришлось на шестое число, Дэйв уехал в «Севен-Элевен» купить канистру с розжигом для барбекю. Абра играла с кубиками в гостиной. Люси и Четта были на кухне, периодически по очереди проверяя Абру, чтобы она не вынула вилку телевизора из розетки и не начала ее жевать или не отправилась покорять гору под названием Диван. Но Абра не проявляла интереса к подобным вещам; она была занята постройкой чего-то вроде Стоунхенджа из своих пластиковых кубиков.

Люси и Четта разгружали посудомойку, когда Абра завизжала.

— Она визжала так, как будто умирает, — сказала Четта, — вы же знаете, как это страшно, да?

Джон кивнул. Он знал.

— В моем возрасте уже не побегаешь, но в тот день я неслась как Вильма Рудольф.^[6] Влетела в гостиную, обогнав Люси на полдороге. Я была настолько убеждена, что девочка поранилась, что на мгновение действительно увидела кровь. Но с Аброй все было в порядке. Физически, по крайней мере. Она подбежала ко мне и обняла меня за ноги. Я подхватила ее на руки. Прибежала Люси, и вдвоем нам удалось немного успокоить Абру. «Ванни! — кричала она. — Помоги Ванни, Момо! Ванни

упала!» Я понятия не имела, кто такая Ванни, но Люси знала, о ком речь. Ванда Джадкинс — соседка из дома напротив.

— Абра любит эту соседку, — пояснил Дэвид, — потому что та печет печенье и обычно приносит Абре одно с ее именем. Иногда оно выложено изюмом, а иногда выведено глазурью. Вдова, живет одна.

— Так что мы пошли через дорогу, — резюмировала Четта, — я впереди, а Люси с Аброй на руках за мной. Я постучала. Никто не ответил. «Ванни в столовой! — крикнула Абра. — Помоги Ванни, Момо! Помоги Ванни, мама! У нее бо-бо и кровь течет».

Дверь была не заперта. Мы вошли. Первым делом до меня донесся запах горелого печенья. Миссис Джадкинс лежала на полу столовой рядом со стремянкой. В руке она все еще сжимала тряпку, которой протирала лепнину, и кровянистые там было ого-го — вокруг головы натекла лужица, смахивающая на нимб. Я решила, что она умерла — я не могла уловить дыхания, но Люси нащупала пульс. Миссис Джадкинс при падении расколола себе череп, и немного мозговой жидкости вытекло, но она пришла в себя на следующий же день. Она будет на дне рождения Абры. Вы сможете поздороваться с ней, если придете.

Четта в упор посмотрела на педиатра Абры Стоун.

— Доктор на «скорой» сказал, что пролежи она еще немного, умерла бы или осталась овощем до конца своих дней... а это куда хуже смерти, по моему скромному мнению. Как бы там ни было, девочка спасла ей жизнь.

Джон бросил карандаш на блокнот:

— Не знаю что и сказать.

— И это еще не все, — сказал Дэвид. — Но остальное трудно поддается определению. Может быть, оттого, что мы с Люси уже привыкли. Так привыкают к слепому от рождения ребенку. Только у нас все наоборот. Мне кажется, мы что-то подозревали еще до истерики одиннадцатого сентября. Я понял, что в ней есть нечто особенное, как только мы принесли ее домой из роддома. Это как...

Он шумно выдохнул и возвел глаза к потолку, как будто в поисках вдохновения. Кончетта сжала его плечо:

— Продолжай. По крайней мере доктор пока не позвал санитаров с большими сачками.

— В общем, это как будто в доме постоянно дует ветер, только его не видишь и не чувствуешь. Я все время думаю, что шторы вот-вот вздуются пузырем, а картины полетят со стен, но этого никогда не происходит. Но происходит кое-что другое. Два-три раза в неделю — а иногда два-три раза в день — у нас выбивает пробки. Мы четыре раза вызывали двух разных

электриков. Они проверили проводку и заверили нас, что все в полном ажуре. Бывает, спускаясь вниз по утрам, мы обнаруживаем подушки с кресел и дивана на полу. Перед сном Абре велено убирать игрушки на место, и если она не переутомилась и не куksится, то всегда слушается. Но, бывает, наутро коробка с игрушками открыта, а некоторые опять разбросаны по полу. Обычно кубики. Это ее любимая игрушка.

Дэвид перевел дух, теперь глядя на таблицу для проверки зрения на дальней стене. Джон ждал, что Кончетта потормошит его, чтобы продолжал, но она сидела молча.

— Короче, это дико странно, но, клянусь вам, так все и было. Однажды вечером, когда мы включили телевизор, по всем каналам показывали только «Симпсонов». Абра смеялась так, как будто ничего смешнее в жизни не видела. Люси психанула. И сказала: «Абра Рафаэлла Стоун, если это твоих рук дело, прекрати сейчас же!» Люси почти никогда не говорит с ней в резком тоне, но когда это случается, Абра слушается немедленно. Так было и в тот вечер. Я выключил телевизор, а когда включил обратно, все уже вернулось к норме. Я мог бы рассказать вам еще о сотнях других... происшествий... явлений... но большинство из них — такие мелочи, что их едва замечаешь. — Дэйв пожал плечами. — Я же говорю, ко всему можно привыкнуть.

Джон сказал:

— Я приду на праздник. Разве можно удержаться после такого?

— Может, ничего и не случится, — сказал Дэйв. — Знаете старый анекдот про то, как сделать, чтобы кран перестал протекать? Позвонить сантехнику. Кончетта фыркнула:

— Если ты и правда в это веришь, сынок, то думаю, тебя ждет сюрприз. — И уже Далтону:

— Его сюда только что не на аркане тащить пришлось.

— Хватит уже, Момо. — Щеки Дэйва начали розоветь.

Джон вздохнул. Он и раньше чувствовал неприязнь между этими двумя. Причины он не знал — возможно, они ревновали Люси друг к другу, — но открытый скандал был ему сейчас не нужен. Странное общее дело превратило его посетителей во временных союзников, и доктор хотел, чтобы так оно и оставалось.

— Выясните отношения потом, — бросил он так резко, что они отвели взгляды друг от друга и с изумлением уставились на него. — Я вам верю. В жизни ничего подобного не слышал...

Неужели? Джон примолк, вспомнив о потерянных часах.

— Док? — позвал Дэвид.

— Извините. Завис ненадолго.

Оба его собеседника улыбнулись. Снова союзники. Хорошо.

— Все равно за санитарам никто не пошлет. Я воспринимаю вас обоих как здравомыслящих людей, не склонных к истерии или галлюцинациям. Если бы кто-то один заявил мне о существовании этих... этих психических явлений, я, может быть, и заподозрил бы необычную форму синдрома Мюнхгаузена, но это не так. Что подводит нас к вопросу: чего вы хотите от меня?

Дэйв, кажется, растерялся, а вот бабушка его жены — нет:

— Понаблюдайте за ней, как за пациенткой...

Дэвид, чье лицо уже начало приобретать свой нормальный цвет, снова побагровел.

— Абра не больная, — огрызнулся он.

Четта обернулась к нему:

— Да знаю я! *Кристо!* Ты дашь мне договорить?

Дэвид принял мученическое выражение лица и развел руками:

— Извините, извините, извините.

— Просто не затыкай мне рот, Дэвид.

Джон сказал:

— Если не прекратите пикировку, ребята, я вас отправлю в Тихую Комнату.

Кончетта вздохнула:

— Все это очень непросто. Для всех нас. Прости, Дэйви, я неправильно выразилась.

— Проехали, *кара*. Мы в одной лодке.

Она коротко улыбнулась:

— Да. Да, вместе. Понаблюдайте за ней как за любым другим ребенком с неустановленным диагнозом, доктор Далтон. Это все, о чем мы вас просим, и, думаю, на первых порах этого достаточно. Может, у вас появятся какие-то соображения. Надеюсь. Понимаете...

Она повернулась к Дэвиду Стоуну с беспомощным выражением, которое, подумал Джон, ее твердые черты наверняка принимали нечасто.

— Нам страшно, — сказал Дэвид. — Я, Люси, Четта — мы все перепуганы до смерти. Мы боимся не ее, а за нее. Потому что она всего лишь ребенок, понимаете? Что если ее сила... не знаю, как это еще назвать... что, если она еще не достигла пика? Что, если она еще растет? Что нам тогда делать? Она может... не знаю...

— Знаешь, — вступила Четта. — Она может вспылить и поранить себя или окружающих. Не знаю, насколько это вероятно, но одна мысль о том,

что подобное может произойти... — она тронула Джона за руку, — ... ужасна.

Дэн Торранс знал, что будет жить в башенке «Дома Хелен Ривингтон» с той самой минуты, как увидел старого друга Тони, машущего ему из окна, которое при более пристальном рассмотрении оказалось заколоченным. Он попросил эту комнату у директора «Дома Ривингтон» миссис Клаузен примерно через полгода работы в хосписе на должности санитар-уборщика... и неофициального личного врача. Вместе с верным помощником Аззи, конечно же.

— Эта комната забита хламом аж до потолка, — ответила миссис Клаузен, женщина лет шестидесяти с неправдоподобно рыжими волосами. Обладая саркастическим складом ума и склонностью к крепким выражениям, руководителем она была умным и умела входить в положение подчиненных. Более того, с точки зрения совета директоров хосписа, миссис Клаузен отменно умела собирать средства. Дэн не был уверен, что она ему нравится, но со временем он ее зауважал.

— Я приведу ее в порядок. В свободное от работы время. Разве не лучше будет, если я буду жить прямо здесь? Под рукой?

— Дэнни, скажи-ка мне вот что. Как это у тебя так хорошо получается то, что ты делаешь?

— Я правда не знаю.

Правды в этом ответе была половина. Может даже процентов семьдесят. Дэн жил с сиянием всю свою жизнь и так и не разобрался в нем.

— Мусор — бог с ним, но летом в башне жара, а зимой такой холод, что и медная обезьяна яйца себе отморозит.

— Можно поставить пару отопительных приборов, — сказал Дэн.

— Не надо мне тут о своем приборе, — миссис Клаузен впиалась в него взглядом поверх узких очков. — Если совет директоров узнает, что я тебе позволяю, меня сошлют плести корзины прямиком в дом престарелых в Нашуа. Тот, с розовыми стенами и льющимся отовсюду Мантовани. — Она фыркнула. — Доктор Сон, надо же.

— Я не доктор, — возразил Дэн мягко. Он знал, что получит все, что ему нужно. — Доктор у нас Аззи. А я у него в помощниках.

— Азрил — сраный кот, — отрезала миссис Клаузен. — Никчемный гулена, завернувший сюда с улицы и пригретый гостями, давно

отправившимся туда, откуда нет возврата. Все, что его заботит, это две законные миски «Фрискиса» в день.

На это Дэн ничего не ответил. Да и не нужно было, потому что оба они знали, что это неправда.

— Я думала, ты отлично устроился на Элиот-стрит. Полин Робертсон считает, что ты срешь бабочками. Я это знаю, потому что мы с ней поем в церковном хоре.

— И какой у вас любимый гимн? — поинтересовался Дэн. — «Иисус — наш друг, едрена мать!»?

Ребекка Клаузен выдала ему то, что сходило у нее за улыбку:

— Что ж, отлично. Разбирай комнату. Заселяйся. Проведи туда себе кабельное, установи стереосистему, бар открой. Какое мое дело, я же, блин, всего-навсего твой начальник.

— Спасибо, миссис К.

— И обогреватель смотри не забудь, ага? Поищи на барахолках, и непременно с покоцанным проводом. И однажды холодной февральской ночью спали эту сраную богадельню дотла. Тогда можно будет выстроить кирпичного уродца под стать тем жертвам аборта по бокам.

Дэн встал и отдал честь на британский манер:

— Как прикажете, босс.

Она махнула на него рукой:

— Убирайся, пока я не передумала, док.

Обогреватель он все-таки нашел, но с исправным проводом, и такой модели, которая мгновенно отключалась при опрокидывании. О кондиционерах в помещении башни нечего было и думать, но пара уоллмартовских вентиляторов, размещенных на подоконниках открытых окон, отлично продували комнату насквозь. И все же в летние дни здесь было пекло, хотя днем Дэн в свою комнату почти не заходил. А летние ночи в Нью-Гэмпшире обычно прохладные.

Большая часть хлама, которым была раньше забита комната, ни на что не годилась, но школьную доску, стоявшую у стены, Дэн себе оставил. Пятьдесят лет она пряталась за горой древних и непоправимо искалеченных кресел-каталок. Доска ему пригодилась. На ней он писал список пациентов хосписа и номера их палат, стирая имена скончавшихся и добавляя имена новоприбывших. Весной 2004 года на доске было тридцать

два имени. Десять из них — в Ривингтоне-1 и двенадцать — в Ривингтоне-2. Это были уродливые кирпичные здания по бокам викторианского особняка, где когда-то жила знаменитая Хелен Ривингтон и писала свои захватывающие романтические повести под животрепещущим псевдонимом Жанетт Монпарс. Остальные пациенты проживали на двух нижних этажах, под тесной, но вполне сносной жилой башенкой Дэна.

— А миссис Ривингтон прославилась еще чем-нибудь, кроме плохих повестей? — спросил Дэн у Клодетт Альбертсон вскоре после того, как начал работать в хосписе. Они стояли в курилке, упражняясь в своей дурной привычке. Клодетт, жизнерадостная афроамериканка, дипломированная медсестра, плечистая, что твой футбольный полузащитник,^[7] запрокинула голову назад и расхохоталась.

— А то! Тем, что оставила этому городишке целую кучу бабла, золотишко! Ну и этот дом, конечно. Она считала, что старикам нужно место, где они могли бы умереть с достоинством.

И в Ривингтоне их умирало немало. Дэн — с Аззи на подхвате — тоже принимал в этом участие. Он считал, что нашел свое призвание. И хоспис стал ему домом.

9

Утром в день рождения Абры Дэн встал с постели и обнаружил, что все имена с доски стерты. А на их месте огромными кривыми буквами было выведено одно-единственное слово:

пРивеТ:)

Дэн долго сидел на кровати в одних трусах и просто смотрел на доску. Потом поднялся и положил руку на буквы, слегка смазав их, в надежде уловить сияние. Пусть хоть искорку. Наконец он отнял руку, вытирая меловую пыль о голое бедро.

— И тебе привет, — ответил он... а потом:

— А тебя, случайно, не Аброй зовут?

Ничего. Он накинул халат, взял мыло и полотенце и пошел в служебный душ на втором этаже. Вернувшись, взял губку, которую нашел вместе с доской, и начал стирать слово. На середине к нему

(папа говорит, у нас будут воздушные шарики)

пришла мысль, и он замер, ожидая продолжения. Но его не было, поэтому Дэн вытер доску до конца, а потом принялся восстанавливать список из имен и номеров палат, которые взял из выпущенного в тот

понедельник меморандума для персонала. Поднявшись к себе наверх в полдень, он был почти уверен, что имена и цифры снова исчезли с доски, сменившись надписью «пРивеТ:)), но все было так же, как он и оставил.

День рождения Абры праздновали у Стоунов на заднем дворе — уютном, поросшем зеленой травой, с зацветающими яблонями и кизилом. В дальнем конце двор огораживал забор из рабицы с воротами, снабженными кодовым замком. Забор был решительно уродлив, но Дэвида и Люси это не волновало, потому что за ним текла река Сако — на юго-восток через Фрейзер, Норт-Конвей и через границу — в Мэн. Реки и маленькие дети — опасное сочетание, считали Стоуны, особенно весной, когда Сако разливалась и бурлила от тающих снегов. Каждый год в местной газете сообщалось по крайней мере об одном утонувшем.

Сегодня детям хватало занятий и на лужайке. Они смогли осилить только одну организованную игру — «Делай как я», но были достаточно большими, чтобы носиться (и иногда кататься) по траве, лазать как обезьянки по Абриной игровой площадке, ползать по Веселым туннелям, которые установил Дэвид с помощью еще пары отцов, и лупить по воздушным шарам, разлетевшимся по всему двору. Все они были желтые (любимый цвет Абры), в количестве не меньше шести дюжин, как мог бы засвидетельствовать Джон Далтон. Он помогал Люси и ее бабушке их надувать. Для женщины за восемьдесят у Четты были на удивление мощные легкие.

Всего детей было девять, включая Абру, и поскольку с каждым пришел по крайней мере один из родителей, присмотра за ними хватало. На задней веранде поставили складные стулья, и когда вечеринка набрала обороты, Джон уселся на один из них рядом с Кончеттой, нарядившейся в дизайнерские джинсы и футболку «Лучшая в мире прабабушка». Она уплетала огромный кусок именинного торта. Джон, набравший за зиму несколько фунтов балласта, ограничился одним шариком клубничного мороженого.

— Не знаю, куда у вас все девается, — сказал он, кивая на быстро исчезающий торт на ее бумажной тарелочке. — Вы такая худенькая — в чем только душа держится!

— Может, и так, *каро*, но у меня одна нога полая внутри. — Она посмотрела на бесчинствующих детей и глубоко вздохнула. — Жаль, что

моя дочь всего этого не видит. Я мало о чем сожалею, но больше всего — об этом.

Джон решил не развивать это ответвление темы. Мать Люси погибла в аварии, когда та была младше, чем Абра сейчас. Он знал об этом из семейной истории, которую Стоуны заполняли совместными усилиями.

Так или иначе, Четта сама сменила тему.

— Знаете, за что я люблю детей в этом возрасте?

— Нет.

Сам Джон любил их в любом возрасте... по крайней мере лет до четырнадцати. В четырнадцать лет их железы включали сверхсветовую скорость, и большинство из них чувствовало себя обязанными ближайšie пять лет вести себя как какашки.

— Посмотрите на них, Джон. Это детская версия той картины Эдварда Хикса, «Мирное царство». Шестеро белых детишек — ну еще бы, мы же в Нью-Гэмпшире, но также и двое черных, и прелестный корейский ребенок, который мог бы рекламировать одежду в каталоге Ханны Андерсон. Знаете эту песенку из воскресной школы, «Красный, желтый, белый, черный — каждый Богу равно дорог»? В точности как здесь. За два часа ни один из них не замахнулся кулаком, даже не оттолкнул другого со злостью.

В улыбке Джона — который видел немало пинающихся, толкающихся, дерущихся и кусающихся малышей — смешались в равных пропорциях цинизм и сожаление.

— А чего от них еще ожидать? Они все ходят в «Маленькие друзья». Это здешний модный детский сад, и цены там тоже модные. А значит, их родители — как минимум верхушка среднего класса, выпускники колледжа, исповедующие евангелие «Уступай и ладь со всеми». Эти дети — фактически одомашненные общественные животные.

Джон остановился, потому что она нахмурилась, но мог бы и продолжить. Он мог сказать, что лет до семи или около того — так называемый «сознательный возраст» — дети все впитывают как губки. Если они растут среди людей, которые ладят друг с другом и не повышают голоса, то и сами ведут себя так же. Если их воспитывают любители кусаться и орать... м-да.

За двадцать лет работы с детьми (не говоря про воспитание двух собственных, которые теперь учились в хороших школах из той же серии «Уступай и ладь со всеми») он не полностью растерял романтические идеи, с которыми когда-то выбирал специализацию в педиатрии, но эти годы поумерили его пыл. Может, дети и приходят в этот мир «в ореоле славы», как столь уверенно заявлял Вордсворт, но при этом они еще и какают в

штаны, пока не войдут в разум.

В полуденном воздухе раздался чистый перезвон колокольчиков — как на фургончиках с мороженым. Дети обернулись на звук.

С подъездной дорожки дома Стоунов на лужайку выкатилось нечто удивительное: парень на абсурдно гигантском трехколесном велосипеде. На нем был пижонский костюм в духе сороковых годов. В петлице отворота торчала бутоньерка размером с тепличную орхидею. Чтобы удобнее было крутить педали, брюки (тоже гигантские) парень засучил до колен. К рукояткам руля были прикреплены велосипедные звонки, которые он приводил в действие движением пальца. Велосипед качался из стороны в сторону, но каким-то чудом не падал. Из-под огромного коричневого котелка торчал безумный голубой парик. Позади с большим чемоданом в одной руке и складным столиком в другой шел Дэвид Стоун. Вид у него был озадаченный.

— Детки, детки! — прокричал человек на велосипеде. — Собирайтесь, собирайтесь скорее, представление начинается!

Второго приглашения не потребовалось: они уже бежали к нему со смехом и криками.

Люси подошла к Джону и Четте, села рядом и комически сдула волосы, чтобы те не лезли в глаза. На подбородке застыло шоколадное пятно.

— Узрите волшебника. Это уличный актер, летом выступает во Фрейзере и Норт-Конвее. Дэйв увидел объявление в бесплатной газете, поговорил с парнем и нанял. Его зовут Реджи Пелтье, но сам он предпочитает называть себя «Великий Мистерио». Посмотрим, как долго он сможет удержать их внимание — на велосипед-то они уже насмотрелись. Я думаю, максимум — три минуты.

Джон решил, что она ошибается. Парень все рассчитал именно так, чтобы захватить внимание малышни, а его парик был смешной, а не страшный. На веселом лице не было грима — тоже к лучшему. Клоуны, по мнению Джона, слишком переоценены. Дошколят они пугают до смерти, а дети постарше находят их в лучшем случае скучными.

«Что-то ты сегодня разворчался».

Может, потому, что он пришел поглазеть на чудеса, а их не случилось. Ему Абра казалась самым обычным ребенком. Улыбчивей, чем

большинство детей, но улыбка, похоже, была семейной чертой. Во всяком случае, не считая моментов, когда Четта и Дэйв начинали пикировки.

— Не стоит преуменьшать детские способности, — он перегнулся через Четту и вытер своей салфеткой пятно на подбородке Люси. — Если представление хорошее, он сможет занять их минут на пятнадцать. А может и все двадцать.

— Если оно хорошее, — с сомнением заметила Люси.

Выяснилось, что Реджи Пелтье, он же Великий Мистерио, представление подготовил весьма неплохое. Пока его помощник, Не-такой-уж-великий Дэйв, устанавливал столик и открывал чемодан, Мистерио предложил имениннице и ее гостям посмотреть на цветок в петлице. Когда дети приближались к цветку вплотную, тот выстреливал им в лицо струйкой воды: сначала красной, потом зеленой и, наконец, голубой. Дети, опьяненные обилием сладкого, отвечали радостным визгом.

— А теперь, мальчики и девочки... ой! Ай! Ух! Щекотно!

Он снял котелок и достал оттуда белого кролика. Малыши ахнули. Мистерио протянул кролика Абре, которая погладила его и без всяких указаний передала дальше. Кролик никак не реагировал на происходящее. Наверное, подумал Джон, перед представлением ему в еду подмешали валиум. Когда последний из ребят вернул кролика Мистерио, тот сунул животное в котелок, провел над ним рукой и продемонстрировал всем, что, кроме американского флага на подкладке, внутри ничего нет.

— Куда делся кролик? — спросила маленькая Сьюзи Сунг-Бартлетт.

— В твои сны, малышка, — ответил Мистерио. — Будет там скакать сегодня ночью. Так, кто хочет волшебный платок?

Раздались крики «Я хочу!» — как девчоночьи, так и мальчишечьи. Мистерио начал доставать платки из кулаков и раздавать их ребятам, сопровождалось все это непрерывным каскадом фокусов и трюков. По подсчетам Далтона, дети, выпучив глаза, стояли полукругом вокруг фокусника никак не меньше двадцати пяти минут. И как только у публики появились первые признаки скуки, Мистерио прибавил газу. Он достал пять тарелок из чемодана (который, как он продемонстрировал аудитории, был так же пуст, как и котелок) и принялся жонглировать ими, в то же время распевая «С днем рождения тебя». К нему присоединились все ребята, и Абра, похоже, была готова взлететь от счастья.

Тарелки вернулись в чемодан. Фокусник снова показал его детям, чтобы они могли убедиться — внутри ничего нет... а затем достал из него дюжину ложек. Он начал лепить их себе на лицо, а последнюю повесил на кончик носа. Имениннице это особенно понравилось, она уселась на траву

и принялась хохотать, держась за живот.

— Абба тозе так мозет, — сказала она (она переживала период, когда говорила о себе в третьем лице — то, что Дэйв называл «фазой Рики Хендерсона».^[8] — Абба тозе мозет делать лозки.

— Молодец, — ответил Мистерио. На самом деле, он почти не обратил внимания на слова девочки, и Джон не мог его в этом винить — парень только что завершил отличное представление, его лицо было красным и влажным от пота, несмотря на прохладный ветерок с реки, а ведь ему еще нужно было красиво уйти — на этот раз крутя педали огромного велосипеда в гору.

Он наклонился и потрепал рукой в белой перчатке Абру по макушке.

— С днем рождения, и спасибо вам, ребята, за то, что были такой классной...

В доме раздалось громкое музыкальное бряцанье, похожее на звонок годзиллоподобного велосипеда Мистерио. Дети лишь на секунду повернули головы на звук, после чего вновь принялись наблюдать, как Мистерио катит вдаль, но Люси решила проверить, что же упало на кухне.

Она вернулась через две минуты.

— Джон, — сказала она, — пойдите взгляните. Думаю, это как раз то, что мы хотели вам показать.

12

Джон, Люси и Кончетта стояли на кухне и молча смотрели в потолок. Когда вошел Дэйв, никто из них даже не обернулся — настолько они были зачарованы тем, что видели.

— Что... — начал он, а потом увидел и сам. — Матерь Божья.

Ему никто не ответил. Дэвид посмотрел еще немного, словно пытаясь понять, что видит, а потом вышел. Через пару минут он вернулся, ведя за руку свою дочь. Она держала воздушный шарик. Волшебный платок Мистерио она повязала на талии, точно пояс.

Джон Далтон опустился рядом с Аброй на одно колено.

— Это ты сделала, малышка?

Джон был уверен, что знает ответ на этот вопрос, и все же ему нужно было услышать, что скажет девочка. Ему нужно было понять, насколько она осознает происходящее.

Сначала Абра посмотрела на пол, где лежал буфетный ящик. Ножи и вилки смешались в одну кучу, когда ящик вылетел со своего места, но все

они были на месте. А вот ложек не было. Ложки свисали с потолка, как будто удерживаемые диковинной магической силой. Некоторые из них лениво раскачивались на светильниках. Самая большая ложка, сервировочная, свисала с вытяжки над плитой.

У каждого ребенка — свой способ самоуспокоения. По собственному обширному опыту Джон знал, что большинство предпочитает засунуть большой палец в рот. Абра от них отличалась. Она прижала правую руку ко рту и принялась тереть губы ладонью. В результате то, что она сказала, было почти не разобрать. Джон мягко отодвинул ее руку от лица.

— Что, милая?

Тихим голосом она повторила:

— Я сделала что-то плохое? Я... я... — Ее грудка заходила ходуном. Абра попыталась вернуть руку на место, но Джон ее удержал.

— Я хотела быть как Минстросио, — сказала она и заплакала.

Джон отпустил ее, и девочка снова начала яростно тереть губы.

Дэвид поднял ее на руки и поцеловал в щеку. Люси обняла их обоих и чмокнула дочь в макушку.

— Нет, милая, что ты. Ты не сделала ничего плохого. Никто не станет тебя ругать.

Абра зарылась лицом в шею матери, и ложки тут же упали. От этого резкого звона все едва не подпрыгнули.

13

Двумя месяцами позже, когда в Белых горах Нью-Гэмпшира только начиналось лето, Дэвид и Люси Стоун сидели в кабинете Джона Далтона. Стены кабинета были увешаны фотографиями улыбающихся детей, вылеченных Джоном за годы практики. У многих из них наверняка уже родились собственные малыши.

Джон сказал:

— Я нанял двинутого на компьютерах племянника — сам ему заплатил, не волнуйтесь, недорого берет, — чтобы он проверил, существуют ли другие подтвержденные случаи, подобные вашему. И чтобы как следует в них покопался, если найдет. Он ограничил период поиска последними тридцатью годами и нашел около девяти сотен таких случаев.

Дэвид присвистнул.

— Так много!

Джон покачал головой.

— Не очень. Если бы мы говорили о заболевании — и больше не будем возвращаться к этому, потому что никакого заболевания у Абры нет, — то оно было бы столь же редким, как слоновья болезнь. Или линии Блашко, которые превращают людей в человеко-зебр. Такие линии встречаются у одного человека на семь миллионов. Как и то, что происходит с Аброй.

— А что с ней происходит? — Люси взяла руку мужа и крепко сжала ее. — Телепатия? Телекинез? Какое-то другое «теле»?

— В том числе и это. Телепат ли она? Раз знает, когда придут гости, и раз поняла, что с миссис Джадкинс случилось несчастье — скорее всего, да. Есть ли у нее телекинетические способности? Судя по тому, что мы видели в кухне на ее день рождения — определенно да. Экстрасенсорика? Дар предвидения, если хотите называть это так? На этот счет мы не можем быть до конца уверены, хотя тот случай с 11 сентября и история с двадцатидолларовой купюрой достаточно убедительны. Но как же тогда быть с тем вечером, когда телевизор по всем каналам показывал «Симпсонов»? Как вы назовете это? Или фантомную битловскую мелодию? Если бы мелодию играло пианино, это было бы телекинезом... но вы же говорите, что пианино было закрыто.

— И что дальше? — спросила Люси. — Чего нам опасаться?

— Не знаю. Предсказать ничего нельзя. Проблема области паранормальных явлений в том, что такой области не существует. Там слишком много шарлатанов и просто чокнутых.

— То есть, если по-простому, — подытожила Люси, — вы не можете посоветовать нам, что делать.

Джон улыбнулся.

— Напротив, я совершенно точно могу сказать, что нужно делать: продолжать любить ее. Если мой племянник прав — нужно помнить, что, во-первых, ему всего семнадцать, и во-вторых, он сделал свое заключение на основе весьма сомнительных данных, — вы будете сталкиваться с разного рода странностями, пока она не станет тинейджером. Некоторые из этих странностей могут быть довольно яркими. В районе тринадцати или четырнадцати лет ситуация стабилизируется, а затем сила этих явлений начнет угасать. К тому времени, как Абре исполнится двадцать, создаваемые ею феномены наверняка будут незначительны, — он снова улыбнулся. — Но блестяще играть в покер она сможет всю оставшуюся жизнь.

— А что, если она начнет видеть мертвых людей, как тот мальчик в

кино? — спросила Люси. — Что нам делать тогда?

— Ну, по крайней мере, у вас будет доказательство жизни после смерти. Не паникуйте раньше времени. И держите рты на замке, хорошо?

— О, в этом можете быть уверены, — ответила Люси. Она изобразила улыбку, но учитывая, что Люси сгрызла с губ почти всю помаду, улыбка вышла не слишком уверенной. — Последнее, что мы хотим — это чтобы наша дочь оказалась на обложке «Инсайд вью».

— Слава богу, что эту штуку с ложками не увидели родители других детей, — сказал Дэвид.

— Но вот вопрос, — сказал Джон. — Как вы считаете, понимает ли Абра, что она — особенная?

Стоуны обменялись взглядами.

— Она... нет, не думаю, — ответила наконец Люси. — Хотя после ложек... мы же вроде как подняли вокруг этого шум...

— Только в ваших собственных головах, — сказал Джон. — Не обязательно в ее. Да, она поплакала немного, но потом ушла — с улыбкой. Никаких криков, нагоняев, шлепков или обвинений... Мой совет — пусть какое-то время все будет как есть. Когда она станет чуть старше, попробуйте объяснить ей, что нельзя делать такое в школе. Общайтесь с ней как с нормальным ребенком — ведь она по большей части и есть обычный ребенок. Ведь так?

— Так, — ответил Дэвид. — Это не родинка, не опухоль, не третий глаз.

— А вот и нет, — ответила Люси. Она думала о «рубашке», в которой родилась Абра. — Третий глаз у нее имеется. Мы его не видим, но он есть.

Джон поднялся.

— Я соберу все распечатки племянника и отправлю их вам, если хотите.

— Хочу, — сказал Дэвид. — Очень хочу. И, думаю, старушка Момо тоже захочет.

Он слегка наморщил нос. Люси заметила это и нахмурилась.

— Радуйтесь своей дочке, — сказал им Джон. — Судя по тому, что я видел, вам есть чему радоваться. Вы справитесь.

И какое-то время казалось, что он был прав.

Глава четвертая

ДОКТОР СОН, ВАС ВЫЗЫВАЮТ

1

Стоял январь две тысячи седьмого года. Обогреватель в башенке «Дома Ривингтон» работал на полную мощность, но все равно было холодно. С гор дул ураганный норд-ост и со скоростью пять дюймов в час укрывал спящий город снегом. Когда ближе к полудню следующего дня снежная буря окончательно успокоится, некоторые сугробы с северной и восточной сторон Крэнмор-авеню будут достигать в высоту двенадцати футов.

Холод Дэна не тревожил. Под двумя ватными одеялами ему было тепло, как кипятку в чайнике. И все же ветер смог проникнуть в его разум, как проник сквозь ставни и оконные рамы старого особняка, который Дэн называл теперь своим домом. Во сне Дэн слышал, как этот ветер жалобно стонет снаружи отеля, в котором он еще мальчишкой провел одну зиму. Во сне Дэн и был этим мальчишкой.

Он на втором этаже «Оверлука». Мама спит, а папа сидит в подвале и роется в старых бумагах. Он проводит ИССЛЕДОВАНИЕ для книги, которую собирается написать. Дэнни нельзя здесь находиться, и ключ-универсал тоже нельзя было брать, но он просто не смог удержаться. Сейчас Дэнни смотрит на пожарный шланг, который висит на стене. Шланг свернут кольцами и выглядит как змея с латунной головой. Спящая. На самом деле это никакая не змея — перед его глазами брезент, а не чешуя, — но очень уж похоже.

Иногда это змея.

— Давай же, — шепчет он шлангу во сне. Дэнни дрожит от ужаса, но в то же время что-то его заводит. И почему? Потому что он проводит собственное ИССЛЕДОВАНИЕ, вот почему. — Давай, укуси меня! Не можешь, да? Да ты просто дурацкий пожарный ШЛАНГ!

Наконечник дурацкого пожарного шланга шевелится, и вдруг Дэнни обнаруживает, что смотрит на него не сбоку, а прямо в сопло. Или в пасть. Под черной дырой возникает и начинает расти капля. В ней он видит отражение собственных широко распахнутых глаз.

Капля воды... или яда?

Змея или шланг?

Кто знает, мой дорогой Тремс, Тремс мой дорогой? Кто знает?

Шланг трещит, и ужас несется вверх от колотящегося сердца к горлу. Так трещат гремучие змеи.

Наконечник скатывается с брезентовых колец, на которых лежал, и с глухим стуком падает на ковер. Он опять трещит, и Дэнни понимает, что ему нужно сделать шаг назад, иначе шланг бросится на него и укусит, но он не может пошевелиться, и этот треск...

— Проснись, Дэнни! — раздается откуда-то голос Тони. — Проснись, проснись!

Но проснуться ему не проще, чем сделать шаг, ведь это же «Оверлук», их занесло снегом, и все теперь по-другому. Шланги превращаются в змей, мертвые женщины открывают глаза, а отец... о господи НАМ НУЖНО УБИРАТЬСЯ ОТСЮДА, ПОТОМУ ЧТО МОЙ ОТЕЦ СОШЕЛ С УМА.

Гремучая змея трещит. Трещит. Она...

2

Дэн слышал вой ветра, но не за стенами «Оверлука», а за окнами башенки «Дома Ривингтон». Слышал, как о стекло обращенного к северу окна шуршит снег. Словно песок. А еще до него доносилось тихое жужжание интеркома.

Откинув одеяла, Дэн встал с кровати и вздрогнул, когда теплые пальцы ног коснулись ледяного пола. На цыпочках пересек комнату. Включил настольную лампу и с силой выдохнул. Пар изо рта не пошел, но несмотря на раскаленный докрасна обогреватель, температура в комнате едва переваливала за сорок градусов.^[9]

Б-з-з-з.

— Слушаю. Кто говорит? — спросил Дэн, нажав на кнопку приема.

— Клодетт. Кажется, тебе пора на вызов, док.

— Миссис Винник?

Скорее всего, она, а, значит, Дэну придется надеть парку, потому что Вера Винник лежала в Ривингтоне-2, а на улице холоднее ведьминой пряжки. Или титьки. Или как там еще говорят. Жизнь Веры висела на волоске уже неделю. Она была в коме, то входя в ритм дыхания Чейна-Стокса, то выходя из него. Именно в такие вот ночи и отходили самые хрупкие пациенты. Обычно в 4 утра. Дэн посмотрел на часы. Те показывали 3-20. Не четыре утра, но близко.

Клодетт Альбертсон его удивила.

— Нет, речь о мистере Хэйесе. Он лежит в нашем здании, на первом этаже.

— Ты уверена? — Еще вчера днем Дэн играл с Чарли Хэйесом в шашки, и для мужчины с острой формой лейкемии тот казался тем еще живчиком.

— Нет, но Аззи сейчас у него. А ты ведь сам говоришь, что...

Что Аззи никогда не ошибается. Проработав в хосписе уже шесть лет, Дэн окончательно в этом убедился. Азрил свободно разгуливал по территории хосписа. После обеда он частенько забредал в комнату отдыха, где либо сворачивался калачиком на диване, либо располагался на одном из карточных столов (прямо поверх наполовину сложенных головоломок), словно небрежно брошенная кем-то меховая накидка. Постояльцы вроде бы любили его (если и были какие-то жалобы, то до ушей Дэна они не доходили), и Аззи отвечал им взаимностью. Иногда он запрыгивал на колени к какому-нибудь полумертвому старикану... но легонько, никогда не причиняя боли, что было удивительно при его-то габаритах: весил Аззи никак не меньше двенадцати фунтов.

За исключением дневных сиест, Аз редко оставался надолго на одном месте: ему всегда было куда пойти, кого повидать, чем заняться. («Котьяра живет по полной», сказала как-то Клодетт Дэни). Вы могли наткнуться на него в спа, где он, лежа на теплом полу, вылизывал лапу. Или увидеть, как он разлегся на неработающей беговой дорожке в Комнате здоровья. А то, бывает, усядется на какой-нибудь заброшенной каталке и вперит взгляд в нечто, видное лишь котам. Иногда он крался по задней лужайке хосписа с прижатыми к голове ушами, олицетворяя собой охотничий инстинкт, но если и ловил птицу или бурундука, то оттаскивал их на соседние дворы и расправлялся с ними уже там.

Комната отдыха была открыта круглосуточно, но Аззи редко заходил туда после того, как постояльцы выключали телевизор и расходились. Когда вечер сменялся ночью и пульс «Дома Ривингтон» замедлялся, Аззи терял покой, патрулируя коридоры, словно караульный на границе вражеской территории. В тусклом свете ночных светильников можно было и не заметить Аззи, даже смотря в его сторону: его мышинного цвета мех сливался с окружающими тенями.

К постояльцам Аззи заходил только в том случае, если те были на самом пороге смерти.

Тогда он либо проскальзывал внутрь (если дверь номера была не заперта), либо сидел снаружи, обернувшись хвостом и тихонько и вежливо

мяукая, мол, впустите меня. А когда его впускали, он запрыгивал к постояльцу на кровать (в «Доме Ривингтон» их всегда называли постояльцами, а не пациентами) и, мурлыча, устраивался поудобнее. Если избранный котом человек не спал, то мог его погладить. Насколько Дэн знал, никто и никогда не просил, чтобы Аззи выставили за дверь. Казалось, они знали, что он пришел к ним как друг.

— Кто дежурный врач? — спросил Дэн.

— Ты, — тут же ответила Клодетт.

— Я о настоящем докторе, ты же понимаешь.

— Эмерсон, но когда я ему позвонила, его секретарша меня сразу же обломала. Говорит, от Берлина до Манчестера стоит непроходимый туман, и даже снегоочистители (кроме тех, что на главных магистралях) дожидаются утра.

— Понятно, — сказал Дэн. — Я иду.

3

Поработав какое-то время в хосписе, Дэн обнаружил, что среди умирающих тоже есть классовое расслоение. Комнаты в главном корпусе были больше и дороже, чем в Ривингтоне-1 и Ривингтоне-2. В викторианском особняке, где некогда обитала и писала свои романы Хелен Ривингтон, комнаты назывались «апартаментами» и носили имена знаменитых нью-гэмпширцев. Чарли Хэйес обитал в «Алане Шепарде». Чтобы попасть туда, Дэну надо было пройти закоулок у подножия лестницы с торговыми автоматами и несколькими пластиковыми стульями. На одном из них развалился Фред Карлинг, закусывавший крекерами с арахисовым маслом и читавший старый выпуск «Популярной механики». Карлинг был одним из трех санитаров смены с восьми до полуночи. Другие двое дважды в месяц переходили в дневную смену, Карлинг — никогда. По его собственным словам, он был совой. Этот здоровяк с руками, покрытыми татуировками — памятью о байкерском прошлом, попросту отсиживал положенные часы.

— Ты смотри! — протянул он. — Никак наш Дэнни! Или ты сегодня в своем секретном амплуа?

Дэн все еще толком не проснулся и был не в настроении стебаться.

— Что там с мистером Хэйесом?

— Ничего. Но кот у него, а это обычно значит, что они вот-вот откинут коньки.

— Кровотечения не было?

Здоровяк пожал плечами.

— Ну, маленько кровило из носа. Я сунул кровавые полотенца в «чумной мешок», как положено. Они в первой прачечной, если хочешь убедиться.

Дэн хотел было спросить, как можно охарактеризовать носовое кровотечение, потребовавшее более одного полотенца для ликвидации последствий, словом «маленько», но передумал. Карлинг был бесчувственный чурбан, и Дэн не понимал, зачем его взяли на эту работу — даже в ночную смену, когда большинство гостей либо спало, либо старалось вести себя тихо и никому не мешать. Он подозревал, что кто-то нажал на нужные рычаги. На этом держится мир. Разве его собственный отец не нажал на рычаги, чтобы получить свою последнюю должность — смотрителя в «Оверлуке»? Может быть, это и не бесспорное доказательство того, что протекция — не лучший способ найти работу, но безусловно подкрепляет эту теорию.

— Приятного вам вечера, доктор Со-о-о-он! — крикнул ему вслед Карлинг, даже не пытаясь говорить потише.

На сестринском посту Клодетт расписывала график приема лекарств, а Дженис Баркер смотрела маленький телевизор, приглушив звук. Шла бесконечная реклама средства для очищения кишечника, но Джен уставилась на экран, вытаращив глаза и раскрыв рот. Она вздрогнула, когда Дэн побарабанил пальцами по барьеру, и он понял, что она не была зачарована зрелищем, а просто наполовину заснула.

— Вы можете мне сказать что-нибудь существенное о Чарли? Карлинг ни черта не знает.

Клодетт бросила взгляд на коридор, чтобы убедиться, что Фреда Карлинга нет поблизости, но на всякий случай все же понизила голос.

— Толку от него, как от бычьего вымени. Я все надеюсь, что его уволят.

Дэн оставил свое — аналогичное — мнение при себе. Постоянная трезвость, как он убедился, чудесным образом влияла на умение сдерживаться.

— Я заходила к нему пятнадцать минут назад, — сказала Джен. — Мы стараемся заглядывать почаще, когда мистер Кис-Кис наносит им визит.

— Аззи давно уже там?

— Он мяукал под дверью, когда мы в полночь заступили на смену, — ответила Клодетт, — так что я его впустила. Аззи прыгнул прямиком на кровать. Ты знаешь, как он обычно делает. Я хотела тебе позвонить, но

Чарли не спал и реагировал на окружающее. Я поздоровалась, он ответил и стал гладить Аззи. Так что я решила подождать. Где-то через час у него пошла носом кровь. Фред его умыл. Пришлось ему сказать, чтобы положил полотенца в «чумной мешок».

«Чумными мешками» персонал называл растворимые пластиковые пакеты, в которых хранились одежда, белье и полотенца, загрязненные физиологическими жидкостями или тканями. Таковы были правила в этом штате, установленные, чтобы предотвратить распространение переносимых с кровью патогенов.

— Когда я заглянула к нему минут сорок-пятьдесят назад, — сказала Джен, — он спал. Я потрясла его за плечо. Он открыл глаза, и они были налиты кровью.

— Тогда я позвонила Эмерсону, — вставила Клодетт. — И когда его секретарша сказала мне «фигушки», я вызвала тебя. Ты спустишься?

— Да.

— Удачи, — сказала Джен. — Звони, если что.

— Ладно. Почему ты смотришь рекламу средства для очищения кишок, Дженни? Или это слишком личный вопрос?

Она зевнула.

— В такое время показывают только ее и еще рекламу бюстгальтера «Ах Бра». Он у меня уже есть.

Дверь номера «Алан Шепард» была полуоткрыта, но Дэн все равно постучался. Не услышав ответа, он открыл ее до конца. Кто-то (наверное, одна из медсестер — Фред Карлинг на такое бы не сподобился) слегка приподнял изголовье кровати. Чарли Хэйес был накрыт простыней до самой груди. Девяностооднолетний старик был таким худым и бледным, что, казалось, его и вовсе нет. Дэну пришлось простоять без движения тридцать секунд, чтобы удостовериться, что пижамная рубашка старика поднимается и опускается. У жалкого костлявого бедра свернулся калачиком Аззи. Когда Дэн вошел в комнату, кот уставился на него своими непроницаемыми глазами.

— Мистер Хэйес? Чарли?

Чарли глаз не открыл. Веки его были синюшными. Под глазами кожа была еще темнее, фиолетово-черного цвета. Когда Дэн подошел к кровати, он увидел еще один цвет: корку запекшейся крови под каждой ноздрей и в

уголке обрамленного складками рта.

Дэн прошел в ванную, взял губку, смочил ее водой, выжал. Когда он вернулся к кровати, Аззи поднялся и легонько переступил на другую сторону спящего, давая Дэну присесть. Простыня сохранила тепло кошачьего тела. Дэн осторожно вытер кровь у Чарли под носом. А когда вытирал рот, старик открыл глаза.

— Дэн. Это же ты? А то что-то у меня глаза затуманились.

Не затуманились, а налились кровью.

— Как вы себя чувствуете, Чарли? Вам больно? Если да, то я попрошу Клодетт принести вам обезболивающее.

— Нет, боли нет, — ответил Чарли. Мельком взглянув на Аззи, Чарли снова смотрел на Дэна. — Я знаю, почему он здесь. И я знаю, почему здесь ты.

— Я здесь потому, что меня разбудил ветер. А Аззи просто слонялся в поисках компании. Кошки — ночные животные, сами знаете.

Дэн поднял рукав пижамы Чарли, чтобы измерить пульс, и увидел четыре фиолетовых синяка на старицкой руке-палочке. На поздних стадиях у больных лейкозией оставались следы чуть ли не от взгляда, но тут были отметины от пальцев, и Дэн отлично знал, кто их оставил. За годы трезвости он научился сдерживаться, но его грозный нрав никуда не делся, как не делось периодическое и почти нестерпимое желание выпить.

«Карлинг, сукин ты сын. Что, старик недостаточно быстро шевелился? Или ты обозлился, что вместо чтения журналов и поедания этих блядских крекеров тебе пришлось останавливать кровотечение?»

Он старался не показывать своих чувств, но Аззи, казалось, все понял и тревожно мякнул. При других обстоятельствах Дэн задал бы кое-кому парочку вопросов, но сейчас у него было дело поважнее. Аззи снова не ошибся: Дэну хватило одного прикосновения к старику, чтобы понять это.

— Я боюсь, — еле слышно прошептал Чарли. Тише, чем мерный гул ветра за окном. — Думал, не буду, а все равно боюсь.

— Бояться нечего.

Вместо того чтобы измерить старику пульс, — все равно особого смысла в этом не было, — Дэн взял его руку в свою. Увидел, как четырехлетние сынишки-близнецы Чарли катаются на качелях. Увидел, как жена Чарли задерживает в спальне занавески. На ней нет ничего, кроме кружевной комбинации, которую муж подарил ей на первую годовщину свадьбы. Она поворачивается к нему, ее конский хвост падает на плечо, а лицо светится улыбкой, говорящей «да». Дэн увидел трактор с полосатым зонтиком над сиденьем. Почуял запах бекона и услышал «Лети со мной»

Фрэнка Синатры, которая лилась из старенького радио на заваленном инструментами верстаке. Увидел, как в полном дождя колесном колпаке отражается красный сарай. Дэн ел голубику, свеживал оленя и рыбачил на каком-то далеком озере, поверхность которого рябила под осенним дождем. Ему было шестьдесят, и он танцевал с женой в зале «Американского легиона». Ему было тридцать, и он колол дрова. Ему было пять, и он, одетый в шорты малыш, тащил за собой красную тележку. Потом картинки слились воедино, как сливаются тасуемые карты в руках у шулера; ветер с гор пригонял все новый и новый снег, а здесь, в комнате, стояла тишина и светились торжественные и серьезные глаза Аззи. В такие минуты Дэн понимал свое предназначение. В такие минуты он не сожалел ни о боли, ни о горе, ни о гневе и страхе: ведь именно они привели его сюда, в эту комнату с воющим за окнами ветром. Чарли Хэйес подошел к границе.

— Ада я не боюсь. Я прожил хорошую жизнь, да и не верю я в подобное место. Я боюсь, что не будет вообще ничего. — Дыхание его сбилось. В уголке правого глаза набухла кровавая слезинка. — Ведь ДО не было ничего — мы все это знаем — так почему же что-то должно быть ПОСЛЕ?

— Но ведь есть. — Дэн протер лицо Чарли влажной губкой. — Мы никогда не заканчиваемся по-настоящему, Чарли. Не знаю, как такое может быть и что означает, но знаю, что это правда.

— Ты поможешь мне перейти? Говорят, ты помогаешь людям.

— Да. Я помогу. — Дэн взял старика и за вторую руку. — Вам надо всего лишь уснуть. А когда проснетесь — а вы проснетесь — все будет намного лучше.

— Небеса? Ты о небесах?

— Не знаю, Чарли.

Сегодня энергия была ключом: Дэн чувствовал, как она течет по их сплетенным рукам, словно ток, и наказал себе быть помягче. Часть его вселилась в ветхое тело, которое уже отключало

(пожалуйста поторопись)

чувство за чувством. Дэн вселился в разум

(поторопись пожалуйста время пришло)

который несколько не притупился и который осознавал, что мыслит свои последние мысли... по крайней мере, в облике Чарли Хэйеса.

Налитые кровью глаза закрылись. Открылись снова. Очень медленно.

— Все хорошо, — сказал Дэн. — Вам просто надо уснуть. Сон поможет вам.

— Так ты это называешь?

— Да. Я называю это сном, и бояться его не надо. Он не навредит вам.

— Не уходи.

— Я не уйду. Я останусь с вами.

И Дэн остался. Такая вот жуткая привилегия.

Глаза Чарли снова закрылись. Дэн закрыл свои и увидел медленное синее мерцание во тьме. Один... два... стоп. Один... два... стоп. А ветер снаружи все не утихал.

— Спите, Чарли. Вы молодец, но вы устали и вам нужно заснуть.

— Я вижу жену. — Тихий, едва слышный шепот.

— Правда?

— Она говорит...

И всё. За веками у Дэна в последний раз мигнула синева, а лежащий на кровати человек в последний раз выпустил из легких воздух. Дэн открыл глаза и слушал ветер в ожидании последнего акта. Через несколько секунд он начался: из носа, рта и глаз Чарли вырвалась тусклая красная дымка. В Тампе одна старая медсестра — сияла она не больше, чем Билли Фримэн — называла ее «криком». Говорила, что видела его много раз.

Дэн видел его каждый раз.

Дымка поднялась и повисла над телом старика. Потом рассеялась.

Дэн поднял правый рукав его пижамы и проверил пульс. Обычная формальность.

5

Обычно Аззи уходил до того, как все кончится — но не сегодня. Он стоял на стеганом покрывале рядом с бедром Чарли и смотрел на дверь. Дэн обернулся, ожидая увидеть Клодетт или Джен, но там никого не было.

Или был?

— Есть тут кто?

Ничего.

— Ты — девочка, которая иногда пишет на моей доске?

Нет ответа. Но кто-то там был, однозначно.

— Тебя зовут Абра?

Раздалось слабое, почти неслышное из-за ветра журчание фортепианной мелодии. Дэн мог бы принять это за проделки своего воображения (он не всегда мог отличить его от сияния), а вот Аззи — нет. Его уши подергивались, глаза ни на секунду не отрывались от пустого дверного проема. Кто-то там стоял. Наблюдал.

— Ты — Абра?

Еще один фортепианный ручеек, затем снова тишина. На этот раз — настоящая. Как бы ее ни звали, она ушла. Аззи потянулся, спрыгнул с кровати и, не оборачиваясь, ушел.

Дэн посидел еще немного, слушая ветер. Затем опустил кровать, накрыл лицо Чарли простыней и вернулся на сестринский пост сообщить, что на этаже умер постоялец.

6

Покончив со своей частью бумажных формальностей, Дэн спустился в закуток у лестницы. Когда-то он бежал бы туда бегом, заранее сжав кулаки, но эти дни миновали. Он шел, делая медленные глубокие вдохи, чтобы успокоить душу и разум. У АА была поговорка, «Не пей не подумав», но Кейси К. говорил ему во время их еженедельных встреч наедине, что вообще ничего не надо делать, не подумав. «Не для того ты протрезвел, чтоб быть дураком, Дэнни. Подумай об этом, когда у тебя в голове в следующий раз начнется заседание бюро „Башка с дырой“».

Но эти чертовы отметины от пальцев!

Карлинг сидел, откинувшись на стуле, и на сей раз ел мятные конфетки «Джуниор». Место «Популярной механики» занял иллюстрированный журнал с фото звезды нового сериала про «крутых парней» на обложке.

— Мистер Хэйес скончался, — мягко сказал Дэнни.

— Прискорбно. — Даже глаз не поднял от журнала. — Но для этого они сюда и приходят, разве не...

Дэн зацепил одной ногой висящую в воздухе переднюю ножку стула Карлинга и дернул. Стул откатился в сторону, Карлинг приземлился на пол. Коробка с «Джуниорами» вылетела у него из рук. Он изумленно уставился на Дэна.

— Теперь ты меня внимательно слушаешь?

— Ах ты сукин...

Карлинг начал подниматься. Дэн поставил ногу ему на грудь и пихнул обратно к стене.

— Вижу, что да. Хорошо. Лучше тебе сейчас не вставать. Посиди и послушай меня.

Дэн наклонился вперед и уперся руками в колени. Вцепился в них, потому что сейчас эти руки хотели одного: бить. И бить. И бить. Виски у

него пульсировали. «Медленно, — сказал он себе. — Не позволяй всему этому взять над собой верх».

Но это было трудно.

— Если я еще раз увижу следы твоих пальцев на пациенте, то сфотографирую их и пойду к миссис Клаузен, и ты окажешься на улице, несмотря на все свои связи. И как только ты перестанешь быть сотрудником этого учреждения, я найду тебя и вышибу мозги.

Карлинг поднялся, упираясь спиной в стену и не сводя глаз с Дэна. Он был выше и тяжелей минимум на сто фунтов.

— Интересно будет посмотреть, — бросил он, сжав кулаки. — Может, прямо сейчас?

— Запросто, только не здесь, — сказал Дэн. — Люди пытаются спать, и по соседству с нами лежит покойник. С отметинами от твоих рук.

— Да не трогал я его, только пульс пощупал. Ты же знаешь, у этих лейкемиков синяки мигом появляются.

— Знаю, — согласился Дэн, — но ты нарочно причинил ему боль. Не знаю, зачем, но знаю, что это так.

В мутных глазах Карлинга что-то мелькнуло. Не стыд; Дэн не верил, что он способен его испытывать. Просто недовольство тем, что его видят насквозь. И страх быть пойманным.

— Великий человек! Доктор Сон! Думаешь, твое дерьмо не воняет?

— Ну давай выйдем, Фред. Я только рад буду.

Это была правда. Внутри у него сидел второй Дэн. Он уже не был так близко к поверхности, но никуда не ушел и не перестал быть все тем же отвратительным, безрассудным сукиным сыном. Краем глаза Дэн видел Клодетт и Джен — они стояли в коридоре, обнявшись, и смотрели на них вытаращив глаза.

Карлинг задумался. Да, он был крупнее, и руки у него были длиннее. Но он потерял форму — слишком много буррито с двойной начинкой, слишком много бутылок пива, и дышалка уже не та, что в двадцать лет, — а в лице этого тощего парня было что-то настораживающее. Он встречал таких раньше, когда еще был с «Дорожными святыми». Есть парни, у которых сломан переключатель в башке. Они легко заводятся, и тогда уж их не остановишь, пока не перегорят. Он считал Торранса забитней-ботаником, который не произнесет слово «говно», даже если ему набьют им рот, но теперь увидел, что ошибался. Его секретным ампула был не доктор Сон, а доктор Псих.

Обдумав все это, Фред сказал:

— Не хочу руки пачкать.

Дэн кивнул.

— Правильно. Не придется зря мерзнуть. Просто запомни мои слова. Если не хочешь попасть в больницу, не распускай руки.

— Кто-то умер и назначил тебя главным?

— Не знаю, — сказал Дэнни. — Правда не знаю.

Дэн вернулся к себе и забрался в постель, но заснуть не мог. За время работы в «Доме Ривингтон» он совершил около полусотни предсмертных визитов, и обычно они его успокаивали. Но не сегодняшний. Дэна до сих пор трясло от ярости. Рациональная часть его разума ненавидела эту багровую бурю, но другая, глубинная часть, ею наслаждалась. Возможно, всему виной старая добрая генетика — триумф природы над воспитанием. Чем дольше он оставался трезвым, тем больше воспоминаний всплывало. Одни из самых ясных — отцовские приступы гнева. Он надеялся, что Карлинг поймает его на слове. Выйдет наружу, на снег и ветер, где Дэн Торранс, сын Джека, пропишет этому никчемному щенку его лекарство.

Видит бог, он не хотел превращаться в своего отца, чьи приступы трезвости держались на сцепленных зубах. «Анонимные алкоголики» должны были помочь справиться с гневом — и практически сделали это, но выпадали такие дни, как сегодня, когда Дэн понимал, насколько хрупок этот барьер. Дни, когда он чувствовал себя никчемным, и, казалось, не заслуживал ничего лучшего, чем выпивка. В такие дни он особенно сильно чувствовал свою близость с отцом.

Он подумал: «Мама».

Он подумал: «Сахав».

Он подумал: «Никчемным щенкам нужно лекарство. И ты знаешь, где его продают, верно? Да на каждом шагу, мать его так».

Башня застонала под сильным порывом ветра. Когда ветер стих, в комнате возникла девочка, которая любит играть с доской. Дэн почти слышал ее дыхание.

Он вытащил одну руку из-под одеял. Какое-то мгновение она просто висела в холодном воздухе, а потом он почувствовал, как ладонь девочки — маленькая, теплая — скользнула в его ладонь.

— Абра, — произнес он. — Твое имя — Абра, но иногда тебя зовут Эбби, правильно?

Ответа не последовало, но ему он был и не нужен. Все, что ему было

нужно — ощущение тепла ее руки. Оно длилось всего несколько секунд, но этого было достаточно, чтобы его успокоить. Дэн закрыл глаза и уснул.

8

В двадцати милях от него, в городке Эннистон, Абра Стоун лежала без сна. Она чувствовала чужую руку секунду или две, после чего та превратилась в туман и исчезла. И все же она была. Он был там. Абра обнаружила его во сне, но когда проснулась, сон оказался явью. Она стояла в дверях какой-то комнаты. То, что она видела, одновременно ужасало и восхищало. Там была смерть — смерть пугала, — но еще там была помощь. Тот, кто помогал, не мог видеть Абра, а вот кот мог. Кота звали почти так же, как ее — не совсем, но похоже.

«Он не видел меня, но чувствовал. И только что мы были вместе. Наверное, я помогла ему — как он помог дяденьке, который умер».

Эта была хорошая мысль. Ухватившись за нее (как она ухватилась за призрачную руку), Абра повернулась на бок, прижала своего плюшевого кролика к груди и уснула.

Глава пятая

УЗЕЛ ВЕРНЫХ

1

Узел верных не был зарегистрированной компанией, но если бы был, то для некоторых поселков в Мэне, Флориде, Колорадо и Нью-Мексико она стала бы «градообразующим предприятием». Если бы вы задались целью найти хозяина какого-нибудь бизнеса или земельного участка в таком вот городке, то рано или поздно — распутав клубок всевозможных холдингов — вышли бы на Узел. Городки вроде Сухого Поворота, Салимова Удела, Ори и Сайдвиндера (названия-то какие!) служили Верным безопасной гаванью, но надолго в них они не задерживались, предпочитая вести кочевую жизнь. Если вы колесите по трассам и автострадам Америки, то вполне могли их видеть. К примеру, на федеральной трассе I-95 в Южной Каролине, где-нибудь к югу от Диллона и к северу от Санти. А может, на 80-й федеральной в Неваде, в гористой местности к западу от Дрейпера. Или в Джорджии, когда преодолевали (медленно, если вы себе не враг) напичканный радарными отрезок 41-го шоссе на выезде из Тифтона.

Сколько раз вы плелись за громоздким домом-фургоном, вдыхали выхлопные газы и горели желанием пойти на обгон? Ползли со скоростью сорок миль в час вместо совершенно законных шестидесяти пяти или даже семидесяти? А наконец выехав на свободную левую полосу, не верили своим глазам при виде уходящей вдаль череды этих чертовых прожорливых колымаг: едут ровно на десять миль медленнее разрешенной скорости, а за рулем сгорбились очкастые старички, вцепившись в руль так, будто он вот-вот от них улетит.

А может, вы натыкались на них в зонах отдыха около автострад, где останавливались размять ноги и скормить пару четвертаков торговым автоматам. Съезд к таким зонам делится надвое, правильно? Легковушки съезжают на одну стоянку, а фуры и дома-фургоны — на другую. Как правило, стоянка для фур и домов на колесах располагается немного дальше. Там вы и могли увидеть фургоны Верных, сбившиеся в стадо. Увидеть, как их владельцы идут к главному зданию. Идут медленно, потому что многие из них стары, а некоторые жирны до неприличия. И всегда группой, сторонясь чужаков.

Иногда они съезжают с трассы к скоплению заправок, мотелей и забегаловок. И если вы замечаете их фургоны около «Макдональдса» или «Бургер Кинга», то проезжаете дальше, потому что знаете, что они сейчас выстроились в длинную очередь к прилавку: мужчины в кепках для гольфа или рыбацких шляпах с длинным козырьком, женщины в леггинсах (обычно нежно-голубых) и футболках с надписями вроде «Спросите меня о внуках!», или «Иисус — король», или «Счастливый путник». Лучше вы проедете еще полмили до «Вафельного дома» или «Шониз», правильно? Ведь вы знаете, как долго они проторчат у прилавка: сначала пристально изучат меню, а потом потребуют свои гамбургеры обязательно с пиккулями или без соуса. А еще они непременно спросят, есть ли в округе какие-нибудь достопримечательности (даже если и ежу понятно, что в этой дыре проживает полтора человека, и что молодежь бежит из нее сразу после окончания ближайшей школы).

Вы едва их замечаете, правда? Да и зачем? Ведь это всего лишь Фургонщики — старики-пенсионеры да несколько соотечественников помоложе, которые прожигают свои неприкаянные жизни в бесконечных разъездах по шоссе и сельским дорогам. Добравшись до очередной лагерной стоянки, они рассаживаются кружком на своих складных стульях, колдуют над жаровнями и болтают о вложении денег, рыбацких соревнованиях, рецептах мясного рагу и еще бог знает о чем. Фургонщики никогда не пропускают блошинных рынков и дворовых распродаж, паркуя своих динозавров так, что те занимают полдороги, и вам приходится ползти по-черепаши, чтобы их объехать. Фургонщики — прямая противоположность байкеров, которые иногда проносятся мимо вас на тех же дорогах и шоссе. Мирные ангелы, а не Дикие.

Фургонщики раздражают до чертиков, когда атакуют всем скопом какую-нибудь зону отдыха, занимая все туалеты. Но когда их упрямые, оглушенные дорогой кишки все-таки срабатывают, и вы, наконец, добираетесь до нужника, Фургонщики тут же вылетают у вас из головы, правда? Они ничем не примечательнее стаи птиц на телефонных проводах или стада коров на придорожном лугу. О, вы наверняка задавались вопросом, как это им удастся прокормить своих прожорливых монстров (видимо, они имеют неплохой и постоянный доход, раз могут себе позволить без усталости колесить по стране). А еще вы, наверное, задумывались, зачем кому-то проводить свои золотые годы, наворачивая милю за милей по американским городам и весям. И всё. Вряд ли они еще чем-то вас интересовали.

А если вы — один из тех несчастных, у кого когда-то пропал ребенок

(исчез бесследно, оставив лишь велосипед на каком-то пустыре или кепочку в кустах на берегу реки), вы бы никогда не заподозрили ИХ. Да и с чего бы? Нет, скорее всего, его похитил бродяга. Или (думать о таком тяжело, но звучит правдоподобно) какой-то больной ублюдок из вашего же города, может, даже из вашего района, а то и с вашей улицы. Убийца-извращенец, которому прекрасно удастся выглядеть нормальным, пока кто-то не находит залежи костей у него в подвале или на заднем дворе. Вы никогда не заподозрите Фургонщиков, этих пенсионеров средних лет и бодреньких старичков в кепках с приклеенными к козырькам цветочками.

И в большинстве случаев будете правы. Фургонщиков — тысячи, но к 2011-му году в Америке остался лишь один Узел: Узел верных. Они любили кочевую жизнь, и это хорошо, потому что по-другому им было нельзя. Если бы они остались надолго на одном месте, то рано или поздно привлекли бы к себе внимание, потому что старели они не как обычные люди. Энни Фартук и Грязный Фил (для лохов — Энн Ламонт и Фил Капуто) могли состариться на двадцать лет за одну ночь. Малявкам-близнецам (Горошине и Стручку), которые еще вчера выглядели на двадцать два, сегодня не дашь и двенадцати (столько им было в день Перехода, да только Переход случился очень-очень давно). Среди Верных по-настоящему молодой была только Энди Штайнер, известная теперь как Гремучка Энди... но даже она была старше, чем выглядела.

Дряхлая ворчливая старушонка восьмидесяти лет вдруг превращалась в шестидесятилетнюю. Морщинистый семидесятилетний старикан отбрасывал трость; кожные опухоли на его руках и лице исчезали.

Черноглазая Сьюзи переставала хромать.

У полуслеплого Дизеля Дага прояснялись глаза, а лысина волшебным образом зарастала волосами. И вот уже — вуаля! — ему снова сорок пять.

Горбатая спина Парохода Стива выпрямлялась. Его жена Матрешка избавлялась от неудобных резиновых подгузников, надевала ковбойские сапоги со стразами и бежала на танцы.

Если бы у людей было время заметить подобные перемены, то они начали бы раздумывать и судачить. А там уже недалеко и до визита какого-нибудь репортеришки. Публичности Верные сторонились так же, как вампиры якобы сторонятся солнечного света.

Но, как мы уже выяснили, на одном месте Верные не живут (а если и останавливаются на длительный срок в каком-нибудь из городов «компаний», то держатся обособленно), поэтому в окружение они вписываются прекрасно. И почему нет? Они одеваются так же, как обычные Фургонщики, носят такие же дешевенькие солнечные очки,

покупают те же сувенирные футболки и сверяются с теми же дорожными картами. Их «Баундеры» и «Виннебаго» точно так же кричат всему миру об интересных местах, в которых побывали («Я помог украсить самую большую елку в Рождественской стране!»). Если вам не повезло, и вы плететесь за ними по дороге, то читаете вы все те же бамперные наклейки («Старый, но живой»; «Спасите „Медикэр“»; «Я консерватор, и я голосую!»), пока, наконец, вам не удастся пойти на обгон. Они едят жареных кур из KFC, а иногда покупают лотерейный билет в каком-нибудь круглосуточном магазине, продающем пиво, наживку, патроны, журналы «Мотор тренд» и десять тысяч видов шоколадных батончиков. Если в городке, в котором они остановились, есть бинго-зал, то некоторые вполне могут туда отправиться, занять столик, а если уж играть — так до упора. Однажды Скрыга Джи (для лохов — Грета Мур) выиграла в таком зале пятьсот долларов, после чего несколько месяцев не могла нахвастаться. В деньгах Верные не нуждались, но некоторых дам подобное поведение жутко раздражало. Чарли Жетону оно тоже не очень нравилось: он пять ходов прождал нужное ему для выигрыша число, а в результате победила Скрыга.

— Скрыга, фартовая ты сучка, — сказал тогда он.

— Зато ты нефартовый, — отпарировала та. — Нефартовый негритос.

И, фыркнув, удалилась.

Если кого-нибудь из них останавливали за превышение скорости — а такое случалось, хоть и редко, — то полицейскому предъявлялись безупречные водительские права, страховые и прочие документы. Никто не поднимал голоса, когда коп выписывал штраф, пусть даже речь шла о вопиющем жульничестве. Обвинения никогда не оспаривались, а штрафы выплачивались в срок. Америка — живой организм, трассы — артерии, и Узел верных скользил по ним незаметным вирусом.

А вот собак у них нет.

Обычные Фургончики путешествуют с целыми сворами: как правило, это мелкие засранки с белой шерсткой, цветастыми ошейниками и мерзким нравом. В общем, сами знаете. Их лай нервирует до жути и режет слух, а маленькие крысиные глазки светятся таким умом, что вам становится не по себе. Они постоянно что-то там вынюхивают на отведенных для выгула собак участках придорожных стоянок, а их владельцы следуют за ними по пятам с совочками наготове. В дополнение к обычным наклейкам, Фургончики-собачники украшают свои передвижные дома ромбовидными желтыми знаками с надписями вроде «На борту померанец» или «Я ♥ своего пуделечка».

Но только не Верные. Они не любят собак, а собаки не любят их. Наверное, потому, что собаки видят их насквозь. За стеклами дешевых солнечных очков собаки видят острые, настороженные глаза. Под полиэстровыми брюками они видят сильные и мускулистые ноги охотников, а под вставными челюстями — острые зубы, жаждущие вырваться наружу.

Собак Верные не любят, зато они любят некоторых детишек.

О да, кое-каких детишек они просто обожают.

2

В мае 2011 года, вскоре после десятого дня рождения Абры и десятой годовщины Дэна Торранса в АА, Папаша Ворон постучался в дверь Розиного «Эрскрузера». Верные бросили якорь на «Уютной стоянке» под Лексингтоном в штате Кентукки. Они направлялись в Колорадо, где собирались провести большую часть лета в одном из своих городков, в который Дэн иногда возвращался в снах. Обычно они никуда не спешили, но этим летом у них было срочное дело. Все об этом знали, хотя никто не упоминал вслух.

Роза обо всем позаботится. Как всегда.

— Заходи, — сказала она, и Папаша Ворон шагнул внутрь.

По делам он всегда отправлялся в хороших костюмах и дорогих туфлях, начищенных до зеркального блеска. Если Ворону хотелось внести ретро-нотку, он брал с собой трость. В это утро на нем были мешковатые штаны с подтяжками, полосатая футболка с изображением рыбы («Уху ел?», — гласила надпись под ней) и плоская кепка работяги, которую он снял, закрывая за собой дверь. Время от времени он исполнял роль ее любовника, а не только правой руки, но никогда не забывал проявлять уважение. И это нравилось Розе, как и многое другое в нем. Она не сомневалась, что Ворон сможет возглавить Верных, если она умрет. По крайней мере, на какое-то время. Но на сто лет? Вряд ли. Скорей всего, нет. Ворон умел очаровывать и чисто обстряпывать дела с лохами, но способностью планировать обладал лишь в зачаточном состоянии и не был наделен даром предвидения.

Этим утром вид у него был озабоченный.

Роза сидела на диване в брюках-капри и простом белом лифчике, курила и смотрела третий час шоу «Сегодня» на огромном настенном телевизоре. Это был «тихий час», когда в качестве гостей в студии

выступали знаменитые повара и актеры, рекламирующие новые фильмы. Ее цилиндр был заломлен назад. Папаша Ворон знал ее дольше, чем лохи живут, но по-прежнему не понимал, как шляпе удастся попить закон тяготения.

Он взяла пульт и выключила звук.

— Никак Генри Ротман собственной персоной! И выглядит крайне аппетитно, хотя сомневаюсь, что ты пришел на дегустацию. Без четверти десять утра, да еще с таким выражением на лице. Кто умер?

Она сказала это в шутку, но при виде его нахмуренного лба поняла, что попала в точку. Роза выключила телевизор и начала старательно тушить сигарету, не желая, чтобы он заметил ее смятение. Некогда в рядах Верных насчитывалось двести человек. На вчерашний день их было сорок один. И если она правильно поняла его гримасу, то сегодня осталось на одного меньше.

— Томми Грузовик, — сказал он. — Скончался во сне. Схлопнулся за один цикл. Он совсем не страдал. А это редко бывает, как ты знаешь.

— А Орех его осмотрел?

«Пока еще было на что смотреть», — подумала она, но вслух не добавила. Грецкий Орех, в чьих лоховских водительских правах и на разнообразных кредитных картах значилось имя Питера Уоллиса из Литл-Рока, штата Арканзас, был костоправом Верных.

— Нет, все случилось слишком быстро. С ним была Тяжелая Мэри. Томми ее разбудил — начал метаться. Она решила, что ему снится кошмар, и ткнула локтем. Только тыкать было уже не во что, кроме пижамы. Наверно, инфаркт. Томми был простужен; Орех считает, что это могло сыграть свою роль. И ты же знаешь, этот сукин сын всегда дымил как паровоз.

— У нас не бывает инфарктов. — С неохотой Роза добавила:

— Вообще-то, конечно, у нас и простуд обычно не бывает. В последние дни он весь изошел хрипом, верно? Бедняга Том.

— Да, бедняга Том. Орех говорит, что без вскрытия ничего точно не скажешь.

А вскрытие не состоится. Тела нет, резать нечего.

— Как там Мэри?

— А ты как думаешь? У нее сердце разбито нафиг! Они вместе еще с тех пор, когда Томми Грузовик был Томми Повозкой. Почти девяносто лет. Это она заботилась о нем во время Перехода. В первый раз дала ему пар, когда он очнулся на следующий день. Теперь она говорит, что хочет покончить с собой.

Шокировать Розу было трудно, но эти слова сделали свое дело. Никто из Верных не совершал самоубийств. Жизнь была — если говорить афоризмами — единственным, ради чего они жили.

— Наверно, это просто слова, — сказал Папаша Ворон. — Но...

— Что — но?

— Ты права, обычно мы не болеем, но в последнее время простуд было немало. В основном просто насморк — пришел и прошел. Орех говорит, что это может быть от недостатка питания. Конечно, это только предположение.

Роза задумалась, барабанила пальцами по голому животу и уставившись в темный прямоугольник телевизора. Наконец она сказала:

— Ну да, согласна, в последнее время с питанием было не очень, но мы брали пар в Делавэре всего месяц назад, и Томми тогда был в порядке. Надулся как шарик.

— Да, но, Роза... Паренек из Делавэра был так себе. Больше интуиции, чем пара.

Она никогда не думала об этом в таком ракурсе, но это была правда. К тому же ему было девятнадцать, судя по водительским правам. Парень давно миновал расцвет, который, возможно, пережил в переходном возрасте. Лет через десять он стал бы обычным лохом. Может, даже через пять. Да, особенно сытным блюдом его не назовешь, это верно. Но не всегда же питаться одними бифштексами. Иногда приходится довольствоваться зеленой фасолью и тофу. По крайней мере, они помогают удержать душу в теле, пока не заколешь следующую корову.

Однако духовный тофу с фасолью не помог Томми Грузовику удержать душу в теле, верно?

— Раньше пара было больше, — сказал Ворон.

— Не тупи. Ты как лохи, которые говорят, что пятьдесят лет назад люди были дружелюбнее. Это миф, и я не хочу, чтобы ты его распространял. Люди и так нервничают.

— Ты знаешь, что я не такой. И я не думаю, что это миф, дорогая. Если подумать, в этом есть свой резон. Пятьдесят лет назад всего было больше — нефти, дикой природы, плодородной земли, чистого воздуха. Было даже несколько честных политиков.

— Да уж! — воскликнула Роза. — Ричард Никсон, помнишь такого? Принц Лохов!

Но он не поддался на эту смену темы. Пусть Ворону не хватало размаха, но отвлечь его было трудно. Потому-то она и сделала его своей правой рукой. Возможно, он даже был прав. Кто бы стал утверждать, что

ряды людей, способных удовлетворить потребность Верных в пище, не поределели, как косяки тунца в Тихом океане?

— Наверное, стоит открыть одну из канистр, Роза. — Он увидел, как расширились ее глаза, и поднял руку, призывая ее дослушать. — Никто не говорит об этом вслух, но так думает вся семья.

Роза в этом не сомневалась, и мысль о том, что Томми умер от осложнений, спровоцированных недостатком питания, казалась до ужаса правдоподобной. Когда пара не хватает, жизнь становится тяжелей и теряет вкус. Они, конечно, не вампиры из старых ужастиков студии «Хаммер», но есть им тем не менее надо.

— Когда у нас в последний раз была седьмая волна?

Он знал ответ не хуже нее. Способности Верных к предсказаниям были ограничены, но когда надвигалась действительно большая катастрофа — седьмая волна, они все ее чувствовали. Хотя детали атаки на Всемирный торговый центр стали проявляться для них только в конце лета две тысячи первого года, но о том, что в Нью-Йорке что-то произойдет, им стало известно за много месяцев. Она хорошо помнила эту радость и предвкушение. Наверное, голодные лохи чувствуют то же самое, когда из кухни доносится аромат особенно аппетитного блюда.

В тот день им всем хватило с избытком, и в последующие дни тоже. Быть может, среди тех, кто погиб, когда пали Башни, было всего несколько настоящих пароходов, но когда катастрофа достаточно велика, агония и насильственная смерть улучшают качество пара. Поэтому Верных и тянуло к таким местам, как мошек на яркий свет. Находить отдельных лохов-пароходов было сложнее, и у них теперь осталось всего трое таких, у кого в головах был этот специализированный радар, — Дедуля Флик, Барри-Китаёза и сама Роза.

Она встала, взяла со стола аккуратно сложенную блузку с вырезом-лодочкой и натянула через голову. Как всегда, она выглядела роскошно — слегка неземная красота (с этими высокими скулами и немного раскосыми глазами), но весьма сексуальная. Она снова надела шляпу и похлопала по ней на удачу.

— Как ты думаешь, Ворон, сколько у нас осталось полных канистр?

Он пожал плечами.

— Двенадцать? Пятнадцать?

— Что-то в этом роде, — согласилась она. Лучше пусть никто из них не знает правды, даже ее главный помощник. Меньше всего ей сейчас нужно, чтобы беспокойство превратилось в откровенную панику. Когда люди паникуют, они разбегаются во все стороны. Если такое случится, Узел

верных может распасться.

Тем временем Ворон смотрел на нее, и очень внимательно. Пока он не разглядел лишнего, она поторопилась сказать:

— Ты можешь на эту ночь забронировать для нас всю стоянку?

— Смеешься? При нынешних ценах на бензин и дизель владелец сдает дай бог половину мест, даже по выходным. Он рад будет ухватиться за такой шанс.

— Тогда так и сделай. Мы откроем канистру. Скажи нашим.

— Договорились.

Он поцеловал ее, поглаживая одну грудь.

— Это моя любимая блузка.

Она засмеялась и оттолкнула его.

— У тебя любая блузка — любимая, были бы в ней титьки. Иди.

Но он медлил, слегка улыбаясь уголком рта.

— Эта девица, Гремучка, так и обнюхивает твою дверь, а, красавица?

Она протянула руку и на мгновение ухватила его ниже пояса.

— Что это у нас тут? Уж не ревнивая ли косточка?

— Допустим.

Она сомневалась в этом, но все же была польщена.

— Она теперь с Сэйри, и они счастливы вместе. И кстати об Энди: она может нам помочь. Ты знаешь, как. Объяви всем, но с ней поговори с первой.

После его ухода Роза заперла дверь «Эрскрузера», пошла в кабину и встала на колени. Она взялась за коврик между водительским креслом и педалями управления, и от него отделилась полоска. Под ней был квадратик металла со встроенной клавиатурой. Роза набрала код, и сейф приоткрылся на дюйм-другой. Она открыла дверцу до конца и заглянула внутрь.

Пятнадцать или двенадцать канистр. Так думал Ворон, и хотя Роза не могла читать мысли Верных так, как мысли лохов, но была уверена, что он нарочно занизил цифру в угоду ей.

«Если бы он только знал», — подумала она.

Сейф был выстелен пенопластом, чтобы защитить канистры на случай аварии, и в нем было сорок встроенных гнезд. Этим ясным майским утром в Кентукки тридцать семь канистр в гнездах были пусты.

Роза вытащила одну из трех полных и приподняла ее. Она была легкая. Взвесив на руке, ее легко можно было принять за пустую. Роза отвинтила крышку, проверила клапан под ней, чтобы убедиться, что печать на месте, затем закрыла сейф и осторожно — почти благоговейно — поставила

канистру на стол, на котором прежде лежала блузка.

После этой ночи останется всего две.

Им нужно было найти хороший пар и заполнить хотя бы несколько канистр, причем быстро. Верные еще не оказались припертыми к стене, но до нее оставалось всего несколько дюймов.

3

У владельца «Уютной стоянки» и его жены был собственный трейлер — стационарный вагончик, стоящий на крашенных цементных блоках. После апрельских дождей вся лужайка мистера и миссис Уют была усыпана майскими цветами. Андреа Штайнер задержалась на минутку, чтобы полюбоваться тюльпанами и анютиными глазками, а затем поднялась по трем ступенькам к двери большого редмановского трейлера и постучалась.

Мистер Уют был тут как тут — маленький человечек с огромным брюхом, обтянутым ярко-красной полосатой майкой. В одной руке он держал банку «Пабст блу риббон», в другой — кусок пористого белого хлеба, в который была завернута смазанная горчицей сосиска. Поскольку жена сидела в другой комнате, он не торопясь оглядел молодую гостью от хвостика на макушке до кроссовок.

— Да?

У Верных имелись и другие баюны, но Энди была лучшей, и ее Переход принес Узлу огромную выгоду. Она все так же по случаю очищала кошельки пожилых лохов, которые на нее западали; Роза считала это рискованным и ребяческим занятием, но по опыту знала, что со временем эти «проблемки», как их называла Энди, сойдут на нет. Для Узла верных имела значение только одна проблема — выживание.

— У меня тут есть небольшой вопрос, — сказала Энди.

— Если ты насчет туалетов, красавица, говновозка появится не раньше четверга.

— Нет, другой вопрос.

— И какой же?

— Вы не устали? Прилечь не хотите?

Мистер Уют тут же закрыл глаза. Пиво и хот-дог выпали из рук на ковер. Что ж, подумала Энди, Ворон заплатил этому парню двенадцать сотен. Мистер Уют может позволить себе бутылку чистящего средства. Или даже две.

Энди взяла его за руку и отвела в гостиную. Там стояли два кресла, обитых хлопчатобумажной тканью, и столики с подносами для «телевизионных обедов».

— Садись, — сказала она.

Мистер Уют, не открывая глаз, сел.

— Тебе нравится баловаться с девочками? — спросила Энди. — Баловался бы, если мог, а? Если бы мог их догнать.

Она смотрела на него, уперев руки в бока.

— Ты мерзкий. Ну-ка, повтори.

— Я мерзкий, — согласился мистер Уют и захрапел.

Из кухни, жуя печенье с мороженым, вышла миссис Уют.

— Эй, ты кто такая? Что ты ему там говоришь? Чего тебе надо?

— Чтобы ты уснула, — ответила Энди.

Миссис Уют выронила свое мороженое. Ее колени подогнулись, и она уселась прямо на него.

— Вот черт, — сказала Энди. — Не здесь. Вставай.

Миссис Уют поднялась, размазанное мороженное прилипло к ее платью. Гремучка Энди положила руку на почти несуществующую талию женщины и отвела ее к другому креслу, по пути смахнув мороженое с ее задницы. Вскоре супруги сидели бок о бок, глаза их были закрыты.

— Вы проспите всю ночь, — инструктировала их Энди. — Пусть мистеру снится, как он бежит за девочками. А вы, миссис, можете насладиться сном, в котором он умирает от сердечного приступа и оставляет вам миллион долларов страховки. Ну как? Звучит неплохо?

Она включила телевизор на полную громкость. Там женщина с гигантской грудью, которой удалось решить головоломку, обнимала Пэта Сэйджека. Ответом была фраза «Не почивай на лаврах».

— После одиннадцатичасовых новостей можете выключить телевизор и лечь в постель. Когда вы завтра проснетесь, то не будете помнить, что я тут была. Вопросы?

Вопросов не было. Энди оставила их и поспешила назад к фургонам. Она была голодна — уже не первую неделю, — но сегодня вечером насытятся все. Что же касается завтра... пусть об этом заботится Роза. Это ее работа, и Энди это полностью устраивало.

К восьми часам окончательно стемнело. В девять Верные собрались на

площадке для пикников. Роза Шляпница с канистрой в руке пришла последней. При виде канистры по толпе пробежал тихий жадный ропот. Роза знала, что они чувствуют. Она и сама была голодна.

Она взобралась на один из сучковатых столиков для пикника и обвела всех собравшихся взглядом.

— Мы — Узел верных.

— Мы — Узел верных, — ответили они. На их лицах застыла торжественность, в глазах — алчность и голод. — Да не будет связанное распутано.

— Мы — Узел верных, испытанный временем.

— Испытанный временем.

— Мы — избранные. Мы — счастливы.

— Мы избранные счастливы.

— Они — создают; мы — забираем.

— Мы берем то, что ими создано.

— Возьмите же это и употребите на благо.

— Мы употребим это на благо.

В последнем десятилетии двадцатого века в городке Энид, штат Оклахома, жил-был мальчик по имени Ричард Гейлсуорси. «Клянусь, — иногда говорила его мать, — этот ребенок может читать мои мысли». Люди в ответ улыбались, но она не шутила. Впрочем, скорее всего, читал он не только мысли матери — паренек получал отличные оценки на контрольных, к которым даже не готовился. Он знал, когда отец вернется домой в хорошем настроении, а когда примется ворчать о проблемах в водопроводной компании, которой владел. Как-то раз Ричард умолял мать, чтобы та сыграла в лотерею «Большая шестерка», поскольку, по его словам, точно знал выигрышные номера. Мать отказалась — они были праведными баптистами, — о чем потом горько сожалела. Не все числа, записанные Ричардом на кухонной доске для записок, совпали — лишь пять из шести. Ее религиозные убеждения стоили семье семидесяти тысяч долларов. Она упрасивала сына не рассказывать о случившемся отцу, и Ричард пообещал, что не станет. Он был хороший мальчик, прекрасный мальчик. Через два месяца после несостоявшегося выигрыша миссис Гейлсуорси была застрелена у себя на кухне, а хороший, прекрасный мальчик исчез. Его тело давно разложилось в земле заброшенной фермы, но когда Роза Шляпница открыла клапан серебряной канистры, его сущность — его пар — выпорхнула наружу облаком сверкающего серебряного тумана. Этот пар поднялся на три фута над канистрой и стал растекаться. Верные с нетерпением наблюдали за происходящим. Большинство дрожали.

Некоторые даже рыдали.

— Примите пищу и продолжайтесь, — произнесла Роза и подняла руки, почти коснувшись плоской пелены тумана. Затем сделала приглашающий жест. Туман тут же зонтиком опустился к тем, кто ждал его внизу. Когда он накрыл их головы, все жадно задышали. Это длилось минут пять, в течение которых кое-кто заработал гипервентиляцию и без чувств свалился на землю.

Роза почувствовала, как ее тело наполнилось силой, а разум — обострился. Каждый из многочисленных весенних ароматов заявил о себе в полный голос. Она знала, что исчезли все легкие морщинки вокруг ее глаз и губ, а седые пряди волос обрели прежний цвет. Позже, ночью, Ворон придет в ее фургон, и в постели они запыхают ярко, как факелы.

Они вдохнули Ричарда Гейлсуорси, и он исчез — по-настоящему и навсегда. Белый туман становился все тоньше и наконец пропал. Те, кто упал в обморок, очнулись, огляделись и заулыбались. Дедуля Флик схватил за руки Петти Китаезу, жену Барри, и исполнил с ней развеселую джигу.

— Пусти меня, старый осел! — кричала она, но при этом смеялась.

Гремучка Энди и Тихая Сэйри нежно целовались, ладони Энди утонули в мышинного цвета волосах Сэйри.

Роза соскользнула со столика и повернулась к Ворону. Он соединил указательный палец с большим и ухмыльнулся.

Все круто, говорила эта ухмылка, и так оно и было. Пока. Но, несмотря на эйфорию, Роза подумала о канистрах, что лежали в ее сейфе. К тридцати семи пустым прибавилась еще одна. Спины Верных еще на шаг приблизились к стене.

Узел убрался прочь на следующее же утро с первым лучом солнца. Караваном из четырнадцати домов-фуговнов Верные потянулись к 64-й федеральной трассе по 12-му шоссе. Добравшись до трассы, они рассредоточатся, чтобы не слишком бросаться в глаза, поддерживая связь друг с другом по рации на случай неприятностей.

Или на случай, если подвернется добыча.

Эрни и Морин Салкович, прекрасно выспавшиеся за ночь, единодушно согласились, что эти фургончики были лучшими их клиентами за все время существования кэмпинга. Мало того, что заплатили наличными и убрали за собой все до последней бумажки, так еще кто-то из них оставил

на крыльце яблочный хлебный пудинг с премилой благодарственной открыткой. Кто знает, говорили супруги Салкович, поглощая подаренный десерт на завтрак, вдруг нам повезет, и они еще приедут на следующий год.

— А знаешь что? — сказала Морин. — Мне приснилось, что та баба из рекламы страховой компании — Фло — продала тебе нехилый страховой полис. Скажи, идиотский сон?

Эрни что-то проворчал и плюхнул еще взбитых сливок на свою порцию пудинга.

— А тебе что-нибудь снилось, дорогой?

— Не-а.

Но при этих словах он отвел глаза.

6

Удача повернулась лицом к Узлу верных в жаркий июльский день в Айове. Роза, как всегда, возглавляла караван, и чуть западнее Эдэра в ее голове просигналил радар. Не оглушительно, но довольно громко. Она сразу же подключилась в любительском радиодиапазоне к Барри Китаезе, который был таким же азиатом, как Том Круз.

— Барри, ты почувствовал? Возвращайся.

— Угу.

Барри не был особенно говорлив.

— С кем сегодня едет Дедуля Флик?

Не успел Барри ответить, как к их разговору подключилась Энни Фартук.

— Он со мной и Длинным Полом. А там... что-то хорошее, а?

Голос у Энни был озабоченный, и Роза ее понимала. Ричард Гейлсуорси был очень хорош, но шесть недель — большой перерыв между трапезами, и его пар начал уже выветриваться.

— Как там старик, Энни? В здравом уме?

Не дав той ответить, в разговор вмешался хриплый голос.

— Я в порядке, женщина.

Для человека, который иногда не мог вспомнить собственного имени, Дедуля Флик, похоже, действительно был в неплохой форме. Раздраженный — да, но лучше раздраженный, чем растерянный.

Она почувствовала второй сигнал, на сей раз более слабый. Как будто в подтверждение, Дедуля сказал:

— Блядь, мы не туда едем.

Роза не удостоила его ответом и еще раз дважды нажала кнопку на микрофоне.

— Ворон, поворачивай назад, солнышко.

— Я здесь.

Мгновенно, как всегда. Только и ждал вызова.

— Заезжайте в ближайшую зону отдыха. Все, кроме меня, Барри и Флика. Мы свернем на следующем съезде и поедem обратно.

— Вам нужно подкрепление?

— Пока не знаю, надо подобраться поближе. Но вряд ли.

— Хорошо. — И, помолчав, он добавил:

— Черт.

Роза поставила микрофон на место и взглянула на бесконечные акры кукурузы по обе стороны от четырехполоски. Ворон, конечно, разочарован. Все будут разочарованы. С крупняками всегда было много проблем, потому что они почти не поддавались внушению. А значит, их приходилось брать силой. Часто пытались вмешаться друзья или члены семьи. Иногда их можно было усыпить, но не всегда; ребенок с мощным паром мог противостоять даже усилиям Гремучки Энди. Так что иногда людей приходилось убивать. Нехорошо, конечно, но результат того стоил — жизнь и сила, заключенные в стальной канистре. Припрятанные на черный день. Часто они даже получали дополнительную выгоду: пар передавался по наследству, и нередко он был у всей семьи — хотя бы по чуть-чуть.

7

Пока большая часть Верных дожидалась в приятной и тенистой зоне отдыха в сорока милях к востоку от Каунсил Блаффс, три фургона с искателями на борту развернулись, съехали с трассы около Эдэра и направились на север. Отдалившись от трассы, они разделились и начали прочесывать айовское захолустье по отлично утрамбованным местными фермерами грунтовкам, делившим эту часть штата на большие квадраты. Они подбирались к объекту с разных сторон, действуя по методу триангуляции.

Сигнал стал сильнее... еще сильнее... выровнялся. Неплохой пар, но не самый смак. Ну и ладно. Нищим выбирать не приходится.

8

Брэдли Тревора на один день освободили от работы на ферме, чтобы он мог потренироваться со сборной всех звезд местной Малой бейсбольной лиги. Если бы отец ему отказал, то тренер, наверное, взял бы с собой остальных мальчишек и пошел бы вершить над ним суд Линча, ведь Брэд был лучшим отбивающим команды. Хотя с первого взгляда и не скажешь, но худой как жердь одиннадцатилетний Брэдли запросто выбивал синглы и даблы даже у лучших питчеров округа. Простые, брошенные по центру мячи он отбивал особенно далеко, и дело тут было далеко не только в силе тяжело работающего на ферме паренька. Казалось, Брэд знал заранее, каким будет следующий бросок. Нет, он не перехватывал сигналы (о чем мрачно подумывали тренеры других команд округа). Он просто знал. Так же, как знал, где лучше всего вырыть колодец или куда запропастилась отбившаяся от стада корова. А еще он знал, где найти мамино обручальное кольцо, когда та его потеряла. Посмотри, говорит, под ковриком в «Субурбане». Там оно и оказалось.

В тот день тренировка получилась особенно успешной, но во время разбора полетов Брэд, казалось, где-то витал, а от предложенной ему газировки из бочонка со льдом отказался. Сказал, что лучше пойдет домой и поможет маме снять белье с веревок.

— А что, будет дождь? — спросил Майка Джонсон, тренер. В таких вещах они уже давно научились доверять Брэду.

— Не знаю, — вяло ответил тот.

— Сынок, ты хорошо себя чувствуешь? Что-то ты с лица спал.

По правде говоря, Брэд чувствовал себя плохо. Уже утром он проснулся с головной болью и, кажется, с температурой. Но домой он заторопился не поэтому: ему просто напрочь расхотелось быть на бейсбольном поле. Его разум как бы... не совсем ему принадлежал. Правда ли он сейчас на бейсбольном поле, или это ему только снится? Каково, а? Он рассеянно почесал красное пятнышко на руке.

— Завтра в то же время, так?

Тренер Джонсон сказал, что да, и Брэд ушел, болтая перчаткой. Обычно он чуть ли не бежал — как и все мальчишки, — но сегодня идти быстро ему что-то не хотелось. Голова всё еще болела, а теперь вдобавок заболели и ноги. Брэд скрылся в зарослях кукурузы за трибуной, решив немного сократить двухмильный путь до фермы. Из зарослей он вышел на проселочную дорогу, смахивая с волос кукурузную труху. Медленно, словно во сне. На дороге стоял среднего размера «Уондеркинг». А рядом с ним улыбался Барри Китаеза.

— А вот и ты, — сказал Барри.

— Кто вы?
— Друг. Давай, запрыгивай. Я отвезу тебя домой.
— Ладно, — сказал Брэд. Чувствовал он себя паршиво, так что предложение было очень кстати. Он почесал красное пятнышко на руке.
— Вы Барри Смит. Вы мне друг. Я залезу в кабину, и вы отвезете меня домой.

Он залез в фургон. Дверь закрылась. «Уондеркинг» укатил.

На следующий день весь округ разыскивал центрального полевого игрока и лучшего отбивающего эдэрской сборной всех звезд. Пресс-секретарь полиции штата попросил жителей сообщать обо всех подозрительных транспортных средствах. Сообщений было много, но они ни к чему не привели. И хотя три дома-фургона искателей были гораздо больше среднего автомобиля (а фургон Розы-Шляпницы — так и вовсе огромный), никто не доложил о них: они же всего лишь Фургончики и путешествовали группой. Брэд просто... исчез.

Его постигла судьба тысяч других несчастных детей: казалось, его проглотили, даже не поперхнувшись.

9

Они отвезли его на север, к заброшенному спиртовому заводу в милях от ближайшей фермы. Ворон вытащил мальчика из Розиного «Эрскрузера» и осторожно уложил на землю. Брэд, связанный изолентой, рыдал. Когда Узел верных собрался вокруг него (как толпа скорбящих над отверстой могилой), он взмолился:

— Пожалуйста, отвезите меня домой! Я никому не скажу.

Роза опустилась рядом с ним на одно колено и вздохнула.

— Я бы с радостью, сынок. Но не могу.

Он нашел взглядом Барри.

— Вы сказали, что вы хороший! Я слышал! Вы так и сказали!

— Мне очень жаль, дружок. — По Барри не было похоже, чтобы ему было жаль. — Ничего личного.

Брэд снова перевел взгляд на Розу.

— Вы собираетесь сделать мне больно? Пожалуйста, не надо!

Конечно, они собирались сделать ему больно. Как ни прискорбно, боль очищала пар, а Верным нужна была пища. Омарам тоже больно, когда их бросают в кастрюлю с кипящей водой, но это не мешает лохам их есть. Еда есть еда, а выживание есть выживание.

Роза заложила руки за спину. В одну из них Скряга Джи вложила нож. Короткий, но очень острый. Роза улыбнулась мальчику и сказала:

— Совсем немножко.

Мальчик умер не скоро. Он кричал, пока его голосовые связки не порвались и крики не перешли в хриплый лай. В какой-то момент Роза остановилась и оглянулась по сторонам. Ее длинные и сильные кисти были одеты в красные кровавые перчатки.

— Что-то не так? — спросил Ворон.

— Потом поговорим, — ответила Роза и снова принялась за дело. Свет дюжины фонариков превращал клочок земли за спиртовым заводом в импровизированную операционную.

Брэд Тревор прошептал:

— Убейте меня, пожалуйста.

Роза-Шляпница ободряюще улыбнулась ему.

— Скоро.

Но это случилось не скоро.

Хриплый лай возобновился, и со временем он превратился в пар.

На заре они закопали тело. И отправились дальше.

Глава шестая

СТРАННОЕ РАДИО

1

Такого не случилось уже года три, но некоторые вещи не забываются. Например, когда твой ребенок начинает кричать посреди ночи. Люси была одна, потому что Дэвид уехал на двухдневную конференцию в Бостон, но она знала: будь муж дома, кинулся бы в комнату Абры вместе с ней. Он тоже ничего не забыл.

Их дочь сидела в своей кровати: лицо бледное, всклокоченные со сна волосы, широко раскрытые глаза смотрят в никуда. Простыня — все, что по такой теплой погоде нужно, чтобы укрыться, — сбилась и обмоталась вокруг девочки безумным коконом.

Люси присела рядом с Аброй и обхватила ее за плечи. Это было все равно что обнимать камень. Ждать, пока Абра придет в себя, было хуже всего. Когда тебя вырывает из сна вопль собственной дочери, это ужасно, но отсутствие реакции на прикосновение — еще ужаснее. В возрасте пяти-семи лет эти кошмары случались довольно часто, и Люси всегда боялась, что рано или поздно разум ребенка не выдержит такого напряжения. Абра будет дышать, но взгляд ее навсегда останется прикованным к тому миру, который видим только ей, но не ее родителям.

«Этого не произойдет», уверял ее Дэвид, и Джон Далтон решительно его поддерживал: «Дети — существа гибкие. Если она не демонстрирует никаких продолжительных реакций: отстраненности, замкнутости, навязчивых состояний, ночного недержания, то, вероятно, с ней все в норме».

Но для детей ненормально видеть кошмары и просыпаться от собственного вопля. Ненормально, что иногда после такого пробуждения снизу доносятся нестройные фортепианные аккорды, или краны в ванной в конце коридора откручиваются сами собой, или лампа над кроватью Абры взрывается, когда Люси или Дэвид нажимают на выключатель.

Потом у Абры появился невидимый друг, и кошмары стали реже. В конце концов они и вовсе прекратились. До сегодняшней ночи. Хотя какая уж там ночь; Люси видела первые проблески зари на востоке, слава тебе господи.

— Абс? Это мама. Ответь мне.

Секунд пять или десять ничего не происходило. Но наконец статуя в объятиях Люси ожила и превратилась обратно в маленькую девочку. Абра глубоко, прерывисто вздохнула.

— Мне приснился кошмар. Как раньше.

— Я и сама догадалась, солнышко.

Выходило так, что сама Абра мало что помнила после пробуждения. Иногда ей снились люди, оравшие друг на друга и пускавшие в ход кулаки. «Он гнался за ней и опрокинул стол», — бывало, говорила Абра. В другой раз ей приснился кошмар про тряпичную куклу на шоссе. Однажды, когда Абре было всего четыре, она рассказала родителям, что видела «людей-призраков», катающихся на поезде «Хелен Ривингтон» — знаменитом аттракционе Фрейзера. Он бегал туда-сюда между Минитауном и Облачной падью. «Я их видела, потому что светила луна», — сообщила им Абра. Люси и Дэвид сидели по обе стороны от дочки, обнимая ее. Люси до сих пор помнила ощущение влажной от пота пижамы Абры. «Я знала, что они — призраки, потому что у них лица были как старые яблоки, и сквозь них светила луна».

На следующий день Абра снова бегала, играла и смеялась с подружками, но Люси так и не смогла забыть эту картину: мертвецы едут на игрушечном поезде через лес, и лица их в лунном свете похожи на прозрачные яблоки. Она спросила Кончетту, не брала ли та Абру покататься на «Ривингтоне» в один из их «девичников». Нет. Они с правнучкой побывали в Минитауне, но поезд в тот день был на ремонте, поэтому вместо этого они покатались на карусели.

Теперь же Абра подняла глаза на мать и спросила:

— Когда вернется папа?

— Послезавтра. Он обещал быть дома к обеду.

— Слишком поздно, — сказала Абра. Слеза набухла, скатилась у нее по щеке и капнула на пижаму.

— Для чего поздно? Что ты помнишь, Абба-Ду?

— Они мучили мальчика.

Люси не хотелось развивать эту тему, но поступить иначе она не могла. Слишком часто сны Абры совпадали с тем, что случалось на самом деле. Дэвиду попала на глаза фотография одноглазой тряпичной куклы в «Норт Конуэй Сан» под заголовком «Трое погибли в Оссипи в результате аварии». А после двух кошмаров Абры про орущих и дерущихся людей Люси находила в криминальной хронике сообщения об арестах за насилие в семье. Даже Джон Далтон говорит, что, наверное, у Абры в голове есть

некое странное радио, принимающее сообщения.

Поэтому сейчас Люси спросила:

— Какого мальчика? Он живет где-то поблизости? Ты не знаешь?

Абра помотала головой.

— Это очень далеко. Я не помню. — Потом она просияла. Скорость, с которой Абра выходила из своего сумеречного состояния, пугала Люси ничуть не меньше, чем сами эти состояния. — Но, кажется, я рассказала об этом Тони. А он может передать своему папе.

Тони — ее невидимый друг. Вот уже пару лет Абра о нем не заговаривала, и Люси понадеялась, что это не откат назад в развитии. В десять лет иметь невидимых друзей поздновато.

— Вдруг папа Тони сможет их остановить. — Потом лицо Абры помрачнело. — Хотя, мне кажется, уже слишком поздно.

— Давненько Тони к нам не заглядывал, а?

Люси встала и встряхнула сбившуюся простыню. Абра хихикнула, когда та накрыла ее с головой. Для Люси это был самый приятный звук на свете. В комнате становилось все светлее. Скоро запоют первые птицы.

— Мам, щекотно!

— Мамы любят щекотать. Вот почему они такие милые. Так что насчет Тони?

— Тони обещал прийти, как только мне понадобится его помощь, — сказала Абра, снова забираясь под простыню. Она похлопала рядом с собой, и Люси прилегла к ней на подушку. — Это был плохой сон, и мне нужна была его помощь. Кажется, он пришел, но я не помню. Его папа работает в хвостисе.

Это было что-то новенькое.

— Это что еще такое? Зоомагазин?

— Нет, глупая, это место, куда ложатся умирать, — снисходительно, чуть ли не учительским тоном объяснила Абра, но по спине Люси пробежал холодок.

— Тони говорит, что когда люди так сильно болеют, что уже никогда не поправятся, они ложатся в этот хвостис, а его папа старается, чтобы им стало лучше. У папы Тони есть кот, которого зовут похоже на меня. Я Абра, а кот — Аззи. Правда, странно и смешно?

— Да. Странно и смешно.

Джон и Дэвид наверняка сказали бы, что, учитывая сходство имен, кот — всего лишь игра воображения очень умненькой десятилетней девочки. Но сами они верили бы в это только наполовину, а Люси не верила совсем. Многие ли десятилетки знают, что такое хоспис, даже если произносят это

слово неправильно?

— Расскажи мне о мальчике из твоего сна.

Теперь, когда Абра успокоилась, разговор на эту тему казался уже не таким опасным.

— Расскажи, кто мучил его, Абба-Ду.

— Я ничего не помню, только что он думал, что Барни — его друг. А может, Барри. Мама, можно мне Прыг-Скока?

Плюшевый кролик, изгнанный на самую высокую полку в ее комнате, где и сидел, свесив уши. Абра уже два года не брала его к себе в кровать. Люси достала Прыг-Скока и вложила его дочке в руки. Абра прижала кролика к розовой пижаме и почти мгновенно уснула. Если повезет, она проспит еще час, а то и два. Люси села рядом с ней, опустив глаза.

«Пусть через несколько лет это закончится, как и обещал Джон. Нет, пусть лучше это закончится сегодня, прямо сегодня утром. Не надо больше, пожалуйста. Чтобы не пришлось просматривать местные газеты в поисках сообщений о мальчике, убитом собственным отчимом или забитым до смерти местными гопниками, нанюхавшимися клея или другой дряни. Пусть это закончится».

— Господи, — очень тихо попросила Люси, — если ты есть, не мог бы ты мне помочь? Не мог бы ты сломать это радио в голове у моей дочки?

2

Верные ехали на запад по шоссе I-80, направляясь к городку в горах Колорадо, где собирались провести лето (если, конечно, не подвернется случай собрать хороший урожай пара где-нибудь поблизости). Папаша Ворон путешествовал на переднем сиденье рядом с Розой в ее «Эрскрузере». Его собственный «Аффинити Кантри Коуч» пока что вел Джимми Арифмометр, гениальный бухгалтер Верных. Розино спутниковое радио было настроено на станцию «Аутло Кантри» и сейчас играло песню Хэнка-младшего «Нагружусь и отправлюсь к чертям». Песня была хорошая, и Ворон дождался ее конца, прежде чем нажать клавишу «ВЫКЛ».

— Ты сказала, что мы поговорим потом. «Потом» уже наступило. Что там произошло?

— На нас смотрели, — ответила Роза.

— Серьезно?

Ворон поднял брови. Он получил от Тренора столько же пара, сколько

все остальные, но не выглядел моложе. Он редко молодел после еды. С другой стороны, он и редко выглядел старше между трапезами, если только перерыв не был слишком большим. Роза считала, что это выгодная сделка. Наверно, что-то генетическое. Если, конечно, у них все еще оставались гены. Орех был почти уверен, что да.

— Пароход, ты имеешь в виду?

Она кивнула. Шоссе лентой разворачивалось перед ними под небом, светло-голубым, как линялые джинсы, и усеянным кучевыми облаками.

— Много пара?

— О да. Полно.

— Далеко отсюда?

— На Восточном побережье. Наверное.

— Ты хочешь сказать, что кто-то смотрел на нас с расстояния... сколько там будет, тысячи полторы миль?

— А может, даже больше. Может, из каких-нибудь канадских ебеней.

— Мальчик или девочка?

— Наверно, девочка, но она слишком быстро мелькнула. Максимум три секунды. А это имеет значение?

Никакого.

— Сколько канистр может заполнить ребенок, у которого в котле столько пара?

— Трудно сказать. Не меньше трех.

На этот раз цифру занизила Роза. Она предполагала, что в неизвестной зрительнице (если это девочка) хватит пара на десяток канистр, а то и дюжину. Ее присутствие было кратким, но за ним угадывалась мощь. Зрительница увидела, что они делают, и ее ужас был достаточно силен, чтобы руки Розы замерли, и она на секунду почувствовала негодование. Это чувство, конечно, принадлежало не ей — потрошение лоха вызывало у нее не больше негодования, чем потрошение оленя. Это был некий экстрасенсорный рикошет.

— Может, развернемся? — предложил Ворон. — Возьмем ее, пока есть что брать.

— Нет. Я думаю, она все еще набирает силу. Дадим ей еще дозреть.

— Ты это знаешь или просто чувствуешь?

Роза повертела кистью в воздухе — «и то и другое».

— И ты считаешь, что на основании интуиции стоит рискнуть тем, что ее собьет машина или утащит какой-нибудь маньяк-педофил? — сказал Ворон без тени иронии. — А лейкемия или еще какой-нибудь рак? Они все этому подвержены, ты же знаешь.

— Если спросишь Джимми Арифмометра, он тебе скажет, что страховые таблицы смертности говорят в пользу риска.

Роза улыбнулась и погладила его по колену.

— Ты слишком много переживаешь, Папаша. Мы поедем в Сайдвиндер, как и планировали, а потом во Флориду на пару месяцев. Барри и Дедуля Флик думают, что в этом году может быть много ураганов.

Ворон скривился.

— Это все равно что в помойке рыться.

— Возможно, но иногда в этих помойках встречаются вкусные обеды. И питательные. Простить себе не могу, что мы пропустили тот торнадо в Джоплине. Но, конечно, внезапную бурю предсказать труднее.

— Эта девочка... Она нас видела.

— Да.

— И видела, что мы делаем.

— Дальше что, Ворон?

— Она может нас сдать?

— Дорогой мой, если ей больше одиннадцати лет, я съем свою шляпу. — Роза хлопнула по ней для выразительности. — Ее родители скорей всего не знают, что она собой представляет и что может делать. А если и знают, то скорей всего преуменьшают, чтобы не пришлось слишком много об этом думать.

— Они могут отправить ее к психиатру, и тот выпишет таблетки, — сказал Ворон. — Это заглушит ее силу, и девчонку будет труднее найти.

Роза улыбнулась.

— Если я все правильно оценила — а я в этом почти уверена, то глушить ее паксилем будет все равно что закрывать прожектор целлофаном. Мы ее найдем, когда придет время. Не волнуйся.

— Как скажешь. Ты — босс.

— Верно, лапушка.

На этот раз она не стала хлопать Ворона по колену, а сжала его хозяйство.

— Сегодня ночуем в Омахе?

Гостиница «Ла Квинта». Я забронировал весь дальний конец второго этажа.

— Хорошо. Я собираюсь покататься на тебе как на американских горках.

— Посмотрим, кто на ком покатается, — сказал Ворон. После этого парнишки, Тревор, он был в игривом настроении. Как и Роза. Как и все они. Он снова включил радио. «Кросс Канэдиан Рагвид» пели про

оклахомских парней, которые не умеют сворачивать косяки.
Верные катили на запад.

В АА были и добрые кураторы, и злые, а были и такие, как Кейси Кингсли, которые не давали своим подопечным ни малейшего спуска. В самом начале сотрудничества Кейси приказал Дэну посетить девяносто собраний подряд и звонить ему каждое утро в семь часов. Когда Дэн отходил на все девяносто собраний, ему разрешили больше по утрам не звонить. Теперь он встречался с Кингсли за кофе в кафе «Санспот» трижды в неделю.

Когда июльским днем 2011 года Дэн вошел в кафе, Кейси сидел за отдельным столиком, и хотя Кингсли пока что не собирался уходить на пенсию, Дэну его давнишний куратор АА (и первый работодатель в Нью-Гэмпшире) показался очень старым. Он почти облысел, а при ходьбе сильно хромотал. Нужно было заменять тазобедренный сустав, но Кингсли то и дело откладывал операцию.

Дэн поздоровался, сел, сложил руки и приготовился к чтению Катехизиса, как это называл Кейси.

— Сегодня ты трезв, Дэнно?

— Да.

— Чему ты обязан чудом воздержания?

Дэн продекламировал:

— Программе Анонимных Алкоголиков и Богу, как я его понимаю. Ну, и мой куратор немного помог.

— Комплимент прекрасный, но не вешай мне лапшу на уши, если не хочешь, чтобы я тебе навешал.

Подошла Пэтти Нойес с кофейником и сама налила Дэну чашку.

— Как поживаешь, красавчик?

Дэн одарил ее широкой улыбкой:

— Хорошо.

Она взъерошила ему волосы и пошла обратно за стойку, покачивая бедрами чуть больше обычного. Мужчины, как положено, проводили взглядами соблазнительный маятник, потом Кейси вновь посмотрел на Дэна.

— Ну и как у тебя с этим пониманием Бога?

— Ни шатко, ни валко, — ответил Дэн. — Начинаю подозревать, что

на это уйдет вся жизнь.

— Но по утрам ты просишь его помочь тебе удержаться от выпивки?

— Да.

— На коленях?

— Да.

— И благодаришь по вечерам?

— Да, и тоже на коленях.

— Почему?

— Потому что я не должен забывать, что на колени меня поставила выпивка, — ответил Дэн.

И это была чистая правда.

Кейси кивнул:

— Это первые три шага. Давай краткую формулу.

— Я не могу, Бог может, я препоручу это ему. — И он добавил:

— Богу, как я его понимаю.

— Как ты его не понимаешь.

— Точно.

— Теперь скажи, почему ты пил.

— Потому что я алкоголик.

— Не потому, что тебя не любила мамочка?

— Нет. — У Венди были свои недостатки, но ее любовь к нему — и его к ней — никогда не угасала.

— Потому что тебя не любил папочка?

— Нет. — «Хотя однажды он сломал мне руку, а в конце чуть вообще не убил».

— Потому что это наследственное?

— Нет. — Дэн отхлебнул кофе. — Хотя вообще-то да. Ведь ты и сам это знаешь, правда?

— Конечно. А еще я знаю, что это неважно. Мы пьем, потому что мы алкоголики. И никогда не исправимся. Мы живем день за днем, удерживаясь только силой духа, только и всего.

— Так точно, босс. На сегодня все?

— Почти. Думал ли ты сегодня о выпивке?

— Нет. А ты?

— Нет, — Кейси широко улыбнулся. Все лицо его осветилось изнутри и вновь помолодело. — Это чудо. Чудо или нет, как по-твоему, Дэнни?

— По-моему — да.

Вернулась Пэтти с большой порцией ванильного пудинга — аж с двумя вишенками сверху — и сунула Дэну под нос:

— Ешь. За счет заведения. Уж больно ты тощий.

— А мне, дорогуша? — спросил Кейси.

Пэтти фыркнула:

— А ты конь здоровый. Хочешь, принесу коктейль «Еловый». стакан воды, и в нем зубочистка плавает.

И, оставив за собой последнее слово, величаво удалилась.

— Ты ее еще натягиваешь? — поинтересовался Кейси у Дэна, едва тот приступил к пудингу.

— Как мило, — заметил Дэн, — очень воспитанно, и в духе нового века.

— Спасибо. Так натягиваешь?

— Мы встречались-то всего месяца четыре, да и то три года назад, Кейс. Пэтти помолвлена с одним хорошим парнем из Графтона.

— Графтон, — презрительно бросил Кейси. — Виды хороши, а городишко дерьмовый. С тобой она себя ведет не как помолвленная.

— Кейси...

— Нет, ты не думай. Я бы в жизни не советовал своему питомцу совать нос — или член — в чужие отношения. В такой ситуации так и тянет выпить. Но... у тебя кто-нибудь есть?

— А твое ли это дело?

— Выходит, что да.

— Пока нет. Была одна сестричка из «Дома Ривингтон», я тебе о ней рассказывал.

— Сара как-ее-там.

— Олсон. Был разговор о том, чтобы нам жить вместе, а потом она нашла шикарную работу в «Масс Джeneral». Мы иногда общаемся по е-мейлу.

— Никаких отношений на первом году трезвости, это и ежу понятно, — сказал Кейси. — Мало кто из исправляющихся алконавтов воспринимает это правило всерьез. Ты — наоборот. Но, Дэнно... пора уже завести постоянную подружку.

— Батюшки, мой куратор только что обернулся доктором Филом! [\[10\]](#) — воскликнул Дэн.

— Жизнь у тебя наладилась? По сравнению с тем днем, когда ты заявился сюда прямиком с автобуса, с поджатым хвостом и налитыми кровью глазами?

— Сам знаешь, что да. О лучшем я и мечтать не смел.

— Тогда задумайся над тем, чтобы разделить ее с кем-нибудь. Вот и все, что я хочу сказать.

— Возьму на заметку. А теперь можно поговорить на другие темы? Может, о «Ред Сокс»?

— Но сначала, как твой куратор, я должен спросить еще кое о чем. А потом мы снова станем просто друзьями, которые вместе пьют кофе.

— Давай... — Дэн устало посмотрел на Кейси.

— Мы никогда толком не говорили о том, чем ты занимаешься в хосписе. Как помогаешь людям.

— Не говорили, — ответил Дэн, — и пускай так и будет. Знаешь, как говорят в конце каждого собрания? «Уходя, оставляйте все увиденное и услышанное в этих стенах». К той стороне моей жизни это тоже относится.

— Сколько сторон твоей жизни пострадало от выпивки?

Дэн вздохнул:

— Ты сам знаешь ответ. Все.

— И?

Не дождавшись ответа, он добавил:

— Персонал «Ривингтона» зовет тебя Доктор Сон. Слухами земля полнится, Дэнно.

Дэн сидел молча. На тарелке оставалось еще немного пудинга, а Пэтти его со свету сживет, если не доест, но аппетит куда-то улетучился. Он давно уже предполагал, что такой разговор возникнет, и знал, что после десяти лет трезвости (и учитывая тот факт, что теперь он и сам курировал пару подопечных) Кейси с уважением отнесется к личным границам, но затрагивать эту тему все равно не хотелось.

— Ты помогаешь людям умереть. Не в том смысле, что кладешь подушки на лицо или еще как, этого и в мыслях ни у кого нет, но просто... Не знаю. И, похоже, никто не знает.

— Я просто сижу рядом, и все. Немного разговариваю с ними. Если им это нужно.

— Ты отрабатываешь Шаги, Дэнно?

Считай это Дэн новой темой для разговора, он бы охотно ее поддержал, но ему было известно, что это не так.

— Ты же знаешь, что да. Ты — мой куратор.

— Да-да, по утрам ты просишь о помощи, а по вечерам — говоришь спасибо. Стоя при этом на коленях. Это первые три шага. Четвертый — про примирение с самим собой и все такое. Как насчет пятого?

Всего шагов было двенадцать. Наслушавшись, как их читают вслух в начале каждого собрания, что он посетил, Дэн выучил их наизусть.

— Честно признать перед Богом, самим собой и другими людьми свои проступки.

— Угу. — Кейси поднес чашку кофе к губам, сделал глоток и поверх этой чашки посмотрел на Дэна. — Ты это сделал?

— Большой частью. — Дэн понял, что хочет провалиться сквозь землю. Все равно куда. А еще — впервые за довольно долгое время, — что хочет выпить.

— Дай догадаюсь. Себе ты признался во всем, Богу, как ты его не понимаешь — тоже, а вот другому человеку, то есть мне, во всем, да не совсем. Я угадал?

Дэн ничего не ответил.

— Вот что я думаю, — продолжал Кейси, — и поправь меня, если я ошибаюсь. Восьмой и девятый шаги — это искупление того зла, которое мы натворили тогда, когда находились под мухой двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Я думаю, что твоя работа в хосписе, то важное, что ты делаешь, как-то связана с искуплением. И я думаю, что какой-то свой проступок ты забыть не в силах, потому что тебе до смерти стыдно в нем признаваться. Если все дело только в этом, то ты далеко не первый, поверь мне.

Дэн подумал: «Мама».

Дэн подумал: «Сахав».

Увидел красный кошелек и жалкую пачечку продуктовых талонов. И деньги. Немного. Семьдесят долларов — хватит на четыре дня пьянки. Даже пять, если изо всех сил экономить, а закусывать только для того, чтобы не помереть с голоду. Увидел, как его рука берет эти деньги и кладет в карман. Увидел малыша в футболке «Храбрецов» и разбухшем подгузнике.

Подумал: «Малыша звали Томми».

И подумал еще — не в первый и не в последний раз: «Я никогда об этом не расскажу».

— Дэнно? Ничего не хочешь мне рассказать? Я думаю, хочешь. Не знаю уж, давно ли ты таскаешь на душе этот поганый камень, но можешь снять его прямо здесь и выйти на улицу на сто фунтов легче. Вот как это работает.

Дэн подумал о том, как малыш, ковыляя, подбежал к маме

(Дини ее звали Дини)

и как, даже сквозь пьяный сон, она обняла его и прижала к себе. И в падавшем из грязного окна спальни луче солнца они — мать и сын — лежали лицом к лицу.

— Нет никакого камня, — сказал он.

— Отпусти это от себя, Дэн. Говорю тебе как твой друг и твой куратор.

Дэн в упор смотрел на собеседника и молчал.

Кейси вздохнул:

— Сколько собраний, на которых говорили, что твои секреты — твоя боль, ты посетил? Сто? Тысячу, наверное. Из всех афоризмов АА этот — старейший.

Дэн молчал.

— У всякой души есть дно, — сказал Кейси. — Однажды перед кем-нибудь ты обнажишь и свое. А если нет, то рано или поздно обнаружишь себя в баре со стаканом в руке.

— Я тебя понял, — ответил Дэн. — А теперь можно перейти к «Ред Сокс»?

Кейси бросил взгляд на свои часы.

— В другой раз. Мне нужно домой.

«Да, — подумал Дэн. — К своей собаке и золотой рыбке».

— Окей. — Он взялся за счет, опередив Кейси. — В другой раз.

4

Вернувшись в комнату, Дэн надолго уставился на доску. Наконец, он медленно стер накарбанную на ней надпись:

«Они убивают бейсбольного мальчика!»

Вытерев доску, Дэн спросил:

— Что за бейсбольный мальчик?

Никто не ответил.

— Абра? Ты еще здесь?

Нет. Но еще недавно была: если бы он вернулся после неловкой встречи с Кейси на десять минут раньше, то, возможно, увидел бы ее фантомную фигуру. Но пришла ли она именно к нему? Дэн так не думал. Как ни безумно это звучало, он считал, что, скорее всего, она пришла к Тони. К его бывшему невидимому другу. К другу, который иногда приносил с собой видения. Который предупреждал. К другу, который оказался более глубокой и мудрой версией его самого.

Для испуганного малыша, пытавшегося выжить в отеле «Оверлук», Тони был старшим братом-защитником. Ирония в том, что теперь, оставив позади выпивку, Дэниел Энтони Торранс стал полноценным взрослым, тогда как Тони по-прежнему оставался ребенком. Может, тем самым пресловутым внутренним ребенком, о котором постоянно талдычат гуру нью-эйджа. Дэн считал, что этот внутренний ребенок служит людям

оправданием их собственного эгоистичного и разрушительного поведения (Кейси называл это синдромом «Хочу все сразу и сейчас»), но он также не сомневался, что взрослые мужчины и женщины хранили все стадии своего развития где-то в своих мозгах — не только внутреннего ребенка, но и внутреннего младенца, внутреннего подростка, внутреннего юношу или девушку. И если эта таинственная Абра пришла к нему, разве не естественно, что она прошла за барьер его взрослого разума в поисках своего ровесника?

Может, она искала товарища для игр?

А может, даже защитника?

Если да, то эту роль Тони уже выполнял раньше. Но нужна ли ей защита? В ее сообщении

(они убивают бейсбольного мальчика)

чувствовалась боль, но боль и сияние ходят бок о бок, о чем Дэн узнал много лет назад. Нельзя маленьким детям столько всего знать и видеть. Дэн мог связаться с ней напрямую и попробовать узнать побольше, но что он скажет ее родителям? «Привет, вы меня не знаете, но я знаю вашу дочь, она иногда приходит ко мне в комнату, и мы подружились?»

Дэн не думал, что они спустят на него окружного шерифа, но и не осудил бы, если бы они так поступили, а принимая во внимание его сомнительное прошлое, у него не было желания проверить это на практике. Пусть Тони будет ее другом на расстоянии, если это то, что действительно происходит. Может, Тони и невидим, но он хотя бы подходит ей по возрасту.

Позже Дэн восстановит все имена и номера комнат, которые он обычно писал на доске. А пока что он взял мелок и написал: «Мы с Тони желаем тебе хорошего летнего дня, Абра! Твой ДРУГОЙ друг, Дэн».

Еще раз прочитав написанное, он кивнул и подошел к окну. За окном стоял отличный летний день, а ведь у Дэна все еще выходной. Он решил выйти на прогулку и попытаться выкинуть сегодняшний разговор с Кейси из головы. Да, он считал, что квартира Дини в Уилмингтоне была его дном, но если он, никому не рассказав о случившемся там, оставался трезвым вот уже десять лет, то почему бы, по-прежнему никому не рассказывая, ему не оставаться трезвым еще десять? А то и двадцать. И вообще, зачем думать о годах, если девиз АА гласил: «Один день за раз».

Уилмингтон остался в далеком прошлом. С той частью его жизни было покончено.

Выходя, он, как обычно, запер комнату, но замок не мешает таинственной Абре, если та захочет вернуться. А когда вернется он, то,

возможно, увидит на доске очередное сообщение.

«Может, мы станем друзьями по переписке».

Ага, а может, модели из «Виктория секрет» закатят девичник и разгадают секрет ядерного синтеза.

Дэн с улыбкой вышел на улицу.

Публичная библиотека Эннистона проводила летнюю распродажу книг, и когда Абра попросила сводить ее туда, Люси была рада отложить дневные хлопоты и прогуляться с дочерью по Мейн-стрит. Столики, заваленные разнообразными книжками, стояли прямо на лужайке, и пока Люси рылась в мягких обложках («Доллар за штуку, шесть книг — за пять»), пытаясь найти нечитанный роман Джоди Пиколт, Абра изучала столики с табличкой «Молодежная литература». Она была еще далека от того возраста, о котором шла речь, но читала жадно (и не по годам много), причем особенно любила фэнтези и научную фантастику. На ее любимой футболке под изображением огромной, сложной машины было написано «Стимпанк рулит».

Люси решила остановиться на старом Дине Кунце и сравнительной новой Лизе Гарднер, когда к ней подбежала Абра. Она улыбалась.

— Мам! Мамочка! Его зовут Дэн!

— Кого зовут Дэн, солнышко?

— Папу Тони! Он пожелал мне хорошего летнего дня!

Люси огляделась, почти уверенная, что увидит поблизости незнакомца с мальчиком возраста Абры на буксире. Чужаков хватало — в конце концов, лето на дворе, — но таких парочек она не заметила.

Абра увидела ее взгляд и хихикнула.

— Не, его тут нет.

— Тогда где же он?

— Точно не знаю. Но где-то рядом.

— Ну... наверное, это здорово, солнышко.

Люси едва успела взъерошить дочкины волосы перед тем, как та вновь умчалась на поиски своих космонавтов, путешественников во времени и волшебников. Люси, забыв про свои книжки, стояла и смотрела на нее. Рассказать Дэвиду про это, когда он позвонит из Бостона, или нет? Она решила, что не стоит.

Странное радио, вот и все.

Лучше спустить все на тормозах.

Дэн решил заскочить в «Ява Экспресс», взять пару стаканчиков кофе и угостить Билли Фримэна в Минитауне. Несмотря на то, что карьера Дэна в городском управлении Фрейзера оказалась удивительно короткой, все эти десять лет они оставались друзьями. Частично из-за того, что оба были связаны с Кейси — начальником Билли и куратором Дэна, — но главным образом потому, что просто нравились друг другу. Дэну импонировала прагматичная жизненная позиция Билли.

А еще ему нравилось водить поезд. Может, это имело какое-то отношение к его внутреннему ребенку — Дэн был уверен, что психиатр сказал бы именно так. Билли обычно был не против передать ему управление, а летом и вовсе делал это с облегчением. Между Четвертым июля и Днем труда поезд совершал по десять десятимильных круговых поездок в день, а Билли моложе не становился.

Переходя лужайку на Крэнмор-авеню, Дэн увидел Фреда Карлинга на скамейке в тени деревьев аллеи между «Домом Ривингтон» и «Ривингтоном-2». Санитар, когда-то оставивший синяки на руке несчастного Чарли Хэйеса, по-прежнему выходил в ночную смену и был все так же ленив и сварлив, но по крайней мере понял, что от Доктора Сна лучше держаться подальше. Это Дэна устраивало.

Карлинг, смена которого должна была вот-вот начаться, держал на коленях пакет из «Макдональдса» с проступившими жирными пятнами и жевал биг-мак. На секунду взгляды мужчин пересеклись. Они не поздоровались. Дэн считал Карлинга ленивым ублюдком с садистскими наклонностями. Карлинг же считал Дэна лицемерным сукиным сыном, сующим нос не в свои дела, так что баланс соблюдался. Пока они держатся друг от друга на расстоянии, все будет нормально — все разрешится и сделается хорошо (Цитата из стихотворения Т. С. Эллиота «Четыре квартета», пер. С. Степанова).

Дэн взял кофе (для Билли — с четырьмя кусочками сахара) и пошел к оживленной зоне отдыха, освещенной золотым предвечерним светом. Летали фрисби. Родители качали малышей на качелях и ловили их у подножья горок. На площадке для софтбола шла игра: команда Христианской молодежной организации Фрейзера против команды городского департамента рекреационных и парковых зон в оранжевых

футболках. Дэн увидел Билли на платформе. Тот стоял на табуретке и полировал хромированные детали своего поезда. Все выглядело здорово — словно Дэн вернулся домой.

Даже если и не так, подумал он, то ничего лучшего у меня уже не будет. Все, что теперь нужно для счастья — жена по имени Салли, сынишка Пит и пес Ровер.

Он прошелся по Минитаунской версии Крэнмор-авеню и вошел в тень Минитаунской станции.

— Эй, Билли, я принес сахар со вкусом кофе, твой любимый.

Первый человек, сказавший Дэну доброе слово во Фрейзере, обернулся на звук голоса.

— Какой ты заботливый! А я как раз думал, вот бы сейчас... Черт, ну вот!

Картонный поднос выпал из рук Дэни. Он почувствовал, как кофе пролился на теннисные туфли и обжег ему ноги, но все это казалось таким далеким. Таким неважным.

По лицу Билли Фримэна ползали мухи.

Билли отказался поговорить на завтра с Кейси Кингсли, отказался брать отгул и категорически отказался идти к врачу. От твердил Дэну, что с ним все нормально, что он чувствует себя отлично, что все тип-топ. Даже летняя простуда, которой он обычно всегда болел в июне или июле, в этот раз обошла его стороной.

Однако Дэн, пролежав без сна большую часть предыдущей ночи, не отступал. Может, и отступил бы, будь положение необратимым, но он так не считал. Дэн уже сталкивался с этими мухами раньше и научился оценивать их значение. Рой мерзких копошащихся насекомых, скрывающий черты лица под маской, означал, что надежды нет. Дюжина или около того — что-то еще можно сделать. Несколько штук говорили о том, что время есть. На лице Билли сидели всего три или четыре.

И он никогда не видел мух на лицах своих смертельно больных пациентов в хосписе.

Дэн вспомнил, как приехал к матери за девять месяцев до ее смерти. В тот день она тоже говорила, что чувствует себя отлично, что все нормально, что все тип-топ. «Что ты там увидел, Дэни? — спросила Венди Торранс. — Я в чем-то испачкалась?» Она дурашливо вытерла кончик носа,

и ее пальцы утонули в рое из сотен мух, вуалью накрывших лицо от волос до подбородка.

Кейси привык посредничать. Он любил полушутливо говорить людям, что именно поэтому и заколачивал в год шестизначную сумму.

Сначала он выслушал Дэна. Затем — Билловы протесты. Биллу ну никак нельзя отлучаться. Нет, только не в самый разгар сезона, когда очередь к поезду выстраивается уже в восемь утра. И кроме того, ни один доктор вот так сразу его не примет, ведь у них тоже сейчас самый разгар сезона.

— Когда ты в последний раз проходил осмотр? — спросил Кейси, когда Билли иссяк. Дэн с Биллом топтались у его стола. Кейси откинулся назад в кресле, сплетя пальцы на животе. Головой он, как обычно, едва не касался настенного креста.

Билли занял оборону.

— Кажется, в 2006-ом. И тогда я был в полном порядке, Кейс. Док сказал, что мое давление на десять пунктов ниже его собственного.

Кейси перевел взгляд на Дэна. В его глазах читалось раздумье и любопытство, но не сомнение. Анонимные Алкоголики в основном держали рот на замке, когда контактировали с окружающим миром, но внутри групп они разговаривали — а иногда и сплетничали — вполне свободно. Поэтому Кейси знал, что способность Дэна облегчать уход смертельно больных пациентов не была его единственным талантом. По слухам, к Дэну Т. время от времени приходили озарения. Озарения, которые никак толком и не объяснишь.

— Ты же на короткой ноге с Джонни Далтоном, так? — спросил Кейси Дэна. — С педиатром?

— Да. Вечером по четвергам мы видимся в Норт-Конвее.

— У тебя есть его номер?

— Вообще-то есть. — Дэн записывал номера других Анонимных Алкоголиков на последних страницах блокнотика, который ему когда-то подарил Кейси и который он до сих пор носил с собой.

— Позвони ему. Скажи, что этому вот паршивцу надо срочно пройти осмотр. Вряд ли ты знаешь, какой именно врач ему нужен, так ведь? Явно не педиатр, в его-то возрасте.

— Кейси... — робко начал Билли.

— Цыц, — осадил его тот и снова переключился на Дэна. — Хотя, наверно, знаешь. Что-то с легкими? Скорее всего, ведь Билли курит как паровоз.

Дэн решил, что зашел уже слишком далеко, и отступить некуда.

— Нет, думаю, что-то у него в кишках, — со вздохом ответил он.

— Если не считать легкого несварения, мои кишки...

— Цыц, я сказал.

И, повернувшись к Дэну:

— Значит, доктор по кишкам. Скажи Джонни Д., что это важно. — Кейси запнулся. — Он тебе поверит?

Такой вопрос Дэна обрадовал. За десять лет жизни в Нью-Гэмпшире Дэн помог нескольким ААшникам, и он знал, что некоторые пробалтывались, несмотря на его просьбу помалкивать, и болтали до сих пор. И сейчас Дэн рад был узнать, что Джон Далтон не оказался одним из них.

— Думаю, да.

— Хорошо. — Кейси указал на Билли. — Значит, получишь отгул с сохранением зарплаты. Больничный, так сказать.

— Но поезд, «Рив»...

— В этом городе управлять «Ривом» умеет дюжина человек. Я кое-кому звякну, а первые две поездки возьму на себя.

— Но твое бедро...

— Да хрен с ним, с бедром. Побывать на свежем воздухе мне не помешает.

— Но, Кейси, я себя отлично чув...

— Мне плевать, даже если ты чувствуешь, будто способен добежать до озера Уиннипесоки. К врачу ты пойдешь, и всё тут.

Билли обиженно посмотрел на Дэна.

— Вот видишь, во что ты меня втравил? А я даже кофе утром не выпил.

Этим утром мухи исчезли. Исчезли, да не совсем. Дэн знал, что поднапрягшись, он бы их увидел, если бы захотел... но кто в здравом уме захочет такое увидеть?

— Да, я знаю, — сказал Дэн. — Но жизнь вообще штука хреновая. Можно позвонить с твоего телефона, Кейси?

— Пожалуйста. — Кейси поднялся. — Что ж, поковыляю-ка я, наверно, к станции, пробью парочку билетов. Билли, у тебя найдется подходящая кепка машиниста?

— Нет.

— Возьмешь мою, — сказал Дэн.

Для организации, которая себя не рекламировала, ничего не продавала и финансировалась с помощью мятых долларовых банкнот, бросаемых в пущенные по кругу корзинки или бейсболки, Анонимные Алкоголики имели незаметное, но существенное влияние, которое распространялось далеко за пределы стен арендуемых ими залов и церковных подвалов. Не круг старых приятелей, думал Дэн, а круг старых алкашей.

Он позвонил Джону Далтону, а Джон позвонил специалисту по внутренней медицине по имени Грег Феллертон. Феллертон не был участником Программы, но состоял у Джонни Д. в должниках. Дэн не знал, почему, да это и не имело значения. Имело значение то, что в тот же день Билли Фримэн оказался на смотровом столе в кабинете Феллертона в Льюистоне. Кабинет находился в семидесяти пяти милях от Фрейзера, и Билли всю дорогу не переставал ворчать.

— Ты уверен, что тебя беспокоят только проблемы с пищеварением? — спросил его Дэн, въезжая на маленькую стоянку на Сосновой улице.

— Угу, — ответил Билли. Потом неохотно добавил:

— В последние дни стало немного хуже, но ничего такого, что не давало бы мне уснуть.

«Врешь ты все», подумал Дэн, но промолчал. Главное уже сделано: он все-таки затащил этого упрямого сукиного сына к врачу.

Дэн сидел в приемной, листая журнал «ОК!» с принцем Уильямом и его красивой, но тощей женой на обложке, когда из-за закрытой двери кабинета послышался жуткий крик боли. Через десять минут вышел Феллертон и уселся рядом с Дэном. Посмотрев на обложку «ОК!», он сказал:

— Может, этот парень и унаследует британский престол, но все равно к сорока годам он будет лысым, как бильярдный шар.

— Наверное, вы правы.

— Само собой. В делах человеческих балом правит генетика. Я пошлю вашего друга в центральную больницу Мэна на компьютерную томографию. И я почти уверен в том, что она покажет. Если я прав, то я запишу мистера Фримэна к сосудистому хирургу на небольшое шунтирование. На завтрашнее утро.

— А что с ним?

Билли уже шел к ним по коридору, застегивая ремень. Его загорелое лицо пожелтело и блестело от пота.

— Док говорит, что на моей аорте есть вздутие. Как пузырь на шине автомобиля. Только вот шины не орут, когда в них тыкают.

— Аневризма, — пояснил Феллертон. — Конечно, есть вероятность, что это опухоль, но я так не думаю. В любом случае, время поджигает. Чертова штуковина выросла с мячик для пинг-понга. Хорошо, что вы убедили его пройти осмотр. Если бы она лопнула, а больницы поблизости не оказалось... — Феллертон покачал головой.

10

Томография подтвердила диагноз Феллертона, и в шесть вечера Билли уже лежал на больничной койке, казалось, сразу уменьшившись в размере. Дэн сидел рядом с ним.

— Я бы душу продал за сигарету, — сказал Билли с тоской.

— Ничем не могу помочь.

Билли вздохнул.

— Все равно надо бросать. А тебя в «Доме Ривингтон» не хватятся?

— У меня выходной.

— Здорово же ты его провел. Знаешь что, если они меня завтра не прикончат своими ножами и вилками, я, наверно, буду обязан тебе жизнью. Не знаю, как ты догадался, но если тебе что-то от меня понадобится — что угодно, — ты только попроси.

Дэн вспомнил, как десять лет назад сошел по ступенькам междугородного автобуса под снежную паутину, тонкую, как фата невесты. Он вспомнил свой восторг при виде ярко-красного локомотива «Хелен Ривингтон». И как этот человек спросил его, нравится ли ему маленький поезд, вместо того, чтобы послать подальше и велеть не тянуть лапы куда не надо. Совсем небольшой добрый поступок, но он открыл ему путь туда, где он был сейчас.

— Билли, дружище, это я у тебя в долгу и вряд ли когда-нибудь смогу его оплатить.

11

За годы трезвости Дэн заметил одну странную вещь. Когда дела не ладились — например, однажды утром году в 2008, когда он обнаружил, что кто-то камнем разнес ему в машине заднее стекло, — он редко думал о выпивке. Зато когда все шло хорошо, старая добрая жажда каким-то образом возвращалась вновь. Тем вечером по дороге домой из Льюистона, как раз тогда, когда все было просто зашибись, Дэн заметил придорожный бар под названием «Ковбойский сапог» и испытал почти непреодолимое желание зайти. Зайти, посидеть, слушая Дженнинга, Джексона и Хаггарда, ни с кем не общаясь, не ввязываясь в неприятности и просто напиваясь. Чувствовать, как улетучивается тяжкий груз трезвости, — иногда оставаться трезвым было ничуть не легче, чем таскать свинцовые башмаки. А когда в кармане останутся последние пять четвертаков, он шесть раз подряд поставит «С бутылкой виски качусь я в ад».

Дэн проехал мимо придорожного бара, свернул на гигантскую парковку «Уолмарта» по соседству и открыл крышку телефона. Палец замер было над номером Кейси, но потом Дэн припомнил нелегкий разговор в кафе. С Кейси станется возобновить тему, особенно о том, что скрывает от него Дэн. Это ни к чему не приведет.

Видя себя как будто со стороны, Дэн свернул к придорожному бару и припарковался в глубине грязной стоянки. Его ничего не беспокоило. А еще он чувствовал себя как самоубийца, только что поднесший к виску заряженный пистолет. Стекло в машине было опущено, и Дэн слышал, как в баре группа играет старую песню «Дерейлерс» «Все любовники лгут». Играли вполне прилично, а после пары стаканов музыканты вообще покажутся звездами. Там будут дамы, которые захотят потанцевать. В кудряшках, в жемчугах, в юбках, в ковбойских рубашках. Их можно встретить везде. Дэн задумался, какое виски тут подают, и боже-боже, господь всемогущий, как же у него пересохло в глотке. Он распахнул дверцу машины, ступил одной ногой на асфальт и замер, опустив голову.

Десять лет. Десять хороших лет, которые он может спустить в унитаз за десять минут. Это будет легче легкого. Как пчелам мед делать.

«У всякой души есть дно. Однажды перед кем-нибудь ты обнажишь и свое. А если нет, то рано или поздно обнаружишь себя в баре со стаканом в руке».

«И я смогу обвинить в этом тебя, Кейси, — холодно подумал Дэн. — Смогу сказать, что ты лично вложил мне в башку эту мысль за чашкой кофе в „Санспоте“».

Над входом мигала красная стрелка и надпись: «Кувшины по два бакса до девяти вечера! „Миллер лайт“! Заходи, не стой!»

Дэн захлопнул дверцу машины, снова открыл крышку телефона и позвонил Джону Далтону.

— Твой друг в порядке? — спросил Джон.

— Готов как штык, операция завтра в семь утра. Джон, мне хочется выпить.

— О, не-е-е-т! — завопил Джон вибрирующим фальцетом. — Только не бухло-о-о-о!

Жажду как рукой сняло. Дэн рассмеялся:

— Ладно, мне нужно было это услышать. Но если ты еще раз заговоришь голосом Майкла Джексона, я точно запью.

— Слышал бы ты, как я пою «Билли Джин». Я просто монстр караоке. Можно тебя спросить?

— Валяй.

Через ветровое стекло Дэн наблюдал как приходят и уходят завсегдатаи «Ковбойского сапога», вряд ли беседуя между собой о творчестве Микеланджело.

— То, чем ты обладаешь, выпивка его... как бы это сказать... вырубала?

— Глушила. Клала подушку на морду и заставляла биться за каждый глоток воздуха.

— А теперь?

— Я использую свою силу Супермена во имя правды, справедливости и американского образа жизни.

— То есть ты не хочешь об этом говорить.

— Нет, — согласился Дэн, — не хочу. Но сейчас мне легче. Легче, чем я когда-то смел надеяться. Когда я был подростком...

Он замолк. Подростком он ежедневно боролся с безумием. Голоса в голове — это плохо, но видения нередко бывали и того хуже. Прежде он обещал и матери, и себе, что не станет пить как отец, но когда все же начал — в девятом классе, — облегчение было таким огромным, что оставалось только пожалеть, что не начал раньше. Утреннее похмелье было в миллион раз лучше кошмаров всю ночь напролет. И все это подводило к одному вопросу: сколько же он унаследовал от отца? И что именно?

— Что было, когда ты был подростком? — спросил Джон.

— Ничего. Неважно. Слушай, поеду-ка я отсюда. Я сижу на парковке возле бара.

— Правда? — в голосе Джона прозвучал интерес. — Какого именно?

— Забегаловки под названием «Ковбойский сапог». До девяти часов кувшин пива наливают за два бакса.

— Дэн.

— Да, Джон.

— Я знаю это заведение по старым временам. Если хочешь спустить свою жизнь в унитаз, оттуда не начинай. Бабы все сплошь шлюхи на мете, а в мужском туалете воняет ссаными тряпками. «Сапог» только для тех, кто скатился на самое дно.

И снова это выражение.

— У каждого свое дно, — сказал Дэн. — Так ведь?

— Убирайся оттуда, Дэн, — теперь голос Джона звучал предельно серьезно. — Сию минуту. Не тяни кота за хвост. И не клади трубку, пока этот неоновый сапожище не исчезнет из зеркала заднего вида.

Дэн завел машину, выехал со стоянки обратно на шоссе № 11.

— Он удаляется, — начал он. — Удаляется... и-и-и... все, нет.

Дэн ощутил неопишное облегчение. И горькое сожаление: сколько же двухдолларовых кувшинов можно было бы опрокинуть в себя до девяти часов?

— Ты же не собираешься прихватить упаковку пива или бутылку вина по дороге во Фрейзер?

— Нет. Я в порядке.

— Тогда увидимся в четверг вечером. Приходи пораньше, сварю кофе. «Фолджерс», из особых запасов.

— Буду, — пообещал Дэн.

12

Когда он поднялся к себе в комнату и зажег свет, на доске было новое послание.

«Я чудесно провела день!

Твой друг,

АБРА»

— Хорошо, дорогая, — ответил Дэн. — Я рад.

З-з-з. Интерком. Дэн подошел и нажал на кнопку приема.

— Салют, Доктор Сон, — сказала Лоретта Эймс. — Мне показалось, я видела, как ты входил. Формально у тебя еще выходной, но не хотел бы ты навестить больного?

— Кого? Мистера Кэмерона или мистера Мюррея?

— Кэмерона. Аззи торчит у него с самого обеда.

Бен Кэмерон лежал в Ривингтоне-1. На втором этаже. Бывший

бухгалтер восьмидесяти трех лет с застойной сердечной недостаточностью. Приятный старичок. Хороший игрок в скрэббл и невыносимый противник в пачизи, сводящий с ума своими ходами.

— Уже иду, — откликнулся Дэн. По дороге он остановился, чтобы кинуть последний взгляд на доску.

— Спокойной ночи, детка, — сказал он.

В следующий раз Абра Стоун связалась с ним через два года.

И все эти два года в крови членов Узла верных кое-что дремало. Маленький прощальный подарок от Брэдли Тревора, известного также как бейсбольный мальчик.

Часть вторая

ПУСТЫЕ ДЬЯВОЛЫ

Глава седьмая

«ВЫ МЕНЯ ВИДЕЛИ?»

1

В то утро в августе 2013 года Кончетта Рейнольдс в своей бостонской квартире проснулась рано. Как всегда, первым делом она осознала, что в углу у комода больше не лежит свернувшаяся калачиком собака. Бетти не стало много лет назад, но Кончетта все еще тосковала по ней. Она накинула халат и отправилась на кухню, где собиралась сварить себе утренний кофе. Тысячи раз проделывала Кончетта этот путь, и не было никаких оснований полагать, что на этот раз что-то будет по-другому. И уж совсем не приходило ей в голову, что сегодняшнее событие станет первым звеном в цепочке страшных бед. Как объяснила потом Кончетта своей внучке Люси, она не спотыкалась и ни обо что не ударялась. Просто услышала какой-то несерьезный щелчок где-то в середине тела с правой стороны и оказалась на полу с горящей от дикой боли ногой.

Минуты три она лежала, уставившись на собственное неясное отражение в отполированном паркете, мечтая о том, чтобы боль утихла. И при этом разговаривала сама с собой. «Глупая старуха, не завела себе компаньонку. Дэвид тебе уже пять лет твердит, что ты слишком стара, чтобы жить одна, а теперь его и вовсе не заткнешь».

Но постоянной компаньонке пришлось бы отдать комнату, которую Кончетта отвела Люси и Абре, а их визиты были смыслом ее жизни. Особенно теперь, когда Бетти нет, а в голову больше не приходят стихи. Хоть ей и девяносто семь лет, но управлялась она до сих пор неплохо и была в полном здравии. Хорошая наследственность по женской линии. Разве не ее собственная мома схоронила четверых мужей и семерых детей и дожила до ста двух лет?

Хотя если сказать по правде (по крайней мере самой себе), этим летом она чувствовала себя не ахти. Этим летом ей стало... как-то тяжелее.

Когда боль наконец утихла — совсем чуть-чуть, — Кончетта поползла по коридорчику на кухню, постепенно светлевшую с рассветом. Обнаружила, что с пола трудно в полной мере оценить этот чудесный розовый свет. Когда боль становилась слишком сильной, она останавливалась, положив голову на костлявую руку и тяжело дыша. Во

время этих передышек она размышляла о семи возрастах человека и о том, как все с неизменной и идиотской точностью возвращается на круги своя. Таким способом она передвигалась много лет назад, в четвертый год первой мировой, так же известной — вот уж смех — как Последняя война. Тогда она была Кончеттой Абрुцци и ползала перед домом на ферме родителей в Даволи, пытаясь поймать цыплят, с легкостью от нее удиравших. Поднявшись из той пыли, она прожила плодотворную и интересную жизнь. Опубликовала двадцать сборников стихотворений, пила чай с Грэмом Грином, обедала с двумя президентами и — драгоценнейший подарок судьбы — стала прабабушкой красивой, умной, обладающей странным талантом девочки. И чем закончились все эти чудеса?

Опять ползанием, вот чем. Назад к истокам. *Dio mi benedica*.

Она добралась до кухни и проползла по прямоугольнику солнечного света к маленькому столику, за которым ела чаще всего. На нем лежал ее мобильный телефон. Четта ухватила за ножку стола и трясла его до тех пор, пока телефон не соскользнул на пол. И, *meno male*, приземлился в целости и сохранности. Тыкая пальцем в кнопки, Четта набрала номер, который полагается набирать, когда случается такого рода дерьмо, а потом подождала, пока механический голос — воплощение всей абсурдности двадцать первого века — сообщал, что ее звонок записывается.

И наконец-то — славься, Мария, — живой человеческий голос.

— Это служба 911, что у вас случилось?

Женщина на полу, когда-то ползком гонявшаяся за цыплятами под солнцем Италии, несмотря на боль, говорила внятно и четко:

— Меня зовут Кончетта Рейнольдс, и я живу на третьем этаже кондоминиума на Мальборо-стрит, 219. Похоже, я сломала шейку бедра. Можно прислать скорую?

— В доме еще кто-нибудь есть, миссис Рейнольдс?

— Никого, по моей же дурости. Вы говорите с глупой старухой, которая настояла на том, что со всем справится сама. И кстати, я предпочитаю обращение «миз».

Люси успела поговорить с бабушкой до того, как Кончетту увезли на операцию.

— Я сломала шейку бедра, но это дело поправимое, — сообщила та по телефону. — Кажется, мне вставят спицы или что-то в этом духе.

— Момо, ты упала?

Люси сразу же подумала об Абре, которая должна была вернуться из летнего лагеря только через неделю.

— Еще как, но перелом, из-за которого я упала, случился на ровном месте. Очевидно, в моем возрасте это в порядке вещей, а поскольку сейчас до него доживает куда больше народу, чем раньше, врачам такое не в новинку. Прямо сейчас приезжать не нужно, но довольно скоро нам придется увидеться. Кое-что обсудить и уладить.

У Люси похолодело в животе.

— Уладить в каком смысле?

Теперь, накачанная валиумом, морфином или еще каким-то обезболивающим, Кончетта мыслила довольно ясно.

— Похоже, перелом шейки бедра — моя самая пустяковая проблема.

И она все объяснила. Времени на это понадобилось совсем немного. Под конец Кончетта сказала:

— Абре не рассказывай, *cara*. Она прислала мне десяток е-мейлов и даже одно настоящее письмо, и судя по всему, она от лагеря в полном восторге. Еще успеет насмотреться, как ее Момо разваливается на части.

«Если ты правда думаешь, что мне придется ей что-то рассказывать...», — подумала Люси.

— Не надо быть телепатом, чтобы догадаться, о чем ты сейчас думаешь, *amore*, но, может, на этот раз дурные вести до нее не доберутся.

— Может быть, — откликнулась Люси.

Едва она повесила трубку, как телефон снова зазвонил.

— Мам? Мамочка? — Это была Абра, и она плакала. — Я хочу домой. У Момо рак, и я хочу домой.

Вернувшись до срока из лагеря «Тапавинго» в Мэне, Абра скоро поняла, каково приходится тем, кто мотается между разведенными родителями. Последние две недели августа и первую неделю сентября они с мамой провели в квартире Четты на Мальборо-стрит. Операцию на бедре та перенесла отлично и решила не оставаться в больнице и отказаться от лечения рака поджелудочной железы.

— Никаких таблеток и химиотерапии. Девяносто семь лет прожила и хватит. Что до тебя, Лючия, то я не разрешу тебе следующие полгода подносить мне еду, лекарства и утку. У тебя семья, а я вполне могу

позволить себе круглосуточную сиделку.

— Ты не будешь доживать свой век среди чужаков, — отрезала Люси своим командирским голосом, в котором ясно слышалось: «Делай как я говорю!». Абра с отцом отлично знали, что перечить ему не стоит. Такое было не по силам даже Кончетте.

Где будет жить Абра, тоже не обсуждалось; девятого сентября она должна была идти в восьмой класс средней школы Эннистона. Дэвид Стоун ушел в положенный ему академический отпуск, который он посвятил созданию книги, сравнивающей Ревущие двадцатые со Свободными шестидесятыми, и потому — как и добрая половина подружек по лагерю «Тап» — Абра каталась от одного родителя к другому. Будние дни проводила с отцом. На выходные уезжала в Бостон к маме и Момо. Она считала, что хуже уже быть не может... но оказалось, что может, и еще как.

4

Хотя Дэвид Стоун теперь и работал дома, он никогда не удосуживался пройтись за почтой к ящику у ворот. Он считал, что почтовая служба себя изжила еще в начале двадцать первого века. Да, время от времени приходила какая-нибудь посылка, иногда — книги, которые он заказывал себе для работы, чаще — что-нибудь заказанное Люси по каталогу. Но в основном, утверждал он, по почте приходит одна дребедень.

Когда дома была Люси, к почтовому ящику ходила она, и просматривала улов за утренним кофе. В основном это действительно был всякий мусор, который тут же отправлялся прямо по назначению в стоящую на полу «папку». Но в начале сентября Люси все еще была у Момо, поэтому Абре, как временной хозяйке дома, приходилось забирать почту по возвращении из школы. Также она мыла посуду, дважды в неделю стирала для себя и отца, а если не забывала, то запускала робота-пылесоса. Эту работу она выполняла безропотно, потому что понимала: мама помогает прабабушке, а папа работает над очень важной книгой. Говорит, что на этот раз книга будет ПОПУЛЯРНОЙ, а не АКАДЕМИЧЕСКОЙ. В случае успеха он, возможно, оставит преподавание и посвятит себя писательству. По крайней мере, на некоторое время.

В тот день, семнадцатого сентября, в почтовом ящике оказалась уоллмартовская брошюрка, открытка с объявлением о новом зубоучебном кабинете («Тонны улыбок гарантированы!») и два глянцевого листка от местных агентов по недвижимости, которые

рекламировали таймшеры на лыжном курорте Маунт-Тандер.

Также в ящике была местная бесплатная газетенка под названием «Эннистонский потребитель», в которой на первых двух страницах печатались новости о событиях в стране и мире, а посередине — местные новости (в основном спортивные). Остальные страницы занимали объявления и купоны. Если бы Люси была дома, она бы сохранила несколько купонов, а остальное выбросила бы в мусорную корзину. До ее дочки «Потребитель» бы так и не добрался. Но поскольку Люси до сих пор была в Бостоне, все вышло иначе.

По дороге от ящика к дому Абра лениво пролистала газету, а потом перевернула ее. На последней странице напечатали сорок или пятьдесят фотографий размером с почтовую марку. В основном цветные, но были и черно-белые.

Заголовок над ними вопрошал:

«Вы меня видели?»

Еженедельная рубрика вашего «Эннистонского потребителя»

Сначала Абра подумала, что речь о каком-то соревновании вроде «найди и сфоткай». Потом до нее дошло, что на фотографиях изображены пропавшие дети. Абра почувствовала, будто чья-то рука схватила ее за внутренности и сжала, словно губку. Сегодня в школьном буфете она купила три упаковки печенья «Орео», чтобы съесть в автобусе по дороге домой. Теперь она чувствовала, как всё та же рука выжимает печенье у нее из желудка.

«Не смотри, если боишься», — сказала она себе. Голос был строгим и наставительным. Абра задействовала его, когда была расстроена или в замешательстве (то был голос Момо, хотя Абра этого и не осознавала). «Брось в мусорку, и всё». Да только не смотреть на фотографии она не могла.

Вот Синтия Абелард. ДР: 9 июня 2005. После секундного раздумья, Абра поняла, что «ДР» означает «дата рождения». Значит, Синтии сейчас восемь. Если, конечно, она еще жива, ведь пропала она в 2009-м. «Как можно потерять четырехлетнюю девочку? — подумала Абра. — Хреновые, наверное, у нее были родители». Но, конечно же, дело не в родителях. Наверное, по их району слонялся какой-то псих, который воспользовался случаем похитить девочку.

А вот Мертон Эскью. ДР: 4 сентября 1998. Пропал в 2010-м.

Чуть ниже была фотография красивой девочки-латиноамериканки по имени Эйнджел Барбера, которая пропала из своего дома в Канзас-Сити в возрасте семи лет, и вот уже девять лет находилась в розыске. «Неужели ее

родители считают, что эта малюсенькая фотография в газете поможет им вернуть дочь? — подумала Абра. — А если и да, то узнают ли они ее? Узнает ли их она?»

«Да выбрось ты эту бумажку, — сказал голос Момо. — У тебя и без пропавших детей проблем хв...»

Взгляд Абры наткнулся на фотографию в самом нижнем ряду. Из рта ее вырвался крик. Или стон. Поначалу она даже не поняла, почему. Хотя нет, не так: чувство было такое, будто при написании сочинения нужное слово вертится на кончике языка, но слетать с него отказывается.

С фотографии на нее смотрел белый мальчишка с короткими волосами и широченной дурашливой улыбкой. На щеках у него вроде бы были веснушки. На такой маленькой фотографии разглядеть трудно, но

(веснушки это, сама знаешь)

Абра откуда-то знала, что да. То были веснушки, и его старшие братья дразнили его из-за них, а мама говорила, что со временем они исчезнут.

— Она ему говорила, что веснушки приносят удачу, — прошептала Абра.

Брэдли Тревор. ДР: 2 марта 2000. В розыске с 12 июля 2011 года. Тип лица: европейский. Место проживания: Бэнкертон, Айова. Текущий возраст: 13. А под фотографией мальчика (как и под всеми другими) было написано: «Если вы видели Брэдли Тревора, сообщите в Национальный центр пропавших и эксплуатируемых детей».

Да только никто не позвонит им по поводу Брэдли, потому что никто его уже не увидит. И его текущий возраст — не тринадцать лет. Брэдли Тревор остановился на одиннадцати. Словно разбитые наручные часы, которые показывают одно и то же время двадцать четыре часа в сутки. Абра вдруг поняла, что раздумывает над тем, исчезают ли веснушки под землей.

— Бейсбольный мальчик, — прошептала она.

Вдоль подъездной дорожки росли цветы. Абра нагнулась, положила руки на колени (рюкзак на спине казался невыносимой ношей) и выблевала «Орео» и непереваренные остатки школьного обеда прямо на мамины астры. Удостоверившись, что ее не вырвет во второй раз, она прошла в гараж и бросила почту в мусорное ведро. Всю.

Папа прав: по почте приходит одна дребедень.

Дверь маленькой комнатки, которая служила ее отцу кабинетом, была

открыта, и когда Абра остановилась у раковины на кухне, чтобы смыть стаканом воды кислый шоколадный вкус полупереваренных «Орео», то услышала мерное пощелкивание клавиш его компьютера. Хорошо. Когда оно замедлялось или останавливалось вовсе, отец часто становился раздражительным. И кроме того, чаще обращал на нее внимание, а ей сегодня вовсе не хотелось быть замеченной.

— Абба-Ду, это ты? — нараспев спросил он.

Обычно она бы попросила в ответ не называть ее этим детским прозвищем, но не сегодня.

— Ага, я.

— В школе все окей?

Мерное «клик-клик-клик» прекратилось. Пожалуйста, не выходи, взмолилась Абра. Не выходи и не смотри на меня, и не вздумай спрашивать, почему я такая бледная или еще что-нибудь в этом роде.

— Нормально. Как книга?

— Все отлично, — ответил отец. — Пишу о чарльстоне и блэк-боттоме. Трах-тарарах.

Что бы это ни значило, клавиши защелкали вновь. Слава богу.

— Круто, — сказала она, ополоснув стакан и поставив его в сушилку. — Пойду наверх, займусь домашкой.

— Умничка. Подумай о Гарварде в две тысячи восемнадцатом.

— Хорошо, пап.

И, может быть, так она и сделает. Все, что угодно, лишь бы не думать о том, что случилось в Бэнкертоне, штат Айова, в две тысячи одиннадцатом.

6

Только она все равно думала.

Потому что...

Потому что — что? Почему? Ну... потому что...

«Потому что я кое-что умею».

Она немного початилась с Джессикой, но потом Джессика отправилась в торговый центр Норт-Конвея, чтобы поужинать с родителями в «Панда гарден», и Абра открыла учебник по обществоведению. Ей нужна была четвертая глава, двадцать скучных страниц под названием «Как работает наше правительство», но вместо этого учебник раскрылся на пятой: «Твоя гражданская ответственность».

Боже, если и было слово, которое она сегодня не хотела видеть, так это

«ответственность». Она пошла в ванную за еще одним стаканом воды, по-прежнему чувствуя во рту неприятный привкус, и вдруг обнаружила, что уставилась на веснушки в собственном отражении. Их было ровно три: одна на левой щеке и две — на носу. Неплохо. По части веснушек ей повезло. И пятна родимого, как у Бетани Стивенс, у нее не было, и косоглазия, как у Нормана Макгинли, и не заикалась она как Джинни Уитлоу, и с именем повезло — не то что бедняге Пенсу Эффершаму. Немного странное имя, конечно, но чаще всего оно даже вызывало у окружающих интерес — не сравнить с Пенсом, известным среди мальчишек (но девочки почему-то всегда знают о таких вещах) как Пенис Пенс.

«И, что важнее всего, меня не резали на кусочки какие-то безумцы, которым наплевать, что я кричу и умоляю их прекратить. И прежде, чем умереть, я не видела, как кое-кто из этих безумцев слизывает мою кровь со своих ладоней. Абба-Ду — везучка».

Хотя, может, и не совсем. Везучки не знают того, чего им знать не положено.

Она опустила крышку унитаза, села на него и тихо заплакала, закрыв лицо руками. То, что ей напомнили о смерти Брэдли Тревора, и без того плохо, но дело же не только в нем. Были и другие дети — столько фотографий, что, сверстанные вместе на последней странице «Потребителя», они походили на школьное собрание в аду. Все эти улыбки с щербинкой между зубов и глаза, знавшие о жизни меньше Абриного. А что знала она? Даже «Как работает наше правительство», и то не знала.

О чем думают родители этих пропавших детей? Как они вообще живут дальше? Вспоминают ли они первым делом о Синтии, Мертоне или Эйнджел, когда просыпаются, и думают ли о них перед тем, как заснуть? Сохранили ли они их комнаты в таком виде, словно дети в любой момент могут вернуться домой, или давно отдали их одежду и игрушки на благотворительность? Абра слышала, что именно так поступили родители Ленни О'Мира, когда тот упал с дерева, ударился головой и умер. Ленни О'Мира, который дожил лишь до пятого класса, а потом просто... кончился. Но родители Ленни знают, что он умер: есть могила, на которую они могут прийти с цветами, и это, наверное, имеет значение. Может, и нет, но Абра считала, что имеет. Потому что иначе остается только гадать. Ты ешь свой завтрак и гадаешь — а вдруг твой ребенок

(Синтия Мертон Эйнджел)

тоже где-то завтракает, или пускает змея, или собирает апельсины с мигрантами... В глубине души ты понимаешь, что он мертв, большинство

из них обычно погибают (чтобы убедиться, достаточно посмотреть шестичасовое «Чрезвычайное происшествие»), но не знаешь наверняка.

Родителям Синтии Абелард, Мертон Эскью или Эйнджел Барбера она с этой неопределенностью помочь ничем не могла. Абра понятия не имела, что с ними случилось. В отличие от Брэдли Тревора.

И ведь она почти забыла его, а потом эта дурацкая газета! Эти дурацкие фотографии! И вернувшиеся воспоминания. Она даже не знала, что помнит об этом — словно образы вынырнули из глубин ее подсознания.

И еще — то, что она умеет. То, о чем она никогда не говорила родителям, потому что это могло их расстроить. Так же, как они расстроятся, если узнают, что она обжималась с Бобби Флэннаганом как-то раз после школы — без поцелуев взапас и прочих гадостей! Есть вещи, о которых родители не хотели бы знать. Абра предполагала (и не то чтобы сильно ошибалась, хотя телепатия тут была ни при чем), что в родительских головах она застыла в восьмилетнем возрасте и останется такой по крайней мере пока у нее не вырастет грудь. Но пока что ее не было — во всяком случае, заметной.

У них ведь даже не было с ней РАЗГОВОРА. Джули Уэндовер сказала, что обычно его проводит мама, но в последнее время Абрина мама не поднимала тем серьезнее, чем наставление выносить мусор утром по четвергам до того, как придет автобус.

— Мы ведь не требуем от тебя слишком много, — сказала Люси, — просто этой осенью каждому из нас особенно важно вносить свой вклад.

Момо хотя бы планировала РАЗГОВОР. Как-то весной она отвела Абру в сторону и сказала: «Ты же знаешь, чего хотят мальчишки от девчонок, когда мальчишкам и девчонкам исполняется примерно столько же лет, сколько тебе?»

— Думаю, секса, — ответила Абра... хотя единственное, чего хотел от нее робкий, суетливый Пенс Эффершам — чтобы она угостила его печеньем. Еще иногда он хотел занять у нее четвертак для автомата и сообщить, сколько раз посмотрел «Мстителей».

Момо кивнула.

— Людскую природу не изменишь — что есть, то есть, — но не позволяй им ничего такого. Точка. Разговор окончен. Можешь передумать, если захочешь, годам к девятнадцати.

Вышло как-то неловко, но, во всяком случае, тут все было четко и ясно. А насчет этой штуки в ее голове никакой ясности не наступало. Она была как родимое пятно — невидимое, но существующее. Родители

больше не обсуждали все те безумные штуки, что Абра творила в детстве. Может, они решили, что исчезла причина, по которой все это происходило. Ну да, она знала о болезни Момо, но это не сравнится с фортепианной мелодией, включенной в ванной комнате водой или тем днем рождения (который помнила довольно смутно), когда она развесила ложки по кухонному потолку. Просто она научилась это контролировать. Не совсем, но большую часть.

А еще эта штука изменилась. Сейчас она почти никогда не видела заранее того, что должно произойти. И не перемещала вещи, как в шесть или семь лет, когда ей стоило сконцентрироваться на стопке учебников — и они поднимались к потолку. Ничего сложного. Просто, как штаны котенку связать, по выражению Момо. А сейчас, даже если учебник был один, она могла концентрироваться на нем, пока мозги из ушей не полезут, и все равно он лишь на пару дюймов сдвигался со своего места. Это в удачный день. Чаше всего ей не удавалось даже страницу перевернуть.

Но она была способна и на другое, и это часто получалось у нее лучше, чем в детстве. Заглядывать людям в головы, например. Не каждому — некоторые оказывались полностью закрытыми, другие отвечали прерывистыми образами-вспышками, — но в основном люди для Абры были как окна с раздвинутыми занавесками. Она могла заглянуть в них в любой момент, когда пожелает. А желала она редко, потому что иногда от увиденного ей становилось грустно, а иногда оно ее шокировало. Как-то раз она поняла, что у миссис Моран, ее любимой учительницы в шестом классе, РОМАН — и это открытие стало самым сильным потрясением для Абры за всю ее жизнь, и не в хорошем смысле.

В последнее время она практически всегда держала выключенным этот «глаз» в своем мозгу. Сначала это было сложно — все равно что кататься на скейте задом наперед или печатать левой рукой, — но она научилась. Не то чтобы все получалось идеально (пока, во всяком случае), но помогало — факт. Иногда она все же смотрела, но осторожно, готовая убраться восвояси при первых признаках чего-то странного или отвратительного. И никогда не пыталась залезть в голову родителям или Момо. Это было бы неправильно. Наверное, это неправильно и по отношению ко всем остальным, но ведь Момо сама сказала — людскую природу не изменишь. А разве есть что-то более свойственное людям, чем любопытство?

Иногда она могла заставить кого-нибудь сделать что-то определенное. Не каждого — даже не каждого второго, — но многие легко поддавались ее внушению (те же, наверное, кто верит, что снадобья из телерекламы

разгладят их морщины и заставят волосы расти вновь). Абра знала, что этот талант можно тренировать, как мышцу — но не делала этого. Он ее пугал.

Были и другие штуки, многим из которых она не находила названия, но у той, о которой Абра думала сейчас, было имя. «Дальновидение». Как и многие другие способности, эта приходила и уходила, но если действительно захотеть — и если есть объект, на котором можно сконцентрироваться, — то обычно все получалось.

«Я могу сделать это прямо сейчас».

— Заткнись, Абба-Ду, — сказала она тихим, напряженным голосом. — Заткнись, Абба-Ду-Ду.

Абра открыла учебник по начальной алгебре на странице с домашней работой, заложенной листком, на котором она написала имена «Бойд», «Стив», «Кэм» и «Пит» не меньше двадцати раз каждое. Все вместе — «На районе», ее любимый бойз-бэнд. Такие клевые, особенно Кэм. Эмма Дин, лучшая подруга Абры, тоже так считала. Эти голубые глаза, эта своенравная белокурая прядь.

«Может, я смогу помочь. Его родители расстроятся, но, по крайней мере, они будут знать».

«Заткнись, Абба-Ду. Заткнись, Абба-Ду-Дура безмозглая».

Пять, помноженное на «икс», минус четыре равно двадцати шести. Чему равен «икс»?

— Шестьдесят зиллионов! — сказала она. — Какая разница?

Взгляд Абры упал на имена милых пареньков из «На районе», выведенные их с Эммой любимым старомодным шрифтом («Так романтичней», — заявила Эмма), и они вдруг показались ей такими глупыми и детскими... такими уродливыми. Те люди разрезали его на куски, слизали его кровь со своих ладоней и сделали с ним что-то еще — намного хуже. В мире, где такое возможно, страдать по мальчику из поп-группы по меньшей мере неправильно.

Абра захлопнула учебник, спустилась вниз по лестнице (из отцовского кабинета раздавалось неутраченное клацанье клавиш) и вышла в гараж. Она вытащила «Потребителя» из мусорной корзины, вернулась с газетой к себе в комнату и разгладила ее у себя на столе.

Столько лиц... но сейчас ее волновало только одно.

Сердце в груди колотилось: бух-бух-бух. Ей и прежде бывало страшно,

когда она специально пыталась прибегнуть к дальновидению или чтению мыслей, но так как сейчас — никогда. Тот страх нынешнему и в подметки не годился.

«И что ты сделаешь, если узнаешь правду?»

Об этом она подумает потом, потому что вдруг ничего не получится. Робкая и трусоватая часть ее натуры на это надеялась.

Абра положила на фотографию Брэдли Тревора большой и указательный палец левой руки, потому что левой рукой видела лучше. Хотелось бы положить всю руку (работай Абра с предметом, она бы его взяла), но фото было совсем маленьким. Два пальца закрывали его полностью. Но Абра все равно видела. Видела превосходно.

Глаза — голубые, как у Кэма Ноулза из «На районе». На фото этого не разобрать, но они были того же иссиня-голубого цвета. Она знала.

«Правша, как я. Но и левша тоже — как я. Именно его левая рука знала, каким будет следующий бросок — резким или кручен...»

У Абры перехватило дыхание. Бейсбольный мальчик был далеко не прост.

В этом они с бейсбольным мальчиком действительно были похожи.

«Да, верно. Потому его и забрали».

Она закрыла глаза и увидела его лицо. Брэдли Тревор. Для друзей просто Брэд. Бейсбольный мальчик. Иногда он надевал кепку козырьком назад, потому что так делают все бейсболисты на удачу. Его отец был фермером. Мать пекла пироги и продавала в местном ресторанчике и в семейной лавке. Когда старший брат уехал в колледж, Брэд забрал себе все его диски «AC/DC». Им с лучшим другом Элом особенно нравилась песня «Большие яйца». Они сидели у Брэда на кровати, пели ее хором и смеялись до упаду.

«Он шел через кукурузное поле, а его поджидал мужчина. Брэд считал его симпатичным, считал его хорошим, потому что незнакомец...»

— Барри, — тихо прошептала Абра. Глазные яблоки у нее под веками быстро двигались туда-сюда, как у человека во власти яркого сна. — Его звали Барри Кит. Он обманул тебя, Брэд. Да?

Но не только Барри. Если бы тот действовал в одиночку, Брэд бы все понял. Люди с Фонариками объединили усилия, посылая одну и ту же мысль: ты можешь без опасений сесть в пикап или фургон или что там еще было у Барри Кита, потому что Барри хороший. Один из хороших парней. Друг.

И они забрали его...

Абра погружалась все глубже. Ей было неважно, что видел сам Брэд,

потому что он как раз не видел ничего, кроме серого коврика. Его обмотали скотчем и уложили лицом вниз на пол машины, которую вел Барри Кит. Но хватило и этого. Теперь, когда Абра настроилась, ее поле зрения было куда больше, чем у Брэда. Она видела...

Его перчатку. Уилсоновскую бейсбольную перчатку. И Барри Кит...

Следующий кусок выпал. Может быть, он вернется, а может, и нет.

Была ночь. До Абры доносился запах навоза. Фабрика. Какая-то

(она заброшена)

фабрика. К ней двигалась целая кавалькада машин, маленьких, больших, была даже парочка огромных. Фары были погашены, чтобы не привлекать внимания посторонних, но в небе висела почти полная луна. Света хватало, чтобы разглядеть дорогу. Они ехали по ухабистой, изрытой выбоинами дороге, мимо водокачки, мимо сарая с провалившейся крышей, прямо в распахнутые ржавые ворота, мимо знака. Тот промелькнул так быстро, что Абра не смогла разобрать, что там написано. И вот фабрика. Разрушенная фабрика с покосившимися трубами и выбитыми окнами. Здесь был еще один знак, и его-то благодаря лунному свету Абра прочла: «По распоряжению Департамента шерифа округа Кантон посторонним вход воспрещен».

Они объезжают вокруг здания, а когда остановятся, начнут пытаться бейсбольного мальчика Брэда и будут пытаться до тех пор, пока он не умрет. Этого Абра видеть не хотела, поэтому отмотала видение назад. Было чуть-чуть тяжело, как будто открываешь туго завинченную банку, но у Абры получилось. Вернувшись туда, куда хотела, она снова запустила ход событий.

Барри Киту понравилась перчатка, потому что она напомнила ему о его собственном детстве. Вот почему он ее примерил. Примерил и понюхал масло, которым пользовался Брэд, чтобы сохранить мягкость кожи, и несколько раз просунул кулак в пер...

Но события развивались стремительно, и Абра опять забыла о бейсбольной перчатке Брэда.

Водокачка. Сарай с провалившейся крышей. Ржавые ворота. А потом первый из знаков. Что там написано?

Нет. Все еще слишком быстро, даже при свете луны. Абра снова перемотала видение (теперь у нее на лбу выступили бисеринки пота) и запустила его. Водокачка. Сарай с провалившейся крышей. Приготовиться, сейчас будет знак. Ржавые ворота. И знак. На этот раз у нее получилось прочитать надпись, хотя она и не была уверена, что поняла написанное.

Абра схватила листок блокнота, на котором с завитушками выводила

имена глупых мальчишек, и перевернула его обратной стороной. Быстро, пока не забыла, нацарапала увиденное на знаке: «Химическая промышленность», и «Завод по производству этанола № 4», и «Фримэн, Айова», и «Закрывается до дальнейших распоряжений».

Так, теперь она знала, где убили мальчика, и где — она была в этом уверена — его и закопали вместе с его бейсбольной перчаткой. Что дальше? Если она позвонит по горячей линии службы по розыску и защите детей, на том конце провода услышат детский голос и не примут ее всерьез... разве что могут передать телефонный номер в полицию, которая наверняка арестует ее за попытку жестоко разыграть тех, у кого в жизни и так хватает горя. Потом Абра подумала о маме, но сейчас, когда Момо болеет и вот-вот умрет, звонить ни в коем случае нельзя. У мамы и без того забот хватает.

Абра встала, подошла к окну и стала смотреть на свою улицу, на магазинчик «Слома голову» на углу (который большие ребята звали «Скуча голову» из-за всех тех косячков, что были выкурены за этим магазинчиком у мусорных баков) и на Белые Горы, пронзавшие чистое голубое небо, каким оно бывает под конец лета. Она начала тереть губы, это была нервная привычка, от которой родители пытались ее отучить, но поскольку их поблизости не было, то и фиг с ним.

Папа работает внизу.

Ему Абра тоже не хотела ничего говорить. Не потому, что ему нужно было заканчивать книгу, но потому, что он ни за что не станет вмешиваться в подобные дела, даже если и поверит.

Тогда кто?

Не успела она додуматься до чего-нибудь путного, как мир за ее окном начал вращение, как будто был установлен на какой-то гигантский диск. Из груди у Абры вырвался тихий вскрик, и девочка вцепилась в откосы окна, сжав в руках занавески. Такое случалось не впервые, и каждый раз она пугалась до ужаса, потому что это было похоже на эпилептический припадок. Абра покинула свое тело, это было уже не дальновидение, а перенос. А вдруг она не сможет вернуться назад?

Диск замедлил ход, а потом остановился. И вместо собственной комнаты Абра оказалась в супермаркете. Она поняла это потому, что прямо перед ней находился прилавок мясного отдела. Над ним (и уж эту надпись благодаря флюоресцентным лампам было видно отлично) висел многообещающий плакат: «В „Сэмс“ каждый кусочек — на пять с плюсом!» Несколько секунд прилавок двигался ей навстречу, потому что человек, в которого перенес ее диск, куда-то шел. Шел и делал покупки.

Барри Кит? Нет, не он, хотя Барри где-то близко. Именно он принес ее сюда. Но кто-то намного сильнее Барри утащил Абру за собой. Где-то внизу, на границе поля зрения, Абра видела тележку, забитую продуктами. Затем движение вперед прекратилось и появилось

(кто-то роется, подглядывает)

это сумасшедшее ощущение, что кто-то забрался В НЕЕ, и Абра внезапно поняла, что на этот раз на диске она не одна. Она смотрела на прилавок мясного отдела в конце прохода супермаркета, а другой человек выглядывал из ее окна на Ричланд-корт и Белые Горы на горизонте.

Ее затопила волна паники; как будто в костер плеснули бензину. Ни звука не сорвалось с ее губ, которые были сжаты в тонкую нитку, но в собственной голове Абра издала вопль такой силы, на которую даже не считала себя способной:

(НЕТ! ВОН ИЗ МОЕЙ ГОЛОВЫ!)

8

Когда Дэвид почувствовал, что дом трясется, и увидел, как раскачивается на цепи светильник над головой, то сначала подумал

(Абра)

что у его дочери опять паранормальный выброс, хотя вот уже несколько лет ничего подобного не случилось, а такого — и вовсе никогда. Когда все успокоилось, к нему пришла вторая, более логичная, по его мнению, мысль: «Я только что пережил свое первое нью-гэмпширское землетрясение». Он знал, что время от времени они тут случаются, и все-таки... ух!

Он вскочил из-за стола (не забыв перед этим нажать кнопку «Сохранить») и выбежал в коридор. У подножия лестницы он крикнул:

— Абра! Ты почувствовала?

Она вышла из своей комнаты, бледная и слегка напуганная.

— Вроде бы да. Я... Кажется, я...

— Землетрясение! — сияя, объявил Дэвид. — Твое первое землетрясение! Круто же?

— Да, — ответила Абра без особого восторга. — Круто.

Он выглянул в окно гостиной и увидел соседей, высыпающих из домов на лужайки. Среди них был его хороший друг Мэтт Ренфрю.

— Я выйду на улицу и поговорю с Мэттом, малышка. Хочешь со мной?

— Наверное, лучше закончу с математикой.
Дэвид пошел к двери, потом обернулся.
— Ты же не испугалась, правда? Не стоит. Все кончилось.
Хотелось бы Абре в это верить.

Роза Шляпница делала покупки на двоих, потому что Дедуля Флик опять захворал. В магазине она заметила нескольких Верных и кивнула им. У полки с консервами остановилась поболтать с Барри Китаезой, державшим в руке список продуктов, который дала ему жена. Барри переживал за Флика.

— Он оклемается, — сказала Роза. — Ты же знаешь Дедулю.
Барри ослабился.
— Круче только яйца.
Роза кивнула и покатила тележку дальше.
— Еще бы.

Обычный выходной день в супермаркете, и она поначалу приняла то, что случилось после разговора с Барри, за нечто вполне бытовое — вроде падения уровня сахара в крови. Она была склонна к скачкам сахара и потому обычно носила с собой в сумочке шоколадный батончик. Но потом Роза поняла, что кто-то проник в ее разум. Кто-то осматривался там.

Роза заняла свою позицию в иерархии Верных не потому, что была нерешительной. Она остановилась, развернув тележку к отделу с мясными продуктами (следующая по расписанию остановка), и тут же подключилась к каналу, открытому каким-то любопытным и потенциально опасным незнакомцем. Это не один из Верных — любого из них она бы моментально узнала. Но и не какой-нибудь обычный лох.

Нет, совсем не обычный.

Магазин исчез, и вдруг она обнаружила, что смотрит на горную цепь. Это не Скалистые горы — те ни с чем не спутать. Поменьше. Катскилл? Адирондак? Может, они, а может и другие. Что же касается незнакомца... Роза подумала, что это ребенок. Почти наверняка девочка, причем та, с которой она уже сталкивалась.

Мне нужно узнать, как она выглядит, и тогда я смогу найти ее в любое время, стоит только захотеть. Нужно подвести ее к зеркалу...

Но вдруг мысль, громкая, как выстрел дробовика в тесной комнате,
(НЕТ! УБИРАЙСЯ ИЗ МОЕЙ ГОЛОВЫ!)

стерла все в ее голове, а сама Роза, пошатываясь, врезалась в полку с консервированными супами и овощами. Они покатались вниз и рассыпались по всему полу. Пару секунд Розе казалось, что она и сама сейчас упадет — потеряет сознание, как простодушная героиня любовного романа... но потом она пришла в себя. Девчонка разорвала связь, причем достаточно впечатляющим образом.

Нос кровит? Она провела под ним пальцами и проверила. Нет. Хорошо.

Один из работников магазина спешил к ней на помощь.

— Вы в порядке, мэм?

— Да, все нормально. Просто голова закружилась, вот и все. Наверное, из-за того, что вчера мне вырвали зуб. Не беспокойтесь, я уже в норме. Ну и беспорядок же я тут вам устроила! Прошу прощения. Хорошо, что это консервные банки, а не бутылки.

— Что вы, ничего страшного. Может, вам лучше выйти наружу и немного отдохнуть на скамейке?

— Это ни к чему, — ответила Роза. Так и было, но с покупками на сегодня она закончила. Роза прокатила тележку еще на два прохода вперед и оставила ее там.

10

Она приехала в магазин на своей «Такоме» (старой, но надежной) из зоны отдыха к западу от Сайдвиндера. Едва вернувшись в кабину, Роза вытащила из сумочки телефон и нажала кнопку быстрого вызова. На другом конце раздался лишь один гудок.

— Что стряслось, Розы-малышка? — Папаша Ворон.

— Есть проблема.

А еще — возможность. Ребенок с таким количеством пара в котле — она ведь не просто обнаружила Розу, а буквально сбила ее с ног, — не просто пароход, это находка века. Она чувствовала себя капитаном Ахавом, в первый раз увидевшим своего белого кита.

— Говори, — теперь в его голосе звучали только деловые нотки.

— Чуть больше двух лет назад. Паренек в Айове. Помнишь его?

— Само собой.

— Помнишь, как я тогда сказала тебе, что за нами кто-то подглядывает?

— Да. С Восточного побережья. Ты еще подумала, что это девочка.

— Да, девочка, так и есть. Она только что снова меня нашла. Я была в супермаркете, думала о своем — и тут откуда ни возьмись она.

— С какой стати? Столько времени прошло.

— Не знаю, да мне и плевать. Но мы должны заполучить ее, Ворон. Мы должны ее заполучить.

— Она знает, кто ты? Где мы?

Роза думала об этом, когда шла к пикапу. Девчонка не видела ее, в этом Роза была уверена. Она смотрела изнутри. Что ей удалось разглядеть? Проход супермаркета. Сколько их таких по всей Америке! Миллион, не меньше.

— Не думаю, но дело не в этом.

— Тогда в чем?

— Помнишь, я сказала тебе, что в ней много пара? Очень много? Короче говоря, оказалось, его больше, чем я думала. Когда я попыталась направить ее силу против нее самой, она вышвырнула меня из своей головы, как пушинку. Ничего подобного со мной раньше не происходило. Я бы даже сказала, что это невозможно.

— Она будущая Верная или будущая еда?

— Не знаю.

Хотя, конечно, она знала. В паре они нуждались куда сильнее, чем в новобранцах. Кроме того, Розе бы не хотелось видеть никого с такой силой среди Верных.

— Хорошо, как мы ее найдем? Есть идеи?

Роза подумала о том, что успела увидеть до того момента, как ее бесцеремонно вышвырнули назад в супермаркет Сайдвиндера. Немного, но там был магазин...

— Подростки называют его «Скुरя голову», — сказала она.

— Что?

— Ничего, не обращай внимания. Мне нужно подумать. Но мы возьмем ее, Ворон. Должны взять.

Повисла пауза. Когда Ворон заговорил вновь, его голос звучал осторожно.

— Послушать тебя, ее хватит на дюжину канистр. Если, конечно, ты и правда не хочешь совершить с ней Переход.

Роза издала рассеянный, отрывистый смешок.

— Если я права, у нас не хватит канистр. Если бы она была горой, то — Эверестом.

Он не ответил. Розе не нужно было видеть его лицо или забираться к нему в голову, чтобы понять, насколько Ворон изумлен.

— Может, нам даже одна не понадобится.

— Не понимаю.

Ясное дело. Ворон никогда не был специалистом в стратегических вопросах.

— Может, нам не придется ни убивать ее, ни совершать Переход. Подумай о коровах.

— О коровах?

— Ты можешь пустить одну под нож и прожить на ее мясе несколько месяцев. Но сохрани ей жизнь, ухаживай за ней, и она будет давать тебе молоко лет шесть. Или даже восемь.

Молчание. Долгое. Она решила его не нарушать. Он вновь заговорил, и голос его стал еще осторожнее.

— Никогда не слышал о таком. Мы убиваем их и получаем пар, или, если у них есть что-то, что может нам пригодиться, и они достаточно сильны, чтобы пережить Переход, мы их переводим. Как перевели Энди в восьмидесятых. Дедуля Флик, наверное, имеет на этот счет другое мнение — если ему верить, он помнит, как Генри Восьмой убивал своих жен, — но не думаю, что Верные хоть раз пробовали доить пароходов. Если она действительно так сильна, как ты говоришь, это может быть опасным.

«Скажи мне что-нибудь новенькое. Если бы ты ощутил то, что я, тебе бы сама эта мысль показалась сумасшествием. И, может быть, я на самом деле сошла с ума. Но...»

Но она устала тратить столько времени — все время семьи — на поиски пропитания и влачить жизнь средневековых цыган, тогда как они должны быть королями и королевами всего сущего. Кто они и есть.

— Поговори с Дедулей, если ему лучше. И с Тяжелой Мэри, ей почти столько же, сколько Флику. С Гремучкой Энди. Она новенькая, но голова на плечах у нее есть. Еще с кем-нибудь, кого считаешь нужным посвятить в дело.

— Господи, Роза. Я не знаю...

— Я тоже — во всяком случае, пока. До сих пор не могу прийти в себя. Просто прощупай почву. Ты, в конце концов, агент.

— Ладно...

— Да, и не забудь переговорить с Орехом. Спроси его, какие лекарства могут надолго утихомирить лоховского ребенка.

— Что-то эта девочка не похожа на лоха.

— Да брось. Большая жирная лоховская корова.

«Не совсем так. Большой белый кит, вот кто она».

Роза отключилась, не дожидаясь ответа Ворона. Босс — она, и раз уж

приняла решение, разговор окончен.

«Девчонка — белый кит, и я хочу ее».

Ахав мечтал о ките не потому, что в том были тонны ворвани, которую можно переработать в почти бесконечное количество масла, и Роза мечтала о девочке не потому, что под нужными лекарствами и постоянным психическим давлением она способна обеспечить им неиссякаемый источник пара. Тут было личное. Перевести ее? Сделать ее частью Узла верных? Никогда. Эта мелюзга вышвырнула Розу Шляпницу из своей головы как назойливого проповедника, мелющего под дверями белиберду о скором конце света. Никто так раньше с ней не обращался. Неважно, какой силой обладает девчонка — ей нужно преподать урок.

«И я-то это и сделаю».

Роза Шляпница завела пикап, выехала со стоянки супермаркета и направилась к Блюбелл — зоне отдыха, принадлежавшей Узлу верных. Виды тут чудесные, и почему нет? Когда-то здесь стоял один из лучших курортных отелей мира.

Но, конечно же, «Оверлук» много лет назад сгорел дотла.

11

Мэтт и Кэсси Ренфрю были главными заводилами улицы по части вечеринок. Они решили воспользоваться случаем и устроить в честь землетрясения Потрясное Барбекю. Ренфрю пригласили на него всех соседей по Ричланд-корт, и почти все пришли. Мэтт купил в магазине «Слома голову» выше по улице ящик содовой, несколько бутылок недорого вина и бочонок пива. Было весело, и Дэвид Стоун наслаждался от души. Абра, как ему казалось, тоже. Она тусовалась со своими подружками — Джули и Эммой, а еще он заставил ее съесть гамбургер и немного салата. Люси твердила ему, что нужно следить за пищевыми привычками дочери, потому что сейчас она как раз в том возрасте, когда девочки начинают сходить с ума от того, как выглядят и сколько весят. В возрасте, когда булимия и анорексия могут показать свои тощие, изнуренные лица.

Но он не заметил (а вот Люси, будь она там, может, и заметила бы), что, хотя ее подруги и хихикали почти не переставая, Абра в этом фестивале смеха участия не принимала. А съев миску мороженого (небольшую мисочку), и вовсе спросила отца, можно ли ей вернуться домой и доделать уроки.

— Хорошо, — сказал Дэвид. — Но сначала поблагодари мистера и

миссис Ренфрю.

Это Абра сделала бы и без напоминания, но говорить об этом не стала и просто согласилась.

— Не за что, Эбби, — сказала миссис Ренфрю. Ее глаза после трех стаканов белого вина неестественно блестели. — Круто же, правда? Вот бы землетрясения случались почаще. Хотя я говорила с Вики Фентон — ты же знаешь Фентонов с Понд-стрит? Это всего лишь в квартале отсюда, и она уверяет, что ничего не почувствовала. Странно, правда?

— Да, странно, — согласилась Абра и подумала, что, если уж говорить о странностях, миссис Ренфрю не знает и половины.

12

Она закончила домашнюю работу и смотрела вниз с отцом телевизор, когда позвонила мама. Абра поговорила с ней немного, после чего передала трубку отцу. Люси что-то сказала, и Абра поняла, что именно, еще до того, как Дейв бросил на нее быстрый взгляд и произнес: «Да, она в порядке, просто устала немного от своих уроков. Сейчас детей так нагружают. Она уже рассказала тебе о нашем маленьком землетрясении»?

— Я наверх, па, — сказала Абра, и он рассеянно махнул ей в ответ.

Она села за стол, включила компьютер, потом выключила. Ей не хотелось играть во «Фруктового ниндзю» и тем более чатиться с кем-то. Нужно подумать о том, что делать дальше. Она обязана что-то сделать.

Абра сложила учебники в рюкзак, потом подняла взгляд и увидела, как в окно на нее смотрит та женщина из супермаркета. Это было невозможно — окно находилось на втором этаже, и все же она была там. Женщина с безукоризненно белой кожей, высокими скулами, темными, слегка раскосыми, широко посаженными глазами. Абра подумала, что красивее женщины в своей жизни она еще не видела. И тут же она поняла, без тени сомнения, что та безумна. Копна темных волос обрамляла идеальное, чуть надменное лицо и спадала на плечи. На этой копне под неправдоподобным углом игриво торчал потрепанный бархатный цилиндр.

«Ее здесь нет, и в моей голове тоже нет. Не знаю, как я вообще могу ее видеть, но вижу, и, кажется, она об этом не зна...»

Безумица в темном окне ухмыльнулась, и когда ее губы раздвинулись, Абра увидела, что на верхней челюсти у нее всего один зуб — гигантский пожелтевший клык. Это последнее, что видел Брэдли Тревор, поняла Абра и закричала — закричала изо всех сил... но только внутренним голосом,

потому что в горле стоял ком, а связки, казалось, застыли намертво.

Абра закрыла глаза. Когда она открыла их вновь, улыбающаяся белоликая женщина в окне исчезла.

«Да, ее там нет. Но она может вернуться. Она знает обо мне и может вернуться».

И в тот же миг она поняла то, что должна была понять сразу — едва только увидела заброшенную фабрику. Есть лишь один человек, на которого она может рассчитывать. Лишь один человек, способный ей помочь. Она снова закрыла глаза — на этот раз не для того, чтобы спрятаться от жуткого видения в окне, а для того, чтобы позвать на помощь.

(ТОНИ, МНЕ НУЖЕН ТВОЙ ПАПА! ПОЖАЛУЙСТА, ТОНИ, ПОЖАЛУЙСТА!)

Не открывая глаз — но чувствуя тепло слез на ресницах и щеках — она прошептала: «Помоги, Тони. Мне страшно».

Глава восьмая

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ АБРЫ

1

Последний ежедневный заезд «Хелен Ривингтон» назывался «Закатным круизом», и часто по вечерам, после дневной смены в хосписе, Дэн сам садился за руль. Билли Фримэн, который за годы муниципальной службы совершил тысяч двадцать пять поездок, с радостью передавал ему бразды правления.

— Тебе никогда не надоест, а? — спросил он как-то раз Дэна.

— Что поделать, тяжелое детство.

На самом деле не такое уж тяжелое, но после того как закончились компенсационные деньги, Дэн с мамой не задерживались подолгу на одном месте. Работу Венди тоже меняла часто, а без высшего образования зарабатывать прилично у нее не получалось. Да, им хватало на еду и на крышу над головой, но на что-то сверх того денег почти не оставалось.

Однажды, уже в старших классах (они тогда жили в Брэйдентоне, недалеко от Тампы), Дэн спросил мать, почему та ни с кем не встречается. К тому времени он уже понимал, что мама все еще весьма красивая женщина. Венди Торранс криво улыбнулась и сказала: «Одного мужчины мне хватило, Дэнни. А, кроме того, у меня теперь есть ты».

«Много ли она знала о твоих попойках? — спросил его как-то Кейси К. во время одной из встреч в „Санспоте“. — Ты ведь рано начал, правильно?»

Дэн призадумался.

«Наверное, больше, чем мне казалось в то время, но мы никогда не говорили об этом. Скорей всего она боялась спрашивать. Кроме того, я тогда еще был в ладах с законом, а школу закончил с отличием. — Дэн мрачно улыбнулся Кейси поверх своего кофе. — И, конечно же, я никогда ее не бил. Думаю, это самое главное».

Железную дорогу Дэн так и не получил, но основной принцип АА гласил: не пей, и все наладится. Оно и наладилось. Теперь у Дэна был такой поезд, что любой мальчишка обзавидуется. И Билли прав: Дэну никогда не надоест. Нет, может, лет через десять-двадцать ему и надоест, но даже тогда Дэн с радостью возьмется за руль вечером, перед самым

закрытием, только ради того, чтобы укатить на поезде в закат, до Облачной пади. Вид там открывался потрясающий, а когда Сако была спокойной (какой она обычно и была после весенних буйств), закатная палитра удваивалась в небесах и речной глади. На дальнем отрезке пути царила такая тишина, что, казалось, сам Бог затаил дыхание.

Поездки между Днем труда и Днем Колумба (после которого «Рив» погружали в зимнюю спячку) были самыми лучшими. Туристы к тому времени разъезжались, и оставались редкие местные пассажиры, многих из которых Дэн знал по имени. В будние вечера, такие как сегодня, Дэн пробивал не больше дюжины билетов, и его это вполне устраивало.

На станцию в Минитауне поезд вернулся уже в полной темноте. Дэн (на голове у него красовалась фуражка с вышитой красной нитью надписью «Машинист Дэн» над козырьком) повернулся к горстке своих пассажиров и отсалютовал им, желая доброй ночи. Билли сидел на лавочке с сигаретой в зубах, кончик которой время от времени освещал ему лицо. Ему уже, должно быть, под семьдесят, но выглядит хорошо. Он полностью оправился после полостной операции двухлетней давности и говорил, что выходить на пенсию пока не собирается.

«И что мне, по-твоему, делать? — спросил Билли, когда Дэн однажды об этом заговорил. — Отправиться в эту вашу богадельню и ждать визита твоего котяры? Спасибо, но я пас».

Когда последние два-три пассажира отправились восвояси (наверное, искали, где бы поужинать), Билли затушил сигарету и присоединился к Дэну.

— Я отгоню ее в ангар, если, конечно, ты сам не хочешь.

— Нет, давай лучше ты, пока совсем задницу не отсидел. Ты когда курить бросишь, Билли? Ведь доктор сказал, что курево поспособствовало той дряни, что нашли тогда у тебя в кишках.

— Да я и так уже урезал почти до нуля, — сказал Билли, подозрительно опустив глаза. Дэн мог бы узнать, насколько именно урезал Билли свою дневную норму — ему, наверное, даже не пришлось бы для этого к нему притрагиваться, — но решил, что не стоит. Однажды этим летом он увидел парнишку в футболке с восьмиугольным знаком на ней. Вместо «СТОП» внутри знака было написано «СМИ». Когда Дэнни спросил мальчишку, что это означает, тот одарил его снисходительной улыбкой, которую он, скорее всего, приберегал для таких вот сорокалетних джентльменов. «Слишком много информации», ответил он. Дэн поблагодарил его и подумал: «Мне ли не знать, молодой человек».

У всех есть секреты. Это Дэн усвоил еще в раннем детстве. Добрые

люди заслужили право держать их при себе, а такого добряка, как Билли Фримэн, еще поискать.

— Пойдем кофе попьем, Дэнно? Время у тебя есть? Я сейчас быстренько уложу эту девку спать. Десять минут, не больше.

Дэн с любовью погладил бок паровоза.

— Конечно, но попридержи-ка язык. Она не девка, а ле...

И тут голова его взорвалась.

2

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что лежит на скамейке, где незадолго до этого курил Билли. Теперь тот сидел рядом с озабоченным видом. Черт возьми, напуганным до смерти. В одной руке он держал телефон, палец навис над кнопками.

— Убери, — прокаркал Дэн. Он прокашлялся и попробовал еще раз:

— Я в порядке.

— Точно? Иисусе, я был уверен, что тебя хватил удар.

Судя по ощущениям, так и было.

Впервые за долгие годы Дэн вспомнил о Дике Хэллоранне, выдающемся поваре из «Оверлука». Дик почти сразу же понял, что у сына Джека Торранса такой же дар, как и у него самого. Дэн подумал: интересно, жив ли еще Дик? Наверяд ли. Уже тогда ему было за шестьдесят.

— Кто такой Тони? — спросил Билли.

— Чего?

— Ты все твердил: «Пожалуйста, Тони, пожалуйста». Кто это?

— Старый собутыльник. — Не слишком удачная импровизация, но это было первым, что пришло в еще не до конца оправившуюся от потрясения голову. — Хороший друг.

Билли еще несколько секунд смотрел в светящийся прямоугольник телефона, потом медленно сложил мобильник и убрал.

— Ага, нашел дурака. Зуб даю — одно из твоих видений. Как в тот день, когда ты узнал о моих... — и Билли коснулся живота.

— Ну...

Билли жестом остановил его.

— Молчи. С тобой все нормально — и бог с ним. Меня же это не касается, верно? Потому что если касается — мне нужно знать. Я не из тех, кто бежит от дурных вестей.

— Нет, это не про тебя. — Дэн поднялся и с удивлением обнаружил,

что твердо стоит на ногах. — Но кофе, пожалуй, отложим, если ты не против.

— Нисколько. Тебе нужно вернуться домой и отдохнуть — до сих пор вон бледный. Чтобы это ни было, шмякнуло тебя будь здоров. — Билли посмотрел на «Рив». — Я просто рад, что в этот момент ты не несея в кабине со скоростью сорок миль в час.

— И не говори, — ответил Дэн.

3

Он перешел Крэнмор-авеню к «Дому Ривингтон», собираясь последовать совету Билли и прилечь, но вместо того, чтобы свернуть на обсаженную цветами аллею, решил еще немного прогуляться. Дыхание понемногу восстанавливалось, Дэн приходил в себя, а вечерний воздух пьянил. Кроме того, Дэну нужно было как следует обдумать то, что только что произошло.

«Чтобы это ни было, шмякнуло тебя будь здоров».

И он снова подумал о Дике Хэллоранне и обо все тех вещах, про которые никогда не рассказывал своему куратору. И не расскажет. Зло, которое он причинил Дини (и ее сыну — своим бездействием), засело в нем глубоко, как не прорезавшийся зуб мудрости, и никуда не денется. Но в пять лет зло грозило самому Дэнни Торрансу и, конечно, его маме и виноват в этом был не только отец. Дик тогда помог им. Если бы не он, Дэн с матерью погибли бы в «Оверлуке». Думать о прошлом было все так же больно; страх и ужас, испытанные в детстве, были все так же свежи. Он предпочел бы никогда не вспоминать об этом, но выхода не было. Потому что...

«Потому что все возвращается на круги своя. Может быть, это удача, а может быть — судьба, но все возвращается. Что сказал Дик в тот день, когда подарил мне шкатулку-сейф? Учитель приходит, когда ученик готов. Не то чтобы я был в состоянии кого-то учить. Разве что одной заповеди: не пей, и не напьешься».

Дэн дошел до угла; теперь он повернул и двинулся обратно. На улице больше не было ни души. С окончанием лета Фрейзер пустел с пугающей быстротой, и это напомнило Дэну о том, как опустел «Оверлук». Как быстро маленькое семейство Торрансов оказалось в полном одиночестве.

Если не считать призраков, конечно. Призраки оставались в отеле всегда.

Хэллоранн тогда сказал Дэнни, что отправляется в Денвер, а оттуда уже полетит на юг, во Флориду. Он спросил, не поможет ли ему Дэнни донести сумки до отельной стоянки, и Дэнни отнес одну к взятой поваром напрокат машине. Небольшая сумка, размером с портфель, но ему пришлось ухватиться за нее обеими руками, чтобы донести. Когда сумки были надежно уложены в багажник, а сами они сидели в машине, Хэллоранн дал имя той штуке в голове Дэнни Торранса, штуке, в которую его родители верили лишь наполовину.

«У тебя есть талант. Я, например, называю его сиянием. Так его прозвала моя бабушка. Тебе, наверное, становилось одиноко от мысли, что ты на свете один такой?»

Да, ему становилось одиноко, и да, он верил, что он на свете один такой. Хэллоранн его в этом разубедил. В последующие годы Дэнни часто натыкался на людей, в которых, по словам повара, «был чуток сияния». Взять, к примеру, Билли.

Но никто из них не сиял так, как закричавшая в его голове девочка. Дэн тогда почувствовал, будто этот крик разорвет его в клочья.

Обладал ли Дэн когда-то такой же силой? Видимо да, или почти такой же. В день закрытия «Оверлука» на зиму Хэллоранн попросил сидевшего рядом с ним взволнованного мальчика кое-что сделать... но что?

Он попросил запустить ему мысленное послание.

Дэн вернулся к «Дому Ривингтон» и остановился у ворот. С деревьев уже начинали опадать первые листья, и вечерний ветерок нес их к его ногам.

«А когда я его спросил, что мне ему послать, он ответил, что без разницы. „Просто запусти мысль изо всех сил“, — сказал он. Я так и сделал, но в последний миг расслабился, совсем немножко. В противном случае я мог бы его убить. Дик отклонился назад — даже не отклонился, а отдернулся — и прикусил губу. Я помню кровь. Он назвал меня пистолетом. А потом спросил про Тони. Моего невидимого друга. И я ему все рассказал».

Похоже, Тони вернулся, но теперь он не был другом Дэна. Теперь он — друг девочки по имени Абра. Она попала в беду, как попал когда-то сам Дэн, но взрослые мужчины, которые ищут встреч с маленькими девочками, привлекают к себе внимание и подозрения. Во Фрейзере Дэну жилось прекрасно, и он считал, что заслужил такую жизнь после стольких

потерянных лет.

Но...

Но когда он нуждался в Дике — в «Оверлуке» и позже, во Флориде, когда вернулась миссис Мэсси, — Дик приходил на выручку. В АА это называлось Двенадцатым шагом. Потому что, когда ученик готов, появляется учитель.

Несколько раз Дэн ходил с Кейси и другими ребятами из Программы к людям, которые по уши погрязли в наркотиках и выпивке. Иногда об этом просили начальники и друзья этих людей; чаще — родственники, которые перепробовали все другие способы и находились уже на грани отчаяния. За годы подобных визитов у них была парочка удач, но в основном все заканчивалось хлопаньем двери у них перед носом или просьбой засунуть свою ханжескую полурелигиозную хрень себе в задницу. А один парень, накушавшийся по воле Джорджа Буша иракской экзотики и подсевший после этого на мет, даже размахивал у них перед носом пистолетом. Когда они возвращались из хибары в Чокоруа, где ветеран проживал со своей запуганной до полусмерти женой, Дэн сказал: «Мы просто зря потратили время».

«Может быть, если бы занимались этим ради них, — ответил Кейси, — но это не так. Мы делаем это ради себя. Тебе нравится твоя нынешняя жизнь, Дэнни-бой?» Этот вопрос Кейси задавал уже не в первый раз, и далеко не в последний.

«Да», — без тени сомнения ответил Дэн. Может, он и не был президентом «Дженерал моторс» и не снимался в любовных сценах с Кейт Уинслет, но считал, что живется ему хорошо.

«Думаешь, ты ее заработал?»

«Нет, — сказал Дэн с улыбкой. — Не заработал. Такого не зарабатываешь».

«Тогда что же привело тебя туда, где по утрам ты просыпаешься с радостью? Удача или провидение?»

Наверное, Кейси хотелось, чтобы Дэн ответил «провидение», но за годы трезвости Дэн приучился говорить хоть и неловкую, но правду. «Я не знаю», ответил он.

«Ну и хорошо, потому что когда ты приперт к стенке, разницы никакой».

— Абра, Абра, Абра, — говорил он, подходя по аллее к «Дому Ривингтон». — Во что ты впуталась, девочка? И во что впутываешь меня?

Он подумал было связаться с ней при помощи сияния, на надежность которого никогда нельзя было положиться полностью, но, поднявшись в свою комнату, обнаружил, что этого не нужно. На доске было аккуратно написано:

cadabra@nhmlx.com

Несколько мгновений Дэн озадаченно разглядывал ее ник, а потом понял и рассмеялся:

— Молодец девчонка!

Он включил ноутбук. Через секунду перед ним был пустой бланк электронного письма. Дэн напечатал ее адрес и остановился, глядя на мигающий курсор. Сколько ей лет? Судя по прежним попыткам общения, где-то между мудрыми двенадцатью и слегка наивными шестнадцатью годами. Вероятно, ближе к первому. И тут он — взрослый мужик, у которого в щетине уже мелькает седина, когда он забывает побриться. Сидит и собирается с девочкой чатиться. Ату педофила?

«Может, ничего серьезного. Вполне возможно. Она ведь еще ребенок».

Да, но до чертиков испуганный ребенок. Плюс, она была ему любопытна. И это любопытство родилось не сегодня. Точно так же, как Хэллоранну был любопытен он сам, подумалось Дэну.

«Я бы сейчас не отказался от божьей милости. И целого вагона везения».

В поле ТЕМА наверху Дэн ввел «Привет, Абра». Перевел курсор ниже, сделал глубокий вздох и напечатал три слова: «Рассказывай, что случилось».

В следующую субботу после обеда Дэн сидел на залитой солнцем скамейке перед каменным, увитым плющом зданием Эннистонской публичной библиотеки. В руках у него был экземпляр «Юнион Лидера», и на странице было что-то написано, но Дэн понятия не имел, что именно. Слишком нервничал.

Ровно в два часа, подъехала на велосипеде девочка в джинсах и припарковала его у края лужайки. Девочка помахала Дэну рукой и широко улыбнулась.

Итак. Абра. В рифму с Кадаброй.

Высокая для своего возраста, причем большей частью из-за длинных ног. Копна светлых кудряшек собрана в толстый хвост, но готова вырваться на свободу и рассыпаться во все стороны. День выдался немного прохладным, и Абра надела ветровку с надписью «Эннистонские циклоны» во всю спину. Она прихватила пару книг, примотанных эластичной лентой к багажнику велосипеда, и побежала к Дэну, все так же открыто улыбаясь. Хорошенькая, но не красавица. Разве что эти голубые широко расставленные глаза. Глаза были прекрасны.

— Дядя Дэн! Как я рада тебя видеть! — и она от всей души чмокнула его в щеку. Этого он не ожидал. Ее непоколебимая уверенность в том, что он хороший, пугала.

— И я рад, Абра. Присаживайся.

Накануне он объяснил ей, что нужно соблюдать осторожность, и Абра — дитя своего века — тотчас же его поняла. Они согласились, что лучше всего будет встретиться на открытом месте, а в Эннистоне мало было мест столь же открытых, как лужайка перед библиотекой, расположенной в крохотном деловом районе городка.

Абра смотрела на Дэна с искренним интересом, даже жаждой. Ощущение было такое, будто маленькие пальчики осторожно трогают его голову изнутри.

(где Тони?)

Дэн дотронулся пальцем до виска.

Абра улыбнулась, и это стало завершающим штрихом к ее красоте, превратив ее в девушку, которая лет через пять будет разбивать сердца.

(ПРИВЕТ ТОНИ!)

Это было так громко, что Дэн моргнул и снова вспомнил о том, как отбросило назад Дика Хэллоранна, сидевшего за рулем прокатного автомобиля, и как его взгляд помутился на мгновение.

(надо говорить вслух)

(да окей)

— Я кузен твоего папы, поняла? Не совсем дядя, но тебе разрешается так меня называть.

— Хорошо-хорошо, ты — дядя Дэн. Главное, чтобы на нас не наткнулась мамина лучшая подруга. Ее зовут Гретхен Силверлейк. Кажется, она знает наше генеалогическое древо наизусть, а там и знать-то особо нечего.

«Какая прелесть, — подумал Дэн. — Любопытная лучшая подруга».

— Все нормально, — откликнулась Абра. — У нее старший сын футболист, и она никогда не пропускает игры «Циклонов». Почти все ушли

на матч, так что можешь не волноваться, что кто-то подумает, будто мы...

Предложение она закончила мысленной картинкой, даже карикатурой. Она появилась мгновенно, набросанная грубыми, но четкими штрихами. Маленькая девочка в темном переулке, над которой угрожающе завис незнакомец в плаще. У девочки тряслись колени, и прежде, чем картинка растаяла, Дэн успел разглядеть над ее головой облачко со словами: «А-а-а, маньяк!»

— Не так уж это и смешно.

Он нарисовал собственную картинку и отослал ей: двое дюжих полицейских уводят прочь Дэна Торранса в полосатой тюремной робе. Раньше он никогда ничего подобного не делал, и картинка вышла не такой хорошей, как у Абры, но Дэн радовался и тому, что вообще это умеет. И вдруг, прежде чем он успел сообразить, что происходит, Абра захватила контроль над картинкой и переделала ее. Дэн выхватил из рукава пистолет, навел на одного из копов и нажал на спуск. Из дула выскочил флажок с надписью ПИФ-ПАФ!

Дэн смотрел на Абру, открыв рот.

Абра зажала рот руками и прыснула:

— Извини. Не смогла удержаться. Мы так целый день могли бы, скажи? Вот весело было бы.

Не просто весело — это было бы облегчением. Долгие годы прожила она с чудесным мячиком, который некому было кинуть. Да и он тоже. Впервые с детских лет — впервые после Хэллоранна — он не только посылал, но и получал ответ.

— Еще как весело, но сейчас не время. Расскажи мне все сначала и по порядку. В письме ты изложила только самое главное.

— С чего начать?

— Как насчет твоей фамилии? Наверное, как почетный дядюшка, я должен ее знать.

Это ее рассмешило. Дэн попробовал было удержать серьезное лицо и не смог. Господи помилуй, он к ней уже привязался.

— Я — Абра Рафаэлла Стоун, — сказала она. Внезапно ее смех оборвался. — Только надеюсь, тетка в цилиндре этого так и не узнает.

Сорок пять минут сидели они рядышком на скамейке, грея лица на осеннем солнышке. Впервые в жизни Абра испытывала ничем не

замутненное удовольствие — даже радость — от обладания даром, который прежде всегда пугал ее и ставил в тупик. Благодаря этому человеку она даже узнала, как он называется: сияние. Это было хорошее имя; уютное имя, потому что раньше Абра воспринимала дар как нечто темное.

У них накопилось много тем для разговора — куча заметок для сравнения, — но не успели они начать, как к ним подошла поздороваться полная женщина лет пятидесяти в твидовой юбке. На Дэна она взглянула с любопытством, но любопытством доброжелательным.

— Здрасьте, миссис Джерард. Это мой дядя Дэн. Миссис Джерард вела у нас в прошлом году литературу.

— Приятно познакомиться, мэм. Дэн Торранс.

Миссис Джерард пожала протянутую руку коротко и энергично. Абра почувствовала, что Дэн — дядя Дэн — расслабился. Хорошо.

— Вы из наших краев, мистер Торранс?

— Чуть подальше, из Фрейзера. Работаю там в хосписе. «Дом Хелен Ривингтон», слышали?

— А! Вы делаете благое дело. Абра, ты еще не прочла «Мастерового»? Роман Маламуда, который я порекомендовала?

Абра помрачнела.

— Я залила его на «Нук» — мне подарили бонусную карточку на день рождения, — но пока еще не приступала. Он какой-то сложный.

— Ты уже доросла до сложных книг, — заявила миссис Джерард, — и давно. Оглянуться не успеешь, как вот уже старшая школа, а за ней и колледж. Предлагаю тебе начать читать сегодня же. Приятно было познакомиться, мистер Торранс. У вас необычайно одаренная племянница. Но, Абра, с умных и спрос больше.

Она постучала Абре пальцем по виску, чтобы подчеркнуть сказанное, потом поднялась по библиотечной лестнице и скрылась внутри.

Абра повернулась к Дэну:

— Неплохо прошло, да?

— Пока да, — согласился Дэн. — Конечно, если она побеседует с твоими родителями...

— Это вряд ли. Мама сейчас в Бостоне, ухаживает за Момо. У нее рак.

— Мне так жаль. Момо — это твоя

(бабушка)

(прабабушка)

— Кроме того, — прибавила Абра, — то, что ты мой дядя, это не совсем обман. В прошлом году на биологии мистер Стейли рассказывал нам, что у всех людей одинаковый генетический набор. Он сказал, что мы

различаемся только благодаря сущим мелочам. Вот ты знал, что на девяносто девять процентов наш генетический набор совпадает с собачьим?

— Нет, — признался Дэн, — но это объясняет, почему корм «Альпо» всегда казался мне таким аппетитным.

Абра рассмеялась:

— Так что ты можешь приходить к мне дядей или кузенком, или кем угодно. Вот я о чем.

— Значит, это такая теория относительности Абры?

— Ну да. Разве обязательно иметь глаза одного цвета или одинаковые волосы, чтобы быть родственниками? У нас с тобой есть еще кое-что общее, чего у других нет вообще. Как думаешь, это какой-то ген, как тот, что отвечает за голубые глаза или рыжие волосы? И кстати, ты знал, что в Шотландии самый высокий процент рыжих?

— Не знал, — ответил Дэн. — Ты просто кладезь информации.

Ее улыбка слегка увяла.

— Это ты так ставишь меня на место?

— Вовсе нет. Может быть, сияние связано с каким-то геном, но я так не думаю. Мне кажется, это что-то неуловимое.

— Это означает, что сияние нельзя понять? Как Бога на небесах и все такое?

— Да.

Он поймал себя на том, что думает о Чарли Хэйесе и обо всех тех, кто был до Чарли и после него, о тех, кого проводил в мир иной доктор Сон. Некоторые называли миг смерти переходом. Дэну нравилось это определение, потому что оно казалось ему верным. Когда ты собственными глазами видишь, как уходят мужчины и женщины — из Минитауна нашей реальности в Облачную падь загробной жизни, — начинаешь думать по-другому. Для умирающих уходил сам мир. В те мгновения на границе миров Дэн всегда чувствовал присутствие чего-то огромного и невидимого. Люди засыпали, просыпались, уходили в какое-то место. Шли дальше. И у него были все основания верить в это, даже в детстве.

— О чем ты думаешь? — спросила Абра. — Я вижу, но не понимаю. А мне хочется понять.

— Не знаю, как объяснить, — ответил он.

— Это что-то о людях-призраках, да? Я однажды их видела, на маленьком поезде во Фрейзере. Во сне, но я думаю, это было по-настоящему...

Его глаза распахнулись:

— Неужели?

— Да. Не думаю, что они хотели мне зла — они просто смотрели на меня, — но все равно было страшно. Может, это были люди, которые катались на этом поезде в прежние времена. А ты видел людей-призраков? Видел же?

— Да, но очень давно. — И некоторые из них были не совсем призраками. Призраки не оставляют следов на сиденье унитаза и на занавеске в ванной. — Абра, что знают родители о твоём сиянии?

— Папа думает, что все прошло, ну кроме кое-каких случаев — например, когда я позвонила из лагеря, потому что узнала, что Момо заболела. Он этому рад. Мама знает, что сияние все еще со мной, потому что иногда просит меня что-нибудь найти — в прошлом месяце это были ключи от машины, она оставила их на папином верстаке в гараже, — но она не в курсе, сколько его осталось. Они больше не заговаривают на эту тему.

Абра перевела дух.

— Момо знает. Она не боится сияния, как мама с папой, но велела мне быть осторожной. Потому что если кто-то узнает... — Она нарисовала рожицу с закатившимися глазами и языком, свешивающимся из угла рта. — «А-а-а, маньячка!», ну ты понимаешь.

(да)

Она одарила его благодарной улыбкой:

— Ты-то понимаешь.

— Больше никто не знает?

— Ну... Момо сказала, я должна поговорить с доктором Джоном, потому что он уже кое-что знает. Он, э-э-э, видел, что я вытворила с ложками, когда была совсем маленькой. Я как бы развесила их под потолком.

— Это случайно не Джон Далтон?

Абра вся засветилась:

— Ты с ним знаком?

— Вообще-то да. Я как-то нашел для него одну вещь. То, что он потерял.

(часы!)

(точно)

— Я не все ему рассказываю, — призналась Абра. Вид у нее стал беспокойным. — Про бейсбольного мальчика точно не говорила, а про тетку в шляпе и подавно не расскажу. Потому что он сообщит это предкам, а у них и так от забот голова кругом. И потом, что они могут сделать?

— Давай пока отложим этот вопрос. Кто такой бейсбольный мальчик?
— Брэдли Тревор. Брэд. Иногда он надевал кепку козырьком назад, на удачу. Знаешь, как это делают?

Дэн кивнул.

— Он мертв. Его убили. Но сначала пытали. Пытали так страшно. — Нижняя губа у Абра задрожала, и сразу показалось, что ей девять лет, а не почти тринадцать.

(не плачь Абра нам нельзя привлекать)

(знаю, знаю)

Она опустила голову, несколько раз глубоко вздохнула и снова посмотрела на Дэна. Глаза ее блестели, но губы больше не дрожали.

— Со мной все окей, — сказала она. — Правда. Просто я рада, что больше не надо держать это в себе.

8

Он внимательно выслушал все, что она могла рассказать о первой «встрече» с Брэдли Тревором два года назад. Немного. Самая ясная картина, которую сохранила ее память, — он лежит на земле в перекрестье лучей множества фонариков. И его крики. Их она тоже помнила.

— Им надо было его осветить, потому что они делали что-то вроде операции, — сказала Абра. — Ну то есть они так это называли, но вообще-то это была настоящая пытка.

Она рассказала, как снова увидела Брэдли на последней странице «Эннистонского потребителя» среди других пропавших детей. Как коснулась фотографии, чтобы попробовать что-то о нем узнать.

— Ты так можешь? — спросила она. — Касаться вещей и видеть картинку у себя в голове? Узнавать то, что тебе нужно?

— Иногда. Не каждый раз. Раньше, когда я был маленький, у меня получалось лучше и достовернее.

— Как ты думаешь, я тоже это перерасту? Я бы не против.

Она помолчала, задумавшись.

— А может, и против. Трудно объяснить...

— Я тебя понимаю. Это наша фишка, да? То, что мы умеем.

Абра улыбнулась.

— Ты так уверена, что знаешь, где они убили мальчика?

— Да. Они его там и закопали. И даже бейсбольную перчатку с ним зарыли.

Абра передала ему лист бумаги из блокнота. Это была копия, не оригинал. Ей было бы неудобно, если бы кто-то увидел написанные ее рукой имена парней из группы «На районе», да еще и не один раз, а несколько. Даже то, как они были написаны, теперь казалось ей позорным: эти кругленькие буквы, которые должны были выражать не любовь, а «любофф».

— Не переживай, — рассеянно сказал Дэн, изучая листок. — В твоём возрасте я тащился от Стиви Никс. И от Энн Никсон из «Хартс». Вряд ли ты про нее слышала — дело давнее, но я воображал, как приглашаю ее на пятничные танцы в школу «Гленвуд». Глупей не придумаешь, а?

Она уставилась на него разиня рот.

— Глупо, но нормально. Самая нормальная вещь, так что не терзайся. И я не подглядывал, Абра. Оно само. Как бы выпрыгнуло на меня.

— Господи. — Абра залилась яркой краской. — Надо мне привыкать к таким вещам, да?

— Мне тоже, малыш.

Он снова взглянул на листок.

«По распоряжению Департамента шерифа округа Кантон посторонним вход воспрещен. Химическая промышленность. Завод по производству этанола № 4. Фримэн, Айова. Закрыто до дальнейших распоряжений».

— Как ты это прочитала? Просматривала все это снова и снова? Как кино в повторе?

— Про «посторонних» я сразу разобрала, а насчет химической промышленности и этанолового завода — да. А ты так не можешь?

— Не пробовал. Ну, может, раньше и мог, но сейчас скорее всего нет.

— Я нашла в интернете Фримэн, Айова, — сказала она. — И на картах «Google Earth» видно завод. Это место правда существует.

Дэн снова подумал о Джоне Далтоне. Другие участники Программы говорили об умении Дэна находить потерянное; Джон — никогда. Что, в общем, неудивительно. Врачи ведь дают клятву соблюдать конфиденциальность, почти как в АА, верно? Так что Джон, получается, связан двойным обещанием.

Абра тем временем говорила:

— Ты ведь можешь позвонить родителям Брэдли Тревора, да? Или шерифу округа Кантон? Меня они не станут слушать, но взрослому-то поверят.

— Наверно, могу.

Но, конечно, человек, который знает, где находится тело, автоматом попадает на первое место в списке подозреваемых. Так что если уж это

делать, надо все очень, очень хорошо продумать.

«Ох, Абра, во что ты меня втянула...»

— Прости, — прошептала она.

Он накрыл ее руку своей и ласково сжал.

— Не извиняйся. Эта мысль из тех, которые тебе не надо было слышать.

Она выпрямилась.

— Боже, сюда идет Ивонн Страуд из моего класса.

Дэн поспешно убрал руку. Он увидел пухленькую темноволосую девочку Абриноного возраста, подходившую к ним по тротуару. За спиной у нее был рюкзак, в руках — свернутая в трубку тетрадь. Глаза девочки светились любопытством.

— Она захочет узнать, кто ты такой, — сказала Абра. — Выяснить все подробности. И она — трепло.

Ой-ой.

Дэн взглянул на приближающуюся девочку.

(мы неинтересные)

— Абра, помогай, — сказал он и почувствовал, как она присоединилась к нему. И сразу же мысль набрала глубину и силу.

(В НАС НЕТ НИЧЕГО ИНТЕРЕСНОГО)

— Так, хорошо, — сказала Абра. — Еще чуть-чуть. Давай вместе. Хором.

(ТЫ НАС ПОЧТИ НЕ ЗАМЕЧАЕШЬ МЫ НЕИНТЕРЕСНЫЕ И ВООБЩЕ У ТЕБЯ ПОЛНО СВОИХ ДЕЛ)

Ивонн Страуд торопливо прошла мимо, рассеянно махнув Абре, но не замедлив хода. Она взбежала по ступенькам библиотеки и исчезла внутри.

— Да чтоб мне быть обезьяньим дядюшкой! — проговорил Дэн.

Она серьезно взглянула на него.

— Согласно Абриной теории относительности, может, ты он самый и есть. Очень похожие... — и она послала ему картинку: Дэн за руку со смутно похожей на него мартышкой.

(гены)

И оба расхохотались.

Дэн дважды переспросил у Абры про случай, когда она прогнала женщину из своей головы, чтобы убедиться, что все понял правильно.

— У тебя такого не было? — спросила она. — Дальновидения?

— Ты про астральную проекцию? Нет. И часто с тобой такое случается?

— Нет, было пару раз и все. — Она задумалась. — Ну, может, три. Как-то я вселилась в девочку, которая купалась в реке. Увидела ее прямо с нашего заднего двора — мне тогда было лет девять или десять. Не знаю, почему так вышло... с ней не происходило ничего плохого, просто купалась с друзьями. В тот раз это длилось дольше всего — минуты три, не меньше. Как ты это назвал? Астральная проекция? Что-то типа открытого космоса?

— Это старое выражение, еще времен спиритических сеансов начала прошлого века, и, может, не самое удачное. Так называли то, что происходит, когда ты покидаешь пределы своего тела. — Если только вообще подобные вещи можно как-то назвать. — Но — просто для ясности — та купающаяся девочка в мозги тебе не лезла?

Абра нетерпеливо затрясла головой, от чего ее хвостик заметался из стороны в сторону.

— Она даже не знала, что я там. Единственный раз, когда это сработало в обе стороны — тогда, с женщиной. С той, что носит шляпу. Только шляпы в тот раз я не видела, потому что смотрела изнутри.

Дэн нарисовал пальцем круг.

— Ты вселилась в нее, а она — в тебя.

— Да, — Абра поежилась. — Это она искромсала Брэдли Тревора до смерти. А когда улыбается, то во рту у нее сверху большой клык.

Шляпа напомнила ему что-то — что-то связанное с Дини из Уилмингтона. Дини тоже носила шляпу? Да нет вроде бы. Может, и ерунда это все: иногда мозг чудит и порождает фантомные ассоциации, особенно в период стресса. Дело в том, что Дини (как бы ни трудно было это признать) почти никогда не покидала его мыслей. Иногда даже случайно попавшиеся на глаза пробковые сандалии в витрине магазина могли напомнить ему о ней.

— Что за Дини? — спросила Абра. Потом моргнула и отшатнулась, как если бы Дэн щелкнул пальцами у нее под носом. — Ой. Наверное, мне туда нельзя. Прошу прощения.

— Ничего страшного, — сказал он. — Вернемся к женщине в шляпе. Когда ты увидела ее второй раз, в окне, все было по-другому?

— Да. Я даже не уверена, сияние это было или нет. Скорей похоже на воспоминание... про то, как она убивала мальчика.

— Значит, тебя она не видела. Ни разу. — Если женщина

действительно была так опасна, как считала Абра, это важно.

— Нет. Но очень хочет. — Она посмотрела на него: глаза широко распахнуты, губы вновь дрожат. — Когда мы залезли друг другу в головы, она думала о зеркале. Она хотела, чтобы я посмотрела на себя. Хотела увидеть меня моими глазами.

— Что она вообще видела? Она может тебя найти?

Абра призадумалась.

— Когда это произошло, я смотрела в окно, — сказала она наконец. — Оттуда видно только улицу. Ну и горы, конечно, но в Америке полно гор, разве не так?

— Так.

Может ли женщина в шляпе узнать эти горы, увидев их снова на фотографии — если, например, задаст верный поисковый запрос в интернете? Насчет этого, как и много другого в этом деле, ничего нельзя было сказать наверняка.

— Почему они убили его, Дэн? Почему они убили бейсбольного мальчика?

Пожалуй, он знал, почему. И мог бы попытаться спрятать это от нее, но короткое знакомство с Аброй Рафаэлкой Стоун уже дало ему понять, что таких отношений между ними никогда не будет. Алкоголики на реабилитации стремятся к «честности во всех делах наших», но редко этого добиваются. У него же с Аброй по-другому и быть не могло.

(еда)

Она в ужасе уставилась на него.

— Они съели его сияние?

(думаю, да)

(они ВАМПИРЫ?)

И уже вслух:

— Как в «Сумерках»?

— Нет, не такие, — ответил Дэн. — И ради бога, Абра, это только догадка.

Дверь библиотеки открылась. Дэн оглянулся, опасаясь вновь увидеть чрезмерно любопытную Ивонн Страуд, но это оказались всего лишь мальчик с девочкой, полностью поглощенные друг другом. Он повернулся к Абре.

— Пора сворачиваться.

— Знаю. — Она подняла руку, провела по губам, заметила, что делает, и вновь опустила ее. — Но у меня так много вопросов. Мне так много хочется узнать. Несколько часов не хватит.

— У нас их и нет. Ты уверена, что это был «Сэмс»?

— Что?

— Когда ты вселилась в ту женщину, она была в супермаркете «Сэмс»?

— А, это. Да.

— Я знаю эту сеть. Был у них пару раз, но это было далеко отсюда.

Она улыбнулась.

— Само собой, дядя Дэн, тут их и нет. Они все на западе, я погуглила. — Улыбка погасла. — Сотни — от Небраски до Калифорнии.

— Мне нужно все это обдумать, как и тебе. Можешь связаться со мной по электронной почте, если что-то случится, но лучше просто... — он коснулся лба. — Дзынь-дзынь, поняла?

— Да, — сказала она и снова улыбнулась. — Единственный плюс во всем этом — иметь друга, который умеет дзынь-дзынь. И знает, каково это.

— Еще не забыла, как пользоваться доской?

— Нет, конечно. Легче легкого.

— Тебе нужно запомнить одну важную вещь — важнее прочих. Женщина в шляпе может и не знать, где ты находишься, но она в курсе, что ты есть.

Она сникла. Дэн попытался коснуться ее мыслей, но Абра была начеку.

— Ты можешь поставить мысленную сигнализацию? Чтобы ты знала о ее присутствии, ментальном или физическом, если она объявится?

— Думаешь, она придет за мной, да?

— Может попробовать. По двум причинам. Первая — ты знаешь о ее существовании.

— И о ее друзьях, — прошептала Абра. — А друзей у нее много.

(с фонариками)

— А другая причина? — И прежде, чем Дэн успел ответить, она сделала это за него:

— Потому что я очень аппетитная. Как тот бейсбольный мальчик. Верно?

Не было смысла это отрицать: для Абры его разум был открытой книгой.

— Ты можешь установить сигнализацию? Датчик движения? Это...

— Я знаю, что такое датчик движения. Могу попробовать.

Он знал, что она скажет дальше — безо всякого чтения мыслей. В конце концов, Абра была ребенком. И когда она взяла его руку в свою, на этот раз он не сделал попытки освободиться.

— Пообещай, что не позволишь ей забрать меня, Дэн. Пообещай.

Пожалуйста.

Он пообещал, потому что она была ребенком и искала утешения. Но выполнить такое обещание можно было только одним способом — устранить угрозу.

Он снова подумал: «Абра, во что ты меня втянула».

И снова она ответила — на этот раз без слов:

(прости)

— Ты ни в чем не виновата. Ты

(просила об этом)

виновата не больше моего. Относи свои книжки, а мне пора возвращаться во Фрейзер. Скоро у меня смена.

— Ладно. Но мы же друзья?

— Однозначно.

— Здорово.

— И, кстати, я уверен, что тебе понравится «Мастерской». Ты ведь у нас тоже мастер своего дела?

В углах ее губ появились прелестные ямочки.

— Сам знаешь.

— Да уж, — сказал Дэн.

Она встала, сделала несколько шагов, потом вернулась.

— Не знаю, кто эта женщина в шляпе, но знаю одного из ее друзей. Его зовут Барри Кит или что-то в этом духе. Я уверена, что где бы она ни была, Барри всегда рядом. Если бы у меня была перчатка бейсбольного мальчика, я бы его нашла.

Абра посмотрела на него твердым взглядом своих прекрасных голубых глаз.

— Я бы его нашла, потому что Барри Кит ненадолго надевал эту перчатку.

На полдороге во Фрейзер, размышляя об Абриной женщине в шляпе, Дэн кое-что вспомнил и подскочил как ошпаренный. Он чуть не пересек двойную сплошную, и встречная фура, шедшая на запад по шоссе № 16, раздраженно ему погудела.

Это было двенадцать лет назад, когда Дэн еще только-только осваивался во Фрейзере, с трудом балансируя на самом краешке трезвости. Он возвращался к миссис Робертсон, у которой накануне снял комнату.

Надвигалась буря, и Билли Фримэн отослал его домой с парой сапог. Не бог весть что, но хотя бы одинаковые. И когда он свернул с Морхед на Элиот, то увидел...

Впереди показалась зона отдыха. Дэн припарковался и пошел на звук текущей воды. Это была, конечно же, речка Сако; она протекала через пару дюжин Нью-Гэмпширских городков от Норт-Конвея до Кроуфорд-Нотча, как будто собирая их в ожерелье.

«На моих глазах ветер вынес шляпу из канавы. Старый потертый цилиндр, как у какого-нибудь фокусника. Или у актера в старом мюзикле. Только на самом деле никакого цилиндра не было, потому что, когда я закрыл глаза и сосчитал до пяти, он исчез».

— Ну да, это было сияние, — сообщил он текущей воде, — но не обязательно была та шляпа, которую видела Абра.

Только он и сам в это не верил, потому что той же ночью ему приснилась Дини. Она была мертва; лицо ее обвисло, как ком теста на палочке. Мертва и закутана в одеяло, которое Дэн стащил из тележки бомжа. «Держись подальше от женщины в шляпе, медвежонок». Вот что она сказала. И что-то еще... что?

«Она Сучья Королева Адова Замка».

— Ничего ты не помнишь, — сказал Дэн реке. — Никто не помнит снов двенадцатилетней давности.

Но он помнил. И теперь вспомнил последнее предупреждение мертвой женщины из Уилмингтона: «Встанешь у нее на пути — сожрет живьем».

11

Он вернулся в свою комнату в начале седьмого с подносом еды из кафетерия. Первым делом проверил доску и улыбнулся, увидев там надпись:

«Спасибо, что поверил мне».

«Будто у меня был выбор, детка».

Дэн стер сообщение Абры и сел за стол ужинать. После того как он покинул зону отдыха, его мысли вернулись к Дику Хэллоранну. В этом, как решил Дэн, нет ничего удивительного: когда к тебе приходят за уроком, ты обращаешься к собственному учителю за советом. Дэн перестал общаться с Диком (главным образом потому, что ему было стыдно) после того, как начал пить. Впрочем, выяснить, что случилось с его старым приятелем, не составит труда. Даже поболтать на расстоянии, если Дик еще жив. Эй, да

много кто доживает до девяноста лет, если следит за собой. Прабабушка Абры, к примеру. Ей-то наверняка уже за девяносто.

«Мне нужны ответы, Дик, и из всех, кого я знаю, только ты можешь их дать. Так что сделай одолжение, приятель, будь жив».

Он включил компьютер и запустил браузер. Дэн знал, что каждую зиму Дик работал во флоридской сети курортных отелей, но забыл, в каком именно — даже побережье вспомнить не смог. Может, и то, и другое. В этом году Нейплс, в следующем — Палм-Бич, потом Сарасота или Ки-Уэст. Для того, кто может порадовать гурмана — особенно богатого гурмана, — работа найдется всегда, а уж это Дик умел делать как никто другой. Дэн полагал, что ему может помочь то, что фамилия Дика писалась необычно: Хэллоранн вместо Хэллоран. Он набрал в строке поиска «Ричард Хэллоранн Флорида» и нажал клавишу «Ввод». Система выдала ему тысячи ответов, но ему был нужен только третий сверху. У Дэна вырвался невольный вздох разочарования. Он кликнул по ссылке, и перед ним открылась статья из «Майами геральд». Все ясно. Когда в заголовке статьи, кроме фамилии, фигурирует еще и возраст, становится сразу понятно, что это за статья.

«Знаменитый шеф Саут-Бич, Ричард „Дик“ Хэллоранн, 81 год»

Была и фотография. Небольшая, но Дэн бы везде узнал эту улыбку, этот пронизательный взгляд. Дик умер в одиночестве? Дэн сомневался в этом. Он был слишком общительным... и питал слабость к женщинам. У его смертного одра наверняка было не протолкнуться, но двух людей, которых он спас той зимой в Колорадо, рядом не оказалось. У Венди Торранс, впрочем, было веское оправдание: она опередила Дика. Что же касается ее сына...

Может, в тот день он, накачанный виски, сидел в какой-нибудь хибаре и слушал песенки дальнбойщиков? Или торчал за решеткой, потому что накануне устроил дебош?

Дик умер от сердечного приступа. Дэн прокрутил текст и посмотрел на дату: 19 января 1999 года. Человек, спасший жизнь Дэна и его матери, был мертв уже почти пятнадцать лет. От него помощи ждать не приходилось.

Позади себя он слышал мягкий скрип мела по доске. Еще секунду он сидел, глядя на остывающую еду и экран ноутбука, потом медленно обернулся.

Мел по-прежнему лежал в предназначенной ему канавке, но изображение на доске все равно появлялось. Грубое, но узнаваемое. Бейсбольная перчатка. Когда набросок был закончен, мел Абры — невидимый, но все так же издающий тихий скрип, — нарисовал

вопросительный знак внутри перчатки.

— Мне нужно над этим подумать, — сказал он. Но прежде, чем он успел это сделать, запиликал интерком: «Доктор Сон, вас вызывают».

Глава девятая

ГОЛОСА УМЕРШИХ ДРУЗЕЙ

1

Той осенью 2013-го Eleanor Ouelette была в свои сто два года самой старой жительницей «Дома Ривингтон». Такой старой, что ее имя так и не американизировалось. Отзывалась она не на «Уиллет», а на гораздо более элегантное французское произношение ее имени: Улэй. Дэн иногда называл ее мисс О-ля-ля, что неизменно вызывало у Элинор улыбку. Рон Стимсон, один из четырех врачей, делающих дневные обходы в хосписе, однажды сказал Дэну, что Элинор служит живым доказательством триумфа жизни над смертью. «Ее печень едва работает, легкие просмолились насквозь за восемьдесят лет курения, у нее рак прямой кишки — медленный, но злокачественный до жути, — а стенки сердца тоньше кошачьих усиков. И все же она держится».

Если Азрил прав (а Дэн по опыту знал, что тот никогда не ошибался), то долгосрочный договор, который заключила с жизнью Элинор, вот-вот истечет, хотя пока что она не выглядит женщиной на пороге смерти. Когда Дэн вошел к ней в комнату, она сидела в постели и гладила кота. Вчера приходил парикмахер и сделал ей завивку, а на ее розовой ночнушке, как обычно, не было ни пятнышка. Верхняя часть придавала хоть какой-то цвет ее бескровным щекам, а нижняя бальным платьем растеклась вокруг ее ножек-палочек.

Дэн поднял ладони к лицу и зашевелил пальцами.

— Ooh-la-la! Une belle femme! Je suis amoureux!

Элинор закатила глаза, вскинула голову и улыбнулась.

— До Мориса Шевалье тебе далековато, но все равно ты мне нравишься, cher. Ты весельчак, что важно, и наглец, что еще важнее. И что самое важное, у тебя симпатичный зад. На мужских задницах держится весь мир, а своей ты можешь гордиться. В мои лучшие годы я бы заткнула ее пальцем и съела бы тебя живьем. Где-нибудь у бассейна отеля «Le Meridien» в Монте-Карло. А вокруг бы стояли восхищенные зрители и аплодировали моим всесторонним усилиям.

Ее хриплый, но хорошо поставленный голос придал этой непристойной картине некое очарование. Дэну эта сигаретная хрипотца

напоминала голос певицы кабаре, которая перевидала и перепробовала все еще до того, как весной 1940-го по Елисейским Полям промаршировали немецкие солдаты. Побитая жизнью, но не сломленная. Да, выглядела Элино́р страшнее смерти господней, несмотря на слабый румянец, который придавала ее щекам умело подобранная ночнушка, но ведь она так выглядит еще с 2009-го, когда вселилась в 15-ю комнату «Ривингтона-1». Только присутствие в комнате Аззи говорило о том, что сегодня наступят перемены.

— Уверен, вы бы задали жару, — сказал Дэн.

— Ты с кем-нибудь встречаешься, cher?

— Нет, сейчас нет. — Исключением была девочка, которой до amour еще очень далеко.

— Ну и зря. Потому что с годами это, — она подняла костлявый указательный палец, а потом согнула его, — превращается в это. Сам увидишь.

Дэн улыбнулся и присел на кровать, как присаживался уже много раз.

— Как вы себя чувствуете, Элино́р?

— Неплохо. — Она посмотрела, как Аззи спрыгнул с кровати и ужом выскользнул из комнаты, завершив свою сегодняшнюю работу. — У меня было много посетителей. Твоего кота они взволновали, но он продержался до твоего прихода.

— Аззи не мой кот, Элино́р. Он принадлежит дому.

— Нет, — ответила она так, словно эта тема ее больше не интересовала, — он твой.

Дэн сомневался в том, что у Элино́р был хотя бы один посетитель — помимо Азри́ла, разумеется. Ни сегодня, ни за последнюю неделю, ни за месяц, ни за год. Она осталась одна в этом мире. Даже динозавр-бухгалтер, который столько лет поддерживал в порядке ее финансы, приходя к ней раз в квартал со своим портфелем размером с багажник «сааба», уже отправился в мир иной. Мисс О-ля-ля утверждала, что у нее есть родственники в Монреале, «но у меня осталось не так много денег, чтобы как-то оправдать их визит, cher».

— Кто же к вам приходил? — спросил Дэн, думая, что она имеет в виду Джину Уимс или Андреа Боттштейн, медсестер, который работали сегодня в «Рив-1» с трех дня до одиннадцати вечера. А может, Пол Ларсон, нерасторопный, но хороший санитар, которого Дэн окрестил Антифредом Карлингмом, заходил с ней поболтать.

— Как я уже сказала, много. Они и сейчас идут. Бесконечной чередой. Улыбаются, кланяются, показывают мне язык. Кое-кто вступает в разговор.

Ты знаешь поэта по имени Йоргос Сеферис?

— Нет, мэм, не знаю. — Был ли в комнате кто-то еще? Вполне возможно, но он никого не чувствовал. Хотя чувствовал он не всегда.

— Мистер Сеферис спрашивает: «Голоса ли это наших умерших друзей, или то всего лишь звуки граммофона?» Детей видеть грустнее всего. Я видела мальчика, который упал в колодец.

— Правда?

— Да, а еще женщину, которая покончила с собой при помощи матрасной пружины.

Дэн не ощущал ни малейшего намека на чье-то присутствие. Может, встреча с Аброй Стоун высосала из него все соки? Возможно, но в любом случае, у сияния были приливы и отливы, которые предсказанию не поддавались. Но Дэн не думал, что дело в этом. Наверное, у Элино́р приступ слабоумия. А, может, она его разыгрывает. С нее станется. Элино́р О-ля-ля была той еще штучкой. Кто-то — кажется, Оскар Уайльд — якобы пошутил, будучи на смертном одре: «Или я, или эти мерзкие обои в цветочек».

— Жди, — сказала Элино́р. Веселость из ее голоса улетучилась. — Лампы возвестят о прибытии. Возможны другие отклонения. Дверь откроется. И тогда посетитель придет к тебе.

Дэн с сомнением посмотрел на дверь в коридор, которая уже была открыта. Он всегда оставлял ее открытой, чтобы Аззи мог уйти, если захочет. Обычно кот так и поступал, когда Дэн приходил ему на смену.

— Элино́р, выпьете холодного сока?

— Я бы выпила, если бы усп... — начала было она, но тут жизнь покинула ее лицо, словно вода дырявую чашу. Ее глаза вперились в точку повыше головы Дэна, а рот широко распахнулся. Щеки запали, а подбородок почти достал до костлявой груди. Верхняя вставная челюсть выпала изо рта, скользнула по нижней губе и повисла в жутковатой ухмылке.

«Черт, быстро же она».

Дэн осторожно поддел вставную челюсть пальцем и вытащил ее. Губа Элино́р оттянулась, а потом вернулась обратно с тихим хлюпом. Дэн положил челюсть на прикроватный столик. Хотел было встать с кровати, но передумал. Он ждал красной дымки, которую старая медсестра из Тампы прозвала криком... словно бы речь сначала шла о некоем вдохе, а потом о выдохе. Дымки не было.

Жди.

Хорошо, он подождет, хотя бы немного. Дэн попытался дотянуться до

разума Абры, но ничего не нащупал. Может, оно и к лучшему. Возможно, она уже кое-что предприняла для охраны своих мыслей. А, может, его способность — восприимчивость — покинула его. Если и да, то ничего страшного. Она еще вернется. По крайней мере, до сих пор возвращалась.

Дэн не впервые подумал о том, почему он никогда не видел мух на лицах постояльцев «Дома Ривингтон». Может быть, потому, что ему это и не требовалось, ведь у него был Аззи. Видел ли что-нибудь Аззи своими мудрыми зелеными глазами? Может, не мух, но хоть что-нибудь? Наверняка видел.

«Голоса ли это наших умерших друзей, или то всего лишь звуки граммофона?»

Сегодня на этаже было так тихо. И в такой ранний час! Из комнаты отдыха в конце коридора не доносилось звуков разговора. Ни радио, ни телевизора. Дэн не слышал ни скрипа кроссовок Пола, ни приглушенных голосов Джинны и Андреа на сестринском посту. Не звонил телефон. А его часы...

Дэн поднял руку. Неудивительно, что он не слышал тиканья. Часы остановились.

Потолочная лампа потухла. Теперь горела только настольная лампа Элинора. Вдруг верхний свет зажегся вновь, но выключилась настольная лампа. Снова включилась, а после этого погасли уже обе. Включились... погасли... включились.

— Здесь кто-то есть?

Кувшин на ночном столике задребезжал, потом успокоился. Вынутые Дэном вставные челюсти громко клацнули. По простыне на кровати Элинора прошла странная рябь, будто что-то под ней вдруг пришло в движение. Дэн почувствовал мимолетный поцелуй теплого воздуха у себя на щеке.

— Кто здесь? — Сердцебиение не участилось, но каждый удар отдавался в запястьях и шее. Волосы у Дэна на затылке встали дыбом. Внезапно он понял, что видела Элинора в свои последние мгновения: парад
(призраков)

мертвецов, входящих в комнату сквозь одну стену и выходящих через другую. Но выходили ли они? Нет, они шли дальше. Сефериса Дэн не знал, но зато знал Одена: «Смерть забирает тех, кто вечно смеется, над золотом трясется и тех, кто красиво висит». Элинора видела их всех, и сейчас они находились в комн...

Но нет, не находились. Дэн знал, что в комнате их нет. Призраки, которых видела Элинора, уже ушли, и она присоединилась к их шествию.

Дэну приказали ждать. И он ждал.

Дверь в коридор медленно закрылась. Открылась дверь в ванную.

Из мертвого рта Элинор Улэй вырвалось одно единственное слово: «Дэнни».

2

На въезде в городок Сайдвиндер стоит знак с надписью «Добро пожаловать на вершину Америки». Не самая вершина, конечно, но почти. В двадцати милях от того места, где Восточный склон становится Западным, с основного шоссе сворачивает ведущая на север грунтовка. В самом ее начале над дорогой висит деревянная вывеска с надписью «Добро пожаловать в кемпинг „Блюбелл“! Оставайтесь подольше!»

На первый взгляд, перед нами старое доброе западное гостеприимство, но местные знают, что дорогу зачастую преграждают ворота с гораздо менее дружелюбной вывеской: «Закрыто до дальнейших распоряжений». Жителям Сайдвиндера не понять, как хозяевам «Блюбелла» удастся сводить концы с концами. Им бы очень хотелось, чтобы стоянка оставалась открытой каждый день, до первых снегопадов. Сайдвиндерцы скучают по оживленной торговле, которая велась во времена «Оверлука», и они надеялись, что кемпинг хоть как-то возместит их потери (хотя и понимают, что нынешние туристы не чета постояльцам сгинувшего отеля). Но этого не случилось. Согласно общему мнению, «Блюбелл» — налоговая гавань для какой-нибудь богатой корпорации, которой она служит для нарочитого раздувания расходов.

Это и в самом деле была гавань, но заведовала ей не какая-то корпорация, а Узел верных. Когда Верные в нее въезжали, то ни для кого другого места уже не оставалось: на стоянке стояли лишь их дома-фургоны с возвышавшимся над ними «Эрскрузером» Розы.

Тем сентябрьским вечером девятеро Верных собрались в коттедже «Оверлук» — здании с высокими потолками, выстроенном в приятном глазу деревенском стиле. Когда кемпинг открывался для туристов, коттедж служил рестораном, в котором подавали завтрак и обед. Еду готовили Коротышка Эдди и Большая Мо (для лохов — Эд и Морин Хиггинс). Никто из них, конечно, Дику Хэллоранну и в подметки не годился — да и кто бы сгодился! — но неприхотливых туристов предлагаемое меню вполне устраивало: мясной рулет, макароны, мясной рулет, оладьи с сиропом «Бревенчатый домик», мясной рулет, тушеная курица, мясной рулет,

тунцовый салат и мясной рулет с грибной подливкой. После обеда столы освобождались для бинго и карточных баталий. По выходным были еще и танцы. Все эти празднества проводились только тогда, когда стоянка была открыта для туристов. Этим вечером — когда в трех часовых поясах к востоку Дэн Торранс сидел на кровати умершей женщины и ждал своего посетителя — в Оверлукском домике занимались совсем иным.

Джимми Арифмометр сидел во главе единственного стола, стоящего на отполированном кленовом полу. На рабочем столе его «пауэрбука» красовалась фотография его родного городка в Карпатских горах (Джимми любил шутить, что его дедушка однажды принимал у себя молодого лондонского юриста по имени Джонатан Харкер).

Вокруг Джимми сгрудились и смотрели на экран Роза, Папаша Ворон, Барри Китаеза, Гремучка Энди, Чарли Жетон, Энни Фартук, Дизель Даг и Дедуля Флик. Никто не хотел стоять рядом с Дедулей, от которого пахло так, будто у него в штанах случилась небольшая авария, после которой подмыться он не удосужился (в последнее время подобное случалось все чаще), но дело было важное, поэтому приходилось с ним мириться.

Джимми Арифмометр, скромный лысеющий мужичок с немного обезьяним, но все равно приятным лицом, выглядел максимум лет на пятьдесят, то есть втрое моложе настоящего возраста.

— Я поискал в гугле «Скуря голову», но ничего полезного не нашел, как, собственно, и ожидал. Если вам интересно, на подростковом сленге «скуря голову» значит «делать что-то очень медленно, а не очень быстро...»

— Неинтересно, — сказал Дизель Даг. — И, кстати, от тебя немного пованивает, Дедуля. Без обид, но когда ты в последний раз задницу вытирал?

Дедуля Флик показал Дагу свои изъеденные и пожелтевшие зубья (ни одного вставного).

— Твоя жена подтирала мне сегодня утром, Диз. Своим личиком. Мерзко, конечно, но ей, кажется, понр...

— Заткнитесь оба, — осадила их Роза. Голоса она не повышала, но Даг с Дедулей съежились, а на их лицах появилось виноватое выражение, словно у нашкодивших школьников.

— Продолжай, Джимми. Но давай ближе к делу. Мне нужен конкретный план, и поскорее.

— Каким бы конкретным ни был план, остальным он придется не по нутру, — сказал Ворон. — Они скажут, что этот год выдался богатым на пар. Та бойня в кинотеатре, пожар в церкви в Литтл-Роке, бодяга с

террористами в Остине. О Хуаресе я уже молчу. Конечно, пересекать южную границу было стремно, но оно того стоило.

Еще как стоило. Хуарес — мировая столица убийств. Подобное прозвище он получил благодаря двум с половиной тысячам убийств в год. Многих убитых перед смертью пытали. В общем, атмосфера там была на редкость сочной. Не чистый пар (от него даже слегка мутило), но свою работу он делал.

— От этих мудаков-мексов меня понос пробил, — сказал Чарли Жетон, — но признаю, что попиروвали мы знатно.

— Год действительно был удачный, — согласилась Роза, — но на Мексику нам рассчитывать не стоит — мы там слишком выделяемся. Там мы богатые *americanos*. А тут мы сливаемся с окружением. Разве вы не устали выживать из года в год? Быть всегда в движении и трястись над канистрами с паром? Но все может измениться. Мы нащупали золотую жилу.

Никто не ответил. Она была их лидером, и в конце концов они ей подчинятся, но истории с девочкой они не понимали. Но ничего — поймут, когда увидят ее воочию. А когда их пленница будет выдавать им пар буквально по заказу, они все захотят упасть на колени и поцеловать Розе ноги. Может, она даже им разрешит.

— Продолжай, Джимми, но ближе к делу.

— Я почти уверен, что ты тогда поймала подростковую версию названия «Слома голову». Это сеть круглосуточных магазинов в Новой Англии. Всего их семьдесят три, от Провиденса до Преск-Айла. Любой школьник с айпадом в руках разгадал бы эту загадку за пару минут. Я распечатал координаты и использовал «Вихрь 360» для получения картинки. Нашел шесть мест с видом на горы. Два в Вермонте, два в Нью-Гэмпшире и два в Мэне.

Из-под стула Джимми достал чехол для ноутбука. Он порылся в нем, выудил папку и протянул ее Розе.

— Тут не фотографии самих магазинов, а фотографии видов на горы, которые открываются из ближайшей округи этих магазинов. Опять же спасибо «Вихрю 360», который намного лучше «Гугл-Земли», да благословит господь его любопытный нос. Посмотри, может, увидишь что-нибудь знакомое. А если нет, то отбрось те виды, которые определенно не подходят.

Роза открыла папку и медленно просмотрела фотографии. Снимки вермонтских Зеленых гор она отмела сразу. Один из мэнских видов тоже не подходил: на нем была всего одна гора, тогда как Роза видела целую

горную цепь. Она сосредоточилась на оставшихся трех. Наконец она вернула их Джимми Арифмометру.

— Одна из этих.

Он перевернул фотографии.

— Фрайбург, Мэн... Мэдисон, Нью-Гэмпшир... Эннистон, Нью-Гэмпшир. Может, какая-то из них тебе больше по душе?

Роза еще раз прошлась по снимкам, потом протянула ему фотографии с видом на Белые горы из Фрайбурга и Эннистона.

— Думаю, одна из этих, но я проверю.

— И как ты это сделаешь? — спросил Ворон.

— Я ее навещу.

— Судя по твоим же словам, это может быть опасно.

— Я навещу ее, когда она уснет. Девочки спят крепко. Она даже не узнает о моем визите.

— Ты уверена, что это необходимо? Ведь эти три городка находятся примерно в одном районе. Можем заехать туда и проверить.

— Ага! — воскликнула Роза. — Просто подъедем и скажем: «Мы ищем одну местную девочку, но нормальным способом мы ее найти не можем, поэтому помогите нам. Может, вы видели девочку лет двенадцати, которая умеет предсказывать будущее и читать мысли?»

Папаша Ворон вздохнул, засунул поглубже в карманы свои большие руки, и посмотрел на нее.

— Прошу прощения, — сказал Роза. — Я слегка на взводе. Просто я хочу поскорее с этим покончить. И не волнуйтесь за меня. Я могу о себе позаботиться.

3

Дэн сидел и смотрел на покойную Элино́р Улэй. На открытые глаза, уже начавшие стекленеть. На крошечные ручки, лежавшие ладонями кверху. А больше всего — на открытый рот. В нем застыло молчаливое безвременье смерти.

— Кто ты?

Думая: «А то я сам не знаю». Разве он не искал ответов?

— Какой ты хороший вырос.

Губы не шевелились, и слова казались лишенными эмоций. Может быть, смерть украла у его старого друга все человеческие чувства. Если так, очень жаль. А может быть, это не Дик, а кто-то притворяется Диком.

Или что-то.

— Если ты Дик, докажи это. Скажи мне что-нибудь, о чем можем знать только мы с ним.

Молчание. Но присутствие никуда не исчезло. Он его чувствовал. И потом:

— Ты спросил меня, зачем миссис Brent штаны шофера.

Дэн не сразу сообразил, о чем говорит голос. А потом вспомнил. Это воспоминание хранилось на дальней полке, где он держал все кошмары, связанные с «Оверлуком». И свои шкатулки, конечно же. Миссис Brent выезжала из гостиницы в тот день, когда Дэнни прибыл туда с родителями, и он случайно уловил ее мысль, когда парковщик подвел ее машину к дверям гостиницы: «Хотела бы я забраться в эти штаны».

— Ты был всего лишь мальчишкой с огромным радио в голове. Мне было тебя жалко. И страшно за тебя. И не зря, верно ведь?

В этих словах чувствовался слабый отголосок былой доброты и юмора его друга. Да, это был Дик. Дэн, потрясенный, смотрел на мертвую женщину. Свет в комнате мигнул. Кувшин с водой снова вздрогнул.

— Надолго я не задержусь, сынок. Мне больно здесь оставаться.

— Дик, тут есть одна девочка...

— Абра. — Что-то вроде вздоха. — Она такая же, как ты. Все это ходит по кругу.

— Она думает, что какая-то женщина охотится за ней. Эта женщина носит шляпу. Старомодный цилиндр. Иногда у нее во рту только один зуб, верхний. Когда она голодная. Во всяком случае, так мне рассказала Абра.

— Задавай свой вопрос, сынок. Я не могу здесь оставаться. Для меня теперь этот мир — сон во сне.

— Есть и другие. Друзья женщины в шляпе. Абра видела их с фонариками. Кто они?

Снова молчание. Но Дик все еще был здесь. Изменился, но не ушел. Дэн чувствовал его в нервных окончаниях, в электричестве, пробегавшем по влажной поверхности его глазных яблок.

— Они — пустые дьяволы. Они больны и не знают об этом.

— Не понимаю.

— Нет. И хорошо. Если бы ты с ними встретился — если бы они хотя бы унюхали тебя, — ты бы давно был мертв. Они бы использовали тебя и выбросили, как пустой пакет. Так случилось с тем, кого Абра зовет бейсбольным мальчиком. И со многими другими. Дети, которые сияют — их добыча, но ты ведь и сам об этом догадался? Пустые дьяволы пожирают эту землю, как рак — кожу. Было время, когда они ездили на верблюдах по

пустыне; было время, когда они гнали караваны по Восточной Европе. Они поедали крики и запивали их болью. Ты пережил кошмар «Оверлука», Дэнни, но зато избежал встречи с этим народцем. Теперь, когда та странная женщина обратила свои мысли к девочке, они не успокоятся, пока ее не заполучат. Они могут убить ее. Они могут сделать ее одной из них. А могут оставить при себе и использовать, пока не выдохнут досуха, и это будет самое страшное.

— Не понимаю.

— Вычерпают ее до дна. Сделают пустой, как они сами.

Из мертвого рта донесся печальный вздох.

— Дик, что же мне делать-то, черт возьми?

— Добудь девочке то, о чем она просила.

— Где они, эти пустые дьяволы?

— В твоём детстве; там, откуда родом все дьяволы. Мне не позволено сказать тебе больше.

— Как их остановить?

— Есть только один способ — убить их. Заставь их принять их собственный яд. Тогда они исчезнут.

— Женщина в шляпе, странная женщина — как ее зовут? Ты знаешь ее имя?

Из коридора донесся стук ведра и резиновой швабры, и Пол Ларсон начал что-то насвистывать. Воздух в комнате изменился. Какое-то хрупкое равновесие начало разрушаться.

— Иди к своим друзьям. К тем, кто знает, кто ты. Кажется, ты вырос неплохим парнем, сынок, но за тобой еще остался долг. — Последовала пауза, а потом голос, который и принадлежал Дику Хэллоранну, и не принадлежал, произнес тоном безапелляционного приказа. — Расплатись с ним.

Красный туман поднялся от глаз, носа и открытого рта Элинора. Он завис над ней секунд на пять и исчез. Лампы больше не мигали. Вода в графине не двигалась. Дик ушел. В комнате с Дэном остался только труп.

«Пустые дьяволы».

Если он и слышал когда-нибудь более страшную фразу, то не помнил об этом. Но в ней был смысл... для того, кто видел «Оверлук» таким, каким он был на самом деле. Отель был полон дьяволов, но по крайней мере то были мертвые дьяволы. Вряд ли то же можно было сказать о женщине в цилиндре и ее друзьях.

«За тобой долг. Расплатись с ним».

Да. Он оставил малыша в переполненном подгузнике и футболке

«Храбрецов» на произвол судьбы. С девочкой он так не поступит.

4

Оставшись на сестринском посту, Дэн дождался катафалка из похоронного бюро «Джорди и сыновья» и проводил крытые носилки через черный ход «Ривингтона-1». Потом он вернулся к себе и сидел, глядя на Крэнмор-авеню, на которой в этот час не было ни души. Поднялся ночной ветерок, обрывая с дубов рано пожелтевшие листья и заставляя их танцевать и выписывать пируэты вдоль улицы. На той стороне площади в оранжевом свете дежурных фонарей лежал такой же безлюдный Минитаун.

«Иди к своим друзьям. К тем, кто знает, кто ты».

Билли Фримэн знал, почти с самого начала, потому что обладал малой толикой таланта Дэна. И если за Дэном числится долг, то и за Билли — тоже потому что более сильное и яркое сияние Дэна спасло Билли жизнь.

«Конечно, этого я ему не скажу».

Конечно, говорить и не придется.

Есть еще Джон Далтон, который потерял часы и который случайно оказался педиатром Абры. Что там сказал Дик устами Элинора О-ля-ля? Все возвращается.

А с просьбой Абры все и того проще. Хотя добыть эту вещь... вот это будет посложнее.

5

В воскресенье Абра, проснувшись, обнаружила в электронном почтовом ящике письмо от dtor36@nhmlx.com.

«Абра, я поговорил с одним другом, используя наш с тобой общий дар, и теперь уверен, что тебе грозит опасность. Я хочу обсудить твое положение еще с одним другом, нашим общим другом — Джоном Далтоном, но не стану этого делать без твоего разрешения. Думаю, мы с Джоном сможем достать то, что ты нарисовала на доске. Ты установила сигнализацию? Кое-кто может тебя искать, и очень важно, чтобы они тебя не нашли. Ты должна соблюдать осторожность. Всего хорошего и БЕРЕГИ СЕБЯ. Письмо удали. Дядюшка Д.»

Сам факт получения письма убедил Абру больше, чем его содержание, потому что она знала, что Дэну этот способ связи не нравится; он боялся,

что родители сунут нос в ее почту и решат, будто она обменивается записками с каким-то Филом-Педофилом.

Знали бы они, каких маньяков на самом деле нужно бояться их дочке.

Абре было страшно, но при этом — сейчас, днем, когда безумная красотка в цилиндре не пялилась на нее из окна, — довольно интересно. Как будто она стала героиней одного из этих мистико-любовных романов ужасов, которые школьная библиотекарша миссис Робинсон с презрительным фырканьем называла «порнографией для подростков». Девицы в этих книжках якшались и с оборотнями, и с вампирами — и даже с зомби, — но сами не превращались ни в одних, ни в других, ни в третьих.

А еще здорово, что на ее защиту встал взрослый, тем более, что он красив грубоватой красотой, напоминавшей ей Джекса Теллера из «Сынов Анархии», сериала, который они с Эммой Дин тайком смотрели на компьютере Эм.

Абра не просто удалила письмо дядюшки Дэна, но стерла его без возможности восстановления программой, которую Эмма называла «ядерной бомбой для бойфрендов» («Как будто у тебя есть хоть один, Эм!» — ехидно подумала Абра). Потом она отключила ноутбук и закрыла крышку. Отвечать она не стала. Да это было и ни к чему. Все, что ей требовалось, — просто закрыть глаза.

Дзынь-дзынь.

Отправив послание, Абра направилась в душ.

6

Когда Дэн поднялся к себе с утренним кофе в руках, на доске его ждало новое коммюнике.

«Можешь сказать доктору Джону, но НЕ МОИМ РОДИТЕЛЯМ».

Нет. Не родителям. Пока, во всяком случае. Но Дэн не сомневался, что они обнаружат, что происходит, и скорее рано, чем поздно. Он перейдет этот рубикон или сожжет мосты, когда момент настанет. А сейчас у него было еще много дел, начиная с одного телефонного звонка.

Трубку взял ребенок, и, когда Дэн попросил Ребекку, трубка упала с громким стуком и послышался удаляющийся вопль: «Бабу-уль! Тебя!» Через несколько секунд ответила Ребекка Клаузен.

— Привет, Бекка. Это Дэн Торранс.

— Если ты насчет миссис Улэй, то сегодня утром я получила электронку от...

— Я по другому поводу. Мне нужен небольшой отпуск.

— Доктору Сну нужен отпуск? Ушам своим не верю. Прошлой весной я тебя в отпуск еле вытолкала, но ты все равно заходил по паре раз на дню. По семейным обстоятельствам?

Дэн, памятуя о теории относительности Абры, сказал, что да.

Глава десятая

СТЕКЛЯННЫЕ СТАТУЭТКИ

1

Отец Абри стоял в кухне в халате и взбивал яйца в миске, когда зазвонил телефон. Наверху в душе шумела вода. Если Абра не отступит от обычного воскресного распорядка, шум не прекратится, пока не кончится горячая вода в баке.

Он взглянул на дисплей телефона. Код 617, бостонский, но номер незнакомый — не тот, что принадлежал бабушке его жены.

— Алло?

— Дэвид, слава Богу, я тебя застала.

Звонила Люси, и голос у нее был совершенно измученный.

— Ты где? Почему не с мобильного?

— В больнице, в «Масс Джeneral», звоню из автомата. Здесь нельзя пользоваться мобильными, везде висят таблички.

— С Момо все в порядке? А с тобой?

— Со мной — да. А Момс... Сейчас состояние стабильное, но какое-то время было очень плохо. — Она сглотнула. — Да и сейчас тоже.

И тут Люси сорвалась. Не просто заплакала, а отчаянно разрыдалась.

Дэвид ждал. Он был рад, что Абра в душе, и надеялся, что горячей воды хватит надолго. Похоже, положение серьезное.

Наконец Люси снова обрела дар речи.

— На этот раз она сломала руку.

— Так. Ясно. Это все?

— Нет, не все!

Она почти кричала на него, этим самым тоном «ну почему мужчины такие тупые!», который он ненавидел и говорил себе, что это все ее итальянская кровь, даже не задумываясь о том, что иногда он и вправду может тупить.

Он глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

— Рассказывай, малыш.

Она так и сделала, хотя дважды ее рассказ прерывался рыданиями. Люси страшно устала, но проблема была не только в этом. Он понял, что сейчас она осознает сердцем то, что головой знала уже много недель: Момо

в самом деле умрет. И может быть, кончина не будет мирной.

Ее бабушка, которая теперь спала только урывками, проснулась после полуночи, и ей понадобилось в туалет. Вместо того, чтобы позвать Люси и попросить судно, она попыталась сама встать и дойти до ванной. Ей удалось спустить ноги на пол и сесть, но тут у нее закружилась голова, и она упала с кровати на левую руку. Рука не просто сломалась — кость разлетелась на куски. Люси, уставшая за много недель в роли ночной сиделки, к которой ее никто не готовил, проснулась от бабушкиных криков.

— Она не просто звала на помощь, — сказала Люси, — и не просто кричала. Она визжала, как лиса, которой оторвал лапу один из этих жутких капканов.

— Милая, как же это, наверно, было ужасно!

Стоя в алькове на первом этаже, где находились автоматы с закусками и — чудо несказанное! — несколько работающих таксофонов, чувствуя боль во всем теле, покрытом подсыхающим потом (она слышала, чем от нее пахнет — отнюдь не «Лайт Блю» от Дольче и Габбаны), чувствуя в висках пульсацию первой мигрени за последние четыре года, Люсия Стоун знала, что не сможет объяснить ему, насколько это было ужасно. Какое это было отвратительное открытие. Кажется, что ты понимаешь основные факты жизни: женщина стареет, женщина слабеет, женщина умирает. Но потом выясняется, что это еще далеко не все. Ты узнаешь об этом, когда находишь одну из лучших поэтесс своего поколения в луже собственной мочи, и она кричит внучке, чтобы та сделала что-нибудь, чтобы прекратить эту боль, прекратить эту боль, o madre de Cristo, прекратить! Когда ты видишь когда-то гладкое предплечье, скрученное как выжатая тряпка, и слышишь, как поэтесса называет его пиздовой сукой и призывает смерть, чтобы эта боль прекратилась.

Можно ли рассказать мужу, что ты еще не проснулась до конца и боялась сделать не то, что нужно? Можно ли рассказать ему, что она расцарапала тебе лицо, когда ты пыталась ее поднять, и выла как собака, которую переехала машина? Можно ли объяснить, каково это было — оставить свою любимую бабушку распростертой на полу, пока ты набираешь 911, а потом сидеть рядом с ней в ожидании «скорой» и поить ее через соломинку оксикодоном, растворенным в воде? Как «скорая» все не ехала и не ехала, и ты вспомнила песню Гордона Лайтфута «Гибель „Эдмунда Фицджеральда“», в которой спрашивается, куда девается Господняя любовь, когда волны превращают минуты в часы? Волны, перекатывавшиеся через Момо, были волнами боли, а она все тонула, а волны все катились.

Когда она снова начала кричать, Люси подсунула под нее обе руки и, мысленно отгородившись от криков Момо «Положи меня, ты меня убиваешь!», подняла на кровать неловким рывком, который, знала она, еще долго будет отзываться в ее плечах и пояснице. Потом Люси села, прислонившись к стене, задыхаясь, с прилипшими к щекам волосами, а Момо рыдала, прижимая к себе чудовищно искореженную руку, и спрашивала, зачем Люси сделала ей больно и за что ей все это.

Наконец приехала «скорая», и мужчина — Люси не знала его имени, но благословляла его в своих бессвязных молитвах — сделал Момо укол, от которого та отключилась. Можно ли рассказать мужу, как ты хотела, чтобы этот укол ее убил?

— Да, было ужасно, — только и сказала она. — Я так рада, что Абра не захотела приехать на эти выходные.

— Она хотела, но им столько задали на дом, а вчера она сказала, что ей надо в библиотеку. Видно, и правда надо было. Обычно она с меня живого не слезет, пока я не соглашусь повести ее на футбол.

Что за дурацкий лепет? Но что тут еще скажешь?

— Люс, мне ужасно жаль, что тебе пришлось пережить все это в одиночку.

— Знаешь... если бы ты только слышал ее крики. Тогда бы ты, может, и понял. Я больше никогда ни от кого не хочу слышать таких криков. Она всегда так хорошо умела сохранять спокойствие... не терять головы, когда ее теряют все вокруг.

— Я знаю...

— И дойти до того, что было с ней вчера ночью... Единственные слова, которые она не забыла, были пизда, говно, сраный, еб твою мать, шлюха и...

— Успокойся, солнышко.

Наверху выключили душ. У Абры уйдет всего несколько минут, чтобы вытереться и влезть в свое воскресное тряпье; скоро она сбежит по лестнице с развевающимися полами рубашки и незавязанными шнурками кроссовок.

Но Люси еще не могла успокоиться.

— Я помню стихотворение, которое она когда-то написала. Дословно процитировать не могу, но начиналось оно примерно так: «Бог — ценитель хрупких вещей, и его облачная обитель уставлена статуэтками из тончайшего стекла». Мне раньше казалось, что это чересчур попсово-прелестный образ для стихов Кончетты Рейнольдс, почти приторный.

И тут явилась его Абба-Ду — их Абба-Ду, покрасневшая после

душа.

— Все в порядке, папа?

Дэвид поднял ладонь: «подожди минутку».

— Теперь я понимаю, что она на самом деле имела в виду, и никогда больше не смогу читать эти стихи.

— Абба здесь, солнышко, — сказал он фальшиво-веселым тоном.

— Хорошо. Я должна с ней поговорить. Рыдать я больше не собираюсь, не бойся, но мы не можем ее от этого оградить.

— Может быть, хотя бы от самого худшего? — мягко спросил он. Абра стояла у стола. С мокрыми волосами, завязанными в два хвостика, она выглядела лет на десять. Но лицо ее было мрачным.

— Может быть, — согласилась Люси, — но я больше так не могу, Дэйви. Даже с дневной сиделкой. Думала, что справлюсь, но нет. Во Фрейзере есть хоспис, это недалеко от нас. Мне рассказала о нем сестра в приемном покое. Наверно, в больницах есть списки на такой случай. В общем, он называется «Дом Хелен Ривингтон». Я связалась с ними, перед тем как позвонила тебе, и на сегодня у них как раз есть одно место. Наверное, вчера ночью Бог столкнул с камина очередную стеклянную статуэтку.

— Четта в сознании? Вы обсудили...

— Она очнулась пару часов назад, но у нее все мутится в голове. Прошое и настоящее смешались в какой-то салат.

«А я тем временем спал, — виновато подумал Дэвид. — И небось видел во сне свою книгу».

— Когда в голове у нее прояснится — надеюсь, что прояснится, — я скажу ей, по возможности мягко, что решать это будет не она. Пришло время положить ее в хоспис.

— Хорошо.

Когда Люси на что-то решалась — решалась по-настоящему, — лучше всего было отойти в сторонку и дать ей сделать по-своему.

— Папа! С мамой все в порядке? И с Момо?

Абра знала, что с ее матерью все нормально, а с прабабушкой — нет. Большую часть того, что рассказала мужу Люси, она уловила еще в душе, и шампунь и слезы смешались на ее лице. Но она наловчилась строить веселую мину, пока кто-нибудь не скажет ей вслух, что пора менять ее на грустную. Интересно, ее новый друг Дэн тоже научился делать веселое лицо, когда был маленьким? Наверняка.

— Чиа, Эбби хочет с тобой поговорить.

Люси вздохнула:

— Дай ей трубку.
Дэвид протянул дочери телефон.

В то воскресенье, в два часа пополудни, Роза Шляпница повесила на двери своего гигантского дома-фургона табличку «Беспокоить только в самом крайнем случае». Она все рассчитала очень точно: сегодня она ничего не будет есть, а пить — только воду. Вместо утреннего кофе она приняла рвотное средство. Когда придет время вторгнуться в разум девчонки, Роза будет чиста, как пустой стакан.

Когда тело не будет отвлекать ее своими потребностями, она сможет разузнать все, что ей нужно: имя девочки, ее точные координаты, что ей известно и — что самое важное, — с кем она об этом говорила. Роза будет лежать неподвижно на своей двуспальной кровати с четырех пополудни до десяти вечера, глядя в потолок и медитируя. Когда ее разум очистится так же, как очистилось тело, она вдохнет пара из канистры в потаенном сейфе — одного вдоха будет достаточно — и снова повернет мир так, чтобы она оказалась в девочке, а девочка — в ней. В час ночи по восточному времени ее жертва будет крепко спать, и Роза спокойно пролистает содержимое ее разума. Может, даже удастся кое-что ей внушить: «За тобой придут люди. Они тебе помогут. Иди с ними».

Но, как сказал фермер-поэт по имени Бобби Бернс более двухсот лет назад: «Ах, милый, ты не одинок, и нас обманывает рок, и рушится сквозь потолок на нас нужда».^[11] И только Роза начала зачитывать первые фразы своей расслабляющей мантры, как нужда громко постучалась в дверь.

— Уходите! — крикнула она. — Вы что, таблички не видите?!

— Роза, тут со мной Орех, — крикнул в ответ Ворон. — Похоже, у него есть то, о чем ты просила, но ему нужно твое «добро», а рассчитать время действия этой штуковины не так просто.

Роза полежала еще секунду, потом со злостью выдохнула и поднялась с кровати, хватая сайдвиндерскую футболку («Поцелуй меня на Крыше мира!») и натягивая ее. Футболка доставала ей до бедер. Роза открыла дверь.

— Только не вздумайте меня разочаровать.

— Мы можем и попозже вернуться, — сказал Орех, маленький человечек с лысой макушкой, из-за ушей у которого выбивались мочалки седых волос. В руке он держал листок бумаги.

— Нет, но давайте побыстрее.

Они сели за стол в фургонной кухне-гостиной. Роза выхватила листок и бегло его просмотрела. Какая-то химическая схема с кучей шестиугольников, которая ничего ей не говорила.

— Что это?

— Сильное успокоительное, — ответил Орех. — Новое, чистое и законное. Джимми получил рецепт от одного из наших контактов в АНБ. Оно вырубит девчонку без риска передозировки.

— Что ж, может, именно это нам и нужно. — Роза понимала, что придирается. — Но разве нельзя было подождать до завтра?

— Извиняюсь, извиняюсь, — промямлил Орех.

— А я нет, — сказал Ворон. — Если ты хочешь побыстрее разобраться с девчонкой, то мне надо не только заказать это успокоительное, но и договориться, чтобы его доставили в один из наших тайников.

Тайниками Верным служили сотни разбросанных по всей Америке почтовых ящиков. Чтобы воспользоваться ими, надо было все спланировать заранее, потому что Верные постоянно колесили по стране, а в общественный транспорт их и на аркане не затащишь. Частные полеты были возможны, но неприятны: все Верные страдали высотной болезнью. Орех считал, что это как-то связано с их нервной системой, которая радикально отличалась от лоховской. Гораздо больше Розу беспокоила другая, финансируемая налогоплательщиками, нервная система. Очень нервная. После одиннадцатого сентября МВБ отслеживало даже частные рейсы, а первое правило Верных гласило: не привлекай внимания.

Благодаря сети федеральных автострад дома-фургоны служили Узлу верой и правдой. Послужат и на этот раз. Небольшая группа захвата, сменяющая водителей каждые шесть часов, доберется из Сайдвиндера до севера Новой Англии меньше чем за тридцать часов.

— Хорошо, — сказала Роза уже более мягким тоном. — Что у нас есть на 90-ой федеральной, где-нибудь на севере штата Нью-Йорк или в Массачусетсе?

Ворону не пришлось хмыкать, гмыкать и просить времени на ответ.

— Почтовый ящик «Изи-мейл» в Стербридже, Массачусетс.

Роза тронула пальцами край листка с непонятными схемами в руке Ореха.

— Пусть вышлют средство туда. Используй как минимум трех курьеров, чтобы на нас не вышли, если что-то пойдет не так. Погоняй посылку по стране.

— А у нас время на это есть? — спросил Ворон.

— Вполне, — ответила Роза, о чем потом пожалеет еще не раз. — Вышли ее на юг, оттуда на Средний Запад, а потом уже в Новую Англию. Но чтобы к четвергу посылка была уже в Стербридже. Воспользуйся «Экспресс-мейл», а не «ФедЭкс» или «ЮПС».

— Сделаю, — сказал Ворон без колебаний.

Роза перевела взгляд на доктора Верных.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Орешек. Потому что если девчонка не заснет, а загнется от передоза, то я позабочусь о том, чтобы впервые со времен битвы при Литтл-Бигхорне кое-кого из Верных отправили в изгнание.

Орех слегка побледнел. Ну и отлично. Изгонять Роза никого не собиралась, но она все еще злилась из-за того, что ей помешали.

— Посылка со средством прибудет в Стербридж, и Орех будет знать, как им воспользоваться, — сказал Ворон. — Никаких проблем.

— А попроще точно ничего нет? Тут, в округе?

— Нет, если ты хочешь быть уверенной, что девчонка не скорчит нам Майкла Джексона. Это средство безопасно и действует быстро. Если она так сильна, как ты нам говорила, то скорость сыграет важную р...

— Ладно, ладно, я поняла. На этом всё?

— Есть еще кое-что, — сказал Орех. — С этим, наверное, можно подождать, но...

Роза выглянула в окно, а там — боже, спаси и сохрани — к ее фургону через стоянку шел Джимми Арифмометр, и в руке у него тоже был какой-то листок. И зачем, спрашивается, она вешала табличку «Не беспокоить»? Надо было вывесить другую, с надписью «Все сюда!»

Роза собрала все свое раздражение в кулак, сунула в мешок и затолкала подальше вглубь разума. Улыбнулась.

— Что там еще?

— У Дедули Флика недержание, — сказал Ворон.

— У него недержание последние лет двадцать, — ответила Роза. — От подгузников он отказывается, а заставить его я не могу. Никто не может.

— Тут другое, — сказал Орех. — Он теперь едва встает с кровати. Матрешка и Черноглазая Сьюзи ухаживают за ним, как могут, но в его фургоне стоит такая вонь...

— Ему станет легче. Мы дадим ему немного пара.

Лицо Ореха Розе совсем не понравилось. Два года назад скончался Томми Грузовик, а для Верных, считай, это все равно что две недели. И теперь Дедуля Флик?

— Его разум рушится, — просто сказал Ворон. — И... — он

посмотрел на Ореха. — Сегодня утром за ним ухаживала Петти, и она говорит, что он вроде как начинает схлопываться.

— Вроде как, — сказала Роза. Верить в такое ей не хотелось. — Кто-нибудь еще это видел? Матрешка? Сью?

— Нет.

Она пожала плечами, словно бы говоря «ну вот видите». Дальнейшую дискуссию прервал стук в дверь, и на этот раз Роза обрадовалась помехе.

— Войдите!

В дверном проеме показалась голова Джимми.

— Можно?

— Да! А кордебалет и духовой оркестр ты, случайно, с собой не привел? Блин, я всего лишь пыталась помедитировать после нескольких незабываемых часов опустошения желудка.

Ворон посмотрел на нее с мягким упреком, и, наверное, она его заслужила, ведь эти люди всего лишь действовали на благо Узла по ее просьбе. Ничего, когда Ворон сам встанет на капитанский мостик, он все поймет. На себя у него тогда времени не останется, пусть даже он пригрозит смертью тому, кто ему мешает — даже угрозы помогают не всегда.

— У меня кое-что для тебя есть, — сказал Джимми. — А раз уж Ворон с Орехом уже здесь, то я подумал...

— Я знаю, что ты подумал. Выкладывай.

— Я порыскал в интернете в поисках информации о двух городках, которые ты выбрала — Фрайбурге и Эннистоне. Вот что я нашел в «Юнион лидере» за прошлый четверг. Может, это и ерунда.

Роза взяла распечатку. Основная статья рассказывала о какой-то захолустной школе, которой пришлось прикрыть футбольную программу из-за бюджетных сокращений. Под ней была небольшая заметка, которую Джимми обвел кружком.

«Карманное землетрясение» в Эннистоне. Насколько маленьким может быть землетрясение? Довольно маленьким, если верить жителям Ричланд-корт, эннистонской улочки, выходящей на речку Сако. Во вторник, после полудня, несколько жителей улицы сообщили о толчках, из-за которых дребезжали окна, тряслись полы и падала с полок посуда. Дэйн Борланд, пенсионер, проживающий в самом конце улицы, показал нам трещину, которая прошла по его недавно заасфальтированной подъездной дорожке. «Если хотите доказательств, то вот они», — сказал Дэйн. Хотя Центр геологических исследований во Врентаме, штат Массачусетс, не зафиксировал никаких подземных толчков, Мэтт и Кэсси Ренфрю

воспользовались случаем и устроили «Потрясное барбекю», на которую пришло большинство жителей улицы. По словам Эндрю Ситтенфельда из Центра геологических исследований, тряска, которую почувствовали жители Ричланд-корт, могла быть вызвана либо бурным потоком воды по канализационным трубам, либо военным самолетом, преодолевшим звуковой барьер. Услышав об этих предположениях, мистер Ренфрю расхохотался. «Мы знаем, что почувствовали, — сказал он. — То было землетрясение, и нам оно даже понравилось: ущерб минимален, а вечеринка получилась просто отпадной». (Эндрю Гулд)

Роза дважды прочитала статью, и глаза ее загорелись.

— Хороший улов, Джимми.

— Спасибо. Что ж, пищу для размышлений я вам подкинул. Мне пора.

— Забирай с собой Ореха — пусть осмотрит Дедулю. Ворон, а ты останься.

Закрыв за ними дверь, Ворон спросил:

— Думаешь, землетрясение в Нью-Гэмпшире вызвала девочка?

— Да. Не на сто процентов, но как минимум на восемьдесят. Теперь, когда у меня есть возможность сфокусироваться не на целом городе, а на конкретной улице, мне будет сегодня гораздо легче ее найти.

— Роззи, если у тебя получится внушить ей мысль о послушании, то, нам, возможно, даже не понадобится ее вырубать.

Роза улыбнулась, снова подумав о том, что Ворон понятия не имеет, насколько эта девочка особенная. «И я не имела, — подумает она позже. — Только думала, что имела».

— Надеяться законом не запрещено, но когда она будет у нас в руках, мало будет нагрузить ее наркотой, пусть даже самой современной. Нам понадобится какое-нибудь средство, которое сделает ее хорошей и послушной до тех пор, пока она не начнет сотрудничать с нами по своей воле.

— Ты поедешь с нами на охоту?

Роза хотела, но, вспомнив о Дедуле Флике, заколебалась.

— Не уверена.

Решив больше ни о чем не спрашивать (Роза это оценила), Ворон направился к двери.

— Я позабочусь о том, чтобы тебя больше не беспокоили.

— Хорошо. И проследи, чтобы Орех устроил Дедуле полноценный осмотр — с головы до пяток. Если у него действительно начались циклы, завтра я хочу об этом знать, когда выйду из затвора. — Она открыла потайной сейф и вытащила оттуда одну канистру. — Скорми ее Дедуле.

Ворон обомлел.

— Как, всю? Роза, если он уже схлопывается, то в этом нет никакого смысла.

— Всю. У нас был хороший год, как недавно вы все мне и говорили. Так что мы можем себе позволить некоторые излишества. И кроме того, в Узле есть только один дедуля. Ведь он еще помнит, как европейцы поклонялись деревьям, а не таймшерным виллам. Нам нельзя его терять. Мы же не дикари.

— Лохи бы с тобой не согласились.

— Вот поэтому они и лохи. А теперь исчезни.

3

После Дня труда Минитаун по воскресеньям работал до трех. В этот вечер без пятнадцати шесть на скамейки в конце миниатюрной Крэнмор-авеню уселись три гиганта, превратив «Аптеку Минитауна» и «Минитаунский шарман-кинотеатр» (в разгар сезона, наклонившись и заглянув в его окно, можно было увидеть, как на крохотном экране идут крохотные фильмы) в архитектурных карликов. Джон Далтон пришел на встречу в кепке «Ред сокс». Чуть позже он водрузил ее на миниатюрную статую Хелен Ривингтон, стоящую на миниатюрной судебной площади.

— Я точно знаю, что она за них болела, — сказал он. — За них тут все болеют. Никому нет никакого дела до «Янкиз» — кроме изгнанников вроде меня. Так что я могу для тебя сделать, Дэн? Из-за этой встречи я пропускаю семейный ужин. Моя жена — терпеливая женщина, но и ее терпение не бесконечно.

— Что она скажет, если ты проведешь со мной несколько дней в Айове? — спросил Дэн. — За мой счет, само собой. Нужно сделать Двенадцатый шаг: родной дядька травит себя выпивкой и наркотой, а семья умоляет меня вмешаться. Одному мне это дело не потянуть.

В «Анонимных алкоголиках» не существовало строгих правил, но соблюдалось множество традиций — которые, по сути, и были правилами. Одной из самых жестких был запрет на проведение Двенадцатого шага в отношении алкоголика в одиночку — если только такой алконавт не зафиксирован на больничной койке, в вытрезвителе или сумасшедшем доме. Если нарушить эту традицию, вполне можно в конце концов составить ему компанию за рюмкой или дорожкой кокаина. Привыкание, как сказал однажды Кейси Кингсли, — подарочек, от которого так просто

не избавишься.

Дэн посмотрел на Билли Фримэна и улыбнулся.

— Есть вопросы? Задавай, не стесняйся.

— Не думаю, что у тебя есть дядя. Да и вообще сомневаюсь, что у тебя остался кто-то из родни.

— Да? Всего лишь сомневаешься?

— Ну... ты никогда о них не говорил.

— Много кто не рассказывает о своей семье. Но ты же точно знаешь, что ее у меня нет, верно, Билли?

Билли промолчал, но вид у него был смущенный.

— Дэнни, я не могу поехать в Айову, — сказал Джон. — У меня все расписано до выходных.

Дэн по-прежнему смотрел на Билли. Он засунул руку в карман, вытащил оттуда что-то и зажал в кулаке.

— Что у меня в руке?

Билли замялся еще сильнее. Он взглянул на Джона, понял, что помощи ждать не стоит, и снова посмотрел на Дэна.

— Джон знает, кто я такой, — сказал Дэн. — Я помог ему как-то раз, и он в курсе, что я помогал другим. Ты среди друзей.

Билли подумал и сказал:

— Может быть, монета, но мне кажется, что это одна из твоих медалей. Тех, что дают в «Анонимных алкоголиках», если ты сумел продержаться трезвым еще один год.

— И какой год на этой?

Билли в нерешительности смотрел на кулак Дэна.

— Давай помогу, — сказал Джон. — Он сухой с весны две тысячи первого, так что если у него есть медальон — скорее всего он за двенадцать лет трезвости.

— Звучит логично, но это не так. — Билли сосредоточился, его лоб, точно над глазами, пересекли две морщины. — Может... седьмой?

Дэн раскрыл ладонь. На медальоне была выбита римская шестерка.

— Копать-ковырять, — произнес Билли. — Обычно я лучше угадываю.

— Почти попал, — сказал Дэн. — И это не догадки, а сияние.

Билли вытащил сигареты, взглянул на врача, сидящего рядом, убрал.

— Как скажешь.

— Позволь мне рассказать о тебе кое-что, Билли. Когда ты был маленьким, ты был настоящим мастером угадывания. Ты знал, когда у мамы хорошее настроение и есть шанс раскрутить ее на бакс-другой. Ты

знал, когда отец не в духе, и в такие дни сторонился его.

— Иногда я понимал, что лучше не спорить, когда на ужин вчерашнее жаркое в горшочке, — сказал Билли.

— Ты делал ставки?

— На бегах в Салеме. Выиграл немало. Потом, когда мне исполнилось двадцать пять или около того, умение угадывать победителей пропало. Как-то мне пришлось упрашивать хозяина квартиры подождать с арендной платой — это вылечило меня от азартных штук.

— Да, со временем способности теряют силу, но в тебе до сих пор есть их частичка.

— А у тебя больше, — ответил Билли, и на этот раз сомнения в его голосе не было.

— Это все по-настоящему, да? — сказал Джон. Не вопрос даже — констатация факта.

— На следующей неделе у тебя лишь один пациент, которого, как ты думаешь, действительно нельзя не принять, — сказал Дэн. — Девочка с раком желудка. Ее зовут Фелисити...

— Фредерика, — поправил Джон. — Фредерика Биммель. Она в больнице Мерримэк-вэлли. Я хотел поговорить с ее онкологом и родителями.

— В субботу утром.

— Да. В субботу утром. — Джон потрясенно смотрел на Дэна. — Иисусе. Господи Иисусе. Эта твоя штука... я понятия не имел, насколько она у тебя сильная.

— Мы вернемся из Айовы к четвергу. В крайнем случае к пятнице.

«Если только нас не арестуют, — подумал он. — Тогда придется задержаться подольше». Он посмотрел на Билли, пытаясь понять — перехватил ли тот эту совсем не воодушевляющую мысль. Похоже, что нет.

— В чем там дело?

— Еще одна твоя пациентка. Абра Стоун. Она такая же, как мы с Билли, но ты, Джон, наверное, это уже знаешь. Только она гораздо, гораздо сильнее. Мои способности намного больше тех, что есть у Билли, но в сравнении с ней я — ярмарочная гадалка.

— Господи, ложки!

Дэн на секунду задумался, потом вспомнил.

— Она подвесила их к потолку.

Джон уставился на него.

— Ты и это у меня в мозгах прочел?

— Нет. Тут, боюсь, никакой мистики. Она мне сказала.

— Когда? Когда?

— Мы дойдем до этого, но не сейчас. Давай для начала покопаясь у тебя в голове по-настоящему. — Дэн взял Джона за руку. Это помогло — физический контакт всегда помогал. — Ее родители пришли к тебе, когда ей еще и года не было. Или, может, тетушка... или прабабка. Они беспокоились о ней еще до того, как она украсила кухню ложками, потому что в доме происходили странные случаи. Что-то с фортепиано... Билли, помоги мне.

Билли взял вторую руку Джона, а Дэн — свободную руку Билли. Круг замкнулся. Крохотный спиритический сеанс в Минитауне.

— «Битлз», — сказал Билли. — Только на фортепиано вместо гитар. Это было... не знаю. Но они чуть с ума не посходили.

Джон удивленно уставился на него.

— Послушай, — сказал Дэн. — Она разрешила тебе говорить. Она хочет этого. Доверься мне, Джон.

Джон Далтон сидел в задумчивости почти минуту. Затем рассказал все... за одним исключением.

Та история про «Симпсонов» по всем каналам выглядела чересчур странной.

4

Когда он закончил свой рассказ, то задал резонный вопрос: откуда Дэн вообще узнал об Абре Стоун?

В ответ Дэн достал из заднего кармана маленький потрепанный блокнот. На обложке волны разбивались о мыс, а подпись гласила: «Большой путь начинается с первого шага».

— Это с ним ты постоянно ходил? — спросил Джон.

— Да. Ты же знаешь, что мой куратор — Кейси Кей, верно?

Джон закатил глаза.

— Как можно забыть, если на собраниях ты всякий раз начинал со слов «Мой куратор, Кейси К., всегда говорит...»?

— Джон, никто не любит умников.

— Моя жена любит, — сказал Джон. — Потому что я чертовски сексуальный умник.

Дэн вздохнул.

— Глянь сюда.

Джон пролистал блокнот.

— Наши собрания. С 2001 года.

— Кейси сказал мне, что я должен посетить девяносто собраний за девяносто дней и о каждом оставить запись. Посмотри восьмое.

Джон нашел нужную страницу. Методистская церковь Фрейзера. Собрания, о которых он знал, хотя бывал там нечасто. Под записью аккуратными заглавными буквами было выведено слово АБРА.

Джон недоверчиво посмотрел на Дэна.

— В два месяца отроду она установила с тобой контакт?

— Ты же видишь — дальше идет следующая запись, так что я физически не мог вписать туда это имя позже, чтобы произвести на тебя впечатление. Разве что весь блокнот — подделка, но в АА многие видели меня с ним.

— Да я и сам видел, — сказал Джон.

— И ты, да. В те дни я всегда приходил на собрания с этим блокнотом в одной руке и с чашкой кофе в другой. Мои обереги. Тогда я еще не знал, кто она, да и мне, в общем-то, было по барабану. Просто еще одно случайное касание, вот и все. Так младенец в кроватке может вдруг взять да и схватить тебя за нос. Потом, два или три года спустя, она написала кое-что на доске с расписанием, которая стоит в моей комнате. Слово «Привет». После этого она постоянно выходила на связь, каждый раз в определенное время. Я даже не знаю, понимала ли она, что делает. Но когда ей понадобилась помощь, я оказался единственным, кого она знала и к кому обратилась.

— Что ей было нужно? В какие неприятности она попала? — Джон повернулся к Билли. — Ты знаешь?

Билли покачал головой.

— Никогда о ней не слышал. Да и в Эннистоне я почти не бываю.

— А кто говорил, что она живет в Эннистоне?

Билли указал большим пальцем на Дэна.

— Он говорил, разве нет?

Джон повернулся к Дэну.

— Хорошо. Допустим, ты меня убедил. Выкладывай остальное.

Дэн рассказал им о кошмарах Абры: о бейсбольном мальчике, фигурах с фонариками, женщине с ножом — той, что слизала кровь мальчишки со своих ладоней. О том, как Абра много позже увидела фотографию этого мальчика в газете.

— Как она смогла это увидеть? Потому что мальчик, которого они убили, тоже сиял?

— Почти наверняка из-за этого и случился первый контакт. Пока они

пытали его — а по словам Абры, именно это они и делали, — мальчик пытался дотянуться до кого-нибудь... так и возникла связь.

— Которая сохранилась даже после того, как мальчишка — Брэд Тревор — умер?

— Думаю, точкой контакта стала принадлежащая ему вещь — бейсбольная перчатка. Абра может связываться с его убийцами потому, что один из них надевал ее. Как это происходит — она не знает, да и я тоже. В одном я уверен: Абра невероятно сильна.

— Как и ты.

— Смысл вот в чем, — продолжил Дэн. — Этими людьми — если они вообще люди — руководит женщина, которая, собственно, и убила мальчика. В день, когда Абра увидела фотографию Тревора в разделе пропавших детей местной газетенки, она смогла залезть в голову к этой женщине. А та — в голову Абры. Несколько мгновений они смотрели на мир глазами друг друга. — Дэн вытянул кулаки и провернул их в воздухе. — Перевертыш. Абра думает, что теперь они могут прийти за ней, и я с ней согласен. Она представляет для них опасность.

— Но есть еще кое-что, верно? — спросил Билли.

Дэн выжидающе посмотрел на него.

— У тех, кто сияет, кое-что есть, так? То, за чем охотятся эти люди. То, что можно добыть лишь убийством.

— Да.

— Эта женщина знает, где Абра? — спросил Джон.

— Абра думает, что нет, но нужно помнить, что ей всего тринадцать. Она может и ошибаться.

— А сама Абра знает, где эта женщина?

— Единственное, в чем она уверена — во время этого контакта, этого взаимного проникновения, женщина находилась в супермаркете «Сэмс». То есть где-то на Западе, но магазины «Сэмс» разбросаны по девяти штатам.

— Включая Айову?

Дэн покачал головой.

— Тогда чего мы добьемся, если туда поедем?

— Мы найдем перчатку, — сказал Дэн. — Абра думает, что если перчатка окажется у нее, то она сможет выследить человека, который ее надевал. Она зовет его Барри Кит.

Джон сидел, опустив голову и обдумывая услышанное. Дэн ему не мешал.

— Хорошо, — произнес он в конце концов. — Это безумие, но допустим, я вам поверил. Учитывая то, что я о ней знаю — и то, что я знаю

о тебе, — не так уж это и сложно. Но если эта женщина не знает, где Абра... может, лучше оставить все как есть? Не будить лихо и все такое?

— Не думаю, что наше лихо спит, — ответил Дэн. — Эти *(пустые дьяволы)*

твари хотят заполучить ее для того же, зачем им понадобился Тревор — в этом, я уверен, Билли прав. А еще они знают, что она представляет для них угрозу. Если выражаться терминами «Анонимных алкоголиков», у нее есть возможность нарушить их анонимность. А какими ресурсами обладают эти создания, мы и понятия не имеем. Ты бы хотел, чтобы твоя пациентка жила в страхе месяц за месяцем, а то и год за годом, ожидая, что в любой момент на улице может нарисоваться паранормальная Семья Чарли Мэнсона и схватить ее?

— Конечно же, нет.

— Эти выродки питаются детьми вроде нее. Вроде меня — каким я был в детстве. Детьми с сиянием. — Он мрачно смотрел Джону Далтону в глаза. — Если это так, их нужно остановить.

— Если я в Айову не еду, что требуется от меня? — спросил Билли.

— Скажем так, — ответил Дэн. — На следующей неделе ты как следует изучишь Эннистон. Если Кейси тебя отпустит, снимешь номер в мотеле и переедешь туда.

5

В конце концов Роза смогла войти в медитативное состояние, к которому так долго стремилась. Сложнее всего было перестать беспокоиться о Дедуле Флике, но она с этим справилась. Поднялась выше этого. Сейчас она путешествовала за пределами собственного тела и еле слышно шевелила губами, снова и снова повторяя старинные заклинания — саббатха ханти, лодсам ханти, каханна ризоне ханти. Искать девчонку было еще рано, но теперь, когда Роза осталась одна, а мир замер — и внутри, и снаружи, — она и не торопилась. Роза вооружалась и наращивала концентрацию, медленно и тщательно.

Саббатха ханти, лодсам ханти, каханна ризоне ханти: слова, которые были древними уже в те дни, когда Узел верных кочевал по Европе, торгуя побрякушками и брикетами торфа. Они, наверное, были древними и в первые годы жизни Вавилона. Девчонка сильна, но Верные — всемогущи, и Роза не ожидала никаких проблем. Девчонка будет спать, а Роза — ступать тихо и осторожно, собирая информацию и закладывая в разум

соплячки внушения, словно небольшие заряды взрывчатки. Это будет не просто червь — целый клубок червей. Некоторых девчонка обнаружит и уничтожит.

Других — нет.

В тот вечер, покончив с уроками, Абра проговорила по телефону с мамой почти сорок пять минут. Разговор проходил на двух уровнях. На первом они обсуждали будущую неделю в школе, костюм Абры на грядущий Хэллоуин и то, как прошел ее день. Они обсуждали планы по перевозке Момо на север в хоспис Фрейзера (который Абра в мыслях по-прежнему называла «хвостис»). Люси рассказала Абре о текущем состоянии Момо — «вообще говоря, довольно неплохое, учитывая все обстоятельства».

На другом уровне Абра слышала, как Люси сердится на себя за то, что каким-то образом подвела свою бабушку. Она слышала правду о Момо — что ей страшно, что она одурманена лекарствами, что ее мучают бесконечные боли. Абра пыталась посылать матери успокаивающие мысли: «все хорошо, мам», «мы любим тебя, мам» и «пока могла, ты делала все, что в твоих силах». Ей хотелось верить, что хотя бы некоторые из них достигли цели, но в глубине души она понимала, что это не так. Абра обладала многими способностями — из тех, что одновременно прекрасны и пугающи, — но влияние на эмоциональное настроение собеседника в их число никогда не входило.

А Дэн бы смог? Наверное, да. Ей казалось, что он использует частичку своего сияния, чтобы помогать людям в хвостисе. Если это действительно правда, он мог бы помочь Момо, когда ее туда привезут. Было бы здорово.

Абра спустилась вниз. На ней была розовая фланелевая пижама, которую Момо подарила ей на прошлое Рождество. Отец пил пиво и смотрел матч «Ред сокс». Она звонко поцеловала его в нос (отец всегда твердил, что терпеть этого не может, но Абра знала, что он лукавит) и сказала, что идет спать.

— Ля домашка эст готоффа, мадмуазель?

— Да, папуля, хотя «домашка» по-французски — это «девуар».

— Буду знать, буду знать. Как там мама? Спрашиваю, потому что ты дала мне с ней поговорить полторы минуты, а потом выхватила трубку.

— Нормально. — Абра понимала, что говорит правду, а еще понимала,

что «нормально» — понятие относительное. Она сделала несколько шагов, потом обернулась.

— Она сказала, что Момо похожа на стеклянную статуэтку. — Мама так не говорила, во всяком случае вслух, но думала об этом. — Она сказала, что мы все такие.

Дэйв выключил звук телевизора.

— Ну, наверное, она права, только некоторые из нас сделаны из удивительно прочного стекла. Помни, Момо стояла на полке целая и невредимая много, много лет. А теперь иди сюда, Абба-Ду, и обними своего папу. Не знаю, насколько это нужно тебе, но мне точно не повредит.

7

Двадцатью минутами позже она лежала в постели. На комодѣ горел ночник в виде Винни-Пуха — ее старый друг еще с младенчества. Абра поискала Дэна и нашла его в комнате отдыха с паззлами, журналами, столиком для пинг-понга и большим телевизором на стене. Он играл в карты с постояльцами хвостиса.

(ты уже говорил с доктором Джоном?)

(да послезавтра мы выдвигаемся в Айову)

Эта мысль сопровождалась схематичным рисунком старого биплана. Внутри сидели два пилота в старомодных летных шлемах, шарфах и очках. Эта картинка заставила Абру улыбнуться.

(если мы привезем тебе)

Изображение бейсбольной перчатки. Не той, что носил бейсбольный мальчик, но Абра поняла, о чем речь.

(ты не психанешь?)

(нет)

Она должна держать себя в руках. Будет жутко, конечно, прикоснуться к перчатке мертвого мальчика, но она должна это сделать.

8

В комнате отдыха «Ривингтона-1» мистер Брэддок смотрел на Дэна с тем одновременно осуждающим и слегка озадаченным видом, на который способны лишь дряхлые старики на грани маразма.

— Ты сбросишь карты, Дэнни, или так и будешь пялиться в угол, пока

лед на полюсах не растает?

(спокойной ночи Абра)

(спокойной ночи Дэн и пожелай от меня спокойной ночи Тони)

— Дэнни? — мистер Брэддок постучал разбухшими костяшками по столу. — Вызываю Дэнни Торранса, прием.

(не забудь поставить ту штуку)

— Тук-тук, Дэнни, — сказала Кора Уиллингем.

Дэн посмотрел на них.

— Я уже ходил или еще нет?

Мистер Брэддок, глядя на Кору, закатил глаза. Кора ответила ему тем же.

— И дочки говорят мне, что это я съехала с катушек, — сказала она.

9

Абра поставила будильник на айпаде не только потому, что завтра нужно было вставать в школу, но и потому, что пришел ее черед делать завтрак: в плане значилась яичница с грибами, перцем и сыром «Монтерей Джек». Но Дэн говорил о другом. Она закрыла глаза, наморщила лоб и сконцентрировалась. Одна рука выбралась из-под одеяла и принялась тереть губы. Ей предстояла сложная работа, но результат должен был того стоить.

Сигнализация — это хорошо, но если женщина в шляпе придет за ней, лучше поставить ловушку.

Минут через пять морщины на лбу Абры разгладились, а ладонь оставила губы в покое. Девочка повернулась на бок и подтянула одеяло к подбородку. Она представила себя в полном воинском доспехе верхом на белом жеребце и заснула. Мистер Пух смотрел на нее с комода, как и все всегда с тех пор, как ей исполнилось четыре, мягко освещая слабым светом левую щеку. Только эта щека и волосы оставались неукрытыми.

Во сне Абра скакала по бескрайним полям под светом четырех миллиардов звезд.

10

Роза медитировала до половины второго ночи. Остальные Верные (кроме Энни Фартук и Большой Мо, которые ухаживали за Дедулей

Фликом) крепко спали, и она решила, что время пришло. В одной руке она зажала распечатанную фотографию малоприметного центра городка Эннистон, другой держала канистру. Пара в ней оставалось совсем чуть-чуть, но Роза не сомневалась, что этого хватит. Она положила пальцы на клапан, приготовившись его открыть.

«Мы — Узел верных, испытанный временем: саббатха ханти».

«Мы — избранные: лодсам ханти».

«Мы — счастливы: каханна ризоне ханти».

— Возьми же это и употреби во благо, Роза-малышка, — произнесла она.

Роза повернула клапан и из канистры вырвалась слабая струйка пара. Она вдохнула ее и откинулась на подушку, позволив канистре выскользнуть из рук и упасть с мягким стуком на ковер. Роза поднесла фотографию центральной улицы Эннистона к глазам. Возникло ощущение, что рука куда-то ускользает, а вместе с ней и снимок. Недалеко от Мэйн-стрит — возможно, на узкой улочке под названием Ричланд-корт — жила маленькая девочка. Сейчас она крепко спит, но где-то в глубине ее разума притаилась Роза Шляпница. Она предполагала, что девочка не знает, как выглядит Роза — как и сама Роза не знает, как выглядит девочка... во всяком случае, пока. Тем не менее, девчонка в курсе, каково это — ощущать Розу. А еще она знала, на что вчера Роза смотрела в супермаркете. Ее маркер, ее точка входа.

Отсутствующим взглядом Роза уставилась на фотографию, но на самом деле она смотрела на мясной отдел супермаркета «Сэмс», где «каждый кусочек — на пять с плюсом!». Она искала себя — и на удивление быстро нашла. Сначала — лишь отзвук: приглушенная музыка из громкоговорителей магазина. Потом — тележка, позади которой сгущалась темнота. Ничего страшного, появится и остальное. Роза двинулась на звук музыки, далекий и раздваивающийся.

Было темно, темно, темно, а потом — чуть светлее, и еще светлее. Вот проход между стеллажами, вот проход перешел в коридор — она уже близко. Сердце Розы скакнуло.

Лежа в постели, она закрыла глаза. Если девчонка поймет, что происходит — маловероятно, но возможно, — она ничего не увидит. Роза еще раз перечислила в уме свои цели: имя, местоположение, что знает, кому сказала.

(мир, повернись)

Она собралась с силами и совершила рывок. На этот раз перевертыш не был для нее неожиданностью — она спланировала его и полностью

контролировала. Какое-то мгновение она находилась в подвешенном состоянии, в канале между сознаниями — а потом оказалась в большой комнате, по которой, напевая дурацкую песенку, каталась на велосипеде девочка с косичками. Сон девчонки, и Роза видит его. Впрочем, у нее есть более важные дела. Стены комнаты были не стенами, а картотечными ящиками, и Роза могла открыть любой из них. Девчонка мирно спала в Розиной голове и видела сон, в котором ей снова пять лет и она катается на своем первом велосипеде. Отлично. Спи, маленькая принцесса.

Девочка проехала мимо, напевая «ля-ля-ля» и ничего не замечая. К велосипеду были приделаны страховочные колеса, но они то появлялись, то исчезали. Роза предположила, что принцессе снится день, когда она в конце концов научилась кататься без них. Прекрасный день в жизни любого ребенка.

«Наслаждайся своим великом, дорогая, а я тем временем все о тебе разужнаю».

Чувствуя себя абсолютно уверенно, Роза открыла один из ящиков.

Как только она протянула руку, взвыла душераздирающая сирена. Со всех сторон комнаты ударили прожектора, одновременно ослепляя и обжигая. Впервые за долгие года Роза Шляпница, урожденная Роза О'Хара из графства Антрим, что в Северной Ирландии, была полностью застигнута врасплох. Прежде чем она успела выдернуть руку из ящика, тот захлопнулся. Роза почувствовала дикуую боль. Она завопила и попыталась вырваться, но не смогла.

Ее тень плясала по стенам... но не только ее одной. Роза повернула голову и увидела, как на нее несется девчонка, только теперь она была не девчонкой, а молодой девушкой с голубой лентой в волосах и в кожаном камзоле с драконом на груди. Велосипед превратился в белого жеребца. Его глаза, как и глаза наездницы, пылали огнем.

В руках воительница держала копье.

(Ты вернулась Дэн сказал ты вернешься и ты вернулась)

А потом — невероятно было слышать подобное от лоха, пусть и с таким количество пара — в голосе послышалось удовольствие.

(ОТЛИЧНО)

Девчонка, которая теперь была вовсе не девчонкой, ждала ее. Она поставила ловушку, она хотела убить Розу... и, учитывая ее теперешнюю ментальную уязвимость, вполне могла.

Собрав воедино всю свою мощь, Роза приготовилась отразить удар — но не каким-то там копьем из комиксов, а настоящим стенобитным орудием, в котором слились сила всех прожитых Розой лет и вся ее воля.

(ПОШЛА ПРОЧЬ! ПОШЛА НАХЕР! КЕМ БЫ ТЫ СЕБЯ НИ СЧИТАЛА, ТЫ ВСЕГО ЛИШЬ МЕЛКАЯ ДЕВЧОНКА!)

Взрослая версия девчонки, ее аватар, по-прежнему приближался, но от Розиной мысли его рука дрогнула, и копье ударило в ящик с левой стороны от Розы вместо того, чтобы, как планировалось, пронзить ее саму.

Девчонка (всего лишь девчонка, продолжала твердить себе Роза) повела жеребца на второй заход, и Роза повернулась к ящичку, который удерживал ее. Она занесла свободную руку над ним и потянула изо всех сил, не обращая внимания на боль. Поначалу ящик не поддавался. Затем он чуть ослаб, и Роза смогла вытащить запястье. Кожа с него была содрана, бежала кровь.

Происходило еще кое-что. В ее голове появилось странное трепетание, словно птица машет крыльями. Это еще что за дерьмо?

Понимая, что это долбаное копье может ударить в спину в любой момент, Роза изо всех сил дернула зажатую руку на себя. Она вырвалась из ящичка, и Роза едва успела сжать пальцы в кулак. Промедлила она хоть мгновение, дверца ящичка отрубила бы их начисто. Она чувствовала, как пульсируют ее ногти, и знала, что когда посмотрит на них, те будут темно-фиолетовыми от кровоподтеков.

Роза повернулась. Девчонка исчезла. Комната была пуста. Но это трепетание никуда не делось — даже усилилось. Внезапно боль в ладони и запястье перестала иметь всякое значение. Не только она участвовала в перевертыше, и неважно, что в реальном мире ее глаза по-прежнему закрыты, а сама она лежит на двуспальной кровати.

Ебучая девка сейчас в другой комнате с картотечными ящиками.

В ее комнате. В ее голове.

Из грабителя Роза превратилась в ограбленную.

(УБИРАЙСЯ УБИРАЙСЯ УБИРАЙСЯ УБИРАЙСЯ)

Трепетание не прекратилось — ускорилось. Роза отбросила в сторону панику, пытаясь собраться с силами и сосредоточиться в достаточной мере, чтобы вновь повернуть перевертыш... пусть это и стало вдруг невероятно сложным.

(мир, повернись)

Он повернулся, и Роза почувствовала, как сводящее с ума трепетание сначала стихло, а потом и вовсе прекратилось, когда девчонка отправилась восвояси — откуда бы она ни взялась.

Только это было неправильно, и все обстояло слишком серьезно, чтобы поддаваться роскоши самообмана. Ты пришла к ней и угодила прямо в ловушку. Почему? Да потому, что, несмотря на все свои знания, ты ее

недооценила.

Роза открыла глаза и опустила ноги на ковер. Одна из них задела канистру, и она отбросила ее в сторону. Сайдвиндерская футболка, которую она надела перед тем, как лечь, промокла насквозь — от нее несло потом. Свиной запах, противный до невозможности. Роза, не веря своим глазам, смотрела на свою руку. Вся в синяках, ободранная, опухшая. Ногти из пурпурных превратились в черные, и, вероятно, как минимум два из них слезут.

— Я никак не могла знать, — произнесла Роза. — Откуда мне было знать? — Она с отвращением услышала в своем голосе нытье. Это был голос ворчливой старухи. — Ниоткуда.

Ей нужно было выбраться из этого вонючего фургона. Пусть это и самый большой, самый роскошный фургон в мире — сейчас он был похож на гроб. Она проковыляла к двери, держась за углы, чтобы не упасть. Перед тем, как выйти на улицу, она посмотрела на часы на приборной панели: без десяти два. Все произошло за какие-то двадцать минут. Невероятно.

«Что она успела выяснить, прежде чем я смогла от нее избавиться? Как много она знает?»

Трудно было сказать наверняка, но даже малая толика может оказаться крайне опасной. О девке нужно позаботиться, и как можно быстрее.

Роза вышла под бледный свет луны и несколько раз вдохнула чистый воздух. Ей стало немного лучше, она потихоньку приходила в себя — но полностью забыть это трепетание не могла до сих пор. Ощущение, что в твою голову забрался кто-то — какой-то лох, представьте себе, — и роется в твоих личных вещах. Боль — это плохо, а удивление от того, что ты вот так угодил в западню, — еще хуже... но хуже всего было испытывать это унижение. Ощущать насилие над собой. Ее обокрали.

«Ты заплатишь за это, принцесса. Не на ту нарвалась».

К ней двигалась какая-то тень. Роза, сидевшая до этого на верхней ступеньке своего фургона, вскочила — напряженная, готовая ко всему. Потом тень приблизилась и оказалась Вороном. На нем были пижамные штаны и тапочки.

— Роза, тебе бы лучше... — он осекся. — Что за черт, что случилось с твоей рукой?

— Забудь о моей долбаной руке, — рявкнула она. — Что ты тут делаешь в два часа ночи? Особенно когда знаешь, что я занята?

— Дедуля Флик, — сказал Ворон. — Энни Фартук говорит, что он умирает.

Глава одиннадцатая

ТОУМИ 25

1

В это утро в «Флитвуде» от Дедули Флика пахло не сосновым освежителем воздуха и сигарами «Альказар», а дерьмом, болезнью, смертью. И народу там было полно. Присутствовала по меньшей мере дюжина членов Узла верных. Одни толпились у кровати старика, другие сидели или стояли в салоне с чашками кофе. Остальные были снаружи. Все были потрясены и обеспокоены. Узел верных не привык видеть смерть в своих рядах.

— Выметайтесь, — сказала Роза. — Ворон и Орех, вы останьтесь.

— Посмотри на него, — проговорила дрожащим голосом Петти Китаеза. — Пятна-то, а? И он все схлопывается да схлопывается, Роза! Ох, жуть какая!

— Иди, — сказала Роза. Она говорила мягко и даже ободряюще сжала плечо Петти, хотя больше всего ей хотелось дать этой толстозадой кокни пинка под зад. Ленивая сплетница, ни на что не годная, кроме как греть койку Барри, да и в этом вряд ли великая искусница. Роза подозревала, что Петти больше любит поворчать. Когда не перепугана насмерть, конечно.

— Давайте-давайте, — сказал Ворон. — Если уж ему суждено умереть, то публика при этом не нужна.

— Он оклемается, — сказал Арфист Сэм. — Наш Дедуля Флик круче вареных яиц.

Но при этом он обнял Матрешку, выглядевшую подавленной, и на секунду прижал к себе.

Они потянулись к выходу. Некоторые оглядывались, прежде чем спуститься по ступенькам вслед за остальными. Когда в фургоне осталось только трое, не считая Дедули, Роза подошла к кровати.

Дедуля Флик смотрел на нее невидящим взглядом. Ощеренные губы обнажали десны. Пряди выпавших тонких седых волос, лежавшие на подушке, придавали ему сходство с бешеной собакой. В огромных влажных глазах застыла боль. Он лежал голый, не считая семейных трусов, и все его тощее тело было покрыто красными пятнами, похожими то ли на прыщи, то ли на укусы насекомых.

Роза спросила, повернувшись к Грецкому Ореху:

— Это еще что?

— Пятна Коплика, — ответил он. — По крайней мере, похоже на то. Хотя обычно они высыпают только во рту.

— Переведи.

Орех запустил пятерню в редяющие волосы.

— Я думаю, у него корь.

Роза в изумлении раскрыла рот, потом хохотнула. Она не собирается стоять тут и слушать всякую чушь, ей нужен аспирин для руки, которую по-прежнему простреливала боль с каждым ударом сердца. Вспоминались руки мультяшных персонажей, когда по ним с размаху бьют молотком.

— Мы не боеем лоховскими болезнями!

— Ну да... не болели.

Она уставилась на него в ярости. Розе нужна была шляпа, без нее она чувствовала себя голой. Но цилиндр остался в «Эрскрузере».

Орех сказал:

— Я просто говорю тебе, что я вижу. Корь, она же рубеола.

Корь, лоховская болезнь. Просто прекрасно.

— Да это же... чушь собачья!

Он дернулся, и неудивительно: она и сама чувствовала, что вышло резко. Господи ты боже мой, корь? Самый старый из членов Узла верных умирает от детской хвори, которой и дети-то уже не болеют?

— На том мальчишке-бейсболисте из Айовы были какие-то пятна, но мне и в голову не пришло... Потому что, да, ты права — мы не заражаемся их болезнями.

— Но прошло столько лет!

— Знаю. Единственное объяснение — зараза была в его паре, и она впала в спячку. Некоторые инфекции это могут. Остаются пассивными — иногда несколько лет, а потом оживают.

— У лохов — может быть!

Она все время возвращалась к этой мысли.

Грецкий Орех только покачал головой.

— Если Дедуля ее подцепил, почему мы все не заболели? Эти детские болезни — ветрянка, корь, свинка — они же косят лоховских детишек, как лесной пожар!

Она повернулась к Папаше Ворону и тут же начала противоречить сама себе:

— Ты чем вообще думал, когда впустил сюда всю эту толпу, чтобы они тут дышали с ним одним воздухом?

Ворон только пожал плечами, не сводя глаз с дрожащего старика на кровати. Узкое красивое лицо Ворона было задумчиво.

— Все меняется, — сказал Орех. — Если пятьдесят или сто лет назад у нас был иммунитет против лоховских болезней, это не значит, что он есть и сейчас. Откуда нам знать — может, это часть естественного процесса.

— Ты хочешь сказать, что вот это естественно? — Она указала на Дедулю Флика.

— Один случай — еще не эпидемия, — возразил Орех, — и это, может быть, вообще не корь. Но если кто-то еще заболит, придется поместить его в полный карантин.

— А это поможет?

Он долго колебался.

— Не знаю. Может, мы все уже заразились. Может, это как заведенный будильник или бомба с часовым механизмом. По последним научным исследованиям получается, что так лохи стареют. Живут-живут, почти не меняясь, а потом что-то включается в их генах. Появляются морщины, раз — и им уже нужны палочки для ходьбы.

Ворон продолжал смотреть на Дедулю.

— Вот опять. Твою мать.

Кожа Дедули Флика стала молочной. Затем — прозрачной. Роза увидела его печень, скукоженные серо-черные мешки легких, пульсирующий красный узел сердца. Вены и артерии были похожи на сеть шоссе и магистралей на ее навигаторе. Она видела зрительные нервы, соединявшие глаза с мозгом, словно призрачные струны.

Потом он вернулся. Нашел взглядом Розу, встретился с ней глазами. Потянулся и взял ее за здоровую руку. Первый ее импульс был — отдернуться (если Орех не ошибся с диагнозом, Дедуля был заразен), но какая уж теперь разница. Если Орех прав, они все уже могли подхватить заразу.

— Роза, — прошептал он. — Не бросай меня.

— Не брошу.

Она села рядом с ним на кровать, переплела свои пальцы с его.

— Ворон!

— Да, Роза?

— Посылка, которую ты отправил в Стербридж, — ее же могут там еще поддержать?

— Конечно.

— Хорошо. Мы займемся ею попозже. Но слишком долго тянуть нельзя. Девочка намного опаснее, чем я думала. — Она вздохнула. — И

почему беда никогда не приходит одна?

— Это она как-то сумела повредить тебе руку?

На этот вопрос Розе не хотелось давать прямой ответ.

— Я не смогу поехать с вами, потому что она теперь меня знает. — «А еще, — подумала она, — потому, что если Грецкий Орех не ошибся, то я понадоблюсь здесь — играть роль мамы Кураж». — Но мы должны ее заполучить! Сейчас это важно как никогда.

— Потому что?..

— Потому что если она болела корью, то у нее есть к ней лоховской иммунитет. Так что ее пар может быть полезен во всех отношениях.

— Детям теперь прививки делают от всей этой херни, — сказал Ворон.

Роза кивнула:

— Это тоже может сработать.

Дедуля Флик снова начал схлопываться. Смотреть на это было тяжело, но Роза себя заставила. Когда внутренние органы старика перестали быть видны сквозь прозрачную кожу, она взглянула на Ворона и подняла свою исцарапанную и покрытую синяками руку.

— И потом... ее надо проучить.

2

Когда в понедельник Дэн проснулся в своей комнате, расписание с доски опять исчезло, уступив место сообщению от Абры. Сверху был пририсован смайлик. Он ухмылялся во все тридцать два зуба, что придавало ему залихватский вид.

«Она приходила! Я была готова и наподдала ей!

ЧЕСТНОЕ СЛОВО!

Так ей и надо, поэтому УРА!!!

Мне надо с тобой поговорить, но не так, и не по инету.

На прежнем месте в три часа дня».

Дэн снова лег, прикрыл глаза и отправился на поиски Абры. Когда он ее нашел, она шла в школу в компании трех подружек, что уже само по себе поразило его как затея опасная. Причем опасная не только для Абры, но и для ее друзей. Дэн надеялся, что Билли на посту и не дремлет. А еще он надеялся, что Билли ничем себя не выдаст и не привлечет внимания какого-нибудь ревностного параноика из «Соседского патруля».

(могу прийти мы с Джоном уезжаем только завтра но нужно действовать быстро и соблюдать осторожность)

(да окей хорошо)

Когда появилась Абра, надевшая в школу красный джемпер и красные кроссовки — вырви глаз, Дэн уже сидел на скамейке перед увитой плющом Эннистонской библиотекой. Девочка держала рюкзак за одну лямку. Дэну показалось, что с их прошлой встречи Абра подросла на целый дюйм.

Она помахала ему рукой:

— Привет, дядя Дэн!

— Привет, Абра. Как в школе?

— Клево! Получила пятерку за доклад по биологии!

— Присядь на минутку и расскажи подробнее.

Она подошла к скамейке, дыша такой грацией и энергией, что, казалась, пританцовывала на ходу. Глаза горят, на щеках румянец: здоровая девочка-подросток после уроков, у которой все в порядке на сто процентов. Весь ее вид говорил: «На старт, внимание, марш!» Это никак не должно было вызывать у Дэна беспокойства, но что-то его напрягало. Одно хорошо: в полуквартале отсюда был припаркован неприметный «Форд»-пикап, старикан за рулем прихлебывал купленный на вынос кофе и читал журнал. По крайней мере, делал вид, что читает.

(Билли?)

Тот не ответил, но на минутку оторвался от своего журнала, и этого было достаточно.

— Окей, — произнес Дэн тише, — я хочу услышать, что именно произошло.

Абра поведала ему о капкане, который она поставила, и о том, как здорово он сработал. Дэн слушал ее с изумлением, восторгом... и все возрастающим беспокойством. Его волновала ее уверенность в собственных силах. Это было так по-детски, а ведь они имели дело отнюдь не с детьми.

— Мы же договаривались только о сигнализации, — сказал он, когда Абра закончила.

— Так вышло даже лучше. Не знаю, сумела ли бы я так на нее кинуться, если бы не представила себя Дейенерис из «Игры престолов», но скорей всего да. Потому что она убила бейсбольного мальчика и многих других. А еще потому... — Ее улыбка увяла. Пока Абра рассказывала о случившемся, Дэн видел, какой она станет в восемнадцать. Теперь он

видел, какой она была в девять.

— Почему — потому?

— Потому что она не человек. Они все не люди. Когда-то, может быть, и были людьми, но сейчас — нет. — Абра расправила плечи и отбросила волосы назад. — Но я сильнее. И она это знает.

(я думал она тебя вытолкала)

В ответ Абра раздраженно нахмурилась, потерла губы, потом спохватилась, вернула руку на колено. И там перехватила ее другой. В этом жесте было что-то знакомое, хотя почему бы и нет? Она ведь так делала и раньше. Сейчас у Дэна были куда более серьезные поводы для беспокойства.

(к следующему разу подготовлюсь как следует если он будет)

Может, и правда. С другой стороны, в следующий раз подготовится и женщина в шляпе.

(я просто хочу, чтобы ты была осторожна)

— Хорошо. Буду. — Разумеется, так говорят все дети, чтобы только успокоить взрослых, но у Дэна все равно стало легче на душе. Ненамного, но все же. К тому же еще оставался Билли на своем красном облупившемся «Ф-150».

Глаза у Абры вновь засияли:

— Я столько всего узнала. Вот почему мне нужно было с тобой увидеться.

— Например?

— Не о том, где она находится, так далеко я не забиралась, но я нашла... понимаешь, она была у меня в голове, а я — у нее. Мы поменялись, понимаешь? Там кругом были ящики, как в самой большой картотеке на свете, — хотя, наверно, это были именно ящики, потому что так их представляла она. Если бы она увидела в моей голове компьютерные мониторы, я бы тоже видела мониторы.

— И во сколько ящиков ты заглянула?

— В три. Может, четыре. Они называют себя Узлом верных. Почти все они — старики, и они правда как вампиры. Ищут детей вроде меня. Или тебя в детстве, я так думаю. Только не кровь выпивают, а вдыхают то вещество, которое выходит, когда необычные дети умирают. — Абру передернуло от отвращения. — Чем страшнее пытки перед смертью, тем сильнее это вещество. Они называют его паром.

— Оно красное, да? Красное или красновато-розовое?

Дэн был в этом уверен, но Абра нахмурилась и покачала головой:

— Нет, белое. Ослепительно белое облачко. Ни капли красного. И

представляешь, они могут сохранять его впрок! То, что не съедают, они загоняют в такие штуки типа термосов. Но им постоянно не хватает. Я как-то видела передачу об акулах. Там говорилось, что акулы находятся в постоянном движении, потому что им вечно не хватает пищи. Я думаю, Узел верных точно такой же. — Она скорчила гримаску. — Ну и гады.

Белое вещество. Не красное, а белое. Это все равно должно быть то, что старая медсестра называла криком, но иного рода. Не потому ли, что его выпускали здоровые молодые люди, а не старики, умиравшие от всех известных человечеству болезней? Или потому, что они были «необычными детьми», как сказала Абра? Может, и то, и другое?

Девочка кивала:

— Наверное, и то, и другое.

— Окей. Но сейчас самое главное, что они знают о тебе. Она знает.

— Они боятся, что я могу кому-нибудь о них рассказать, но не особенно.

— Потому что ты всего лишь ребенок, а детям никто не верит.

— Правильно. — Абра сдула прядки со лба. — Момо бы поверила, но она вот-вот умрет. Она переезжает в твой хвостис, Дэн. В хоспис, то есть. Ты же поможешь ей? Если в это время будешь не в Айове?

— Сделаю все, что смогу. Абра... они за тобой придут?

— Наверно, но они придут не потому, что я знаю о них. А потому, что я такая, какая есть.

Теперь, перед лицом неминуемого, ее радость погасла. Абра снова потерла рот, но когда опустила руку, ее губы раздвинулись в злой улыбке.

«А девчонке палец в рот не клади», — подумал Дэн. Он ее понимал. У него самого был такой же взрывной характер, который уже не раз подводил его под монастырь.

— А сама она сюда не заявится. Та сука. Знает, что я теперь ее узнаю и сразу почую, как только она приблизится. Но остались и другие. Если они придут за мной, то уничтожат любого, кто встанет у них на пути.

Абра схватила его руки и сжала их. Это встревожило Дэна, но он не отнял рук. Сейчас ей нужно было дотронуться до кого-нибудь надежного.

— Надо остановить их, пока они не навредили папе или маме, или кому-нибудь из моих друзей. И чтобы они больше не убивали детей.

На миг Дэн уловил в ее мыслях четкую картинку — Абра не транслировала ее, она просто занимала все ее мысли. Это был фотоколлаж. Дети, десятки детей под заголовком «Вы меня видели?». Абра задавалась вопросом, сколько из них были похищены Узлом верных, убиты ради последнего экстрасенсорного «крика» — чудовищного угощения,

дававшего жизнь этой банде, — и зарыты в безымянных могилах.

— Ты должен достать эту бейсбольную перчатку. Если она будет у меня, я смогу найти Барри Кита. Точно смогу. А где он, там будут и остальные. Если ты не сможешь их убить, то хоть полиции о них расскажешь. Привези мне перчатку, Дэн, пожалуйста.

— Если она там, где ты говоришь, мы ее привезем. А пока, Абра, ты должна соблюдать осторожность.

— Я буду осторожна, но не думаю, что она снова пролезет мне в голову, — на лице Абры вновь появилась улыбка. Дэн увидел безжалостную воительницу, которой притворялась девочка — Дейенерис или как ее там. — А попробует — пожалеет.

Дэн решил не заострять эту тему. Они и так уже достаточно долго просидели на этой скамейке. Слишком долго, на самом деле.

— Я поставил тебе свою собственную сигнализацию. Если ты в меня заглянешь, то, думаю, поймешь, что это, но мне бы этого не хотелось. Если кто-нибудь еще из Верных полезет в твою голову на экскурсию — не обязательно женщина в шляпе, кто-то другой, — они не смогут обнаружить то, что тебе неизвестно.

— А-а. Ладно.

Дэн видел ее мысли о том, что любой другой гость тоже пожалеет о своем решении, и это пугало его еще больше.

— Только... если придется худо, зови Билли изо всех сил. Поняла?

(да как ты однажды позвал своего друга Дика)

Дэн слегка подскочил на месте. Абра улыбнулась:

— Я не нарочно подсмотрела, просто...

— Понимаю. Только скажи мне еще вот что, перед тем как уйдешь.

— Что?

— Ты действительно получила пятерку за доклад по биологии?

В понедельник без четверти восемь вечера Роза приняла по рации сообщение от Ворона.

— Тебе лучше прийти, — сказал он. — Началось.

Верные молча стояли вокруг трейлера Дедули Флика. Роза (в своем лихо заломленном цилиндре, попиравшем закон всемирного тяготения) прошла сквозь их ряды, остановившись только для того, чтобы приобнять Энди, поднялась по ступенькам, стукнула один раз и вошла. Орех стоял

вместе с Большой Мо и Энни Фартук, которым пришлось стать сиделками Дедули. Ворон сидел в изножье кровати. Когда Роза вошла, он встал. В этот вечер Ворон выглядел на свой возраст. Рот окаймляли складки, а в черных волосах проглядывали серебряные нити.

«Нам нужно вдохнуть пар, — подумала Роза. — И когда все закончится, мы так и сделаем».

Теперь Дедуля Флик схлопывался быстро: растворялся, вновь обретал плоть и опять растворялся. Но раз за разом периоды растворения становились все дольше, а плоти возвращалось все меньше. Роза видела, что Дедуля полностью осознает происходящее. Его глаза были расширены от ужаса; тело корчилось от боли, которую причиняли происходящие в нем перемены. Где-то в глубине души Розе всегда хотелось верить в бессмертие Верных. Да, раз лет в пятьдесят или сто кто-то умирал — как тупой голландец-верзила по прозвищу Ганс-Зашибу, убитый в Арканзасе поваленной ураганом линией электропередач вскоре после окончания Второй мировой, или утонувшая Кэти Заплата, или Томми Грузовик — но это были исключения. Как правило, в своей гибели несчастные должны были винить собственную безалаберность. Вот во что Роза всегда верила прежде. Теперь она поняла, что была ничуть не умнее лоховских детишек, веривших в Санта-Клауса и Пасхального Кролика.

Дедуля Флик вновь уплотнился, стена, плача и дрожа.

— Останови это, Розочка, останови. Больно...

Не успела она ответить — да и что тут было отвечать? — как он опять растворился, и растворялся до тех пор, пока от него не осталось ничего, кроме скелета и распахнутых, плавающих в пустоте глаз. И они были страшнее всего.

Роза попыталась установить контакт с его разумом и успокоить его, но контактировать было не с чем. Вместо Дедули Флика — когда ворчливого, а когда и доброго, — бушевал вихрь искореженных образов. Роза отшатнулась от него с содроганием. И вновь подумала: «Этого не может быть».

— Может, лучше прекратить его мучения, — произнесла Большая Мо. Ее ногти вонзились в руку Энни, но Энни, кажется, ничего не замечала. — Сделать ему укол или что там еще. Есть у тебя что-нибудь в сумке, а, Орех? Уж наверно, есть.

— А толку? — голос Ореха звучал хрипло. — Раньше — возможно, но сейчас все слишком ускорилось. У него не осталось вен, по которым должно течь лекарство. Если бы я уколол его в руку, через пять секунд оно на наших глазах пролилось бы на постель. Пусть лучше все идет своим

чередом. Недолго осталось.

Так и случилось. Роза насчитала четыре полных цикла. На пятом у Дедули исчезли даже кости. Глазные яблоки задержались на мгновение; они уставились сначала на Розу, потом повернулись и посмотрели на Папашу Ворона. Глаза висели над подушкой, еще хранившей вмятину от головы Дедули Флика и пятна тоника для волос «Вайлдрут Крим-Ойл», который у него, похоже, не переводился никогда. Розе припомнились слова Скряги Джи о том, что Дедуля закупал тоник на eBay. На eBay, мать его так и разэдак!

Затем, мало-помалу, растворились и глаза. Хотя, конечно, навсегда они не исчезли; Роза знала, что еще сегодня ночью увидит их во сне. Она и ее товарищи по бдению у смертного одра Дедули Флика. Если им вообще удастся заснуть.

Они ждали, отчасти надеясь, что старик явится перед ними подобно тени отца Гамлета или призраку Джейкоба Марли, но оставалась только примятая его головой подушка с пятнами от тоника для волос и сдувшиеся семейные трусы, загаженные дерьмом и мочой.

Мо судорожно разрыдалась и зарылась лицом в обширную грудь Энни Фартук. Это услышали собравшиеся снаружи, и чей-то голос (Роза так и не узнала, чей именно) завел речитатив. К нему присоединился второй, потом третий и четвертый. Вскоре под звездным небом раздавался слаженный хор, и у Розы по спине прополз холодок. Она потянулась, нашла руку Ворона и сжала ее.

В хор вступила Энни. За ней — Мо; голос ее звучал сдавленно. Орех. За ним Ворон. Роза Шляпница сделала глубокий вздох, и ее голос слился с голосами остальных.

Лодсам ханти — мы избранные.

Каханна ризоне ханти — мы счастливы.

Саббатха ханти, саббатха ханти, саббатха ханти.

Мы Узел верных, испытанный временем.

Чуть позже Ворон пришел в Розин «Эрскрузер».

— Так ты сама не собираешься ехать на восток?

— Нет. Командовать будешь ты.

— Что нам делать сейчас?

— Оплакивать Дедулю, конечно. К сожалению, мы можем выделить

ему всего два дня.

По традициям требовалось семь: ни траха, ни трёпа, ни пара. Только медитация. Потом Верные соберутся в прощальный круг, каждый по очереди выступит вперед, помянет Дедулю Джонаса Флика и отдаст какой-нибудь предмет, когда-то полученный от покойника в подарок или как-то связанный с ним. (Сама Роза уже выбрала: кольцо с кельтским узором, которое Дедуля подарил ей в те времена, когда Америка еще принадлежала индейцам, а ее знали под именем Ирландской Розы). От умерших Верных не оставалось тел, поэтому их заменяли памятные сувениры. Их заворачивали в белую ткань и хоронили.

— Так когда выезжает отряд? В среду вечером или в четверг утром?

— В среду вечером. — Розе хотелось заполучить девчонку как можно скорее. — Нигде не задерживаться. Ты точно уверен, что снотворное будет ждать на явке в Стербридже?

— Да. Насчет этого можешь быть спокойна.

«Я буду спокойна только тогда, когда своими глазами увижу эту мелкую сучку в своем трейлере — накачанную наркотой по уши, в наручниках и исходящую вкусным сочным парком».

— Кого берешь? Назови.

— Беру Ореха, Джимми Арифмометра, если ты сможешь без него обойтись...

— Смогу. Кого еще?

— Гремучку Энди. Если надо будет кого-нибудь усыпить, она этим займется. И Китаезу. Его-то уж точно. Он наш лучший локатор теперь, когда Дедуля умер. То есть, не считая тебя.

— Бери его без всяких сомнений, но для этой девки локатор не нужен, — сказала Роза. — С этим проблем не будет. И машины хватит всего одной. Возьми «Виннебаго» Стива Парохода.

— Я с ним уже договорился.

Довольная Роза кивнула.

— И еще одно. В Сайдвиндере есть лавчонка под названием «Район Икс».

Ворон приподнял бровь:

— Магазин для взрослых с надувной куклой в форме медсестры в витрине?

— Я вижу, ты там бывал, — сухо заметила Роза. — А теперь слушай, Папаша.

И Ворон стал слушать.

Дэн и Джон Далтон вылетели из Логана во вторник утром с восходом солнца. Они сделали пересадку в Мемфисе и в пятнадцать минут двенадцатого сели в Де-Мойне. Погода там стояла летняя, будто на календаре середина июля, а не поздний сентябрь.

На первом отрезке путешествия из Бостона в Мемфис Дэн притворился спящим, так что ему не пришлось обсуждать сомнения, которые, как чувствовал Дэн, сорняками прорастали в голове доктора. Где-то над северной частью штата Нью-Йорк нужда в притворстве отпала — он заснул по-настоящему, а между Мемфисом и Де-Мойном заснул Джон. Когда они были уже в Айове, двигаясь в сторону городка Фримэн на невзрачном арендованном «Форде Фокус», Дэн почувствовал, что Джон справился со своими сомнениями — во всяком случае, на какое-то время. Их сменили любопытство и тревожное волнение.

— Мальчишки ищут сокровище, — сказал Дэн. Он спал подольше, поэтому сейчас сидел за рулем. Мимо машины проплывали поля высокой желтеющей кукурузы.

Джон слегка подпрыгнул.

— А?

Дэн улыбнулся.

— Ну ты же сам об этом думал. Что мы похожи на мальчишек, ищущих сокровище.

— Умеешь же ты жути нагнать, Дэниел.

— Наверное. Хотя я уже привык.

Это было не совсем так.

— Когда ты понял, что можешь читать мысли?

— Дело не только в чтении мыслей. Сияние — невероятно причудливый дар. Если это можно назвать даром. Иногда — довольно часто — ты ощущаешь его как уродливое родимое пятно. Абра наверняка со мной согласится. Ты спросил, когда я его в себе обнаружил... Да никогда. Оно всегда было со мной. Входило в исходную комплектацию.

— И ты пил, чтобы сияние угасло.

Шоссе 150 с неторопливым бесстрашием переходил жирный сурок. Дэн объехал его, и сурок скрылся в кукурузе, по-прежнему никуда не торопясь. Здесь было здорово: небо глубиной в тысячу миль и ни одной горы вокруг. В Нью-Гэмпшире тоже было неплохо, и он привык думать о нем как о своем доме... но Дэн понимал, что на равнине всегда будет

чувствовать себя спокойнее. Безопаснее.

— Ты знаешь, что это не так, Джонни. Почему алкоголик пьет?

— Потому что он алкоголик?

— В точку. Все просто. Отбрось в сторону весь этот невнятный лепет, и перед тобой останется голая правда. Мы пьем потому, что мы — алкаши.

Джон рассмеялся.

— Кейси К. и в самом деле промыл тебе мозги, как я посмотрю.

— Кроме того, есть еще и наследственность, — сказал Дэн. — Кейси всегда обходил этот момент, но от него никуда не денешься. Вот твой отец пил?

— И он, и мамуля. Могли вдвоем делать кассу бару в своем загородном клубе. Помню, как однажды мать сбросила теннисное платье и прыгнула в бассейн к нам, детям. Мужики даже хлопали ей. Отец считал, что это обалдеть как смешно. Я — нет. Мне было тогда девять, и до самого колледжа я оставался сыном Мамаши-стриптизерши. Как насчет твоих?

— Мама могла выпить, а могла и не пить. Иногда она называла себя «Венди-два-пива». Ну а отец... один стакан вина или банка «Бада» — и он слетал с катушек. — Дэн посмотрел на одометр и увидел, что ехать им еще сорок миль. — Хочешь историю? Я никому ее не рассказывал. Хочу сразу предупредить: история странная. Если ты думаешь, что сияние ограничивается какой-то там телепатией, то сильно заблуждаешься.

Он сделал паузу.

— Есть и другие миры, кроме этого.

— Ты... э-э-э... видел другие миры?

Дэн не знал, о чем думает Джон, но тот вдруг явно занервничал. Как будто боялся, что сидящий рядом парень сейчас заложит руку за лацкан и провозгласит себя реинкарнацией Наполеона Бонапарта.

— Нет, только людей оттуда. Абра зовет их «люди-призраки». Так что, рассказывать?

— Не уверен, хочу ли я это слышать, но валяй.

Дэн не знал, поверит ли этот педиатр из Новой Англии во все, что случилось с семьей Торрансов той зимой в отеле «Оверлук», и внезапно обнаружил, что ему в высшей степени все равно. Рассказать эту историю в непримечательной машине, мчащейся под ярким солнцем Среднего Запада, — уже неплохо. Существовал лишь один человек, который поверил бы во все произошедшее, но Абра была еще слишком юна, а история слишком страшна, так что придется довольствоваться Джоном Далтоном. Но с чего начать? С Джека Торранса, решил он. С глубоко несчастного человека, который не состоялся ни как писатель, ни как учитель, ни как

муж. Три страйк-аута подряд — бейсболисты называют это «Золотым сомбреро». На счету отца Дэна было лишь одно значимое достижение: когда настал решающий момент, к которому «Оверлук» подталкивал его с самого первого дня в отеле, он отказался убить своего сына. Самой подходящей ему эпитафией было бы...

— Дэн?

— Мой отец старался, — сказал он. — Это лучшее, что я могу сказать о нем. Его страшнейшие демоны жили в бутылках. Если бы он попробовал обратиться к АА, все могло бы сложиться по-другому. Но он не обратился. Не думаю, что мать вообще знала об их существовании, а если бы и знала, навряд ли посоветовала бы ему туда пойти. Приятель отца нашел ему работу зимнего смотрителя в отеле «Оверлук», и когда мы туда приехали, он и трезвый вел себя хуже пьяного.

— Это там ты видел призраков?

— Да. Я видел, а вот он — нет, хотя, возможно, и чувствовал. Может, у него было свое сияние. Возможно, почему нет? По наследству передаются многие вещи, не только алкоголизм. Он думал, что они — духи — заинтересованы в нем, но это было не так. Они лгали. Им был нужен маленький мальчик с ярким сиянием. Так же, как Узлу верных нужна Абра.

Дэн замолчал и вспомнил, что Дик, говорящий мертвым ртом Элино́р Улэ́й, ответил на его вопрос — где они, эти пустые дьяволы? «В твоём детстве; там, откуда родом все дьяволы».

— Дэн? Ты в порядке?

— Да, — ответил он. — Так или иначе, ещё до того, как переступить порог этого проклятого отеля, я знал, что с ним что-то не так. Знал, когда мы ещё жили — почти что впроголодь — на восточном склоне, в Боулдере. Но отцу была нужна работа, чтобы закончить пьесу...

На въезде в Эдер Дэн уже всю рассказывал Джону о взорвавшемся отопительном котле и о том, как посреди снежной бури «Оверлук» сгорел дотла. В городке была всего пара перекрестков, но Дэн все же заметил «Холидэй Инн Экспресс».

— Туда мы и вселимся через пару часов, — сказал он Джону. — Мы не можем копать клад среди бела дня, а кроме того, я до смерти хочу спать. В последнее время со сном у меня туго.

— И все это правда с тобой случилось? — спросил Джон чуть ли не

шепотом.

— Правда, — ответил Дэн с улыбкой. — Сможешь в это поверить?

— Если мы найдем перчатку там, где сказала Абра, то мне придется поверить во многое. А почему ты мне рассказал?

— Потому что в глубине души ты все еще считаешь нашу поездку безумием, несмотря на все то, что знаешь об Абре. А еще потому, что ты имеешь право знать о существовании неких... сил. Я сталкивался с ними раньше, ты — нет. Ты ведь только и видел, что маленькую девочку, которая вытворяла всевозможные фокусы вроде развешивания ложек по потолку. Джон, мы ведь не мальчишки в погоне за сокровищами. Если Узел верных прознает о наших намерениях, то они нас прикнопят к мишени аккуратно рядом с Аброй Стоун. Если решишь умыть руки, то я просто тебя перекрещу и отпущу с миром.

— И двинешься дальше уже в одиночку.

Дэн улыбнулся.

— Ну... есть еще Билли.

— Билли, на минуточку, уже семьдесят три года.

— Тут есть свои плюсы. Билли любит повторять, что у старости есть одно неоспоримое преимущество: не нужно бояться смерти в расцвете лет.

— Въезжаем во Фримэн, — сказал Джон, выдавив из себя улыбку. — Мне все еще трудно поверить, что я ввязался во все это. А что если этанолового завода там уже нет? Вдруг завод снесли уже после того, как гугловские спутники его сфотографировали, а на его месте теперь растет кукуруза?

— Никуда он не делся, — ответил Дэн.

И не ошибся: впереди показалась группа серых бетонных коробок с крышами из гофрированного металла. Одна дымовая труба все еще стояла; две других упали и дохлыми змеями валялись на земле. Окна построек выбиты, а стены покрыты аляповатыми граффити, над которыми бы потешались городские профи. От основной двухполоски отделялась ухабистая служебная дорога, которая вела к заросшей дикой кукурузой стоянке. Водонапорная башня, которую видела Абра, стояла неподалеку, возвышаясь на фоне горизонта, словно марсианский боевой треножник из романа Уэллса. На боку у башни виднелась надпись «Фримэн, Айова». Ангар с провалившейся крышей тоже был тут как тут.

— Доволен? — спросил Дэн, снизив скорость до черепашьей. — Завод, водонапорная башня, ангар, знак «Вход воспрещен». Всё как она и сказала.

Джон указал на ржавые ворота в конце служебной дороги.

— А что если они заперты? Я ведь по заборам не лазил класса с седьмого.

— Когда убийцы привезли сюда мальчика, ворота не были заперты, иначе Абра бы нам сказала.

— Уверен?

Навстречу им ехал фермерский пикап. Дэн немного увеличил скорость и поднял руку в приветствии. Мужик за рулем пикапа — зеленая кепка с логотипом «Джон Дир», солнечные очки, комбинезон — махнул в ответ, едва взглянув на них. Оно и к лучшему.

— Я спросил, уверен ли ты...

— Я понял, — ответил Дэн. — Если ворота заперты, мы с ними разберемся. Как-нибудь. А теперь давай вернемся и заселимся в тот мотель. А то я уже выдохся.

9

Пока Джон расплачивался наличными за два соседних номера в «Холидэй Инн», Дэн нашел магазин скобяных товаров «Тру Валью». Он приобрел лопату, грабли, две тяпки, садовый совок, две пары перчаток и полотняную сумку, чтобы все это сложить. На самом деле ему была нужна только лопата, но Дэн решил, что массовая закупка будет безопасней.

— Что привело вас в Эдер, если не секрет? — спросил кассир, пробивая его покупки.

— Я тут проездом. Моя сестра живет в Де-Мойне, и у нее большой огород. Скорей всего большая часть этого добра у нее есть, но от подарков она всегда становится куда радушнее.

— Понимаю, дружище. Она скажет вам спасибо за эти тяпки с короткой ручкой. Самый полезный инструмент, но большинству садоводов-любителей не приходит в голову его купить. Мы принимаем «Визу», «МастерКард»...

— Пожалуй, пусть карточки передохнут, — сказал Дэн, вынимая бумажник. — Только выпишите мне чек для Дяди Сэма.

— Не вопрос. А если дадите мне адрес, свой или сестры, мы вышлем вам наш каталог.

— Знаете, наверно, не в этот раз, — и Дэн выложил на прилавок веер двадцаток.

В одиннадцать вечера Дэн услышал стук в дверь. Он открыл и впустил Джона к себе в номер. Педиатр Абри был взвинчен и очень бледен.

— Удалось поспать?

— Немного, — ответил Дэн. — А тебе?

— Местами. Но в основном нет. Нервничаю как зашуганная кошка. Если нас остановит коп, что мы ему скажем?

— Что мы слышали, будто во Фримэне есть неплохой бар, и решили поехать его поискать.

— Во Фримэне нет ничего, кроме кукурузы. Девяти миллиардов акров кукурузы.

— Но нам-то это неизвестно, — мягко ответил Дэн. — Мы ведь тут всего лишь проездом. Да и не остановит нас никакой коп, Джон. Никто нас даже не заметит. Но если хочешь остаться в мотеле...

— Я проехал через полстраны не для того, чтобы торчать в мотеле и смотреть Джея Лено. Дай я только в туалет схожу. У себя в номере уже сходил, а теперь опять захотелось. Черт, как же я волнуюсь.

Поездка до Фримэна показалась Дэну очень долгой, хотя после Эдера им не встретилось ни одной машины. Фермеры рано ложатся спать, да и ездят они по другим дорогам.

Доехав до этанолового завода, Дэн потушил фары, свернул на служебную дорогу и медленно подкатил к закрытым воротам. Мужчины вышли из машины. Когда зажглась потолочная лампа «Форда», Джон ругнулся.

— Надо было отключить эту штуковину еще на выезде из мотеля. Или разбить лампочку, если нет выключателя.

— Расслабься, — сказал Дэн. — Тут кроме нас никого нет. — Но все равно, когда они шли к воротам, сердце у него в груди гулко билось. Если Абра права, то в этом месте после жутких пыток убили и закопали мальчишку. Если уж где-то и обитают призраки, то...

Джон толкнул ворота, а когда это не помогло, потянул их на себя.

— Не идет. И что теперь? Думаю, придется перелезть. Я, конечно, могу попробовать, но, скорее всего, сверну себе...

— Подожди. — Дэн вытащил из кармана фонарик и осветил на

ворота. Сначала он заметил сломанный висячий замок, а потом — скрученную проволоку, которая и держала створки. Дэн вернулся к машине, а когда в открытом багажнике зажглась лампочка, вздрогнул уже он. Блядь. Всего не предусмотреть. Дэн вытащил сумку и закрыл багажник. Вернулась темнота.

— Вот, — сказал он Джону, протянув ему пару перчаток. — Наденька. — Дэн натянул свои, раскрутил проволоку и повесил ее на забор, чтобы потом прикрутить на место. — Всё, идем.

— Мне опять приспичило.

— Ёлки-палки. Потерпишь.

11

Дэн медленно и осторожно повел «Форд» к погрузочной платформе. Вокруг было полно ям, в том числе и глубоких, а с выключенными фарами разглядеть их было трудно. Меньше всего ему хотелось ухнуть на «Фокусе» в яму и сломать ось. Позади завода голая земля перемежалась участками рассыпающегося в прах асфальта. В пятидесяти футах виднелась еще одна изгородь из сетки, а за ней — бескрайнее море кукурузы. Площадка перед платформой была поменьше парковки, но все же очень большая.

— Дэн! А как мы узнаем, где...

— Тихо.

Дэн наклонил голову так низко, что коснулся лбом руля, и закрыл глаза.

(Абра)

Ничего. Спит, конечно. В Эннистоне уже настало раннее утро. Джон сидел рядом с ним, кусая губы.

(Абра)

Легкое шевеление. Может быть, ему просто показалось. Но Дэн надеялся, что нет.

(АБРА!)

Глаза открылись в его голове. На миг все смешалось, словно бы раздвоилось, и вот Абра уже смотрела вместе с ним. Платформа и разваливающиеся остатки дымовых труб вдруг стали видны гораздо четче, хотя их освещали только звезды.

«Зрение у нее намного лучше моего».

Дэн вышел из машины. За ним последовал Джон, но Дэн едва это

заметил. Он передал управление девочке, которая сейчас лежала в постели в тысяче с лишним миль отсюда. Дэн чувствовал себя ходячим металлоискателем. Только искал он — они — не металл.

(подойди к той бетонной штуке)

Дэн подошел к погрузочной платформе и встал к ней спиной.

(а теперь походи туда-сюда)

Пауза — она думала, как объяснить, что ей нужно.

(как в «Месте преступления»)

Он прошел футов пятьдесят влево, потом повернул направо, отходя от платформы по диагонали в разные стороны. Джон вытащил из сумки лопату и стоял у машины, наблюдая за ним.

(здесь они поставили свои фургоны)

Дэн снова двинулся влево — медленно, время от времени отбрасывая ногой с дороги кирпич или кусок бетона.

(ты совсем близко)

Дэн остановился. Он унюхал что-то неприятное. Едва уловимый запах разложения.

(Абра ты)

(да о господи Дэн)

(спокойно малышка)

(ты зашел слишком далеко развернись иди медленно)

Дэн развернулся на каблуке, как неловкий солдат, выполняющий команду «кругом». Он снова направился к платформе.

(левее немного левее помедленней)

Он послушался, делая паузу после каждого шажка. Снова этот запах, чуть сильнее. И вдруг противоестественно четкий ночной мир начал расплываться: его взгляд затуманили слезы Абры.

(он здесь бейсбольный мальчик ты стоишь прямо над ним)

Дэн глубоко вздохнул и вытер глаза. Он весь дрожал. Не от холода, а потому, что дрожала она. Сидела в постели, прижимая к себе старого зайца, и дрожала как сухой лист на мертвом дереве.

(уходи Абра)

(Дэн ты)

(да в порядке но тебе незачем это видеть)

Внезапно эта абсолютная острота зрения исчезла. Абра разорвала связь. Хорошо.

— Дэн! — тихо позвал Джон. — Все нормально?

— Да. — В голосе его все еще слышались отголоски Абриных слез. — Неси лопату.

На все про все у них ушло минут двадцать. Первые десять копал Дэн, потом передал лопату Джону, который, в сущности, и нашел Брэда Тревора. Далтон отвернулся от ямы, прикрыв рот и нос. Слова прозвучали глухо, но понять было можно:

— Вот и тело. Господи Иисусе!

— Ты раньше запаха не чувствовал, что ли?

— После двух лет на такой глубине? Хочешь сказать, ты почувствовал?

Дэн не ответил, поэтому Джон снова обернулся к яме, но на этот раз без особой охоты. Несколько минут постоял, наклонившись, как будто собираясь копать дальше, потом разогнулся и вылез наверх, когда Дэн маленьким фонариком осветил устроенные ими раскопки.

— Не могу, — признался Джон, — я думал, что смогу, но нет. Не... так. У меня руки трясутся.

Дэн протянул ему фонарик. Джон посветил в яму, направляя луч света на то, что так его потрясло: облепленную землей кроссовку. Медленно, не желая лишний раз тревожить останки «бейсбольного мальчика», как звала его Абра, Дэн окопал тело с боков. Мало-помалу из земли выступили контуры тела. Дэну это напомнило барельефы на саркофагах, которые он видел по каналу «Нэшнл Джиогрэфик».

Запах разложения многократно усилился.

Дэн отошел и сделал несколько глубоких вдохов-выдохов подряд, под конец набрав в грудь как можно больше воздуха. Затем спрыгнул в неглубокую могилу с того края, где кроссовки Брэда Тревора образовывали латинскую букву V. На коленях прополз до того места, где должна была быть талия мальчика, не глядя протянул руку за фонариком. Джон подал его и отвернулся. Послышались его рыдания.

Дэн зажал фонарик в зубах и принялся очищать тело от земли. Показалась футболка мальчика, приставшая к провалившейся груди. Потом руки. Пальцы — теперь просто косточки в желтой коже — что-то сжимали. В груди у Дэна кололо от нехватки воздуха, но пальцы Тревора он разжимал как можно бережнее. И все же один из них сломался с сухим треском.

Мальчик был похоронен с прижатой к груди бейсбольной перчаткой. В ее любовно смазанной кремом ловушке копошились личинки.

От шока Дэн резко выдохнул и снова вдохнул — воздух, наполненный

гнилью. Дэн рывком вскочил и еле успел повернуть голову вправо, чтобы его вырвало на гору выкопанной земли, а не на останки Брэдли Тревора, чья единственная вина состояла в том, что у него было нечто, нужное этому племени чудовищ. И они это забрали, упиваясь его предсмертными криками.

Они вновь закопали тело — на этот раз основную работу проделал Джон — и соорудили сверху импровизированную гробницу из обломков асфальта. Им не хотелось думать о том, как лисы или бродячие собаки объедают с костей мальчика остатки плоти.

Закончив, они вернулись в машину и долго сидели молча. Наконец Джон сказал:

— Что будем с ним делать, Дэнно? Нельзя же его так оставить. У мальчика есть родители. Бабушки-дедушки. Наверно, и братья с сестрами. И все они до сих пор ничего не знают.

— Придется ему подождать. Столько времени, чтобы никто не смог сказать: «Надо же, этот анонимный звонок поступил сразу после того, как какой-то приезжий купил лопату в эдерском скобяном магазине!» Скорей всего никто ничего такого и не скажет, но рисковать нам нельзя.

— А сколько ждать?

— Ну, месяц.

Джон обдумал это и вздохнул.

— Или даже два. Пусть родители пока надеются, что он просто убежал. Дадим им отсрочку, прежде чем разбить их сердце. — Он покачал головой. — Если бы мне пришлось взглянуть на его лицо, вряд ли я бы когда-нибудь смог заснуть.

— Человек может жить еще и не с таким на душе, — сказал Дэн. Он думал о миссис Мэсси, надежно спрятанной в его голове. Больше она никому не будет являться. Дэн завел двигатель, опустил окно со своей стороны и несколько раз стукнул перчаткой по дверце, чтобы стряхнуть землю. Затем просунул руку внутрь, туда, где столько раз в ясные, солнечные дни находились пальцы мальчика. Он закрыл глаза. Секунд через тридцать открыл их снова.

— Ну что?

— «Вы — Барри! Вы на стороне хороших!»

— И что это значит?

— Не знаю. Но это наверняка тот самый Барри Кит, о котором говорила Абра.

— И все?

— Абра сможет увидеть больше.

— Ты уверен?

Дэн вспомнил, как обострилось его зрение, когда Абра открыла свои глаза у него в голове.

— Да. Посвети, пожалуйста, фонариком внутрь перчатки. Тут что-то написано.

В свете фонаря стали видны выведенные рукой ребенка печатные буквы: «Тоуми 25».

— Что это значит? — спросил Джон. — Разве его не Тревор звали?

— Джим Тоуми, бейсболист. Его номер — двадцать пятый.

Дэн секунду смотрел внутрь перчатки, потом осторожно положил ее рядом с собой на сиденье.

— Он был его любимым игроком в Главной лиге. Мальчик назвал перчатку в честь него. Я доберусь до этих засранцев. Перед Богом клянусь, я их найду и заставлю об этом пожалеть.

14

Роза Шляпница сияла — как и все Верные, — но не так сильно, как Дэн или Билли. Прощаясь, ни Роза, ни Ворон даже не догадывались о том, что в эти минуты в Айове двое мужчин откапывают мальчика, которого Верные похитили несколько лет назад. Не догадывались они и о том, что эти двое знают о Верных уже очень много. Роза могла бы перехватить мысленную переписку Абры и Дэна, если бы находилась в глубокой медитации, но тогда девчонка сразу бы узнала о ее присутствии. А, кроме того, церемония прощания в Розином «Эрскрузере» была весьма интимного свойства.

Роза лежала, сплетя пальцы на затылке, и смотрела, как Ворон одевается.

— Ты был в том магазине? В «Районе Икс»?

— Лично не был — мне ведь надо заботиться о репутации. Послал Джимми Арифмометра. — Ворон улыбнулся и застегнул ремень. — Он мог бы управиться за пятнадцать минут, но проторчал там целых два часа. Кажется, Джимми обрел новый дом.

— Что ж, хорошо. Развлекайтесь на здоровье, мальчики. — Роза

старалась поддерживать игривый тон, но после двух дней траура по Дедуле Флику, которые завершились прощальным кругом, игривость давалась ей особенно трудно.

— С тобой там ничего не сравнится.

Роза вскинула брови.

— А ты откуда знаешь, Генри? Сам проверял?

— Мне и проверять не надо. — Он оглядел ее, голую, с веером черных волос на подушке. Даже лежа она была высокой, а Ворону всегда нравились высокие.

— В моем домашнем кинотеатре ты всегда будешь гвоздем программы.

Напыщенно, конечно — обычный вороновский треп, — но Розе все равно было приятно. Она встала с кровати и прижалась к нему, запустив руки в его волосы.

— Будь осторожен. Привези всех назад живыми и невредимыми. И привези ее.

— Так и будет.

— Тогда поторопись.

— Расслабься. Мы прибудем в Стербридж к открытию почты в пятницу утром. А в полдень уже будем в Нью-Гэмпшире. К тому времени Барри уже засечет девчонку.

— Лишь бы она его не засекла.

— Я об этом не беспокоюсь.

«Что ж, — подумала Роза. — Тогда я буду беспокоиться за двоих. Беспокоиться до тех пор, пока не увижу ее в оковах».

— Штука в том, — сказал Ворон, — что если она таки нас засечет и попытается отгородиться, Барри будет еще легче взять ее след.

— Как бы она от испуга не побежала в полицию.

Ворон сверкнул улыбкой.

— Думаешь? «Да, малышка, — скажут ей там, — мы понимаем, что за тобой охотятся плохиши. Только скажи: они из космоса или всего лишь старые добрые зомби? Нам ведь надо знать, кого искать».

— Не шути и не будь таким легкомысленным. Обстреляйте все как можно тише и возвращайтесь побыстрее. Никакого постороннего вмешательства. Никаких невинных свидетелей. Если понадобится — убейте родителей, убейте любого, кто встанет у вас на пути, но следов не оставляйте.

Ворон шутливо ей отсалютовал.

— Есть, капитан.

— Всё, убирайся, идиот. Но сначала поцелуй. Задействуй на дорожку свой умелый язычок.

И Ворон внял ее просьбе. Роза долго не выпускала его из объятий.

15

Большую часть пути обратно в мотель в Эдере Дэн с Джоном проехали молча. Лопата лежала в багажнике. Бейсбольная перчатка — на заднем сиденье, завернутая в полотенце из «Холидэй Инн». Наконец Джон сказал:

— Теперь придется рассказать все родителям Абры. Она разозлится, а Люси с Дэвидом не захотят в это поверить, но другого выхода нет.

Дэн взглянул на него с непроницаемым лицом и спросил:

— Ты что, телепат?

Джон им не был, зато Абра была, и, внезапно услышав у себя в голове ее громкий голос, Дэн порадовался, что машину ведет Джон. Если бы за рулем сидел сам Дэн, их путешествие скорее всего закончилось бы на чьем-нибудь кукурузном поле.

(НЕ-Е-Е-Е-Т!)

— Абра, — заговорил он вслух, чтобы Джон мог слышать хотя бы эту часть разговора. — Абра, послушай меня.

(НЕТ, ДЭН! ОНИ ДУМАЮТ, ЧТО СО МНОЙ ВСЕ В ПОРЯДКЕ! ДУМАЮТ, ЧТО Я ТЕПЕРЬ ПОЧТИ НОРМАЛЬНАЯ!)

— Солнышко, если тем людям понадобится убить твоих маму и папу, чтобы добраться до тебя, думаешь, они станут колебаться? Я лично уверен, что нет. Особенно после того, что мы нашли.

На это у Абры возражений не нашлось, да она и не пыталась возражать... но внезапно голова Дэна наполнилась печалью и страхом, которые испытывала девочка. В глазах вновь закипели слезы и полились по щекам.

Черт.

Черт, черт, черт.

16

Четверг, раннее утро.

«Виннебаго» Парохода Стива с Гремучкой за рулем двигался на восток по федеральной трассе № 80 в западной Небраске, ни на йоту не превышая

установленной законом скорости в шестьдесят пять миль в час. На горизонте занимался рассвет. В Эннистоне было на два часа позже. Дэйв Стоун, облаченный в купальный халат, варил кофе, когда зазвонил телефон. Звонила Люси из квартиры Кончетты на Мальборо-стрит. Судя по голосу, жена держалась из последних сил.

— Если Момо не станет хуже — а лучше ей, боюсь, уже не станет, — то ее выпишут в начале следующей недели. Я вчера говорила с двумя ее врачами.

— Почему же ты не позвонила мне, милая?

— Устала очень. И расстроилась. Думала, что если ночью отосплюсь, то буду чувствовать себя получше, да куда там. Милый, в этой квартире все говорит о ней. Не только о ее работе, о жизни...

Голос Люси сорвался. Дэвид ждал. Они были женаты больше пятнадцати лет, и он знал, что, когда Люси нервничает, иногда лучше всего помолчать.

— Я не знаю, что нам делать со всеми вещами. У меня от одного взгляда на книжные полки руки опускаются. Их только на полках и в кабинете несколько тысяч, а управляющий говорит, что в кладовке и того больше.

— Необязательно решать прямо сейчас.

— Еще он говорит, там стоит сундук, подписанный «Алессандра». Это настоящее имя моей матери, хотя, кажется, сама она всегда представлялась Сандрой или Сэнди. Я даже не знала, что у Момо были ее вещи.

— Четта писала очень откровенные стихи, но при желании могла быть весьма скрытной.

Люси, кажется, его не услышала, лишь продолжала перечислять все тем же тусклым, безрадостным голосом смертельно уставшего человека:

— Я обо всем договорилась, хотя придется перезаказывать частный реанимобиль, если ее решат выписать в воскресенье. Мне сказали, что это вполне возможно. Слава богу, у нее хорошая страховка. Знаешь, еще со времен преподавания в Тафтс. На стихах она не заработала и ломаного гроша. Да кто в этой проклятой стране заплатит сейчас хоть цент за ее стихи?

— Люси...

— У нее номер в главном здании «Дома Ривингтон» — малый люкс. Я посмотрела онлайн-тур. Правда, жить там ей придется недолго. Я подружилась со старшей медсестрой на ее этаже, и она говорит, что Момо уже подходит к концу...

— Чиа, солнышко, я люблю тебя.

И это имя — старое прозвище, данное Кончеттой, — наконец заставило Люси замолчать.

— Всем сердцем и душой, хотя они и не итальянские.

— Я знаю, и благодарна за это Богу. Было очень тяжело, но теперь уже почти всё. Я буду дома самое позднее в понедельник.

— Ждем тебя не дождемся.

— Как ты? Как Абра?

— У нас все хорошо, — и еще целых шестьдесят секунд Дэвиду будет позволено в это верить.

Он услышал, как Люси зевнула:

— Пойду, наверно, прилягу на час-другой. Кажется, теперь я смогу уснуть.

— Ложись-ложись. А мне надо будить Абс в школу.

Они попрощались, а когда Дэйв отвернулся от кухонного телефона, висящего на стене, то увидел, что Абра уже встала. Она была еще в пижаме, с растрепанными волосами, красными глазами и бледным лицом. В руках она сжимала Прыг-Скока, своего старого плюшевого кролика.

— Абба-Ду? Малышка? Тебе плохо?

«Да. Нет. Не знаю. Вот тебе точно станет плохо, когда услышишь то, что я собираюсь сказать».

— Мне нужно с тобой поговорить, папа. И я не хочу сегодня идти в школу. И завтра тоже. Вообще некоторое время посижу дома, — она заколебалась. — У меня неприятности.

Первое, о чем он подумал, услышав эту фразу, было настолько ужасно, что он тут же отбросил эту мысль, но Абра все равно успела ее перехватить.

Она слабо улыбнулась:

— Нет, я не беременна.

Он остановился на полдороге к ней и застыл посреди кухни с открытым ртом:

— Ты... ты только что...

— Да, — подтвердила Абра. — Я только что прочла твои мысли. Хотя на этот раз их смог бы прочесть любой, папа: у тебя все на лице было написано. И это называется сияние, а не телепатия. Я по-прежнему могу делать многое из того, что пугало тебя тогда, когда я была маленькой. Не все, но почти.

Дэвид очень медленно произнес:

— Я знаю, что иногда у тебя все еще бывают предчувствия. Мы с мамой это знаем.

— Все гораздо серьезнее. У меня есть друг. Его зовут Дэн. Он и доктор Джон были в Айове...

— Джон Далтон?

— Да...

— Кто такой Дэн? Мальчик, которого лечит доктор Джон?

— Нет, он взрослый. — Абра взяла отца за руку, подвела к кухонному столу, усадила и села сама, по-прежнему не выпуская Прыг-Скока из рук. — Но когда он был маленьким, то был таким же, как я.

— Абра, я совершенно ничего не понимаю.

— На свете есть плохие люди, папа. — Она знала, что не сможет объяснить, что они больше, чем люди, и хуже, чем люди, пока Дэн и Джон не появятся, чтобы помочь ей. — Они хотят мне навредить.

— Кому может быть нужно причинять тебе вред? Ты говоришь какую-то чепуху. А что до того, что ты делала в детстве, мы бы знали, если бы ты все еще...

Выдвижной ящик под висящими кастрюлями резко открылся, потом закрылся и открылся снова. Ложки Абра больше подвешивать не могла, но для того, чтобы привлечь внимание отца, хватило и ящика.

— Как только я поняла, как это вас беспокоит — как пугает — я стала скрываться. Но больше не могу. Дэн говорит, я должна признаться.

Она зарылась лицом в потертый мех Прыг-Скока и заплакала.

Глава двенадцатая

ОНИ НАЗЫВАЮТ ЭТО «ПАР»

1

Джон включил свой сотовый сразу после того, как в четверг вечером они с Дэном вышли из «рукава» в аэропорту Логана. Едва доктор успел увидеть два десятка пропущенных вызовов, как телефон зазвонил снова. Он посмотрел на экран.

— Стоун? — спросил Дэн.

— У меня куча пропущенных звонков с этого номера, так что скорее всего он.

— Не отвечай. Перезвонишь, когда будем на шоссе, и скажешь, что приедем... — Дэн глянул на часы, которые так и не перевел с восточного времени, — ...к шести. Тогда все и расскажем.

Джон неохотно убрал телефон в карман.

— Всю обратную дорогу я надеялся, что не лишусь лицензии из-за этой истории. А теперь надеюсь хотя бы на то, что копы не схватят нас, едва мы припаркуемся у дома Дэйва Стоуна.

Дэн, который по пути домой несколько раз посоветовался с Аброй, покачал головой.

— Она убедила его подождать. Впрочем, сейчас в этой семье происходит столько всего, что мистер Стоун не успевает удивляться.

В ответ на это Джон изобразил унылое подобие улыбки.

— Не он один.

2

Когда Дэн свернул на подъездную дорожку к дому Стоунов, Абра с отцом сидели на крыльце. Было полшестого — Дэн и Джон приехали даже раньше обещанного.

Абра вскочила прежде, чем Дэйв успел ее остановить, и с развевающимися за спиной волосами побежала по дорожке. Дэн увидел, что она направляется к нему, и передал завернутую в полотенце перчатку Джону. Абра бросилась в его объятия. Ее всю трясло.

(вы нашли его вы нашли его и перчатку тоже отдайте ее мне)

— Не сейчас, — ответил Дэн, отпуская ее. — Сначала мы должны обсудить это с твоим отцом.

— Обсудить что? — спросил Дэйв. Он взял Абру за запястье и отодвинул от Дэна. — Кто эти плохие люди, о которых она твердит? И, черт побери, вы-то кто такой?

Его взгляд переместился на Джона, и в нем не было ничего дружеского.

— Господи ты Боже, что тут вообще творится?

— Это Дэн, папа. Он как я. Помнишь, я говорила тебе о нем.

— Где Люси? — спросил Джон. — Она в курсе?

— Ничего я вам не скажу, пока не пойму, что происходит.

— Она еще в Бостоне, — сказала Абра. — С Момо. Папа хотел ей позвонить, но я уговорила его подождать вашего приезда.

Ее глаза по-прежнему были прикованы к завернутой в полотенце перчатке.

— Дэн Торранс, — произнес Дэйв. — Так вас зовут?

— Да.

— Вы работаете в хосписе во Фрейзере?

— Верно.

— Как давно вы встречаетесь с моей дочерью? — Кулаки Дэйва сжимались и разжимались. — Вы познакомились в интернете? Уверен, что так и есть.

Он перевел взгляд на Джона.

— Если бы ты не был педиатром Абры со дня ее рождения, я бы вызвал полицию еще шесть часов назад — когда не мог тебе дозвониться.

— Я не мог ответить, — сказал Джон. — Я был в самолете.

— Мистер Стоун, — сказал Дэн. — Я знаю вашу дочь не так давно, как Джон, но ненамного меньше. Первый раз, когда я с ней столкнулся, она была совсем малюткой. И именно она первой вышла со мной на связь.

Дэйв покачал головой. Он явно был зол, растерян и заранее не доверял ни единому слову Дэна, что бы тот ни сказал.

— Пройдем в дом, — предложил Джон. — Думаю, мы сможем все объяснить — почти все, — и тогда ты будешь безмерно рад и нашей поездке в Айову, и тому, что мы вообще здесь.

— Чертовски надеюсь на это, Джон, хотя и сомневаюсь.

Они вошли внутрь. Дэйв, держащий Абру за плечи (в этот миг они больше напоминали не отца с дочерью, а узника с надзирателем), Джон Далтон и последним — Дэн. Он оглядел улицу и нашел взглядом ржавый

красный пикап, припаркованный через дорогу. Билли показал ему большой палец... а затем скрестил пальцы на удачу. Дэн ответил ему тем же и последовал за остальными.

Пока в доме на Ричланд-корт Дэйв усаживался в гостиной со своей загадочной дочерью и еще более загадочными гостями, «Виннебаго» с группой захвата находился к юго-востоку от Толедо. За рулем сидел Грецкий Орех. Энди Штайнер и Барри спали (Энди — как убитая, Барри же все время крутился и что-то бормотал). В салоне фургона сидел Ворон и листал «Нью-Йоркер». По-настоящему Ворону нравились лишь карикатуры и малюсенькие объявления с экзотикой вроде вьетнамских шляп, поддельных кубинских сигар и свитеров из ячьей шерсти.

Рядом с ним плюхнулся Джимми Арифмометр со своим ноутбуком.

— Я тут прочесывал инет. Пришлось взломать парочку сайтов, но... показать тебе кое-что?

— А как ты умудряешься выходить в сеть на федеральной трассе?

Джимми одарил его снисходительной улыбкой.

— Стандарт 4G, детка. Прогресс не стоит на месте.

— Как скажешь. — Ворон отложил журнал. — Что там у тебя?

— Фотографии учеников средней школы Эннистона. — Джимми поколдовал над тачпадом, и на экране появился снимок. Не зернистый газетный, а отличный школьный фотопортрет девочки в красном платье с рукавами-фонариками. Ее каштановые волосы были заплетены в косички, а на лице светилась широкая и уверенная улыбка.

— Джулианна Кросс, — объявил Джимми. Он еще пару раз коснулся тачпада и вывел на экран снимок рыжей девчонки с проказливой усмешкой. — Эмма Дин. — Еще одно касание — и Эмму сменила еще более симпатичная мордашка. Глаза голубые, светлые волосы обрамляют лицо и падают на плечи. Выражение лица серьезное, но ямочки на щеках намекают на улыбку. — А это Абра Стоун.

— Абра?

— Ага. Их сейчас как только не называют. Помнишь те времена, когда лохов вполне устраивали «Джейн» и «Мэйбл»? Я где-то читал, что Слай Сталлоне назвал своего сына Сейджем Мунбладом. Охренеть можно, да?

— Думаешь, одна их этих трех — Розина?

— Если Роза правильно угадала ее возраст, то иначе, мне кажется, и

быть не может. Я бы поставил на Дин или Стоун: они обе живут на той улице, где произошло землетрясение. Но исключать Кросс тоже нельзя: она живет прямо за углом.

Круговым касанием Джимми вывел на экран все три фотографии. Под каждой курсивом было написано: «Мои школьные воспоминания».

Ворон изучил снимки.

— А не насторожит ли кого-нибудь то, что ты вытаскивал из фейсбука фотографии малолеток? Сам знаешь, в Лохляндии от подобного поведения могут забить тревогу.

Джимми оскорбился.

— Да какой в жопу фейсбук! Я эти фотки выкачал прямо из компьютера эннистонской средней школы. — Джимми издал неприятный сосущий звук. — И чтоб ты знал, ни один спец из АНБ выследить меня не сможет. Ну, кто крут?

— Ты, — ответил Ворон. — Наверное.

— Как думаешь, которая из этих трех?

— Я бы выбрал... — Ворон стукнул по снимку Абры. — Есть у нее в глазах что-то эдакое... Парное.

После секундной заминки Джимми хохотнул, решив, что Ворон отмочил какую-то пошлую шуточку.

— И это поможет?

— Да. Сможешь распечатать снимки и раздать остальным? В первую очередь Барри. Он у нас главная ищейка в этой операции.

— Сделаю. У меня с собой «Фуджицу-СканСнэп». Классная портативная машинка. Раньше у меня был «S1100», но я его заменил, когда прочитал в «Мире компьютеров», что...

— Просто распечатай и раздай, хорошо?

— Не вопрос.

Ворон снова взялся за журнал и пролистал его до последней страницы с карикатурами, где надо было вписывать реплики или заголовки. На этой неделе нарисовали какую-то бабульку, которая с медведем на цепи входила в бар. Рот у нее был открыт, поэтому вписать нужно было ее слова. Ворон тщательно все обдумал и написал: «Ну что, уроды, кто из вас назвал меня старой пиздой?»

На первое место вряд ли потянет.

«Виннебаго» мчался вперед навстречу сумеркам. Сидящий за рулем Орех включил фары. На одной из коек Барри Китаеза повернулся во сне и почесал запястье. На нем появилось красное пятнышко.

Трое мужчин сидели молча, пока Абра ходила за чем-то в свою комнату. Дэйв подумал было предложить кофе — вид у гостей был усталый, и оба явно давно не брились, — но решил, что они не получат от него даже сухого крекера, пока не объяснят, что происходит. Они с Люси обсудили, что будут делать, когда не в таком уж далеком будущем Абра явится домой и скажет, что мальчик пригласил ее на свидание, но это были мужчины — мужчины! — и похоже, тот, с которым он не был знаком, уже давно встречается с Аброй. По крайней мере, в каком-то смысле. И в этом-то и был весь вопрос: в каком?

Прежде чем хоть один из них решился начать разговор, который обещал быть как минимум неловким, а как максимум — враждебным, послышался приглушенный топот кроссовок Абры по лестнице. Она вошла в комнату с номером «Эннистонского потребителя» в руках.

— Посмотрите на последнюю страницу.

Дэйв перевернул газету и сморщился:

— Что это за коричневая пакость?

— Засохшая кофейная гуща. Я выбросила газету в мусорное ведро, но не могла про нее забыть. Ну и вытащила обратно. Не могла забыть о нем. — Она указала на фото Брэдли Тревоора в нижнем ряду. — И о его родителях. И о братьях и сестрах, если они у него были.

Ее глаза наполнились слезами.

— У него были веснушки, папа. Он их терпеть не мог, но мама ему говорила, что веснушки приносят удачу.

— Ты не можешь этого знать, — сказал Дэйв без всякого убеждения в голосе.

— Она знает, — возразил Джон, — и ты тоже. Будь на нашей стороне, Дэйв. Пожалуйста. Это важно.

— Я хочу знать, что происходит между вами и моей дочерью. — Теперь Дэйв обращался к Дэну. — Рассказывайте.

Дэн снова повторил всю историю. Имя Абры, нацарапанное им в записной книжке на собрании АА. Ясное ощущение ее присутствия в ночь, когда умер Чарли Хэйес.

— Я спросил ее: «Ты — та девочка, которая пишет на моей доске?» Она не ответила словами, но я услышал, как заиграло пианино. Какую-то старую песню «Битлз».

Дэйв взглянул на Джона.

— Это ты ему рассказал!

Джон покачал головой.

Дэн продолжил:

— Два года назад на доске появилось послание от Абры: «Они убивают бейсбольного мальчика». Я не знал, что это значит, и не уверен, что сама Абра знала. На том бы все и кончилось, но потом она увидела вот это.

Он указал на «Эннистонский потребитель» с фотографиями величиной с почтовую марку.

Остальное рассказала Абра.

Когда она закончила, Дэйв сказал:

— И вы полетели в Айову, поверив рассказу тринадцатилетней девочки.

— Не простой тринадцатилетней девочки, — уточнил Джон. — С весьма необычными талантами.

— Мы думали, все это осталось в прошлом. — Дэйв с упреком взглянул на Абру. — За исключением мелких проявлений предвидения. Думали, она это переросла.

— Прости, папа, — почти прошептала Абра.

— А может, ей не за что извиняться? — Дэн старался не выдать свое возмущение. — Она скрывала свои способности, потому что знала, что вы с женой хотите, чтобы они исчезли. Она скрывала их, потому что любит вас и старается быть хорошей дочерью.

— Я так понимаю, это она вам сказала?

— Мы даже не говорили на эту тему, — ответил Дэн. — Но у меня тоже была мать, которую я очень любил и потому поступал так же.

Абра взглянула на него с неприкрытой благодарностью. Отведя взгляд, она послала ему мысль. Мысль, которую стеснялась произнести вслух.

— И потом, она не хотела, чтобы ее друзья узнали. Думала, что тогда они ее разлюбят. Что будут ее побаиваться. И она наверняка права.

— Давайте не отвлекаться от главного, — сказал Джон. — Да, мы слетали в Айову. Мы нашли спиртовой завод в городке Фримэн, как и сказала Абра. Мы нашли тело мальчика. И его перчатку. Внутри он написал имя своего любимого бейсболиста, но его собственное имя — Брэд Тревор — есть на ремешке.

— Его убили. Это вы хотите сказать? Банда сумасшедших бродяг.

— Они ездят в домах-фургонах, — рассеянно пробормотала Абра. Говоря, она смотрела на завернутую в полотенце перчатку. Она и боялась ее, и хотела взять в руки. Эти противоречивые чувства дошли до Дэна с

такой силой, что у него внутри все сжалось. — У них странные имена, как клички у пиратов.

Дэйв спросил почти жалобно:

— Ты уверена, что мальчика убили?

— Женщина в шляпе слизывала с рук его кровь, — сказала Абра. До этого она сидела на ступеньках, но теперь подошла к отцу и спрятала лицо у него на груди. — Когда ей нужно, у нее вырастает специальный зуб. У других тоже.

— Этот мальчик правда был такой, как ты?

— Да. — Голос Абры звучал приглушенно, но понять ее было можно. — Он видел рукой.

— В смысле?

— Например, он отбивал некоторые подачи, потому что его рука видела, куда летит мяч. И когда его мама что-то теряла, он подносил ладонь к глазам и смотрел через нее, чтобы найти эту вещь. Про это я точно не знаю, но я сама иногда так делаю.

— И из-за этого его убили?

— Уверен, что да, — сказал Дэн.

— Ради чего? Чтобы получить какой-то сверхъестественный витамин?

Вы сами-то слышите, как глупо это звучит?

Никто не ответил.

— И они в курсе, что Абра про них знает?

— В курсе.

Она подняла голову. Щеки ее были красными и мокрыми от слез.

— Они не знают, как меня зовут и где я живу, но знают, что я есть.

— Тогда надо пойти в полицию, — сказал Дэйв. — Или лучше...

Наверно, для такого случая лучше ФБР. Наверно, они не сразу нам поверят, но если тело действительно там...

Дэн отозвался:

— Я не буду расписывать, какая это плохая идея, пока мы не увидим, что Абра сможет сделать с перчаткой, но вам нужно хорошо обдумать последствия. Для меня, для Джона, для вас с женой и прежде всего — для Абры.

— Не думаю, что вам с Джоном грозят какие-либо...

Джон нетерпеливо заерзал.

— Брось, Дэвид. Кто нашел труп? Кто его выкопал и потом похоронил снова, забрав улику, которую криминалисты, без сомнений, сочли бы крайне важной? Кто увез эту улику за полстраны, чтобы восьмиклассница воспользовалась ей как доской для спиритических сеансов?

Дэн поддержал его, хотя и не собирался. Они наседали на Дэйва, и в других обстоятельствах Дэну было бы стыдно за это, но не сейчас.

— В вашей семье и так кризис, мистер Стоун. Бабушка вашей жены умирает, ваша жена страдает и измучена. Эта история взорвется в прессе и в интернете, как бомба. Бродячий клан убийц против девочки, якобы экстрасенса. Ее будут приглашать на телевидение, вы откажетесь, и это их только раззадорит. Ваша улица превратится в студию под открытым небом, Нэнси Грейс, ^[12] наверное, въедет в соседний дом, и через неделю-другую вся журналистская клика будет хором орать «фальшивка!» во всю мощь своих легких. Помните папу мальчика на воздушном шаре? ^[13] Это будете вы. А тем временем эти люди будут оставаться на свободе.

— Но кто защитит мою дочь, когда они за ней явятся? Вы двое? Врач и санитар из хосписа? Или кто вы там — уборщик?

«Это ты еще не знаешь про семидесятитрехлетнего зрителя, который несет вахту на твоей улице», — подумал Дэн и не сдержал улыбки.

— И то, и другое. Послушайте, мистер Стоун...

— Раз уж вы с моей дочерью такие закадычные друзья, можно просто Дэйв.

— Хорошо, Дэйв. Ваши дальнейшие действия будут зависеть от того, готовы ли вы рискнуть и поставить на то, что полиция ей поверит. Особенно когда она им скажет, что Люди в «Виннебаго» — вампиры, высасывающие из детей жизнь.

— Господи, — сказал Дэйв. — Я не могу рассказать это Люси. У нее слетит предохранитель. Все предохранители.

— По-моему, это и есть ответ на вопрос, стоит ли звонить в полицию, — заметил Джон.

На мгновение все умолкли. Где-то в доме тикали часы. На улице залаяла собака.

— Землетрясение, — внезапно сказал Дэйв. — Мини-землетрясение. Твоя работа, Эбби?

— Скорей всего, — прошептала она.

Дэйв обнял ее, потом встал и снял полотенце с бейсбольной перчатки. Он подержал ее в руках, рассмотрел.

— Его похоронили вместе с ней, — сказал он. — Похитили, истязали, убили и потом похоронили с бейсбольной перчаткой.

— Да, — подтвердил Дэн.

Дэйв повернулся к дочери.

— Ты в самом деле хочешь к ней прикоснуться?

Протянув руки, она ответила:
— Нет. Но все равно дай ее мне.

Поколебавшись, Дэвид Стоун протянул перчатку дочери. Абра взяла ее и заглянула в кармашек.

— Джим Тоуми, — сказала она, и хотя Дэн готов был поспорить на все свои сбережения (а после двенадцати лет трезвости и постоянной работы они у него были), что имя это Абра видит впервые, произнесла она его правильно: Тоуми, а не Тоум. — Он входит в Клуб Шестисотников.

— Правильно, — сказал Дэйв. — Он...

— Тихо, — прервал его Дэн.

Они все смотрели на девочку. Абра поднесла перчатку к лицу и обнюхала кармашек (Дэн вспомнил, как из него сыпались личинки, и едва не содрогнулся). Наконец Абра проговорила:

— Не Барри Кит. Барри Китаеза. Но он не китаец. Они так его называют за немного раскосые глаза. Он их... их... не знаю... подождите...

Абра прижала перчатку к груди, словно ребенка. Задышала быстрее. Открыв рот, она застонала. Дэйв в тревоге положил руку ей на плечо. Абра ее страхнула.

— Нет, папочка, нет! — Она закрыла глаза и обняла перчатку. Все застыли в ожидании.

Наконец Абра открыла глаза и проговорила:

— Они идут за мной.

Дэн поднялся, встал на колени и накрыл своей рукой руки девочки.

(сколько их несколько или все сразу)

— Несколько. С ними Барри. Поэтому я их и вижу. Кроме него есть еще трое. Может, четверо. Например, женщина с татуировкой змеи. Они зовут нас лохами. Для них мы лохи.

(а женщина в шляпе)

(нет)

— Когда они сюда доберутся? — спросил Джон. — Ты знаешь?

— Завтра. Но сначала они сделают остановку и возьмут... — Абра запнулась. Ее невидящий взгляд блуждал по комнате. Одну руку девочка вытащила из-под руки Дэна и принялась тереть губы. Другой сжала перчатку. — Им нужно... не знаю... — Из уголков глаз потекли слезы, но не от печали, а от напряжения. — Какое-то лекарство? Или... подождите,

подождите, Дэн, отпусти меня, мне надо... ты должен меня отп...

Дэн убрал руки. Послышался громкий щелчок и голубая вспышка статического электричества. Пианино заиграло какофонию нот. На столике у двери в коридор задребезжали фарфоровые фигурки. Абра натянула перчатку на руку. Глаза ее широко распахнулись.

— Один из них ворон! А еще им повезло, что с ними доктор, потому что Барри болен! Болен!

Она окинула мужчин диким взглядом и расхохоталась. От этого хохота волосы на затылке у Дэна встали дыбом. Он подумал, что так хохочут умалишенные, когда им вовремя не дают лекарство. Он еле удержался, чтобы не сдернуть перчатку с руки девочки.

— У него корь! Он ее подхватил от Дедули Флика, и у него скоро начнутся циклы! Во всем виноват тот херов мальчишка! Наверное, ему не сделали прививку! Надо сказать Розе! Надо...

Дэну хватило. Он сдернул перчатку с руки Абры и бросил через всю комнату. Пианино смолкло. Фигурки в последний раз звякнули и остановились. Одна из них едва не упала со стола. Дэйв уставился на дочку, разинув рот. Джон встал на ноги, но, казалось, не мог сделать и шагу.

Дэн взял Абру за плечи и хорошенько встряхнул.

— Абра, выныривай.

Она смотрела на него огромными блуждающими глазами.

(Абра возвращайся все хорошо)

Ее поднявшиеся чуть ли не до ушей плечи постепенно расслабились. Дэн понял, что она наконец его увидела. Абра с силой выдохнула и откинулась на руку отца. Воротник ее футболки потемнел от пота.

— Эбби? — спросил Дэйв. — Абба-Ду? Ты в порядке?

— Да, но не называй меня так. — Она глубоко вздохнула. — Господи, как же меня перетрясло. — Она посмотрела на отца. — Пап, это не я сказала слово на букву «х», а один из них. Кажется, ворон. Он у них там за главного.

Дэн присел на диван рядом с Аброй.

— Ты точно в порядке?

— Да. Теперь да. Но к перчатке я больше притрагиваться не хочу. Они не такие, как мы. Они похожи на людей, и, я думаю, когда-то они и были людьми, но теперь в голове у них змеиные мысли.

— Ты сказала, что у Барри корь. Помнишь?

— У Барри, да. Которого они зовут Китаезой. Я все помню. Как же пить хочется.

— Сейчас воды принесу, — сказал Джон.

— Нет, что-нибудь сладкое. Пожалуйста.

— В холодильнике есть кола, — сказал Дэйв. Он погладил Аbru по голове, по щеке, по затылку. Дэйв словно пытался убедить себя, что она по-прежнему здесь, с ними.

Они подождали, пока Джон принесет банку колы. Абра схватила банку, сделала жадный глоток, рыгнула.

— Простите, — сказала она и хихикнула.

Никогда в жизни Дэн так не радовался обычному смешку.

— Джон... Взрослые переносят корь труднее, чем дети, так?

— Еще бы. У взрослых она может привести к воспалению легких или даже к повреждению роговицы и слепоте.

— А к смерти?

— Да, но очень редко.

— У них все по-другому, — сказала Абра, — потому что, мне кажется, они почти не болеют. Но только вот Барри заболел. Они собираются сделать остановку и забрать посылку. Наверное, с каким-то лекарством для Барри. Которое шприцом вкалывают.

— А что это за циклы, о которых ты говорила? — спросил Дэйв.

— Не знаю.

— Может быть, болезнь Барри их остановит? — спросил Джон. — Может, они развернутся и уедут обратно в свое логово?

— Не думаю. Они все уже могли заразиться от Барри, и они это знают. Терять им нечего, но зато есть за что бороться. Так говорит Ворон.

Абра выпила еще колы, держа банку обеими руками. Окинув мужчин взглядом, она остановилась на отце.

— Они знают, на какой улице я живу. И, может быть, им все-таки известно, как меня зовут. Может, у них даже есть моя фотография, но я не уверена. У Барри в голове полный бардак. Но они думают... думают, что если я не могу заразиться корью...

— ... то экстракт из тебя, возможно, их вылечит, — сказал Дэн. — Или хотя бы обезопасит остальных.

— Они не называют это экстрактом, — сказала Абра. — Они называют это «пар».

Дэйв хлопнул в ладоши.

— Всё. Я звоню в полицию. Пусть их арестуют.

— Нельзя, — проговорила Абра тусклым голосом подавленной пятидесятилетней женщины. «Делай, что хочешь, — говорил этот голос, — но я тебя предупредила».

Дэйв вытащил из кармана мобильник, но со звонком подождал.

— Почему нет?

— Потому что они придумают отличный предлог для путешествия по Нью-Гэмпширу, а все бумажки у них в полном порядке. А еще они богатые. По-настоящему богатые, как, например, банки, или нефтяные компании, или «Уолмарт». Может, они и уедут на время, но обязательно вернутся. Они всегда возвращаются за тем, что им нужно. Они убивают всех, кто встает у них на пути или может на них наступать, а если им надо откупиться от проблем, то они так и делают. — Абра поставила колу на журнальный столик и обняла отца. — Пожалуйста, папочка, не говори никому. Я лучше пойду с ними, чем позволю им навредить тебе или маме.

— Но пока что за тобой едут всего лишь четверо или пятеро из них, — сказал Дэн.

— Да.

— А где остальные? Ты узнала?

— На лагерной стоянке под названием «Блюберд». Или «Блюбелл». Она им принадлежит. Рядом есть городок, в котором тот супермаркет. «Сэмс». Имя городка — Сайдвиндер. Роза сейчас там, и остальные Верные тоже. Так они себя наз... Дэн? Что с тобой?

Дэн не ответил. На мгновение он просто потерял дар речи. Он вспомнил голос Дика Хэллоранна изо рта покойной Элинор Улэй. Он тогда спросил у Дика, где находятся пустые дьяволы, и теперь его ответ наконец обрел смысл.

«В твоём детстве».

— Дэн? — донесся до него откуда-то издалека голос Джона. — Ты белый как полотно.

Да, все обрело некий жуткий смысл. С самого начала — еще до того, как увидел его воочию — Дэн знал, что отель «Оверлук» — плохое место. Отель давно уже сгорел дотла, но кто мог поручиться, что таившееся в нем зло тоже выгорело? Уж точно не Дэн. В детстве его посещали сбежавшие из отеля призраки.

«Эта их стоянка наверняка находится на месте погибшего отеля. И рано или поздно мне придется туда вернуться. В этом я тоже уверен. Скорее рано, чем поздно. Но сначала...»

— Я в порядке, — успокоил он всех.

— Колы хочешь? — спросила Абра. — Сахар много от чего помогает.

— Потом. У меня есть идея. Пока это всего лишь набросок, но вчетвером мы сможем превратить его в настоящий план.

Гремучка Энди припарковалась в зоне отдыха на трассе близ Вестфилда в штате Нью-Йорк. Орех пошел купить сока для Барри, у которого поднялась температура и разболелось горло. Пока ждали его возвращения, Ворон позвонил Розе. Она ответила после первого же гудка. Ворон коротко доложил ей о положении дел, потом смолк в ожидании.

— Что это у тебя там за шум? — поинтересовалась она.

Ворон вздохнул и свободной рукой потер заросшую щеку:

— Это Джимми Арифмометр. Плачет.

— Вели ему заткнуться. Передай, мужики не плачут.

Ворон велел, оставив при себе сомнительную шутку Розы. Джимми, отиравший Барри лицо влажной тряпочкой, сумел подавить громкие и (вынужден был признать Ворон) действующие на нервы рыдания.

— Так-то лучше, — заметила Роза.

— Какие будут приказания?

— Погоди секунду, дай сообразить.

То, что Розе было трудно что-то сообразить, пугало Ворона не меньше, чем красные пятнышки, обсыпавшие Барри с ног до головы. Однако Папаша послушно ждал с айфоном у уха. Он обливался потом. Это температура, или просто в трейлере жарко? Он внимательно изучил свои руки на предмет красных язвочек и не нашел ни одной. Пока.

— В график укладываетесь? — спросила Роза.

— Пока да. Даже чуть-чуть опережаем.

В дверь два раза постучали, быстро и коротко. Энди выглянула наружу и открыла.

— Ворон? Ты еще тут?

— Да. Орех вернулся с соком для Барри. У него горло сильно болит.

— Попей-ка, — предложил Орех Барри, отвинчивая пробку. — Яблочный. Холодненький, прямо из холодильника. Самое то для твоей глотки.

Барри приподнялся на локтях и сделал несколько больших глотков, когда Орех поднес к его губам стеклянную бутылочку. Смотреть на это Ворону было тяжело. Так пьют из бутылочек с молоком новорожденные ягнята, всем своим видом демонстрируя беспомощность.

— Он может говорить, Ворон? Если да, передай ему трубку.

Ворон отодвинул Джимми локтем и присел рядом с Барри:

— Роза. Хочет с тобой поговорить.

Он попытался было поднести телефон к уху Барри, но Китаеза его вырвал. То ли ему придал сил сок, то ли аспирин, который Орех заставил его проглотить.

— Роза, — прохрипел он, — прости, что так вышло, дорогая. — Он слушал ее, кивая. — Знаю. Понял. Я...

Он слушал дальше.

— Нет, пока нет, но... да. Я могу. Сделаю. Я тебя тоже люблю. Передаю.

Он протянул телефон Ворону, потом рухнул на гору подушек, истратив последние силы.

— Слушаю, — сказал Ворон.

— У него уже начались циклы?

Ворон бросил взгляд на Барри:

— Нет.

— Спасибо, господа, за малые милости. Он говорит, что все еще может засечь девчонку. Надеюсь, он прав. Если не сможет, вам придется искать ее самим. Нам не обойтись без этой девки.

Ворон знал, что у Розы имелись свои виды на этого ребенка — может, Джулианну, может, Эмму или, вероятнее всего, Абру, — и для него этого было достаточно, но сейчас на кону стояло нечто большее. Может быть, само выживание Верных. Когда они тихо совещались в дальнем конце «Виннебаго», Орех сказал, что девчонка вряд ли болела корью, но все же ее пар может их защитить, потому что в детстве ей должны были делать прививки. Это не точно, но все же гораздо лучше, чем ничего.

— Ворон? Не молчи, милый.

— Мы найдем ее. — Он покосился на компьютерного гения Верных. — Джимми сузил круг до трех кандидаток, живущих приблизительно в одном районе. У нас есть их фотографии.

— Превосходно. — Она замолчала, а когда снова заговорила, голос ее звучал ниже, теплее и, кажется, чуть дрожал. Ворон не хотел верить в то, что Роза боится, но, похоже, так оно и было. Боится не за себя, но за Узел верных, который обязана защитить. — Ты знаешь, что я никогда бы не отправила бы вас с больным Барри, если бы не считала, что это жизненно необходимо.

— Да.

— Найдите ее, вырубите и привезите сюда. Хорошо?

— Хорошо.

— Если заболеют остальные, если сочтешь нужным доставить ее самолетом...

— То мы так и сделаем.

Но Ворон содрогнулся от подобной перспективы. Если кто-то из них и сядет в самолет здоровым, сойдут они с него точно уже больными: потеря равновесия, ухудшение слуха больше чем на месяц, паралич, рвота. И конечно, путешествия по воздуху оставляют бумажный след. Не слишком хорошо для пассажиров, сопровождающих похищенную девочку, накачанную наркотиками. И тем не менее, жить захочешь — не так раскорячишься.

— Вам пора в дорогу, — сказала Роза. — Позаботься о Барри, здоровяк. И об остальных.

— А у вас там все в порядке?

— А то, — ответила Роза и повесила трубку прежде, чем он смог о чем-либо ее спросить. Ну и хорошо. Иногда не нужно никакой телепатии, чтобы понять, что тебе врут. Это знают даже лохи.

Ворон швырнул телефон на стол и коротко хлопнул в ладоши:

— Так, заправляемся и вперед. Следующая остановка — Стербридж, Массачусетс. Орех, не отходи от Барри. Первые шесть часов веду я, потом ты, Джимми.

— Я хочу домой, — заныл Джимми Арифмометр. Он собирался сказать что-то еще, но прежде чем успел открыть рот, горячая рука схватила его за запястье.

— У нас нет пути назад, — сказал Барри. Его глаза блестели от высокой температуры, но в них не было ни тени безумия. В тот момент Ворон ужасно им гордился. — Нет, и все, ботан, так что возьми себя в руки. Дело Верных — прежде всего. Всегда.

Ворон сел за руль и повернул ключ в замке зажигания.

— Джимми, — позвал он, — поди сюда на минуту. На пару слов.

Джимми Арифмометр сел в пассажирское кресло.

— Эти три девочки, сколько им лет? Тебе известен их возраст?

— И возраст, и куча всего остального. Я взломал их личные дела, когда скачивал фотки. Чтоб два раза не вставать. Дин и Кросс по четырнадцать. Стоун — на год младше. Она перескочила через класс в начальной школе.

— По-моему, это может указывать на пар, — заметил Ворон.

— Угу.

— И они все из одного района.

— Верно.

— По-моему, это может указывать на дружбу между ними.

Глаза у Джимми все еще были опухшими от слез, но он рассмеялся:

— Ага. Ох уж эти девчонки. Наверняка все три пользуются одной и

той же помадой и тащатся от одной и той же группы. А к чему ты это все ведешь?

— Ни к чему, — ответил Ворон. — Просто информация. Кто владеет информацией, тот правит миром, или как там говорят.

Через пару минут «Виннебаго» Парохода Стива снова выползал на федеральную трассу № 90. Когда стрелка спидометра замерла на шестидесяти пяти, Ворон включил круиз-контроль и расслабился.

7

Дэн вкратце изложил свой план и теперь ждал ответа Дэйва Стоуна. Долгое время тот лишь сидел рядом с Аброй, уставившись в пол и сжав коленями руки.

— Пап? — окликнула его Абра. — Пожалуйста, не молчи.

Дэйв поднял голову и спросил:

— Кто хочет пива?

Дэн с Джоном обменялись смущенными взглядами и отказались.

— А я выпью. Я бы сейчас скорее хлопнул двойного виски, но давайте, джентльмены, сойдемся на том, что сегодня хлестать «Джек Дэниэлс» — не лучший вариант.

— Я принесу, пап.

Абра убежала на кухню. Послышался щелчок язычка и пенное шипение. У Дэна эти звуки пробудили множество воспоминаний, многие из которых были предательски счастливыми. Абра вернулась с банкой «Курс» и пивным бокалом.

— Можно я налью?

— Валяй.

Затаив дыхание, Дэн с Джоном наблюдали, как Абра наклонила бокал и пустила пиво по стенке, чтобы не пенилось, действуя с небрежной сноровкой хорошего бармена. Она протянула бокал отцу, а банку поставила рядом на подставку. Сделав большой глоток, Дэйв глубоко вздохнул и закрыл глаза. Снова открыл.

— Хорош-шо.

«Ну еще бы», подумал Дэн и увидел, что Абра на него смотрит. Ее обычно такое открытое лицо стало непроницаемым, и Дэн не мог прочесть скрытые за ним мысли.

— Ваше предложение безумно, — сказал Дэйв, — но в нем есть свои плюсы. Главный из них в том, что у меня будет возможность увидеть

этих... тварей... своими глазами. Без этого никак, потому что, несмотря на все услышанное, я все еще не могу в них поверить. Даже после перчатки и тела, которое вы якобы нашли.

Абра открыла рот, но отец взмахом руки ее остановил.

— Нет, я верю, что в это верите вы, — продолжил он. — Вы трое. И я верю, что шайка каких-то безумных личностей возможно — только возможно! — охотится за моей дочерью. Я бы с радостью пошел вам навстречу, мистер Торранс, если бы ваш план не требовал присутствия Абры. Я не дам использовать моего ребенка в качестве наживки.

— И не надо, — сказал Дэн, вспомнив, как у погрузочной платформы за этаноловым заводом Абра превратила его в эдакую двуногую ищейку и как обострилось его зрение, когда Абра открыла свои глаза в его голове. Он даже плакал ее слезами, пусть ДНК-тест этого и не подтвердит.

— О чем вы?

— Вашей дочери не нужно быть с нами, чтобы быть с нами. Она же уникальная девочка. Абра, у тебя есть подружка, у которой ты могла бы завтра посидеть после школы? Может, даже остаться на ночь?

— Конечно. Эмма Дин. — По искоркам в ее глазах Дэн уже видел, что она понимает, к чему он клонит.

— Ну уж нет, — возразил Дэйв. — Я не оставлю ее без охраны.

— Пока мы были в Айове, Абра все время находилась под охраной, — сказал Джон.

Брови Абры взлетели вверх, а рот чуть приоткрылся, чему Дэн несказанно обрадовался. Абра могла копаться в его мозгах, когда ей вздумается, но она все же выполнила его просьбу.

Дэн вытащил мобильник и набрал номер.

— Билли? Почему бы тебе не зайти и не присоединиться к нам?

Три минуты спустя Билли Фримэн вошел в дом Стоунов. Одет он был в джинсы и красную фланелевую рубашку, достававшую ему чуть ли не до колен. На голове красовалась кепка минитаунской железной дороги, которую он снял перед рукопожатием с Дэйвом и Аброй.

— Ты помог ему с животом, — повернувшись к Дэну, сказала девочка. — Я помню.

— То есть в мозгах у меня ты все-таки копалась.

Абра покраснела.

— Не нарочно. Нарочно — никогда. Но иногда само собой получается.

— Мне ли не знать.

— При всем уважении к вам, мистер Фримэн, — сказал Дэйв, — для телохранителя вы слегка староваты. А речь, напомню, идет о моей дочери.

Билли приподнял рубашку и продемонстрировал пистолет в потертой черной кобуре.

— «Кольт 1911». Самозарядный. Выпустили в сороковых. Тоже старый, но свое дело знает.

— Абра? — спросил Джон. — А пули этих тварей убивают? Или только детские болезни?

Абра не сводила глаз с пистолета.

— О да, — ответила она. — Пули их убивают. Они ведь не призраки, а такие же настоящие, как и мы.

Джон посмотрел на Дэна и спросил:

— Я так понимаю, пушки у тебя нет?

Дэн покачал головой и взглянул на Билли.

— Могу одолжить охотничье ружье, — сказал тот.

— Его... может быть недостаточно.

Билли подумал.

— Ладно, у меня в Мэдисоне есть один знакомый. Торгует серьезными игрушками. Очень серьезными.

— Боже, — вставил Дэйв. — Час от часу не легче.

Но больше ничего не сказал.

— Билли, мы сможем забронировать поезд на завтра, если захотим поехать в Облачную падь на закатный пикник? — спросил Дэн.

— Конечно. Народ часто так делает, особенно после Дня труда, когда цены падают.

Абра улыбнулась. Такую улыбку Дэн уже видел раньше. Злую улыбку. Может быть, Верные дрогнули бы, узнай они, что такая есть в репертуаре их намеченной жертвы.

— Отлично, — сказала она. — Отлично.

— Абра? — Дэйв выглядел сбитым с толку и немного испуганным. — Что?

Абра не обратила на него внимания.

— Так им и надо за то, что они сделали с бейсбольным мальчиком, — сказала она Дэну. Потерла губы сложенной лодочкой ладонью, словно пытаясь стереть улыбку, но когда отняла руку, та никуда не делась. Абра приподняла губу, обнажив край зубов. Сжала руку в кулак.

— Так им и надо.

Часть третья
ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Глава тринадцатая

ОБЛАЧНАЯ ПАДЬ

1

Почтовое отделение «Изи мэйл» расположилось в торговом центре между кафе «Старбакс» и магазином автозапчастей. Ворон вошел туда в начале одиннадцатого утра, предъявил удостоверение личности на имя Генри Ротмана и вышел, держа под мышкой сверток размером с обувную коробку. Несмотря на кондиционер, «Виннебаго» насквозь пропитался смрадом болезни Барри, но все они уже так к нему привыкли, что едва замечали. На коробке был указан обратный адрес сантехнической компании во Флашинге, город Нью-Йорк. Такая компания действительно существовала, но к этой посылке она не имела никакого отношения. Ворон, Гремучка и Джимми Арифмометр наблюдали, как Орех разрезает клейкую ленту своим перочинным ножиком и раздвигает створки. Открыв коробку, он вытащил воздушную подушку и ватную прокладку. Под ними в пенопластовой формочке оказался большой пузырек без всякой этикетки. В пузырьке желтела какая-то жидкость. Также в коробке лежали восемь шприцов, восемь дротиков и диковинного вида пистолет.

— Е-мое, да тут хватит наркоты, чтобы отправить девчонку в Средиземье вместе со всем классом, — поразился Джимми.

— Роза относится к этой чиките с большим уважением, — ответил Ворон. Он вытащил пистолет из выемки в пенопласте, изучил его и вернул на место. — Значит, и мы поступим так же.

— Ворон! — сипло позвал его Барри. — Иди сюда!

Предоставив Ореху разбираться с посылкой, Ворон подошел к потному мужчине на кровати. Барри был покрыт сотнями ярко-красных язвочек, его опухшие глаза почти закрылись, а влажные волосы прилипли ко лбу. Ворон чувствовал исходящий от Китаезы жар, но Барри был гораздо крепче Дедули Флика. Циклы у него еще не начались.

— Вы как, ребята? — спросил Барри. — Жара нет? А пятен?

— Мы в порядке. За нас не волнуйся — лучше отдохни. Поспи чуток.

— Посплю, когда загнусь, а я пока еще не загнулся. — Барри сверкнул налитыми кровью глазами. — Я ее засек.

Не раздумывая, Ворон схватил Барри за руку. Он напомнил себе

помыть потом руки горячей водой и не жалеть мыла. «И что мне это даст?», подумал он. Они все дышали одним и тем же воздухом и по очереди водили Барри в туалет, за что только его не хватая.

— Ты узнал, которая из трех девчонок — наша? Узнал имя?

— Нет.

— Знает ли она, что мы за ней едем?

— Нет. Погоди с вопросами, дай я расскажу все, что смог накопать. Девочка думает о Розе, поэтому у меня и получилось на нее настроиться, но имени ее она не знает. Она называет Розу «женщиной в шляпе и с одним длинным зубом». Девчонка ее... — Барри повернулся на бок и покашлял во влажный платок. — Девчонка ее боится.

— И правильно делает, — мрачно ответил Ворон. — Что-нибудь еще?

— Сэндвичи с ветчиной. Фаршированные яйца.

Ворон ждал.

— Я пока не уверен, но, кажется... она собирается на пикник. Может быть, с родителями. Они поедут на... игрушечном поезде? — Барри нахмурился.

— Что за игрушечный поезд? Где?

— Не знаю. Но узнаю, если подъедем поближе. Точно узнаю. — Рука Барри зашевелилась в руке Ворона и вдруг сжала ее почти до боли. — Может быть, она мне поможет, Папаша. Если я продержусь, а вы ее схватите... и допытаете до того, что она выдохнет немного пара... тогда, возможно...

— Возможно, — сказал Ворон, но посмотрев на Баррину ладонь, он увидел — лишь на секунду, — как в сжимавших его руку пальцах проявились кости.

В ту пятницу Абра в школе вела себя очень тихо. Никому из учителей это не показалось странным, хотя обычно она была очень живой девочкой и, пожалуй, даже болтушкой. Утром ее отец позвонил школьной медсестре и попросил передать учителям, чтобы они не были к Абре слишком строги. Она сама захотела пойти в школу, хотя накануне они получили плохие вести об ее прабабушке. «Она все еще их переваривает», — сказал Дэйв.

Медсестра заверила его, что все понимает и все передаст.

На самом же деле Абра была поглощена тем, что находилась одновременно в двух местах. Это было похоже на то, как когда пытаешься

одной рукой похлопывать себя по голове, а другой в это время гладить живот: сначала трудно, но когда войдешь в ритм — ничего особенно сложного.

Часть ее оставалась внутри тела, отвечая на вопросы на уроках (обычно Абра всегда первой поднимала руку, но сегодня ее раздражало, когда ее вызывали, хотя она сидела, смирно сложив руки на парте), болтая с друзьями за обедом, спрашивая у физрука мистера Ренни разрешения пойти вместо физкультуры в библиотеку. «У меня болит живот», — сказала она (школьный эвфемизм для «у меня месячные»).

И в гостях у Эммы после школы она была молчалива, но тут проблем не возникло. Эмма была из семьи книголюбцев, и сейчас она в третий раз перечитывала «Голодные игры». Мистер Дин, вернувшийся с работы, попытался разговорить Абру, но сдался и углубился в последний номер «Экономиста», получив от нее несколько односложных ответов, а от миссис Дин — предостерегающий взгляд.

Абра смутно осознавала, что Эмма отложила книжку и предложила ненадолго выйти во двор, но большая часть ее была с Дэном: видела его глазами, осязала его руками и ногами рычаги управления паровозиком «Хелен Ривингтон», ощущала вкус сэндвича с ветчиной, который он ел, и лимонада, которым его запивал. Когда Дэн обращался к ее отцу, на самом деле это говорила Абра. А доктор Джон? Он ехал в самом хвосте поезда, так что никакого доктора Джона не было. Только двое в кабине паровоза, отец и дочь, которых еще больше сблизил плохие новости о Момо, — уютнее просто некуда.

Иногда ее мысли обращались к женщине в шляпе, той, что мучила бейсбольного мальчика перед смертью, а потом слизывала его кровь своим искаженным, жадным ртом. Абра ничего не могла с этим поделать и не думала, что это так уж важно. Если Барри коснется ее своим разумом, вряд ли его удивит, что она боится Розы, верно?

Наверное, ей не удалось бы обмануть ищейку Узла верных, если бы Барри был здоров. Но он был очень болен. Он не знал, что ей известно, как зовут Розу. Ему даже не показалось странным, почему девчонка, которой водительские права не светят до 2015 года, ведет минитаунский поезд через леса к западу от Фрейзера. А если бы он вдруг об этом задумался, то, наверно, решил бы, что машинист поезду вообще не нужен.

«Потому что он думает, что это игрушка».

— ...скрэбл?

— А?

Она взглянула на Эмму и даже не сразу вспомнила, где они находятся.

Потом увидела в своих руках баскетбольный мяч. Ага, на заднем дворе. Они играют в «козла».

— Я спрашиваю, может, поиграем с мамой в скрэбл? А то я помру со скуки.

— Ты же выигрываешь, да?

— Ну! Во всех трех играх. Ты вообще здесь или где?

— Извини. Я просто переживаю из-за Момо. Ладно, давай в скрэбл.

На самом деле это была отличная идея. Эмма и ее мама были самыми тормозными игроками в скрэбл во вселенной. У них бы волосы встали дыбом, если бы им предложили играть на время. Так что от Абры требовалось лишь минимальное присутствие. Барри болен, но пока что не умер, и если до него дойдет, что Абра занимается своего рода телепатическим чревоуещанием, результат будет ужасен. Он может вычислить, где она на самом деле.

Уже недолго осталось. Скоро все они встретятся. Господи, только бы все прошло хорошо.

Пока Эмма ликвидировала бардак на столе в комнате отдыха внизу, а миссис Дин раскладывала доску, Абра сказала, что ей нужно в туалет. Ей и правда было нужно, но сначала она завернула в гостиную и выглянула из окна эркера. Пикап Билли стоял напротив дома. Он увидел, как зашевелились занавески, и показал ей большой палец. Абра ответила тем же. Потом та малая часть ее, которая присутствовала в доме, отправилась в туалет. Остальная по-прежнему находилась в кабине машиниста «Хелен Ривингтон».

«Мы устроим пикник, соберем мусор, полюбуемся на закат и вернемся».

(устроим пикник, соберем мусор, полюбуемся на закат и)

Что-то неприятное и неожиданное ворвалось в ее мысли, да так резко, что у нее дернулась голова. Мужчина и две женщины. У мужчины на спине был орел, у обеих женщин — татушки на копчике. Абра видела их потому, что все трое были голые и занимались сексом у бассейна под какое-то дурацкое диско-старье. Женщины притворно стонали. На что это она напоролась?

Шок от увиденного нарушил ее хрупкое равновесие, и на мгновение Абра вся целиком оказалась в одном месте — здесь. Она осторожно заглянула снова и увидела, что люди у бассейна — расплывчатые. Не настоящие. Почти как люди-призраки. Почему? Потому что Барри сам был почти что человек-призрак, и его не интересовали люди, занимающиеся сексом у...

«Они не у бассейна. Они в телевизоре».

Знает ли Барри Китаеза, что она видела, как он смотрит порно по телевизору? Он и другие? Абра не была в этом уверена, но предполагала, что нет. Но они учитывали эту вероятность. О да. Они пытались шокировать ее, чтобы она сбежала или обнаружила себя, или и то и другое.

— Абра! — позвала Эмма. — Мы готовы играть!

«Мы уже играем, и в игру посложнее скрэббла».

Ей надо было восстановить равновесие, и быстро. К черту порно с дурацким диско. Она в маленьком поезде. Она ведет маленький поезд. Это ее награда. Ей очень весело.

«Мы устроим пикник, соберем мусор, полюбуемся на закат и вернемся. Я боюсь женщины в шляпе, но не очень сильно, потому что я не дома. Я еду к Облачной пади с папой».

— Абра! Ты там утонула, что ли?

— Иду! — откликнулась она. — Только руки помою.

«Я с папой. Я со своим папой, вот и все».

Глядя на себя в зеркало, Абра прошептала:

— И не забывай об этом.

3

На стоянку Бреттон-Вудс почти рядом с Эннистоном, в котором жила эта непростая девочка, трейлер Верных завел Джимми Арифмометр. Вот только девчонки в Эннистоне не было. По словам Барри, она находилась в городке под названием Фрейзер, чуть юго-восточнее. Поехала с папашей на пикник. Попросту смылась. Как будто это ее спасет.

Гремучка сунула в DVD-плеер первый диск с фильмом. Фильм назывался «Приключения Кенни возле бассейна».

— Если девчонка за нами наблюдает, сейчас мы ее кое-чему научим, — пообещала она и нажала кнопку воспроизведения.

Орех сидел с Барри и поил его соком... когда мог, конечно. На самом деле Барри вошел в цикл. Сок его почти не интересовал, а уж тройничок возле бассейна и подавно. Он смотрел на экран, потому что получил такой приказ. С каждым возвращением в собственное тело Барри стонал все громче.

— Ворон, — позвал он, — посиди со мной, Папаша.

Ворон тут же оказался рядом, отпихнув Ореха локтем.

— Наклонись пониже, — прошептал Барри, и после секундной

заминки Ворон выполнил его просьбу.

Барри открыл было рот, но следующий цикл начался прежде, чем он смог вымолвить хоть слово. Кожа его приобрела молочно-белый оттенок, потом истончилась до прозрачности. Ворон видел сжатые зубы, глазницы, в которых сидели полные боли глаза и — самое ужасное — призрачный мозг. Он ждал, держа друга за руку, которая была уже не рукой, а всего лишь горсткой костей. Откуда-то издали доносилась лязгающая танцевальная музыка. «Они наверняка под кайфом, — подумал Ворон. — Как иначе можно трахаться под такую музыку».

Медленно-медленно Барри Китаеза вновь уплотнился. На этот раз его возвращение сопровождалось криком. На лбу выступил пот. И красные пятнышки теперь алели ярко, как кровь.

Барри облизал губы и сказал:

— Слушай меня.

Ворон стал слушать.

4

Дэн постарался как можно лучше очистить свой разум, чтобы впустить в него Абру. Он так часто водил «Рив» в Облачную падь, что делал это почти на автомате, а Джон с оружием (двумя автоматическими пистолетами и ружьем для охоты на оленей, принадлежавшем Билли) ехал в хвостовом вагоне. С глаз долой, из сердца вон. Ну, почти. Даже во сне человек сохраняет крохотную частичку своего «я», но присутствие Абры ощущалось так сильно, что было немного не по себе. Дэн подумал, что если она еще задержится у него в голове, при этом вещая с прежней силой, то скоро он отправится покупать себе модные сандалии и прочие аксессуары. И начнет вздыхать по мурлыкающим мальчикам из группы «На районе».

Помогало и то, что по настоянию Абры в самый последний момент он захватил ее старого плюшевого кролика Прыг-Скока. «Так мне будет на чем сосредоточиться», — пояснила она. Никто из них даже не подозревал, что некий джентльмен, не вполне принадлежащий к роду человеческому, чье лоховское имя было Барри Смит, прекрасно ее понял бы. Когда-то он сам научился этому приему у Дедули Флика и много раз к нему прибегал.

Помогал так же и Дэйв Стоун, без передышки сыпавший семейными историями, многие из которых Абра слышала впервые в жизни. И тем не менее Дэн сомневался, что их план сработал бы, не будь главный локатор

поисковой группы болен.

— А остальные что, не могут быть локаторами? — спросил он Абру.

— Женщина в шляпе — может, хоть через полстраны, но она не вмешивается. — И пугающая улыбка вновь искривила губы Абры, приоткрывая зубы. От этого девочка казалась гораздо старше своего возраста. — Роза меня боится.

Присутствие Абры в голове у Дэна не было постоянным. Время от времени он чувствовал, как она куда-то уходит, прощупывает внешний мир — очень-очень осторожно — в поисках того, кто так сглупил, примерив бейсбольную перчатку Брэдли Тревора. Девочка рассказала, что Верные останавливались в городке под названием Старбридж (Дэн был твердо уверен, что она имела в виду Стербридж) и там свернули с федеральной трассы, двигаясь проселочными дорогами на четкий сигнал, испускаемый ее сознанием. Потом они завернули на обед в придорожное кафе, никуда не торопясь и растягивая последний этап путешествия. Они знали, куда она направлялась, и это их более чем устраивало, потому что Облачная падь была безлюдна. Верные считали, что девочка облегчает им задачу, и это было хорошо, но действовать приходилось очень бережно, как будто орудия лазерным скальпелем на расстоянии.

В какой-то момент, когда перед внутренним взором Дэна промелькнула порнографическая картинка — какой-то групповой секс у бассейна, — он насторожился, но почти сразу же все исчезло. Дэн решил, что заглянул одним глазом в подсознание Абры, где, если верить доктору Фрейду, таятся все первичные образы. Позже он пожалеет об этом допущении, хотя и не почувствует угрызений совести; Дэн давно научился не совать нос в сокровенные мысли окружающих.

Одной рукой Дэн придерживал штурвал «Рива». Второй — зачуханного плюшевого зайца у себя на коленях. По обеим сторонам проносился дремучий лес, уже тронутый осенним багрянцем. Справа, на так называемом кондукторском сиденье, Дэйв продолжал знакомить дочь со скелетами из семейного шкафа.

— Когда твоя мама позвонила вчера утром, она рассказала, что у Момо в подвале стоит сундук. На нем написано «Алессандра». Ты же знаешь, кто это?

— Бабушка Сэнди, — ответил Дэн. Господи, даже голос его стал тоньше. Моложе.

— Умница. А вот этого ты наверняка не знаешь, и если что, я тебе ничего не рассказывал. Договорились?

— Да, папа, — уголки губ Дэна поползли вверх в то время как за

много миль от него Абра улыбнулась получившемуся у нее набору костяшек для скрэббла: Ф О Н Т Л А.

— Твоя бабушка Сэнди закончила университет Олбани — государственный университет штата Нью-Йорк — и проходила педпрактику в средней школе. То ли в Вермонте, то ли в Массачусетсе, то ли в Нью-Гэмпшире, забыл, где именно. Отработала четыре недели из восьми, а потом взяла и уволилась. Но сразу не уехала, может, нашла подработку, официанткой или еще кем, но наверняка посетила кучу концертов и вечеринок. Она была...

5

(не прочь повеселиться)

Это заставило Абру вспомнить о сексуально озабоченной троице, которая лизалась и обжималась у бассейна под древнее диско. Буэ. У некоторых очень странное представление о веселье.

— Абра? — это была миссис Дин. — Твой ход, дорогая.

Если это надолго, у нее точно будет нервный срыв. Все было бы куда легче, останься она одна дома. Она даже подкинула эту идею отцу, но тот и слышать ничего не захотел. Даже если ее будет охранять мистер Фримэн.

Она выложила слово ФУНТ, используя находившуюся на доске костяшку с буквой У.

— Ну спасибо, Абба-Дурочка, я как раз собиралась сделать этот ход! — надулась Эмма. Она повернула доску и сосредоточенно уставилась на нее с тем решительным выражением лица, которое сохранится у нее еще по крайней мере минут на пять. А может даже десять. А потом она выложит какие-нибудь дешевые слова вроде ДОЛ или СОН.

Абра вернулась на «Рив». Папин рассказ был довольно занимательным, хотя она знала об этом куда больше, чем отец подозревал.

(Эбби! Ты слушаешь?)

6

— Эбби! Ты слушаешь?

— Конечно, — сказал Дэн. «Мне просто пришлось отвлечься, чтобы сделать ход». — Интересно же.

— В общем, Момо тогда жила на Манхэттене, и в июне Алессандра

приехала ее навестить. Беременная.

— Моей мамой?

— Так точно, Абба-Ду.

— Так мама — внебрачный ребенок?

Немного пересолила с изумлением. Дэн в своем странном положении одновременно участника разговора и подслушивающего умилился и развеселился: он понял, что Абра прекрасно знала о том, что ее мать незаконнорожденная. Люси уже год как ей рассказала. Сейчас, как ни странно это звучало, Абра старалась оставить отца в блаженном неведении.

— Да, малышка. Но в этом нет ничего позорного. Иногда людей... не знаю... заносит. На фамильном древе порой вырастают причудливые ветви, и ты имеешь полное право об этом знать.

— Бабушка Сэнди погибла через пару месяцев после рождения мамы, так ведь? В дорожной аварии.

— Да. Момо взяла к себе Люси на вечер, а в итоге вырастила ее. Поэтому они так близки, и поэтому маме так тяжело от того, что Момо стареет и болеет.

— А от кого забеременела бабушка Сэнди? Она рассказала?

— Знаешь, — сказал Дэйв, — вопрос, конечно, интересный. Если Алессандра и призналась Момо, та ни с кем не поделилась.

Он указал вперед, на просеку, разрезающую лес.

— Смотри, детка, мы почти приехали!

Они проезжали мимо знака «Зона отдыха „Облачная падь“ — 2 мили».

Группа захвата сделала краткую остановку в Эннистоне, чтобы заправить «Виннебаго». Заправка находилась в дальней части Мэйн-стрит, откуда до Ричланд-корт было не меньше мили. На выезде из города — за рулем теперь сидела Гремучка, а вечеринку у бассейна сменила нетленка под названием «Свингующие студентки» — Барри подозвал к себе Джимми Арифмометра.

— Ребята, надо поторапливаться, — сказал Барри. — Они уже почти приехали. Место называется Облачная падь. Я уже говорил?

— Говорил. — Джимми хотел было потрепать Барри по руке, но передумал.

— Они вот-вот усядутся за пикник. За едой-то вам и надо их брать.

— Все будет в лучшем виде, — пообещал Джимми. — Мы еще успеем

выжать из девчонки достаточно пара, чтобы тебе помочь. Роза не будет против.

— Не будет, конечно, — согласился Барри, — но для меня уже слишком поздно. Может, у тебя время еще есть.

— Ты о чем?

— Посмотри на свои руки.

Джимми посмотрел и увидел, что на мягкой белой коже ниже локтей расцвели первые язвочки. Красная смерть. От этой картины во рту у него пересохло.

— Боже, опять началось, — простонал Барри, и вот уже там, где мгновением раньше лежало тело, опадает его одежда. Джимми успел увидеть, как Барри сглотнул и... нет уже никакого горла.

— Подвинься, — сказал Орех. — Пусти меня к нему.

— Да? И что ты сделаешь? Ему крышка.

Джимми прошел в кабину и уселся на пассажирское сиденье, которое освободил Ворон.

— Езжай в объезд Фрейзера по шоссе 14-А, — сказал он. — Так будет быстрее, чем рулить через центр. А потом поедem вдоль реки по Сако-ривер-роуд...

Гремучка постучала по GPS-приемнику.

— Я все запрограммировала. Думаешь, я дура или слепая?

Джимми едва ее слышал. Нельзя ему умирать. Он ведь еще так молод, а за горизонтом его ждут столько потрясающих открытий в мире компьютеров. Джимми подумал о циклах и о жуткой боли, которая сопровождала каждое возвращение из небытия...

Нет. Нет. Нельзя. Немыслимо.

Предвечернее солнце косыми лучами било в переднее стекло «Виннебаго». Красивый осенний свет. Джимми любил осень больше всего и намеревался выжить и путешествовать по стране с остальными Верными, когда та наступит вновь. И вновь. И вновь. К счастью, его окружали как раз те ребята, которые могли это обеспечить. Папаша Ворон — храбрый, находчивый и хитрый. Верные попадали в передряги и раньше. Папаша не подведет.

— Высматривай указатель на зону отдыха «Облачная падь». Не пропусти. Барри говорит, мы уже почти приехали.

— Джимми, у меня от тебя голова разболелась, — сказала Гремучка. — Иди посиди в салоне. Мы там будем через час, а то и раньше.

— Поднажми, — сказал Джимми Арифмометр.

Гремучка Энди улыбнулась и поднажала.

Они уже сворачивали на Сако-ривер-роуд, когда Барри Китаеза схлопнулся насовсем, оставив после себя одну одежду. Она все еще была теплой от сжигавшего Барри жара.

(Барри умер)

В мысли, долетевшей до Дэна, не было ужаса. И ни крупницы сострадания. Одно удовлетворение. Пускай с виду Абра Стоун была обычной американской девочкой — покрасивее некоторых и поумнее многих, но стоило копнуть поглубже (и даже не особенно глубоко), как обнаруживалась викингская дева с яростной и кровожадной душой. Дэн подумал, как жаль, что у нее нет братьев и сестер. Она бы защищала их даже ценой жизни.

Когда «Рив» выехал из леса и пошел вдоль огороженной пропасти, Дэн перешел на самую низкую передачу. Внизу в предзакатном свете солнца ярким золотом блестела Сако. Деревья, спускающиеся к воде по обоим берегам, полыхали оранжевым, красным, желтым и фиолетовым. Над ними низко — казалось, рукой подать, — плыли пухлые облака.

Поезд подъехал к табличке «Станция „Облачная падь“», пыхтя тормозами, и Дэн выключил движок. Он замешкался, не зная, что сказать, но Абра пришла ему на выручку:

— Спасибо, что пустил меня за руль, папа. А теперь давай устроим пудинг. — Абра только что составила это слово в гостиной Динов. — То есть пикник.

— Неужели ты еще голодная после всего, что съела в поезде? — поддразнил ее Дэйв.

— А вот голодная! Ты что, не рад, что я не анорексичка какая-нибудь?

— Да, — ответил Дэйв. — Вообще-то рад.

Дэн увидел краем глаза Джона Далтона, пересекавшего площадку для пикников опустив голову, бесшумно ступая по толстому коврику сосновых иголок. В одной руке у него был пистолет, в другой — винтовка Билли Фримэна. Автомобильную парковку окружали деревья; оглянувшись разок, Джон скрылся за ними. Летом и парковка, и все столы для пикников были бы заняты. Но в этот будний день в конце сентября в Облачной пади не было никого, кроме них.

Дэйв взглянул на Дэна. Дэн кивнул. Отец Абры — агностик по убеждениям, но живущий с католичкой, — сотворил в воздухе крестное

знамение и последовал за Джоном в лес.

— Здесь так красиво, папа, — сказал Дэн. Его невидимая пассажирка теперь обращалась к Прыг-Скоку: больше рядом никого не осталось. Дэн посадил комковатого, потертого одноглазого зайца на один из столов и направился к первому пассажирскому вагону за плетеной корзинкой для пикника.

— Сиди-сиди, папа, — обратился он к пустой поляне. — Я сама принесу.

9

В комнате отдыха у Динов Абра отодвинула кресло и встала.

— Мне снова нужно в туалет. Живот болит. А потом я, наверное, лучше пойду домой.

Эмма закатила глаза, но миссис Дин была полна сочувствия.

— Ох, бедняжка. Эти-самые-дни?

— Да. И больно ужас как.

— У тебя есть все, что нужно?

— В рюкзаке. Все будет нормально. Простите.

— Ага, конечно, — сказала Эмма. — Хочешь уйти победителем?

— Эм-ма! — воскликнула ее мать.

— Все в порядке, миссис Дин. Она обыграла меня в «козла».

Абра поднялась по ступенькам, прижав руку к животу и надеясь, что выглядит это не слишком притворно. Она снова выглянула на улицу и проверила грузовичок мистера Фримэна — в этот раз, правда, не утруждая себя обменом приветственными жестами. Оказавшись в ванной комнате, она заперлась и села на закрытое сиденье унитаза. Как же было здорово перестать, наконец, жонглировать таким количеством разных себя! Барри умер. Эмма со своей матерью остались внизу. Остались лишь две Абры — в ванной комнате и в Облачной пади. Она закрыла глаза.

(Дэн)

(Я здесь)

(Можешь больше мной не притворяться)

Она ощутила его облегчение и улыбнулась. Дядя Дэн старался изо всех сил, но девчонка из него так себе.

В дверь осторожно, неуверенно постучали.

— Подруга? — Эмма. — Ты как? Прости, если обидела.

— Все в порядке, но я все-таки пойду домой, выпью мотрин и прилягу.

- А я думала, что ты останешься ночевать у нас.
- Все будет нормально.
- Разве твой отец не уехал?
- Запру двери и до его приезда никому не открою.
- Может, тебя проводить?
- Нет, спасибо.

Ей хотелось остаться одной и порадоваться, когда Дэн, отец и доктор Джон покончат с этими тварями. А они с ними покончат: Барри мертв, остальные без него слепы. Что может пойти не так? Ничего.

10

Ветерка, который шелестел бы хрупкими листьями, не было, и теперь, когда «Рив» не работал, в зоне отдыха Облачной пади царила тишина. Ее нарушали лишь приглушенное бормотание реки, карканье ворон и рокот приближающегося автомобиля. Они. Те, кого послала женщина в шляпе. Роза. Дэн приподнял крышку плетеной корзинки, запустил туда руку и нащупал «Глок» двадцать второго калибра, который дал ему Билли — Дэн не знал и не хотел знать, каким образом он его достал. Зато Дэн знал наверняка, что этот пистолет способен выпустить пятнадцать пуль без смены магазина, и если пятнадцати пуль не хватит — ему сильно не поздоровится. Вернулись призрачные воспоминания об отце — Джек Торранс, говорящий со своей очаровательной кривоватой улыбкой: «Если это не сработает — даже не знаю, что тебе посоветовать». Дэн взглянул на старую плюшевую игрушку Абры.

— Готов, Прыг-Скок? Надеюсь, что так. Надеюсь, мы оба готовы.

11

Билли Фримэн сгорбился за рулем своего пикапа, но когда Абра вышла из дома Динов, тут же распрямился. Ее подружка — Эмма — стояла в дверях. Девочки попрощались, два раза хлопнув друг друга по рукам. Абра направилась к своему дому, который находился через дорогу и в четырех домах от Эмминого. Этого в планах не было, и когда она на него посмотрела, он вскинул руки в вопросительном жесте.

Абра улыбнулась и снова показала большой палец. Она считала, что все хорошо — это Билли уловил четко, — но ему стало тревожно от того,

что девочка одна разгуливает по улице, пусть те психи и были сейчас в двадцати милях к югу отсюда. Абра — ходячая силовая установка, и, возможно, она знает, что делает, но ведь ей всего тринадцать.

Не спуская глаз с Абры, которая с рюкзаком на спине шла домой и уже выуживала из кармана ключи, Билли наклонился вперед и большим пальцем открыл бардачок. Внутри лежал «Глок» 22-го калибра. Пистолеты он взял напрокат у почетного члена нью-гэмпширского филиала Дорожных святых. В молодости Билли иногда рассекал вместе с ними, но так и не вступил в их ряды. И, в общем-то, не жалел, хотя и понимал, чем привлекают такие сообщества. Ощущением братства. Наверное, Дэн с Джоном чувствовали нечто похожее на почве выпивки.

Абра скользнула в дом и закрыла дверь. Из бардачка Билли не вытащил ни пистолета, ни мобильного — пока не требовалось, — но все-таки оставил его открытым. То ли дело было в так называемом сиянии, то ли нет, но Билли предчувствовал недоброе. Зря Абра не осталась у подружки.

Лучше бы она придерживалась плана.

12

«Они ездят в домах-фургонах», — говорила Абра, и теперь один такой, «Виннебаго», заехал на стоянку, которой заканчивалась подъездная дорога к Облачной пади. Дэн наблюдал за ним, держа руку в корзинке для пикника. Теперь, когда время пришло, он чувствовал себя довольно спокойно. Повернув корзинку задней стенкой к новоприбывшему фургону, Дэн большим пальцем снял «Глок» с предохранителя. Дверь «Виннебаго» открылась, и оттуда один за другим высыпали самозванные похитители.

Абра говорила, что у них смешные имена — пиратские имена, — но Дэну они показались обычными людьми. Мужчины пожилые, какие обычно и разъезжают в таких вот домах-фургонах; женщина — молодая и по-американски красивая: при взгляде на нее Дэн подумал о танцовщице из группы поддержки, которая через десять лет после окончания школы (и парочки родов) сохранила отличную фигуру. Может, одному из мужчин она приходилась дочерью. На мгновение Дэн засомневался. Все-таки место это притягивало туристов, а в Новой Англии как раз начинался сезон любителей поглазеть на листья. Он надеялся, что Джон с Дэвидом не откроют огонь с бедра; было бы ужасно, если это всего лишь невинные...

А потом Дэн увидел на левой руке женщины татуировку — клыкастую

гремучую змею, а в правой — шприц. Следовавший за ней по пятам мужчина держал в руке еще один. У человека, который шел впереди, за поясом виднелось что-то похожее на пистолет. Они остановились у березовых столбов на входе в пикниковую зону. Вытащив оружие, предводитель развеял у Дэна последние сомнения. Пистолет был какой-то странный: слишком тонкий для обычного.

— Где девчонка?

Дэн указал на Прыг-Скока, плюшевого кролика.

— Ближе вам к ней не подобраться.

Человек со смешным пистолетом был невысок, а над его мягким лицом бухгалтера виднелись залысины. Над ремнем свисало мягкое сытое брюшко. Одет он был в брюки и футболку с надписью «Бог не отнимает от отпущенного человеку срока часы, проведенные на рыбалке».

— Я хочу у тебя кое-что спросить, золотце, — сказала женщина.

Дэн вскинул брови.

— Валяй.

— Ты не устал? Спать не хочешь?

Дэн хотел. Внезапно отяжелевшие веки превратились в свинцовые грузила. Сжимавшая «Глок» рука начала ослабевать. Еще пара секунд — и он бы отключился и захрапел, опустив голову на изрезанный инициалами стол. Но тут закричала Абра.

(ГДЕ ВОРОН?! Я НЕ ВИЖУ ВОРОНА!)

13

Дэн дернулся, как человек, которого что-то напугало на самой границе сна. Рука в плетеной корзинке рефлекторно сжалась, «Глок» сработал, и кусочки лозы разлетелись в стороны. Пуля ни в кого не попала, но люди из «Виннебаго» вздрогнули, и сонливость Дэна развеялась, как иллюзия, каковой она и была. Женщина с вытатуированной змеей и мужчина с пушистыми седыми волосами отскочили назад, но тот, что держал странный пистолет, рванул вперед с криком:

— Держи его! Держи его!

— А вот этого не хотите, суки? — проорал Дэйв Стоун. Он вышел из леса, стреляя во все стороны. Большинство пуль ушло в воздух, но одна попала Грецкому Ореху в шею, и доктор Верных рухнул на сосновые иголки, выпустив из руки шприц.

Быть предводительницей Верных — большая ответственность, но в этом есть свои преимущества. Одним из них был Розин гигантский «Эрскрузер», импортированный за дикие деньги из Австралии и переделанный затем под левый руль. Другим — возможность получить в свое распоряжение женскую душевую в кемпинге «Блюбелл». После многих месяцев в дороге ничто не может сравниться с горячим душем в большой облицованной плиткой комнате, где можно раскинуть руки в стороны или даже потанцевать, если придет такая фантазия. И где горячая вода не кончается через четыре минуты.

Роза любила стоять под душем в темноте, выключив свет. Она обнаружила, что так ей лучше думается. Вот почему она направилась к душевой сразу после тревожного телефонного звонка в час дня по местному времени. Пока что она верила, что все будет в порядке, но сомнения уже начали прорастать, как одуванчики на прежде безупречном газоне. Если девчонка еще умнее, чем они думали... или если у нее есть помощники...

Нет. Не может быть. Она, конечно, пароход — пароход из пароходов, — но все-таки это еще ребенок. Маленькая лохушка. В любом случае Розе оставалось только ждать, что будет дальше.

Проведя пятнадцать освежающих минут под душем, она вытерлась, завернулась в пушистую махровую простыню и пошла к своему фургону, держа одежду в руках. Коротышка Эдди и Большая Мо приводили в порядок площадку для барбекю после очередного роскошного обеда. Не их вина, что у всех пропал аппетит, когда еще у двоих Верных обнаружились чертовы красные пятна. Они помахали ей. Роза поднимала руку, чтобы ответить, когда в голове у нее взорвалась связка динамитных шашек. Она ничком упала на землю. Брюки и рубашка выпали у нее из рук, полотенце развернулось.

Роза почти не заметила этого. Что-то случилось с группой захвата. Что-то нехорошее. Как только в голове у нее прояснилось, она схватила скомканные джинсы и принялась искать в них мобильник. Никогда в жизни ей так отчаянно не хотелось, чтобы Папаша Ворон владел телепатией на большом расстоянии. Но этот дар, судя по всему, проявлялся только у пароходов, лохов, вроде той нью-гэмпширской девчонки — не считая нескольких исключений, в том числе самой Розы.

К ней бежали Эдди и Мо. За ними спешили Длинный Пол, Тихая

Сэйри, Жетон Чарли и Арфист Сэм. Роза нажала кнопку быстрого дозвона. За тысячу миль коротко звякнул телефон Ворона.

«Вы дозвонились до Генри Ротмана. Сейчас я не могу с вами говорить, но если вы оставите свой номер и короткое сообщение...»

Чертов автоответчик. Значит, телефон или отключен, или вне зоны доступа. Роза поставила бы на второе. Голая, на коленях среди грязи, осев на пятки, она с силой ударила себя по лбу свободной рукой.

«Где ты, Ворон? Что ты делаешь? Что происходит?»

15

Человек в чинос и футболке выстрелил в Дэна из странного пистолета. Раздался хлопок сжатого воздуха, и внезапно в спине Прыг-Скока закачался дротик. Дэн вытащил «Глок» из остатков корзины для пикника и выстрелил еще раз. Пуля угодила мужчине в брюках прямо в грудь. Он с хрипом упал навзничь, а из спины брызнула кровь.

Энди Штайнер пока держалась. Она повернулась, увидела Дэйва Стоуна, замершего на месте с озадаченным видом, и кинулась на него со шприцом-кинжалом в кулаке. Ее конский хвост качался как маятник. Она вопила во всю глотку. Дэну показалось, что происходящее замедлилось и обрело четкость. Он успел заметить, что предохранительный колпачок с иглы не снят, и подумать: «Да что это за клоуны такие?» Правда же состояла в том, что как раз клоунами они не были. Они были охотниками, которые совершенно не привыкли встречать отпор со стороны своей добычи. Ведь обычно их целью были дети, которые к тому же ничего не подозревали.

Дэйв просто стоял и смотрел на несущуюся на него гарпию. Может быть, у него опустел магазин, но скорее, он уже исчерпал весь свой гнев. Дэн поднял свой пистолет, но не выстрелил. Слишком велик был риск вместо татуированной дамочки подстрелить отца Абры.

Но тут из леса выскочил Джон и врезался в спину Дэйва, толкнув его на противницу. Та задохнулась собственным воплем (ярости? страха?). Оба покатались по земле. Шприц отлетел в сторону. И пока Татуированная, стоя на четвереньках, лихорадочно нащупывала его руками, Джон сбоку обрушил приклад охотничьего ружья ей на челюсть. Ударил изо всей силы, под влиянием адреналина. Раздался хруст ломаемой кости. Лицо Татуированной съехало влево, глаз выпучился, словно от изумления. Она вытянулась и перекатилась на спину. Из уголков рта сочилась кровь. Руки

сжимались и разжимались, сжимались и разжимались.

Джон в ужасе уронил ружье и обернулся к Дэну:

— Я не хотел лупить ее так сильно! Господи, я просто испугался!

— На курчавого посмотри, — сказал Дэн. Он поднялся на ноги, которые показались ему слишком длинными и немного чужими. — Взгляни на него, Джон.

Джон посмотрел. Орех лежал в луже крови, одной рукой сжимая разорванную шею. Он быстро переходил из одного состояния в другое. Его одежда опадала и вновь надувалась. Текущая сквозь пальцы кровь исчезала и вновь появлялась. То же происходило и с пальцами. Человек превратился в какой-то фантастический рентгеновский снимок.

Джон попятился, зажав руками нос и рот. Дэн по-прежнему воспринимал все в замедленном темпе и поразительно четко. Успел рассмотреть, что кровь и клочок светлых волос Татуированной на прикладе помпового «Ремингтона» тоже то исчезает, то появляется. Это заставило его вспомнить, как метались забранные в хвост волосы — словно маятник, когда она...

(Дэн где Ворон ГДЕ ВОРОН?!)

...неслась на отца Абры. Абра сказала им, что Барри вошел в цикл. Теперь Дэн понял, что она имела в виду.

— Тип в рыбацкой футболке тоже исчезает, — сказал Дэйв Стоун. Если его голос при этом и дрогнул, то совсем чуть-чуть, и Дэн догадался, от кого его дочь унаследовала свою стальную волю. Но раздумывать над этим сейчас было некогда. Абра не переставая твердила, что они уничтожили не всех.

Он рванул к «Виннебаго», дверь которого все еще была открыта. Дэн взлетел по ступенькам, бросился на устланный ковролином пол и умудрился заехать башкой в ножку обеденного стола, да так сильно, что из глаз звезды посыпались. «В кино такого не показывают», — подумал он и перекатился вбок, ожидая выстрела, удара ногой или дротика от того, кто был оставлен прикрывать тылы. Того, кого Абра назвала вороном. Выходит, Верные были не так уж глупы и благодушны.

«Виннебаго» был пуст.

Казался пустым.

Дэн поднялся на ноги и проскочил через кухню. Мимо раскладной койки, продавленной от частого использования. Краем сознания он отметил, что несмотря на все еще работающий кондиционер, воняло в трейлере ужасно. Здесь был и шкаф, но он стоял нараспашку, и внутри не было ничего, кроме одежды. Дэн наклонился, посмотрел, не видно ли ног.

Не видно. Прошел дальше в хвост «Виннебаго» и замер возле двери в санузел.

Опять подумал про дешевые боевики и рывком распахнул ее, пригнувшись. В сортире «Виннебаго» никого не было, да и неудивительно. Если бы даже здесь кто-то и прятался, сейчас он был бы уже мертв. Его убила бы одна эта вонь.

(наверно здесь правда кто-то умер может даже этот Ворон)

Абра вернулась мгновенно. Охваченная паникой девочка транслировала свои мысли так громко, что полностью заглушила мысли Дэна.

(нет умер Барри ГДЕ ВОРОН НАЙДИ ВОРОНА)

Дэн покинул трейлер. Оба мужика, пришедшие за Аброй, исчезли; от них осталась только одежда. Женщина — та, которая пыталась его усыпить, — была еще жива, но умирала. Она подползла к столику для пикников, на котором стояла расстрелянная плетеная корзинка, и теперь полусидела, опершись спиной на одну из скамей, не сводя с Дэна, Джона и Дэйва пристального взгляда глаз, уцелевших на перекошенном лице. Кровь, натекая из носа и рта, украсила это лицо алой эспаньолкой. Перед блузки промок насквозь. Когда Дэн подошел, кожа женщины стояла с лица, а одежда обвисла на выпирающих костях скелета. Опали лямки бюстгалтера, которые больше не держались на исчезнувших плечах. Из всей плоти оставались только глаза, наблюдавшие за Дэном. Затем кожа Татуированной вновь соткалась из пустоты, а одежда обтянула тело. Свалившиеся лямки бюстгалтера повисли на локтях, правая стала кляпом для гремучей змеи, чтобы та больше не могла никого укусить. Кости, поддерживающие сломанную челюсть, снова стали рукой.

— Вы нас обломали, — произнесла Гремучка Энди. Ее голос звучал невнятно. — Нас обломала кучка лохов. Просто не верится.

Дэн указал на Дэйва:

— Вот этот лох — отец той самой девочки, которую вы собирались похитить. Просто на тот случай, если тебе интересно.

Гремучка через силу ослабилась. Зубы были испачканы в крови.

— Думаешь, мне не насрать? Для меня это просто еще один хер ходячий. Хер есть даже у Папы Римского, а вам лишь бы присунуть. Козлы проклятые. Вам всегда нужно побеждать, да? Всегда нужно по...

— Где еще один из вас? Где Ворон?

Энди закашлялась. В уголках рта закипела кровь. Когда-то давным-давно Энди потерялась, а потом ее нашли. Богиня с грозовым облаком темных волос нашла ее в полутемном зале кинотеатра. Теперь Энди

умирала, ни о чем не жалея. Годы между президентом-бывшим-актером и президентом-чернокожим были прекрасны; еще прекраснее была та волшебная ночь с Розой. Энди оскалилась в лицо высокому красавчику. Это было больно, но она все равно раздвинула губы.

— Ах, этот. Он в Рино. Трахает лохушек из стриптиза.

Она снова начала растворяться. До Дэна донесся шепот Джона Далтона:

— Боже мой, ну и дела. Мозговое кровоотечение, я же его вижу своими глазами.

Дэн ждал, не вернется ли Татуированная. В конце концов, она вернулась, испустив долгий стон сквозь стиснутые окровавленные зубы. Очевидно, циклическое схлопывание доставляло куда больше боли, чем сам удар, который его вызвал, но Дэн решил, что тут он в силах помочь. Он отвел в сторону руку, которой Энди поддерживала челюсть, и впился пальцами в поврежденное место. При этом он ощутил движение костей черепа, словно дотронулся до вазы, склеенной из осколков при помощи скотча. На этот раз Татуированная не просто застонала. Она взвыла и нанесла Дэну несколько бессильных ударов, на которые он не обратил никакого внимания.

— Где Ворон?

— В Эннистоне! — взвизгнула Гремучка. — Он сошел в Эннистоне! Пожалуйста, не делай мне больно, папочка! Пожалуйста, не надо, я сделаю все, что ты хочешь!

Дэн вспомнил рассказ Абры о том, что эти чудовища сотворили с Брэдом Тревором и как они пытали его и бог весть скольких детей еще, и почувствовал непреодолимое желание с корнем вырвать у жестокой суки челюсть. И лупить ее этой челюстью по окровавленному раздавленному черепу до тех пор, пока они оба не растворятся.

Потом — полный абсурд в данных обстоятельствах — Дэн вспомнил малыша в футболке «Храбрецов», тянущегося к остаткам кокаина на глянцевой обложке журнала. «Сахав», — сказал он. Эта женщина совсем не была похожа на того малыша, абсолютно, но эти слова ничего не меняли. Гнев Дэна улетучился, опустошив его, отняв последние силы и оставив после себя тошноту.

«Не делай мне больно, папочка!»

Он встал, вытер руку о рубашку и, ничего не видя, побрел к «Риву».

(Абра ты тут)

(да)

Паника отступала, и это было хорошо.

(надо чтобы мама твоей подруги позвонила в полицию и сказала что тебе грозит опасность Ворон в Эннистоне)

Меньше всего Дэну хотелось бы вовлекать полицию в сверхъестественное по сути дело, но на тот момент он не видел другого выбора.

(я не)

Но прежде, чем она договорила, ее мысли накрыл мощный вал женской ненависти.

(АХ ТЫ МЕЛКАЯ СУЧКА)

Внезапно женщина в шляпе вновь оказалась у Дэна в голове. Ее образ пылал перед его внутренним взором не во сне, а наяву: создание ужасающей красоты, обнаженная, с разметающимися по плечам локонами влажных волос, придававших ей вид Медузы Горгоны. Потом ее рот распахнулся, и красotka исчезла. Остался только черный провал с единственным желтоватым зубом. Почти клыком.

(ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛА)

Дэн споткнулся и оперся рукой о головной вагончик «Рива», чтобы не упасть. Мир в его голове вращался. Женщина в шляпе исчезла, а его вдруг окружила толпа народу с озабоченными лицами. Его спрашивали, все ли с ним в порядке.

Он вспомнил попытки Абры объяснить, как все вращалось в тот день, когда она обнаружила фотографию Брэда Тревора в «Эннистонском Потребителе»; как сама Абра внезапно увидела мир глазами женщины в шляпе, а женщина в шляпе — глазами Абры. Теперь Дэн понимал. Это случилось опять, и на этот раз его тоже взяли покататься.

Роза лежала на земле. Ему был виден лоскут вечеряющего неба над головой. Сгрудившиеся вокруг люди принадлежали, без сомнения, к Розиному племени детоубийц. И это все видела Абра.

Вопрос в том, что сейчас видела Роза?

Энди схлопнулась, затем вернулась. Ее жгло огнем. Она посмотрела на мужчину, который стоял перед ней на коленях.

— Могу я что-нибудь для вас сделать? — спросил Джон. — Я врач.

Гремучка рассмеялась, невзирая на боль. Этот врач, один из тех, кто только что застрелил доктора Верных, теперь предлагал ей помощь. Что бы на это сказал Гиппократ?

— Всади в меня пулю, жопа с ушами. Больше ничего придумать не могу.

Ублюдок-ботан, который собственно и застрелил Ореха, присоединился к тому, кто назвал себя врачом.

— Поделом тебе, — сказал Дэйв. — Ты правда думала, что я дам вам забрать свою дочь? Запытать ее до смерти, как того бедного мальчишку в Айове?

Они и об этом знают? Откуда? Но теперь это уже не имело значения, по крайней мере, для Энди.

— Вы, лохи, режете свиней, коров и овец. Так чем же мы отличаемся от вас?

— Я считаю, что убивать людей — это совсем другое, — ответил Джон. — Назови меня сентиментальным дурачком.

Рот у Гремучки был полон крови и какой-то комковатой мерзости. Может, зубов. Но это тоже не имело значения. Все равно такая смерть будет милосерднее, чем у Барри. И уж точно быстрее. Но сначала Гремучка кое-что прояснит. Так, на всякий случай.

— Люди — это мы. А вы... всего лишь лохи.

Дэйв улыбнулся, но взгляд его оставался жестким.

— И все же на земле валяешься ты, в окровавленной рубашке и с грязью в волосах. Надеюсь, в аду тебе будет жарко.

Гремучка чувствовала приближение следующего цикла. Если повезет, он будет последним, но пока что ее тело оставалось при ней.

— Тебе не понять, каково мне было. До Узла. И каково нам сейчас. Нас мало, и мы больны. У нас...

— Я знаю, что у вас, — сказал Дэйв. — Ёбаная корь. Надеюсь, она выжрет весь ваш чертов Узел изнутри.

— Мы выбираем, кем нам быть, не больше вашего, — сказала Гремучка. — На нашем месте вы бы поступили так же.

Джон медленно покачал головой.

— Никогда. Никогда.

Гремучка вошла в последний цикл, но она все же успела выдавить из себя еще четыре слова.

— Ненавижу мужиков.

Последний вздох, последний взгляд исчезающих глаз.

— Ненавижу лохов.

И ее не стало.

Дэн направился к Джону и Дэйву. Шел он медленно и осторожно, иногда опираясь на столы, чтобы удержать равновесие. Он поднял плюшевого кролика Абра, даже не заметив этого. В голове прояснялось, но Дэн не так уже этому и радовался.

— Нам надо поскорее вернуться в Эннистон. Я не могу нащупать Билли. Раньше мог, а теперь он исчез.

— А Абра? — спросил Дэйв. — Что с Аброй?

Дэну не хотелось на него смотреть — лицо Дэйва посерело от ужаса, — но он все же посмотрел.

— Она тоже исчезла. Как и женщина в шляпе. Я их не чувствую.

— В смысле? — Дэйв схватил Дэна за рубашку. — В смысле?!

— Не знаю.

Он сказал правду, но ему было страшно.

Глава четырнадцатая

ВОРОН

1

«Посиди со мной, Папаша», — так сказал Барри Китаеза. «Наклонись пониже».

Это было сразу после того, как Гремучка поставила первый диск с порно. Ворон посидел с Барри, даже подержал его за руку, пока умирающий мучительно проходил очередной цикл. А когда тот вернулся...

«Слушай. Она за нами следит, это точно. Но когда включили эту порнуху...»

Трудно было объяснить все это тому, кто сам не локатор, особенно если объясняющий умирает, но суть Ворон понял. Ебливые игрушки у бассейна шокировали девочку, как и надеялась Роза, но она не просто отшатнулась и прекратила шпионить. На мгновение-другое Барри показалось, что ее местонахождение раздвоилось. Она все еще была с отцом на лилипутском поезде, направлявшемся туда, где они собирались устроить пикник, но в момент шока мелькнула еще одна непонятная картинка-призрак. Будто она в туалете, сидит на толчке.

— Может, это было воспоминание? — предположил Ворон. — Могло такое быть?

— Да, — сказал Барри. — У лохов в головах какого только говна нет. Скорей всего это ничего не значит. Но на секунду она как будто превратилась в близнецов, понимаешь?

Ворон понимал не до конца, но все же кивнул.

— Но если мне не показалось, может быть, она ведет какую-то игру. Дай-ка сюда карту.

У Джимми Арифмометра на ноуте была карта Нью-Гэмпшира. Ворон повернул ее к Барри.

— Вот она где, — сказал Китаеза, ткнув пальцем в экран. — Едет с отцом к этому Облачному распадку.

— Пади, — поправил Ворон. — Облачная падь.

— Ну и хер с ним. — Барри передвинул палец к северо-востоку. — А вот отсюда шел призрачный сигнал.

Ворон взял ноут и взглянул на каплю пота (без сомнения,

инфицированного), которую Барри оставил на экране.

— Эннистон? Она там живет, Бар. Там небось ее мысленные следы по всему городу. Как чешуйки отмершей кожи.

— Само собой. Воспоминания. Мечты. И прочее говно, как я и сказал.

— И теперь сигнал исчез.

— Да, но... — Барри вцепился в руку Ворона. — Если она такая сильная, как говорит Роза, то есть вариант, что она нас дурит. Типа, чревовещает.

— Ты когда-нибудь видел парохода, который умеет это делать?

— Нет, но все когда-нибудь случается в первый раз. Я почти уверен, что она с отцом, но тебе решать, достаточно ли этого «почти» для...

И тут Барри снова начал схлопываться, на чем их членораздельное общение и прекратилось. Ворон остался перед сложной дилеммой. Он отвечал за это задание и был уверен, что справится с ним, но план принадлежал Розе, и, что важнее, она была повернута на этом плане. Если он облажается, плохо ему придется.

Ворон взглянул на часы. Три часа дня здесь, в Нью-Гэмпшире, час — в Сайдвиндере. В кемпинге «Блюбелл» как раз кончают обедать, и с Розой можно связаться. Это решило дело. Ворон набрал номер. Он был почти уверен, что Роза высмеет его и назовет старой бабой, но ошибся.

«Ты знаешь, что на Барри уже нельзя положиться полностью, — сказала она, — но тебе я доверяю. Что тебе подсказывает чутье?»

Его чутье помалкивало, потому он и позвонил. Он так и сказал и умолк в ожидании.

— На твое усмотрение, — сказала она. — Только не облажайся.

«Спасибо тебе в бок, Розочка», подумал он... и испугался, что она перехватит эту мысль.

Он сидел, все еще держа в руке закрытый мобильник, покачиваясь из стороны в сторону вместе с фургоном, вдыхая запах болезни Барри и думая, скоро ли первая сыпь появится на его собственных руках, ногах, груди. Наконец он прошел вперед и положил руку на плечо Джимми.

— Как доедешь до Эннистона, остановись.

— Зачем?

— Я там выйду.

Ворон смотрел, как они выезжают с заправки на Мэйн-стрит, борясь с

желанием послать мысль Гремучке, пока они не отъехали слишком далеко (этим его экстрасенсорные способности и ограничивались): «Вернитесь за мной. Это ошибка».

А что если нет?

Когда «Виннебаго» скрылся из виду, Ворон окинул жадным взглядом унылую вереницу подержанных машин на продажу около прилегающей к заправке мойки. Вне зависимости от того, что случится в Эннистоне, для выезда из города Ворону понадобится автомобиль. Наличных для покупки машины у него было более чем достаточно. На ней он бы добрался до заранее оговоренной точки сбора на 87-й федеральной трассе около Олбани. А вот со временем была напряженка. На заключение сделки ему понадобится минимум полчаса, что может быть слишком долго. Пока он не удостоверится в том, что тревога оказалась ложной, ему придется импровизировать и полагаться на силу убеждения. Они никогда его не подводили.

Ворон все-таки потратил пару минут на посещение магазинчика при заправке, где он купил кепку «Ред Сокс». В стране «Ред Сокс» поступай как их фанат. Он хотел было купить еще и солнечные очки, но передумал. Благодаря телевидению, поджарый господин средних лет в солнечных очках будет выглядеть наемным убийцей в глазах некоторой части населения. Хватит ему и кепки.

По Мэйн-стрит Ворон дошел до библиотеки, у которой Абра с Дэном когда-то держали военный совет. В вестибюле он сразу же наткнулся на то, что искал. Под заголовком «Взгляните на наш город» висела карта Эннистона со всеми его улицами и переулками. Ворон нашел на ней улицу, на который жила девчонка.

— Отличный вчера был матч, правда? — спросил его какой-то мужчина со стопкой книг в руках.

До Ворона не сразу дошло, о чем тот толкует, но потом он вспомнил о своей новой кепке.

— Еще бы, — согласился он, не отрывая глаз от карты.

Подождав, пока фанат «Сокс» уберется восвояси, Ворон покинул вестибюль. Кепка — это хорошо, но у него не было никакого желания обсуждать бейсбол. Дурацкая игра.

сторонам. Заканчивалась она круговым разворотом. По дороге сюда Ворон прихватил бесплатную газету под названием «Эннистонский потребитель». Теперь он стоял на углу, удобно опершись спиной о дуб, и притворялся погруженным в чтение. Дерево прикрывало его от взглядов с улицы, и это было хорошо, потому что невдалеке стоял красный пикап, за рулем которого сидел какой-то мужик. Пикап был старый, в кузове у него валялись разные инструменты и вроде бы даже культиватор, так что мужик вполне мог оказаться садовником — жители подобных улиц могли их себе позволить, — но даже если и так, почему он просто сидит без дела?

Может, не просто сидит, а караулит?

Внезапно Ворон обрадовался, что принял слова Барри всерьез и «сошел с корабля». Но что делать дальше? Можно, конечно, позвонить Розе, но их последний разговор был не полезнее магической восьмерки.

Он все еще стоял в тени старого дуба, размышляя о своих дальнейших действиях, но тут в игру вступило провидение, которое благоволило к Верным гораздо больше, чем лохам. В одном из коттеджей открылась дверь, и из него вышли две девочки. Остротой зрения Ворон не уступал своему пернатому тезке, поэтому он тут же узнал двух из трех девчонок со снимков Джимми. Девочку в коричневой юбке зовут Эмма Дин, а ту, которая в черных брюках — Абра Стоун.

Ворон снова взглянул на старый пикап. Водитель, тоже старик, до этого сидел за рулем, сгорбившись. Теперь же он распрямился. Хвост трубой, глаза горят. В общем, насторожился. Значит, она таки водила их за нос. Ворон пока не знал наверняка, какая из двух девчонок — пароход, но в одном он был уверен: его соратники пошли по ложному следу.

Ворон вытащил мобильник, но никому не позвонил, наблюдая, как девочка в черных брюках идет по дорожке от дома к тротуару. Девочка в юбке секунду провожала ее взглядом, а потом вернулась в дом. Девочка в штанах — Абра — перешла через дорогу, а в это время мужчина за рулем пикапа вскинул руки в вопросительном жесте. В ответ она показала ему большой палец: «Не волнуйся, все в порядке». Ворона охватило ликование, жгучее, словно глоток виски. Ответ получен. Искомый пароход — Абра Стоун. Сомнений нет. Ее охраняли, и телохранителем служил старикан на вполне рабочем пикапе. Ворон был уверен, что машина довезет и его, и некую юную пассажирку до самого Олбани.

Набрав номер Гремучки, он не удивился при виде сообщения «вызов не прошел». Облачная падь была местной гордостью, и боже упаси, если какая-нибудь сотовая вышка осквернит сделанный туристом снимок. Ничего страшного. Если Ворон в одиночку не справится со стариком и

малолеткой, то пора ему сдавать жетон и уходить на пенсию. Немного подумав, Ворон выключил телефон. Следующие минут двадцать он ни с кем говорить не хотел. Включая Розу.

Миссия его, ответственность на нем.

У него было четыре полных шприца: два в левом кармане легкой куртки и два — в правом. Нацепив свою лучшую улыбку, с которой он (то есть Генри Ротман) обычно договаривался с хозяевами кемпингов и резервировал для Верных мотели, Ворон вышел из-за дерева и зашагал по улице. В левой руке он все еще держал свернутый «Потребитель». Тем временем в кармане куртки правая снимала с иглы пластиковый колпачок.

4

— Простите, сэр, кажется, я заблудился. Вы мне не поможете?

Билли Фримэн был на взводе и полон дурных предчувствий... и все же он купился на этот бодрый голос и доверительную улыбку. Всего на две секунды, но хватило и этого. Он уже тянулся к бардачку, когда почувствовал, как что-то ужалило его в шею.

«Комар укусил», подумал он и повалился на бок, закатив глаза до белков.

Ворон открыл дверь и столкнул водителя на соседнее сиденье. Голова старикана стукнулась об окно с пассажирской стороны. Ворон перекинул ноги старика через консоль, ударом закрыв бардачок, чтобы освободить место. Потом сел за руль и захлопнул дверь. Глубоко вздохнул и огляделся, готовый ко всему, но ничего не произошло. Ричланд-корт по-прежнему пребывала в послеполуденной дреме. Чудесно.

В зажигании торчал ключ. Ворон завел двигатель, и радио тут же разразилось ревом Тоби Кита: Боже, благослови Америку и не жалея пива. Ворон хотел было выключить радио, но тут жуткая белая вспышка на мгновение лишила его зрения. Ворон не был силен в телепатии, но был прочно связан с остальными членами клана: в некотором роде, они все были придатками единого организма, и только что один из них погиб. Облачная падь оказалась не просто ложным следом, а чертовой засадой.

Не успел Ворон решить, что делать дальше, как зрение ему затмила еще одна вспышка, а после небольшой паузы — еще одна.

Неужели все?

Боже праведный, все трое?! Такого просто быть не может... правда?

Он сделал глубокий вздох, потом еще один. Заставил себя признать,

что да, такое возможно. И если так, то он знал, кого винить.

Вшивую парную девчонку.

Ворон посмотрел на дом Абры. Там все было тихо. Спасибо, Господи, и на этом. Он собирался проехать по подъездной дорожке прямо к ее дому, но решил пока с этим повременить. Выйдя из машины, он наклонился внутрь и схватил бесчувственного старикана за ремень и рубашку. Усадил его за руль, потратив пару секунд на обыск. Пистолета нет. Жаль. Ему бы сейчас оружие не помешало.

Ворон пристегнул старика ремнем, чтобы тот случайно не рухнул на клаксон. Потом неспешно пошел к дому девчонки. Если он заметит в окне ее лицо — или даже просто подергивание занавески, — то перейдет на бег, но пока никаких движений не было.

Возможно, все у него получится, но давешние вспышки оттеснили мысль об успехе на второй план. Сейчас Ворону больше всего хотелось добраться до этой жалкой сучки, которая причинила им столько горя, и трясти ее до тех пор, пока она не затрещит по швам.

Абра прошла по коридору, словно во сне. Гостиная у Стоунов располагалась в подвале, но их любимым уголком была кухня. Туда Абра машинально и направилась. Она стояла, опершись на стол, за которым семья ела тысячи раз, и смотрела в окно над раковиной широко открытыми пустыми глазами. И вообще она была не на кухне. Она была в Облачной пади и наблюдала за тем, как из «Виннебаго» высыпают плохие ребята: Гремучка, Орех, Джимми Арифмометр. Она узнала их имена от Барри. Но что-то было не так. Кого-то не хватало.

(ГДЕ ВОРОН ДЭН Я НЕ ВИЖУ ВОРОНА!)

Никто не ответил, потому что Дэн с ее папой и доктором Джоном были заняты. Они уничтожили плохишей одного за другим: сначала Ореха (так держать, папа!), потом Джимми Арифмометра, а самой последней — Гремучку. Каждая смертельная рана глухим стуком отдавалась глубоко в голове. Эти стуки, словно удары тяжелого молота по дубовой доске, были ужасны в своей окончательности, но было в них и что-то приятное. Потому что...

«Потому что они это заслужили, они убивали детей, и по-другому остановить их было нельзя. Только вот...»

(Дэн где Ворон? ГДЕ ВОРОН?!)

Наконец Дэн ее услышал. Слава Богу. Она увидела «Виннебаго». Дэн думал, что Ворон внутри, и, может, он прав. Но все же...

Абра бегом вернулась к входной двери и выглянула в окошко. Тротуар пустовал, но пикап мистера Фримэна стоял там, где ему и положено. Из-за солнечных бликов на ветровом стекле Абра не видела его лица, но видела, что он за рулем, а значит, все как обычно. «Наверное».

(Абра ты там)

Дэн. Как же она ему обрадовалась. Лучше бы он был тут, с ней, но чувствовать его у себя в голове тоже было здорово.

(да)

Она еще раз взглянула на безлюдный тротуар и на пикап мистера Фримэна, проверила, заперта ли дверь, и начала возвращаться на кухню.

(пусть мама твоей подружки позвонит в полицию и скажет им что ты в опасности Ворон в Эннистоне)

Абра замерла на полпути. Она непроизвольно вскинула руку и начала тереть губы. Дэн не знал, что она ушла от Динов. Да и откуда? Он был очень занят.

(я не)

Закончить она не успела, потому что внезапно у нее в голове взорвался мысленный голос Розы, который вытеснил все остальное.

(СРАНАЯ СОПЛЯЧКА ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛА)

Вдруг такой знакомый коридор между входной дверью и кухней начало заносить. В прошлый раз, когда случилось такое вращение, Абра была наготове. В этот раз — нет. Она попыталась его остановить, но безуспешно. Дом исчез. Эннистон исчез. Абра лежала на земле и смотрела в небо. Она поняла, что гибель тех троих в Облачной пади буквально сбила Розу с ног, и на мгновение ее обуяло ликование. Абра лихорадочно искала, чем бы защититься. Времени было в обрез.

Тело Розы неуклюже распласталось между душевой и коттеджем «Оверлук», а ее сознание бушевало в голове девчонки из Нью-Гэмпшира. На этот раз ее не ждала там наездница с копьем на белом жеребце. О нет. Теперь там были лишь испуганная птишка и старушка Розы, жаждущая мести. Она убьет девку только в самом крайнем случае, слишком уж та ценна, но Роза может дать ей почувствовать грядущую смерть. То, что чувствовали друзья Розы. В головах у лохов так много мягких, уязвимых

мест, и каждое из них она знала очень хо...

(ПОШЛА ПРОЧЬ ТВАРЬ ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ ИЛИ ЗАВАЛЮ К ХЕРАМ)

Перед ее глазами словно взорвалась светошумовая граната. Роза судорожно дернулась и вскрикнула. Большая Мо, которая как раз хотела дотронуться до нее, в удивлении отпрянула. Роза не заметила, даже не увидела ее. Она продолжала недооценивать силу девчонки. Роза пыталась зацепиться за что-нибудь в ее голове, но мелкая сучка попросту выталкивала ее. Это было невероятно, это бесило и ужасало — но именно так все и происходило. Что еще хуже, она ощущала свои руки — они тянулись к лицу. Если Мо и Коротышка Эдди не остановят ее, девчонка заставит Розу вырвать собственные глаза.

Ей придется сдаться и отступить — по крайней мере, на какое-то время. Но прежде, чем Роза это сделала, глазами девки она увидела кое-что, наполнившее ее облегчением. Это был Папаша Ворон, и в руке он сжимал шприц.

7

Абра собрала воедино всю свою силу — больше, чем в тот день, когда она искала Брэда Тренора, больше, чем она вообще использовала когда-либо за свою жизнь... и все равно этого хватало едва-едва. И когда она уже начала думать, что женщину в шляпе не удастся выпихнуть прочь, мир снова начал вращаться. Она сама заставляла его вращаться, но как же это было трудно! Точно толкать перед собой гигантское каменное колесо. Небо и лица, смотревшие на нее сверху вниз, пропали. Потом была секунда абсолютной темноты, когда она оказалась

(между)

нигде, а потом перед ее глазами вновь возник коридор. Только она была уже не одна. В дверях кухни стоял человек.

Нет, не человек. Ворон.

— Привет, Абра, — сказал он, улыбнувшись, и прыгнул на нее. Абра, по-прежнему немного не в себе после стычки с Розой, даже не попыталась остановить его силой мысли. Просто повернулась и побежала.

8

В моменты самого сильного стресса Дэн Торранс и Папаша Ворон вели себя практически одинаково, хотя ни тот, ни другой об этом даже не подозревали. Зрение Ворона обрело такую же ясность, он точно так же воспринимал все происходящее в замедленном темпе. Он увидел розовый браслет на левом запястье Абры и успел вспомнить о кампании по борьбе с раком груди. Он увидел, что рюкзак девчонки занесло на левую сторону, когда она метнулась вправо, и понял, что рюкзак полон учебников. Он даже успел полюбоваться яркой копной ее волос, развевающейся за спиной.

Он поймал ее у двери, когда она пыталась повернуть ручку. Левой рукой Ворон обхватил ее шею и, рванув назад, почувствовал первые попытки — беспорядочные и слабые — оттолкнуть его силой мысли.

«Не весь шприц. Это может убить ее — вряд ли она весит больше ста пятнадцати фунтов».

Она дергалась и брыкалась, но Ворон уже вонзил иглу точно под ключицу. Девчонка смогла дотянуться левой рукой до его правой и ударила по ней — шприц выпал и покатился по полу, так что Ворон мог больше не беспокоиться о дозировке. Но провидение всегда благоволило Верным гораздо больше, чем лохам — так было всегда, так случилось и сейчас. Доза оказалась ровно такой, какой нужно. Он почувствовал, как она сдает тот небольшой плацдарм в его мозгу, который успела захватить. Ее руки тоже опустились. Она потрясенно уставилась на него влажными глазами.

Ворон похлопал ее по плечу.

— Давай прокатимся, Абра. Скоро ты познакомишься с удивительными людьми.

Невероятно, но она улыбнулась. Довольно пугающей улыбкой для девочки столь юной, что если спрятать волосы под бейсболку — она сойдет за мальчишку.

— Монстры, которых ты зовешь друзьями, мертвы. Они-и-и...

На последнем слове язык у нее начал заплетаться, глаза закатились, колени подогнулись. Ворону захотелось дать ей упасть — она это заслужила, — но он смог побороть искушение и подхватил ее под мышки. В конце концов, она была ценным достоянием.

Достоянием Верных.

Ворон попал в дом через заднюю дверь, поддев язычок смехотворного пружинного замка платиновой карточкой «Америкэн Экспресс» на имя

Генри Ротмана. Уходить тем же путем он не собирался: покатый задний двор заканчивался высоким забором, за которым бежала река. А кроме того, его будущее средство передвижения находилось в другом направлении. Ворон пронес Абру через кухню в пустой гараж. Наверное, родители на работе... если только они не празднуют сейчас в Облачной пади гибель Энди, Джимми и Ореха. Пока что на тамошние события Ворону было начхать: помощники девчонки подождут. Придет и их черед.

Ворон опустил бесчувственное тело девчонки под отцовский верстак с кучкой инструментов. Затем нажал на кнопку открытия гаража и вышел, не забыв нацепить широкую улыбку Генри Ротмана. Ключ к выживанию в мире лохов состоял в умении уверенно вписываться в окружение, и в этом умении Ворон поднаторел как никто другой. Подойдя к пикапу, он перетащил старика на среднее сиденье. Когда Ворон заворачивал на подъездную дорожку Стоунов, голова Билли привалилась к его плечу.

— Решил познакомиться со мной поближе, а, дедуля? — спросил Ворон и рассмеялся, заводя пикап в гараж. Его друзья погибли, сам он находился в жутко опасном положении, но при всем при этом чувствовал себя по-настоящему живым, впервые за многие годы. Мир вдруг заиграл ярчайшими красками и загудел, словно провод под напряжением. Он таки поймал девчонку. Поймал! Несмотря на всю ее немыслимую силу и грязные трюки. Теперь он отвезет ее Розе. Сделает любовное подношение.

— Джекпот! — воскликнул он и саданул кулаком по приборной панели.

Сняв с Абры рюкзак, Ворон оставил его под верстаком и усадил девочку у окна. Пристегнул обоих пассажиров ремнями безопасности. Ему, конечно, пришлось в голову свернуть старику шею и оставить тело в гараже, но тот мог еще пригодиться. Если, конечно, транквилизатор его не убьет. Ворон приложил руку к его морщинистой шее и проверил пульс. Замедленный, но сильный. С девчонкой же все и так понятно: она прислонилась головой к стеклу, и Ворон видел, как оно затуманилось от ее дыхания. Превосходно.

Ворон провел небольшую инвентаризацию. Пистолета нет — Верные никогда не ездили с огнестрельным оружием, — но зато есть два полных шприца с баю-баюшки-бурдой. Он не знал, на сколько ему их хватит, но главное — девчонка. Ворон подумал, что срок годности старика может оказаться чрезвычайно коротким. Что поделать. Лохи приходят, лохи уходят.

Ворон вытащил мобильник и набрал номер Розы. Она ответила, когда он уже собрался оставить сообщение. Говорила она медленно и невнятно.

Словно пьяная.

— Роза? Что с тобой?

— Девчонка сопротивлялась чуть сильнее, чем я ожидала, но я в порядке. И я больше ее не слышу. Скажи мне, что она с тобой.

— Со мной. Она сейчас сладко спит, но у нее есть друзья. Встречаться с ними мне не с руки. Я немедленно выезжаю на запад, но на возню с картами времени у меня нет. Мне нужны второстепенные дороги, по которым я смогу пробраться через Вермонт в Нью-Йорк.

— Я озадачу Подхалима Слима.

— Роза, вышли кого-нибудь мне навстречу, и как можно скорее. Пусть прихватит с собой побольше чего-нибудь эдакого, чтобы мне было чем успокоить маленькую мисс Динамит, потому что своей наркоты у меня осталось мало. Посмотри в заглавнике у Ореха. Что-нибудь да най...

— Не учи меня жить, — рявкнула Роза. — Подхалим все устроит. Хотя бы начальный маршрут ты наметил?

— Да. Роза, та пикниковая зона оказалась ловушкой. Соплячка нас одурачила. Что если ее дружки позвонят в полицию? Я еду на старом «Форде Ф-150» с парочкой зомби в кабине. У меня чуть ли не на лбу написано «ПОХИТИТЕЛЬ».

Но он ухмылялся. Еще как ухмылялся. На другом конце наступило молчание. В гараже Стоунов Ворон сидел за рулем и ждал.

Наконец Роза сказала:

— Если увидишь мигалки позади или кордон впереди, задуши девчонку и высоси из нее как можно больше пара, пока она умирает. А потом сдавайся. Мы тебя не бросим, сам знаешь.

Теперь замолчал уже Ворон. Наконец, он сказал:

— Уверена, что это самый лучший выход, золотко?

— Да. — Ответила она железным голосом. — Из-за нее погибли Джимми, Орех и Гремучка. Я оплакиваю их всех, но Энди — больше всего, потому что именно я помогла ей с Переходом, и она едва вкусила настоящей жизни. А ведь есть еще Сэйри...

Тяжело вздохнув, она замолчала. Ворон ничего не ответил. Да и что он мог ответить? В первые годы после Перехода Энди Штайнер побывала со многими женщинами — пар всегда делал новичков особенно любвеобильными, — но они с Сарой Картер были парой последние десять лет и души друг в друге не чаяли. В некоторых смыслах Энди приходилась Сэйри скорее дочерью, чем любовницей.

— Сэйри безутешна, — сказала Роза, — а Черноглазая Сьюзи точно так же скорбит по Ореху. Соплячка ответит за гибель троих наших. Так или

иначе, ее лоховская жизнь окончена. Еще вопросы будут?
Вопросов не было.

Никто не обратил особого внимания на Папашу Ворона и его дремлющих пассажиров, когда они выезжали из Эннистона на запад по старому шоссе Гранитного штата. За немногими, но заметными исключениями (хуже всего тут были остроглазые старушки и дети), лоховская Америка была на удивление ненаблюдательна даже через двенадцать лет после начала Темного века терроризма. «Заметил что-то — скажи» — отличный лозунг, только ведь надо еще заметить.

Когда они въехали в Вермонт, было уже темно, и водители встречных машин могли видеть только фары машины Ворона — он нарочно включил дальний свет. Подхалим Слим звонил уже три раза, давая ему указания по маршруту. В основном это были проселочные дороги, многие — не обозначенные на карте. Подхалим также сообщил Ворону, что Дизель Даг, Грязный Фил и Энни Фартук уже в пути. Они едут в «каприсе» 2006 года; с виду ничего особенного, но под капотом четыреста лошадей. С превышением скорости проблем не будет: у них при себе удостоверения Министерства внутренней безопасности, которые выдержат любую проверку — спасибо покойному Джимми Арифмометру.

Близняшки Горошина и Стручок с помощью сложного спутникового оборудования Верных следили за полицейскими переговорами на северо-востоке, и пока что в них не было ни слова о вероятном похищении девочки. Это было хорошо, хотя и неудивительно. Если у ее друзей хватило ума устроить засаду, сумеют и сообразить, что случится с их воробушком, если они раскроют рты.

Где-то в машине приглушенно зазвонил другой телефон. Не отводя глаз от дороги, Ворон потянулся через своих спящих пассажиров к бардачку и нашарил в нем мобильник. Старперовский, конечно. Он поднес его к глазам. Имя не высветилось — значит, звонящий не внесен в список телефонов. Но номер нью-гэмпширский. Кто-то из засады хочет узнать, все ли в порядке у Билли и девочки? Скорее всего. Ворон хотел было ответить, но передумал. Позже он проверит, не оставил ли звонящий сообщения. Информация — сила.

Когда Ворон снова потянулся, чтобы вернуть телефон в бардачок, его пальцы коснулись металла. Он вытащил самозарядный пистолет. Приятный

бонус и удачная находка. Если бы старпер очнулся раньше, чем ожидалось, он мог добраться до него раньше, чем Ворон понял бы его намерения. Он засунул «Глок» под свое сиденье и закрыл бардачок.

Оружие — тоже сила.

11

Когда уже в полной темноте они ехали через Зеленые горы по 108-му шоссе, Абра зашевелилась. Ворон, все еще окрыленный яркостью бытия, был даже рад. Во-первых, девчонка разжигала в нем любопытство. Во-вторых, судя по счетчику, бак вот-вот опустеет, и кому-то придется его заправить.

Но лишний раз рисковать не стоит.

Правой рукой Ворон вытащил из кармана один из двух последних шприцев и положил себе на колени. Подождал, пока девочка откроет вялые и ошалевшие от сна глаза.

— Добрый вечер, юная леди. Я Генри Ротман. Ты меня понимаешь?

— Ты... — Абра прочистила горло, облизала губы и договорила:

— Никакой ты не Генри. Ты Ворон.

— Понимаешь, значит. Хорошо. Наверное, в голове у тебя сейчас туман, и меня это вполне устраивает. Но если будешь хорошо себя вести, мне не понадобится вырубать тебя полностью. Ясно?

— Куда мы едем?

— В Хогвартс, на международный турнир по квиддичу. Я куплю тебе волшебный хот-дог и волшебной сладкой ваты. Ответь на вопрос. Ты будешь хорошо себя вести?

— Да.

— Приятно видеть такое рвение, но я не слишком-то ему верю, ты уж прости. Мне надо сообщить тебе кое-что важное прежде, чем ты отмочишь какую-нибудь глупость, о которой потом пожалеешь. Видишь эту иглу?

— Да. — Не отрывая головы от окна, Абра покосилась на шприц. Она закрыла глаза. Снова открыла. Очень медленно.

— Пить хочется.

— Сказывается транквилизатор. У меня с собой ничего нет, потому что уезжать нам пришлось в спешке...

— Кажется, у меня в рюкзаке есть пакетик сока, — пробормотала девочка хриплым полусшепотом. Веки она по-прежнему размыкала с большим трудом.

— Боюсь, он остался в гараже. Если будешь хорошей Златовласочкой, то в следующем городке я дам тебе что-нибудь попить. А если будешь плохой Златовласочкой, то придется тебе обойтись собственной слюной. Понятно?

— Да...

— Если я почувствую, что ты шариишь у меня в голове — да, я знаю, ты это умеешь, — или если попытаешься позвать на помощь, когда мы остановимся, я впрысну наркотик этому старому господину. Ему и так досталось немало, а добавка отправит его прямиком к Эми Уайнхаус. Я доходчиво выражаюсь?

— Да. — Она снова облизнула губы, потом потерла их рукой. — Не трогай его.

— Зависит от тебя.

— Куда ты меня везешь?

— Златовласка? Радость моя?

— Что? — Девочка недоуменно заморгала.

— Просто заткнись и наслаждайся поездкой.

— Хогвартс, — пробормотала она. — Сладкая... вата. — На этот раз девочка закрыла глаза, и век уже не размыкала. Она начала посапывать. Такой воздушный, даже приятный звук. Ворон не думал, что она прикидывается, но на всякий случай не отрывал шприца от ноги старикана. Как сказал однажды Голлум о Фродо Бэггинсе: они хитрые, моя прелес-сть. Очень хитрые.

Абра отключилась не до конца: она все еще слышала мотор пикапа, но он доносился до нее из страшной дали. Как будто откуда-то сверху. Это заставило ее вспомнить жаркие летние дни на озере Уиннипесоки, где она отдыхала с родителями, и далекий гул лодочных моторов, который слышен, когда ныряешь с головой. Абра признавала, что ее увозят силой, и знала, что нужно бить тревогу, но ее охватило глубокое спокойствие, она хотела лишь одного — парить на грани сна и яви. Правда, рот и горло пересохли ужасно. Язык напоминал пыльную ковравую дорожку.

«Нужно что-то делать. Он везет меня к женщине в шляпе, и нужно что-то делать. Если я ничего не сделаю, меня убьют как бейсбольного мальчика. А то сотворят и чего похуже».

Она обязательно что-нибудь предпримет. Только сперва попьет. И еще

немножко поспит.

Низко урчащий двигатель заработал тише, и сквозь прикрытые веки Абры хлынул свет. Потом стало совсем тихо, а Ворон принялся тыкать пальцем ей в ногу. Сначала легонько, потом сильнее. Так, чтобы причинить боль.

— Просыпайся, Златовласка. Успеешь еще выспаться.

Абра с трудом открыла глаза, щурясь на яркий свет. Они подъехали к бензоколонкам. Над ними горели флюоресцентные лампы. Абра прикрыла глаза козырьком ладони, чтобы защититься от их сияния. Теперь к жажде присоединилась головная боль. Это было похоже...

— Что смешного, Златовласка?

— А?

— Ты улыбаешься.

— До меня дошло, что со мной. У меня похмелье.

Ворон подумал-подумал и ухмыльнулся:

— Надеюсь, что да, а ведь тебе даже не удалось поплясать с абажуром на голове. Ты достаточно пришла в себя, хорошо меня понимаешь?

— Да.

По крайней мере, Абра так думала. Но эта пульсирующая боль в голове. Жуть.

— Держи.

Он что-то совал ей прямо в лицо левой рукой, перекосячившись при этом. В правой Ворон по-прежнему держал шприц, игла которого упиралась в ногу мистера Фримэна.

Абра прищурилась. Кредитка. Девочка протянула руку, которая казалась слишком тяжелой, и взяла ее. Глаза Абры начали закрываться, и Ворон дал ей пощечину. Глаза тут же широко распахнулись от изумления. Ее еще ни разу в жизни не били, по крайней мере, взрослые. Конечно, и похищали ее впервые.

— Ай! Ай!

— Вылезает из пикапа. Следуешь инструкциям на колонке, — ты же у нас умница, справишься, я думаю, — и набираешь полный бак. Затем возвращаешь «пистолет» на место и садишься назад. Если все сделаешь правильно, Златовласочка, то мы подведем вон к тому автомату с колой, — он указал на дальний угол магазина. — Сможешь купить себе большую такую банку содовой. Или простой воды, если захочешь. Я тут заметил, что у них есть «Дасани». Если же ты поведешь себя как плохая девочка, я убью старика, потом войду в магазин и убью паренька за кассой. Как два пальца об асфальт. У твоего приятеля была пушка, которая теперь в моем полном

распоряжении. Тебя я возьму с собой, и башка продавца разлетится у тебя на глазах. Решать тебе. Врубилась?

— Да, — ответила Абра. Теперь спать ей хотелось меньше. — Можно взять и колу, и воду?

Ворон улыбнулся ей широкой обаятельной улыбкой. Несмотря на свое положение, на головную боль и даже на полученную пощечину, Абра нашла ее очаровательной. Она догадывалась, что ее мнение разделяли многие люди, особенно женщины.

— Жадничаешь, ну да это не всегда плохо. Посмотрим, как ты будешь себя вести.

Абра отстегнула ремень безопасности — ей это удалось, хоть и с третьей попытки, — и схватилась за ручку дверцы. Прежде чем выйти из машины, девочка сказала:

— Прекрати называть меня Златовлаской. Ты знаешь, как меня зовут, а я знаю, как зовут тебя.

И прежде чем он успел ответить, она бахнула дверцей и направилась к островку с бензоколонками (слегка заплетаясь ногами). У девчонки был не только пар, но и отвага. Ворон ею даже чуть-чуть восхищался. Но в свете того, что постигло Гремучку, Ореха и Джимми, это «чуть-чуть» не считалось.

13

Сначала Абра не смогла прочесть инструкцию, потому что слова постоянно двоились и куда-то ускользали. Она прищурилась, и буквы обрели четкость. Ворон не спускал с нее глаз. Их взгляд сверлил ей затылок как горячий штырь.

(Дэн?)

Никакого ответа, она и не удивилась. Разве можно надеяться дотянуться до Дэна, когда она с трудом соображает, как работает эта дурацкая бензоколонка? Впервые в жизни Абра ощущала себя настолько погасшей.

В конце концов ей удалось пустить бензин, хотя в первый раз она сунула кредитку в щель не той стороной, и все пришлось начинать сначала. Бензин, кажется, качался целую вечность, но резиновый шланг «пистолета» не пропускал запаха, и от ночного воздуха у Абры постепенно прояснялось в голове. На небе высыпали миллиарды звезд. Обычно их красота и многочисленность вызывали у нее благоговение, но сегодня смотреть на

звезды было страшно. Они были так далеко. И не видели Абру Стоун.

Когда бак наполнился, она, прищурившись, прочла новое сообщение в окошке бензоколонки и обернулась к Ворону:

— Тебе чек нужен?

— Перебьемся, я считаю, а ты? — И снова эта обезоруживающая улыбка, из тех, что наполняет вас радостью, если улыбаются именно вам. Абра была больше чем уверена, что подружек у Ворона пруд пруди.

Нет. У него одна-единственная подружка. Его подружка носит шляпу. Роза. Заведи он кого-то еще, Роза бы ее убила. Наверняка голыми руками и зубами.

Абра дотащилась до пикапа и забралась внутрь.

— Все получилось просто отлично, — похвалил ее Ворон. — Ты получаешь Гран-при — одну колу и одну бутылку воды. Итак... что надо сказать папочке?

— Спасибо, — вяло ответила Абра. — Но ты мне не папочка.

— Но мог бы им быть. Я могу быть очень добрым папочкой для девочек, которые меня слушаются. Которые знают, как нужно себя вести. — Он подъехал к торговому автомату и протянул ей пятидолларовую купюру. — Мне «Фанту», если у них есть. Если нет — «Кока-колу».

— Вы пьете газировку, как все нормальные люди?

Ворон изобразил шуточную обиду:

— Если нас уколоть — разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать — разве мы не смеемся?^[14]

— Шекспир, да? — Она снова потерла губы. — «Ромео и Джульетта».

— «Венецианский купец», балда, — поправил ее Ворон, но с улыбкой. — Спорим, что ты не знаешь, как там дальше.

Она помотала головой. Зря. От этого утихшая было боль снова вгрызлась ей в голову.

— «Если нас отравить — разве мы не умираем?» — Он постучал иглой по ноге мистера Фримэна. — Подумай над этими строчками, пока будешь покупать воду.

Ворон внимательно следил, как Абра покупает напитки. Заправка находилась на лесистой окраине какого-то городишки, и был шанс, что девчонка решит послать старпера в задницу и рвануть к опушке. Ворон подумал было о пистолете, но решил его не трогать. Догнать девчонку дело

нехитрое, учитывая, как она расклеилась. Но она даже не оглянулась на лес. Сунула купюру в автомат, по очереди вытащила бутылки с напитками, прервавшись только для того, чтобы сделать большой глоток воды. Вернулась и отдала ему заказанную «Фанту», но не села в машину, а указала на дальний угол здания.

— Мне надо пописать.

Ворон опешил. Этого он не предусмотрел, хотя должен был. Девчонка была накачана наркотой, и ее организму необходимо было вывести токсины.

— Ты что, потерпеть не можешь?

Он решил, что через пару миль найдет съезд с шоссе и остановится там. Разрешит ей сходить в кусты. Главное, чтобы он при этом видел ее макушку.

Но девчонка замотала головой. Ну конечно.

Ворон задумался.

— Ладно, слушай сюда. Можешь сходить в женский туалет, если дверь будет не заперта. Но если будет, зайдешь за дом и пописаешь там. Даже не думай о том, чтобы войти внутрь и попросить ключ у продавца.

— Ну да, а если я пойду за дом, ты будешь за мной подглядывать. Извращенец.

— Там наверняка будет мусорный бак или что-то типа того, за которым ты сможешь пристроиться. Мое сердце разорвется при мысли, что я не смогу полюбоваться на твою миленькую задницу, но как-нибудь переживу. А теперь живо в машину.

— Но ты же сказал...

— Садись, или я снова стану называть тебя Златовлаской.

Она села, а он подогнал машину к дверям туалета, едва не перекрыв вход.

— Теперь протяни руку.

— Зачем?

— Делай как сказано.

Очень неохотно девочка протянула руку. Ворон схватил ее. Когда Абра увидела иглу, то попыталась вырваться.

— Не волнуйся, всего капельку. Мы же не хотим, чтобы ты думала всякие глупые мысли. А тем более — передавала их. Этого же все равно не избежать, так к чему этот театр?

Она прекратила вырываться. Проще было подчиниться. Легкий укол в тыльную сторону руки, и Ворон отпустил ее.

— А вот теперь иди. Делай пи-пи, и назад. Как там в старой песне

поется: «черные стрелки обходят циферблат, быстро как белки колесики спешат».

— Первый раз такое слышу.

— Ничего удивительного. Ты даже «Венецианского купца» от «Ромео и Джульетты» отличить не можешь.

— А ты злой.

— Когда доводят, — ответил он.

Абра вылезла из машины и некоторое время стояла рядом с пикапом, делая глубокие вдохи.

— Абра?

Она посмотрела на него.

— Не пытайся запереться. Ты же знаешь, кто за это поплатится? — Ворон похлопал Билли Фримэна по ноге.

Абра знала.

В очистившейся было голове вновь собирался туман. Страшный человек — страшное существо, прячущееся за обаятельной улыбкой. И умное. Продумало все. Абра толкнула дверь, ведущую в туалет, и та открылась. По крайней мере, не придется таскаться по кустам; уже кое-что. Девочка вошла, закрыла за собой дверь и сделала свои дела. Потом она просто сидела на унитаза, свесив кружащуюся голову. Она вспомнила, как сидела в туалете у Эммы дома, когда как последняя дура считала, что все кончится хорошо. Кажется, с тех пор прошла целая вечность.

Нужно что-то делать.

Но она сама не своя и под кайфом.

(Дэн)

Абра собрала в кулак последние остатки сил... а их оставалось совсем мало. И сколько времени ей отпустил Ворон? Она почувствовала, что ее охватывает отчаяние, лишаящее последних крох воли. Ей хотелось только застегнуть штаны, забраться в пикап и снова заснуть. И все же она попыталась еще раз.

(Дэн! Дэн, пожалуйста!)

И стала ждать чуда.

Вместо этого Абра услышала короткий резкий гудок пикапа. Который говорил яснее ясного: время вышло.

Глава пятнадцатая

МЕНЯЛКИ

1

«Ты вспомнишь то, что позабыл».

После пирровой победы при Облачной пади эта фраза преследовала Дэна, словно раздражающая и бессмысленная мелодия, которую невозможно выкинуть из головы, и ты ловишь себя на том, что напеваешь ее себе под нос, даже когда ночью идешь в туалет. Фраза раздражала, но не была бессмысленной. Почему-то она ассоциировалась у него с Тони.

«Ты вспомнишь то, что позабыл».

Не было и речи о том, чтобы отвести «Виннебаго» Верных туда, где они оставили свои машины, — к станции Минитаун в парке Фрейзера. Даже если бы они не боялись, что кто-то заметит, как они из него выходят, или что внутри останутся их следы, то все равно отказались бы от этой мысли даже без голосования. В фургоне пахло не просто болезнью и смертью; в нем стоял запах зла. У Дэна была еще одна причина не делать этого. Он не знал, могут ли Верные возвращаться на землю в виде призраков, но проверять этого не хотел.

Так что они побросали оставшуюся одежду и шприцы в Сако, которая должна была унести в Мэн все то, что не утонет, и вернулись так же, как приехали: на «Хелен Ривингтон».

Дэвид Стоун плюхнулся на кондукторское сиденье, заметил, что Дэн все еще сжимает Абриноного плюшевого зайца, и протянул за ним руку. Дэн охотно отдал его, отметив, что в другой руке отец Абры держит свой «Блэкберри».

— Что вы собираетесь с ним делать?

Дэйв взглянул на деревья, проплывавшие по обе стороны узкоколейки, потом снова на Дэна.

— Как только въедем в зону покрытия, позвоню Динам. Если никто не ответит — позвоню в полицию. Если ответят, и Эмма или ее мама скажут мне, что Абры нет, — позвоню в полицию. Если они еще этого не сделали.

Он смотрел холодно и оценивающе, и отнюдь не дружелюбно, но по крайней мере сдерживал свой страх за дочь (скорее, ужас), и это вызывало у Дэна уважение. Кроме всего прочего, так его будет легче убедить.

— Я считаю, что это ваша вина, мистер Торранс. Это был ваш план. Ваш безумный план.

Бесполезно было напоминать, что они все согласились с этим планом. Или что их с Джоном молчание Абры пугает почти так же, как ее отца. В целом Дэйв был прав.

«Ты вспомнишь то, что позабыл».

Что это — еще одно воспоминание из «Оверлука»? Скорее всего да. Но почему сейчас? Почему здесь?

— Дэйв, ее почти наверняка увезли. — Это вступил в разговор Джон Далтон. Он перешел в вагон сразу за паровозом. Последние лучи солнца, пронизывающие лес, пробегали по его лицу. — Если это так, и если ты заявишь в полицию, что, по-твоему, случится с Аброй? «Слава тебе Господи, — подумал Дэн. — Если бы я это сказал, вряд ли бы он послушал. Потому что в глубине души он по-прежнему воспринимает меня как незнакомца, секретничавшего с его дочерью. Он никогда не поверит до конца, что не я втянул ее во все это».

— А что нам еще делать? — спросил Дэйв, и его хрупкое спокойствие рухнуло. Он зарыдал, прижимая к лицу Абриного плюшевого кролика. — Что я скажу жене? Что я стрелял в людей в Облачной пади, пока какое-то чудовище похищало нашу дочь?

— Не будем забегать вперед, — сказал Дэн. Он решил, что вряд ли стоит сейчас угощать отца Абры лозунгами АА вроде «Расслабься и положишься на Бога» или «Не бери дурного в голову». — Как только появится связь, надо позвонить Динам. Я думаю, вы дозвонитесь, и окажется, что там все в порядке.

— С чего вы это взяли?

— Когда я в последний раз связывался с Аброй, то сказал, чтобы мама ее подруги вызвала полицию.

Дэйв моргнул.

— Это правда? Или вы просто задницу прикрываете?

— Это правда. Абра начала отвечать, сказала «Я не...», и тут связь прервалась. Думаю, она хотела сказать, что уже ушла от Динов.

— Она жива? — Дэйв ухватил Дэна за локоть ледяной рукой. — Моя дочь еще жива?

— Она со мной не связывалась, но я уверен, что да.

— Ну ясно, что вы еще можете сказать, — прошептал Дэйв. — Надо же отмазаться.

Дэн удержался от резкого ответа. Если они начнут собачиться, то потеряют и этот небольшой шанс вернуть Абру.

— Логично, — сказал Джон. Он все еще был бледен, и руки у него подрагивали, но говорил он тоном врача у постели больного. — Мертвая она ни к чему тому, кто остался. Тому, кто ее похитил. Пока она жива — она заложница. И потом, она нужна им для... ну...

— Им нужен ее экстракт, — объяснил Дэн. — Ее пар.

— И еще одно, — продолжил Джон. — Что ты скажешь копам о тех, кого мы убили? Что они начали становиться то видимыми, то невидимыми, пока не исчезли совсем? А потом мы избавились от их... их остатков?

— Как я только позволил себя в это втянуть?

Дэйв крутил в руках плюшевого зайца. Того и гляди, старая игрушка разорвется, и набивка полезет наружу. Дэн подумал, что он может этого не вынести.

Джон сказал:

— Послушай, Дэйв. Ради своей дочери, приди в себя. Она втянулась во все это, когда увидела фото мальчика в «Потребителе» и попыталась что-то о нем разузнать. Как только «женщина в шляпе», как ее называет Абра, узнала о ее существовании, она не могла не послать за ней. Я ничего не знаю о паре и мало знаю о «сиянии», о котором говорит Дэн, но знаю, что люди такого сорта не оставляют живых свидетелей. А твоя дочь — свидетель убийства айовского мальчика.

— Позвоните Динам, но говорите спокойно, — сказал Дэн.

— Спокойно? Спокойно?

Вид у Дэйва был такой, словно он пытался повторить слово на шведском.

— Скажите, что хотите спросить у Абры, не надо ли прихватить что-нибудь в магазине — хлеб там или молоко. Если они ответят, что она ушла домой, скажете: «Ладно, я перезвоню туда».

— И что дальше?

Этого Дэн не знал. Знал он только одно: ему надо подумать. Подумать о том, что он позабыл.

Зато знал Джон.

— Дальше ты попробуешь связаться с Билли Фримэном.

Уже сгустились сумерки, и свет фар «Рива» отчетливым конусом падал на пути впереди, когда на дисплее телефона Дэйва наконец появились полоски. Он набрал номер Динов, отчаянно стиснув в руке порядком помятого Прыг-Скока, и хотя по лицу его катились крупные капли пота, Дэн все же решил, что он держится молодцом. Можно Эбби к телефону? Он хочет спросить, не нужно ли купить что-нибудь в «Стоп энд Шоп». Ах вот оно что! Ушла? Тогда он перезвонит домой. Дэйв послушал еще

немного, сказал «Да-да, обязательно» и отключился. Он взглянул на Дэна глазами, похожими на окаймленные белым дыры посреди лица.

— Миссис Дин просила узнать, как Абра себя чувствует. Говорит, она пожаловалась, что живот болит от месячных, и ушла домой.

Он понурился.

— Я даже не знал, что у нее уже начались менструации. Люси мне не говорила.

— Есть вещи, которые отцам знать необязательно, — сказал Джон. — Попробуйте теперь набрать Билли.

— Я не знаю его номера. — Он издал отрывистый смешок. — М-да, ну и отряд у нас...

Дэн назвал номер по памяти. Впереди деревья начали редеть, и он уже видел свет фонарей на главной улице Фрейзера.

Дэйв набрал номер и ждал. Подождал еще и отключился.

— Автоответчик.

Трое мужчин молчали, пока «Рив», оставив деревья позади, ехал последние две мили до Минитауна. Дэн еще раз попробовал связаться с Аброй, собрав воедино всю мощь своего внутреннего голоса, но не получил ответа. Тот, кого она называла Вороном, наверно, как-то сумел ее вырубить. У женщины с татуировкой был шприц. Наверно, у Ворона — тоже.

«Ты вспомнишь то, что позабыл».

Эта мысль родилась где-то в недрах его мозга, там, где он держал шкатулки с ужасными воспоминаниями об отеле «Оверлук» и призраками, которые в нем обитали.

— Это был котел.

Дэйв взглянул на него с кондукторского сиденья.

— А?

— Ничего.

Отопительная система «Оверлука» была допотопной. Давление пара надо было регулярно сбрасывать, иначе оно ползло вверх, к опасной черте, за которой котел мог взорваться и разнести весь отель. Постепенно впадавший в безумие Джек Торранс забыл об этом, а его маленький сын — нет. Его предупредил Тони.

Что это было — еще одно предупреждение или сводящая с ума бессмысленная фраза, порожденная стрессом и виной? Потому что он чувствовал себя виноватым. Джон прав: Верные охотились бы за Аброй в любом случае, но чувства неподвластны рациональному мышлению. Это был его план, этот план провалился, и он был на крючке.

«Ты вспомнишь то, что позабыл».

Что это — голос старого друга, который пытается что-то сказать ему о происходящем, или просто граммофон?

Дэйв и Джон вместе вернулись в дом Стоунов. Дэн ехал за ними в собственной машине, радуясь, что остался наедине со своими мыслями. Не то чтобы это ему очень помогло. Он был почти уверен, что в той навязчивой фразе что-то есть, что-то настоящее, но ухватить его не мог. Он даже попытался вызвать Тони, впервые с тех пор, как был подростком, но не сумел.

Пиাকাпа Билли уже не было на Ричланд-корт. Дэна это не удивило. Группа захвата Верных приехала в «Виннебаго». Если они высадили Ворона в Эннистоне, значит, он был на своих двоих и нуждался в машине.

Гараж был открыт. Дэйв выскочил из машины еще до полной остановки и вбежал в дом, зовя Аbru. Потом, освещенный фарами машины Джона, как актер на сцене, он что-то поднял с земли и издал не то стон, не то вопль. Паркуясь рядом с «Субурбаном», Дэн увидел, что это было. Абрин рюкзак.

На Дэна накатило желание выпить, сильнее, чем когда он звонил Джону с той парковки у ковбойского буги-бара, сильнее, чем за все эти годы с тех пор, как он получил белую фишку на своем первом собрании. Желание просто выехать со двора, не обращая внимания на их крики, и вернуться во Фрейзер. Там есть бар под названием «Сохатый». Он проезжал мимо него много раз и, как любой бросивший пить алкоголик, задавался вопросами: как оно там, внутри? Какое пиво наливают? Какая музыка играет в автомате? Какое виски стоит на полке и какое — в холодильнике? Есть ли там хорошенькие женщины? И каков будет на вкус первый глоток? Почувствует ли он себя как дома? Наконец-то дома? Он может успеть найти ответы по крайней мере на часть этих вопросов до того, как Дэйв Стоун вызовет полицию, и его заберут для допроса в связи с исчезновением некой девочки.

«Придет время, — сказал ему Кейси в те давние дни, когда он держался сцепив зубы, — и вся твоя мысленная система обороны падет, а между тобой и выпивкой будет стоять только Высшая сила».

Дэн не имел ничего против Высшей силы, потому что у него была кое-какая информация из первых рук. Бог оставался недоказанной гипотезой, но Дэн знал, что другая грань бытия существует. Как и Абра, он встречал

людей-призраков. Так что, само собой, может существовать и Бог. С учетом тех промельков иного мира, которые ему пришлось видеть, Дэн даже считал, что скорее всего так и есть... только что это за Бог, который сидит сложа руки, когда творится такая херня?

«Как будто ты первый, кто задает этот вопрос», — подумал он.

Кейси Кингсли велел ему вставать на колени дважды в день: просить о помощи по утрам и благодарить по вечерам. «Это первые три шага: „Я не могу, Бог может, препоручу это ему“. Так что особо раздумывать тут не надо».

Для новичков, не жаждущих принять этот совет, у Кейси всегда была наготове история о режиссере Джоне Уотерсе. В одном из его ранних фильмов, «Розовые фламинго», любимица Уотерса драг-квин Дивайн съела собачью какашку с пригородного газона. Даже много лет спустя режиссеру продолжали задавать вопросы об этом славном моменте его кинокарьеры. Наконец он не выдержал. «Это был всего лишь маленький кусок дерьма, — сказал он репортеру, — но он сделал ее звездой».

«Так что вставайте на колени и просите о помощи, даже если вам это не нравится, — всегда заканчивал Кейси. — В конце концов, это всего лишь маленький кусок дерьма».

Дэн не мог встать на колени, сидя за рулем, но он автоматически принял исходную позицию своих вечерних и утренних молитв: глаза закрыты, одна ладонь прижата к губам, словно защищая их от искустельного яда, исковеркавшего двадцать лет его жизни.

«Господи, помоги мне не вы...»

И тут все озарилось.

Дело было в том, что сказал Дэйв по пути в Облачную падь. В злой улыбке Абры (интересно, видел ли уже Ворон эту улыбку и как она ему понравилась). А главное — в ощущении собственной ладони, прижимающей губы к зубам.

— Господи, — прошептал он. Дэн вышел из машины, и ноги у него подкосились. В итоге он все-таки оказался на коленях, но тут же вскочил и побежал в гараж, где двое мужчин стояли и смотрели на брошенный Абрин рюкзак.

Он схватил Дэйва Стоуна за плечо.

— Позвоните жене. Скажите, что едете к ней.

— Она захочет знать, в чем дело, — сказал Дэйв. По его дрожащим губам и опущенным глазам было ясно, насколько он не хотел этого разговора. — Она сейчас в квартире Четты. Я скажу ей... Господи, я не знаю, что говорить.

Дэн вцепился в плечо сильнее, пока Дэйв не поднял глаза и не встретился с ним взглядом.

— Мы все едем в Бостон, но у нас с Джоном там будет другое дело.

— Какое другое дело? Не понимаю.

Зато Дэн понимал. Не все, но многое.

3

Они взяли «Субурбан» Джона. Дэйв сел на переднее сиденье. Дэн лег сзади, упершись головой в подлокотник и вытянув ноги на полу.

— Люси пыталась заставить меня рассказать ей, что происходит, — сказал Дэйв. — Сказала, что я ее пугаю. Ясное дело, она поняла, что речь об Абре. Всегда подозревал, что у нее есть частичка дочкиного дара. Я сказал ей, что Эбби ночует у Эммы. Знаете, сколько раз я врал Люси с момента женитьбы? Могу пересчитать по пальцам одной руки, и три из них — это ложь насчет того, сколько я просадил в покер по четвергам у нашего завкафедрой. А ведь это совсем другое. И уже через три часа мне придется объяснить ей, почему я так поступил.

Само собой, Дэн и Джон знали, что он сказал (и как Люси расстроило упорное нежелание мужа обсуждать такое важное дело по телефону) — они оба были на кухне, когда Дэйв звонил жене. Но ему нужно было выговориться. Поделиться, как говорят в АА. Джону оставалось лишь разбавлять этот монолог нужными репликами — «угу», «да-да» и «понимаю».

В какой-то момент Дэйв притормозил и бросил взгляд назад.

— Господи, вы что, спите?

— Нет, — с закрытыми глазами ответил Дэн. — Пытаюсь связаться с вашей дочкой.

После этого Дэйв замолчал. «Субурбан» несся на юг мимо маленьких городков вдоль 16-го шоссе в полной тишине, если не считать шуршания шин. Движение на шоссе было слабым, и когда дорога расширилась до четырех полос, Джон установил круиз-контроль на шестьдесят миль в час.

Дэн даже не пробовал звать Аbru — не был уверен, что это сработает. Вместо этого он попытался настроить свой мозг на максимальную чувствительность. Стать живым радаром. Дэн никогда раньше не пробовал ничего подобного, и результат оказался жутковатым — как надеть на голову самые мощные в мире наушники. Ему показалось, что он слышит низкий вибрирующий гул. Должно быть, каша из человеческих мыслей. Дэн

приготовился ловить голос Абры в этом ровном потоке. Не то чтобы он сильно надеялся... но что, в конце концов, оставалось делать?

Он уловил ее почти сразу после того, как они проехали турникеты при въезде на платное шоссе Сполдинг — всего в шестидесяти милях от Бостона.

(Дэн)

Тихо. Едва слышно. Поначалу он даже решил, что это его воображение, выдающее желаемое за действительное, но все равно повернулся на голос, пытаясь направить в эту сторону всю концентрацию, как луч фонаря. И голос раздался вновь — на этот раз чуть громче. Настоящий. Абра.

(Дэн, пожалуйста!)

Ее накачали, да еще как, и то, что требовалось сделать, для него было новинку... но не для Абры. Она должна указать ему путь, под кайфом или нет.

(Абра соберись ты должна помочь мне)

(помочь что как)

(менялки)

(???)

(помоги мне повернуть мир)

4

Дэйв сидел на пассажирском сиденье и выуживал из подстаканника мелочь для очередного турникета, когда позади него раздался голос Дэна. Только это точно был не Дэн.

— Еще минутку, мне нужно сменить тампон!

Джон резко выпрямился, руль дернулся в его руках, «Субурбан» вильнул.

— Какого черта?

Дэйв отстегнул ремень безопасности и с коленями забрался на сиденье, чтобы посмотреть на лежащего сзади человека. Глаза Дэна были полуприкрыты, но когда Дэйв произнес имя Абры, они распахнулись.

— Нет, папочка, не сейчас, я должна помочь... должна попытаться... — Тело Дэна изогнулось. Его рука поднялась ко рту, потеряла губы — жест, виденный Дэйвом тысячу раз, — и снова упала. — Скажи ему — я просила, чтобы он не звал меня так. Скажи ему...

Голова Дэна завалилась набок и теперь лежала на его плече. Он

застонал. Его руки бесцельно дергались.

— Что происходит? — крикнул Джон. — Что мне делать?

— Не знаю, — сказал Дэйв. Он перегнулся через спинку, взял Дэна за дергающуюся руку и крепко ее сжал.

— Езжай, — сказал Дэн. — Просто езжай.

Затем тело на заднем сиденье начало биться в конвульсиях. Абра принялась кричать голосом Дэна.

5

Он нащупал связь между ними, следуя за вялым потоком ее мыслей. Увидел каменный диск, потому что так его представляла Абра, но она слишком ослабела и растерялась, чтобы вращать его. Вся ее сила уходила на то, чтобы не дать связи прерваться. Чтобы Дэн вошел в ее разум, а она — в его. Но большая часть Дэна все еще находилась в «Субурбане», по потолку которого скользили лучи фар от встречных машин. Свет... тьма... свет... тьма.

Диск был такой тяжелый.

Неожиданно откуда-то донесся громкий стук и чей-то голос, приказавший:

— Выходи, Абра. Время вышло. Пора двигаться.

Это ее напугало, и она собралась еще немножко. Диск начал вращаться, увлекая Дэна внутрь пуповины, связывающей его с девочкой. Несмотря на весь ужас положения, Дэн в жизни не испытывал большего восторга.

Из дальнего далека до него донесся голос Абры:

— Еще минутку, мне нужно сменить тампон!

Крыша «Субурбана» уплывала из поля зрения. Уходила по дуге. Наступила темнота как в туннеле, и Дэн успел подумать: «Если я здесь заблужусь, то никогда не смогу вернуться. Закончу свои дни в какой-нибудь психушке в палате для безнадежных кататоников».

Но потом мир начал вставать на место, только место это было уже совсем другим. «Субурбан» исчез. Дэн очутился в вонючем туалете с грязным полом, выложенным голубым кафелем, и табличкой возле раковины: ИЗВИНИТЕ, ВОДА ТОЛЬКО ХОЛОДНАЯ. Дэн сидел на унитазе.

Он даже не успел собраться с мыслями и встать, как дверь распахнулась так резко, что несколько старых плиток треснуло, и в кабинку

шагнул человек. На вид ему было лет тридцать пять, волосы цвета воронова крыла зачесаны назад, резкие костлявые черты лица привлекательны грубой красотой. В руке незнакомец держал пистолет.

— Тампон поменять, как же, — сказал он. — Где ты его держала, Златовласка, в кармане штанов? Видимо, так, потому что твой рюкзак очень далеко отсюда.

(скажи ему — я просила, чтобы он не звал меня так)

Дэн ответил:

— Я просила не называть меня так.

Ворон замолк, разглядывая девочку, слегка покачивающуюся на унитазе. Покачивающуюся под воздействием лекарства. Конечно же. Но что с ее манерой говорить? Это тоже из-за лекарства?

— Что у тебя с голосом? Он совсем не похож на твой.

Дэн попытался пожать плечами девочки, но ему удалось только дернуть одним из них. Ворон схватил руку Абры и рывком поднял Дэна на ноги Абры. Это было больно, и Дэн вскрикнул.

Откуда-то — за много миль от него — кто-то слабо вскрикнул: «Что происходит? Что мне делать?»

— Езжай, — ответил Дэн Джону, в то время как Ворон волок его на выход. — Просто езжай.

— И поеду, будь спокойна, — откликнулся Ворон и силой впихнул Абру в пикап на место рядом с похрапывающим Билли Фримэном. Потом схватил прядь ее волос, намотал на кулак и дернул. Дэн взвизгнул голосом Абры, сознавая, что голос этот не совсем ее. Похож, но не совсем. Ворон уловил эту перемену, но не понимал ее причин. Женщина в шляпе точно поняла бы; ведь именно женщина в шляпе, сама того не желая, научила Абру этому трюку с обменом разумами.

— Но прежде чем отправиться в путь, мы должны кое-что уяснить. А именно — никакого вранья. Солжешь папочке еще раз, и старый хрен, что храпит рядом с тобой, отправится к праотцам. Но я не буду вкалывать ему лекарство. Я съеду на какой-нибудь проселок и всажу ему пулю в живот. Так он будет умирать дольше. Тебе придется слушать его крики. Поняла?

— Да, — прошептал Дэн.

— Надеюсь, что да, детка, потому что дважды я повторять не стану, твою мать.

Ворон хлопнул дверцей и быстро обошел машину, чтобы сесть за руль. Дэн закрыл глаза Абры. Он думал о ложках на дне рождения. А еще — об открывании и закрывании ящичков. Физически Абра была слишком слаба, чтобы схватиться с человеком, садящимся сейчас за руль и заводящим

мотор, но какая-то ее часть оставалась сильной. Если бы только ему удалось найти эту часть... ту, что перемещала ложки, открывала ящики, незримо играла на пианино... писала на его доске с расстояния во много миль... если бы только ему удалось ее найти и взять под контроль...

Так же, как Абра представляла себе всадницу с копьем, Дэн представил себе панель с выключателями на стене аппаратной. Одни отвечали за руки девочки, другие — за ноги, третьи — за пожимание плечами. Но были и куда более важные. Дэну надо было суметь переключить именно их; в конце концов, у него самого было несколько похожих контуров управления.

Пикап тронулся сначала задним ходом, потом свернул. Через мгновение Ворон и его пленники снова выехали на шоссе.

— Вот так, — мрачно велел Ворон. — Давай засыпай. Что за чертовщину ты собиралась устроить в туалете? Прыгнуть в унитаз и смыться к...

Голос его затих, потому что Дэн искал нужные рычажки. Особые выключатели с красными рычажками. Он не знал, существуют ли они на самом деле, и действительно ли отвечают за дар Абры или то была лишь игра его собственного воображения. Он знал только одно: надо попытаться.

«Включить сияние», — приказал себе Дэн и повернул их все в положение «вкл».

По 108-му шоссе в сельской глуши Вермонта пикап Билли Фримэна успел отъехать от заправки миль на шесть или восемь, когда Ворон внезапно ощутил боль. Левый глаз как будто обвила серебристая ленточка. Холодная, давящая. Ворон потянулся к глазу, но еще прежде змейка боли скользнула вправо, заморозив переносицу как укол новокаина. Затем обвила и правый глаз. Как железный бинокль.

Или наглазники.

Теперь у Ворона зазвенело в левом ухе, а левая щека внезапно онемела. Он повернул голову и увидел, что девочка смотрит на него. Ее немигающие глаза были широко открыты. Непохоже было, что они затуманены наркотиком. Это вообще были чужие глаза. Гораздо старше. Мудрее. И такие же ледяные, как лицо Ворона.

(останови пикап)

Ворон уже убрал шприц, но пистолет оставался у него в руке — он

достал его, когда решил, что девчонка что-то слишком долго торчит в сортире. Он хотел было наставить оружие на старого хрыча, чтобы она прекратила свои штучки, но руку словно окатили ледяной водой. Пистолет вдруг потяжелел: пять фунтов, десять, потом — все двадцать пять. Минимум двадцать пять. Пытаясь поднять его, Ворон почувствовал, что правая нога соскользнула с педали газа, а левая рука вывернула руль так, что пикап съехал на обочину и потихоньку, замедляя ход, покатился по ней, зависая правыми колесами над кюветом.

— Что ты со мной делаешь?

— Что заслужил, Папаша.

Пикап наехал на поваленную березу, переломил ее надвое и остановился. Девчонка и старый хрен были пристегнуты, но Ворон забыл это сделать. Его кинуло на руль, и он надавил на гудок. Опустив глаза, Ворон увидел, как поворачивается в руке пистолет старого хрыча. Медленно-медленно поворачивается к нему дулом. Этого не должно было происходить. Предполагалось, что наркотик заблокирует девчонку. Черт, он и блокировал. Но в туалете что-то пошло не так. Кто бы ни прятался за глазами девочки, он был до ужаса трезв.

И до ужаса силен.

«Роза! Роза, ты нужна мне!»

— Не думаю, что она услышит, — произнес не принадлежащий Абре голос. — Может, кой-какие способности у тебя и есть, сукин ты сын, но, по-моему, телепатия в их число не входит. По-моему, когда ты хочешь поболтать со своей подружкой, то пользуешься телефоном.

Собрав все свои силы, Ворон начал поворачивать «Глок» в сторону девчонки. Казалось, что теперь пистолет весит фунтов пятьдесят. Жилы на шее Ворона вздулись как тросы. На лбу выступили бисеринки пота. Одна капля стекла Ворону в глаз, обжигая, и он сморгнул ее.

— Я... пристрелю... твоего друга, — выдавил он.

— Нет, — ответил человек в теле Абры, — я тебе не позволю.

Но Ворон видел, что она на грани изнеможения, и это вдохнуло в него надежду. Из всех сил он постарался направить ствол в живот Рипа ван Винкля, и у него почти получилось, когда пистолет снова начал поворачиваться. Теперь Ворон слышал тяжелое дыхание мелкой гадины. Черт, он и сам задыхался. Они походили на марафонцев, бок о бок несущихся к финишу.

Мимо, не останавливаясь, проехала какая-то машина. Ни один из них не обратил на нее внимания. Они не сводили глаз друг с друга.

Левой рукой Ворон обхватил правую с пистолетом. Теперь

поворачивать его было чуть полегче. Господи, он побеждал эту девку. Но его глаза! Боже!

— Билли! — закричала Абра. — Билли, помоги же мне!

Билли всхрипнул. Его глаза открылись:

— Что за...

На мгновение Ворон отвлекся. Его нажим ослаб, и пистолет мгновенно начал снова разворачиваться к нему дулом. Руки Ворона заледенели. Железные кольца впились в глаза, грозя превратить их в желе.

Первый выстрел раздался, когда дуло смотрело между соперниками, и пуля пробила дыру в приборной панели прямо над магнитолой. Билли вздрогнул и проснулся, взмахнув руками как человек, вынырывающий из объятий ночного кошмара. Одна из них ударила Абру в висок, но другая угодила Ворону в грудь. В кабине пикапа витал голубоватый дымок и запах пороха.

— Что это было? Что, черт возьми, за...

Ворон рыкнул:

— Нет, сука! Нет!

Он рывком направил пистолет на Абру, почувствовав при этом, что она ослабила контроль. Из-за удара по голове. В ее глазах он увидел тревогу и ужас и ощутил бешеную радость.

«Ее нужно убить. Не дать ей другого шанса. Но не в голову. В живот. Тогда я высосу па...»

Плечом Билли ударил Ворона в бок. Пистолет дернулся и снова выстрелил, на этот раз проделав дыру прямо у Абры над головой. Прежде, чем Ворон успел выстрелить снова, чьи-то огромные руки сомкнулись на его собственных. Он успел сообразить, что до сих пор его противник действовал далеко не в полную силу. Приступ паники пробудил к жизни гигантскую, может быть, даже невиданную мощь. На этот раз, когда пистолет начал разворачиваться дулом к Ворону, запястья сломались с хрустом, как тонкие хворостинки. На какое-то мгновение он заглянул в уставившийся на него черный глаз и успел подумать:

(Роза я люблю те)

Вспышка ослепительно белого света, а затем — тьма. Через четыре секунды от Папаши Ворона не осталось ничего, кроме одежды.

в канасту в «Баундере» Скрыги и Грязного Фила, когда раздались крики. Игроки были на взводе (как и все Верные), поэтому они тут же бросили карты и ринулись к двери.

Остальные тоже повылезали из своих домов-фургонов, чтобы узнать, в чем дело, но замерли на месте при виде Розы Шляпницы в ослепительном желто-белом свете окружающих коттедж «Оверлук» прожекторов. Ее глаза дико сверкали. Она рвала на себе волосы, словно ветхозаветный пророк во власти яростного видения.

— Эта сраная соплячка убила моего Ворона! — орала она. — Я убью ее! УБЬЮ И СОЖРУ СЕРДЦЕ!

Наконец, она с рыданиями упала на колени, закрыв ладонями лицо.

Верные ошеломленно стояли. Никто не знал, что говорить или делать. Наконец, к Розе подошла Тихая Сэйри. Роза яростно ее оттолкнула. Сэйри упала на спину, поднялась, и без колебаний вернулась к ней. На этот раз Роза подняла глаза и увидела свою утешительницу, женщину, которая тоже потеряла сегодня дорогого ей человека. Она обняла Сэйри, сжав ее так, что зрители слышали хруст костей. Но Сэйри не вырывалась, и несколько мгновений спустя женщины помогли друг другу подняться. Роза перевела взгляд с Тихой Сэйри на Большую Мо, потом на Тяжелую Мэри и Жетона Чарли, словно увидев их впервые.

— Пойдем, Розочка, — сказала Мо. — Ты потрясена. Тебе надо прил...

— НЕТ!

Роза отошла от Тихой Сэйри и шлепнула себя ладонями по сторонам лица, да так сильно, что сбила цилиндр. Роза нагнулась за ним, а когда она снова окинула взглядом собравшихся вокруг Верных, глаза ее сверкали уже не так безумно. Она думала о Дизеле Даге и других, которых она послала навстречу Папаше и девчонке.

— Надо связаться с Дизом. Пусть он, Фил и Энни поворачивают назад. Нам надо держаться вместе. Надо принять пар. Много пара. А когда нагрузимся, мы достанем эту сучку.

Они лишь стояли и смотрели на нее с тревогой и неуверенностью на лицах. Зрелище этих испуганных глаз и тупо раззявленных ртов вывело Розу из себя.

— Вы что, во мне сомневаетесь?

Тихая Сэйри тихонько вернулась и встала рядом с ней. Роза оттолкнула ее с такой силой, что Сэйри чуть снова не упала.

— Пусть тот, кто во мне сомневается, выступит вперед.

— Никто в тебе не сомневается, Роза, — сказал Пароход Стив, — но, может, нам стоит оставить девчонку в покое. — Говорил он осторожно,

стараясь не встретиться с Розой взглядом. — Если Ворон и правда погиб, то это уже пятеро. Мы никогда не теряли пятерых за один день. Мы даже двоих никогда не те...

Роза шагнула вперед. Стив тут же шагнул назад, втянув голову в плечи, словно ребенок, которому вот-вот влепят затрещину.

— Ты что, хочешь убежать от какой-то парной девчонки? После стольких лет ты хочешь, поджав хвост, удрать от лохушки?!

Никто не ответил (а Стив и подавно), но Роза видела правду в их глазах. Они хотели. На самом деле хотели. У них было много хороших лет. Сытных лет. Полных легкой добычи. Но теперь они наткнулись на того, кто не просто трещал по швам от пара, но знал, кто они такие и что творят. Вместо отмщения за Папашу Ворона — который, в паре с Розой, провел их через тучные и скудные времена, — они хотели поджать хвост и с визгом унести ноги. В тот миг Розе хотелось убить их всех. Почувствовав это, они отпрянули еще дальше.

Всех, кроме Тихой Сэйри, которая с раскрытым ртом смотрела на Розу, словно загипнотизированная. Роза схватила ее за костлявые плечи.

— Нет, Розочка! — завизжала Мо. — Не делай ей больно!

— А что скажешь ты, Сэйри? Соплячка виновата в гибели твоей любимой женщины. Ты тоже хочешь убежать?

— Не, — ответила Сэйри. Ее глаза не отрывались от Розиных. Даже сейчас, когда все на нее смотрели, Сэйри казалась почти что тенью.

— Ты хочешь возмездия?

— Да, — ответила Сэйри. И добавила:

— Месь.

У Сэйри был дефект речи, и она скорее шуршала, чем говорила, но ее услышали и поняли все.

Роза окинула взглядом остальных.

— А те из вас, кто не хочет того же, что и Сэйри, кто хочет просто упасть на брюхо и уползти...

Роза повернулась к Большой Мо и схватила ее за дряблую руку. Визгнув от неожиданности и страха, та попыталась вырваться. Роза удержала ее и подняла ее руку так, чтобы увидели остальные. Руку покрывали красные язвочки.

— От этого вы сможете уползти?

Они забормотали и отступили еще на пару шагов.

— Зараза уже в нас, — сказала Роза.

— Большинство из нас здоровы! — крикнула Милашка Терри Пикфорд. — Я здорова! На мне ни пятнышка! — И она выставила свои

гладкие руки на всеобщее обозрение.

Роза взглянула на Терри полными слез и огня глазами.

— Это пока. Но надолго ли?

Милашка не ответила, но отвернулась.

Приобняв Тихую Сэйри, Роза обозрела остальных.

— Орех говорил, что девчонка может быть нашим единственным шансом вылечиться прежде, чем болезнь охватит всех. У кого-нибудь есть другие предложения? Если да, высказывайтесь.

Никто не высказался.

— Мы подождем, пока вернутся Диз, Энни и Грязный Фил, а потом примем пар. Попируем как никогда. Опустошим канистры.

Ответом были удивленные взгляды и неловкое бормотание. Думают, что она сошла с ума? Пусть. Узел разъедала не только корь, но еще и ужас, что было гораздо хуже.

— Когда мы соберемся вместе, мы встанем в круг. Наберемся силы. *Лодсам ханти*, мы — избранные, разве вы забыли? *Саббатха ханти*, мы — Узел верных, испытанный временем. Повторяйте за мной. — Роза не спускала с них глаз. — Повторяйте же!

Они повторили, взявшись за руки и создав кольцо. «Мы — Узел верных, испытанный временем». В глазах появилась толика решимости. И веры. Все-таки язвочками покрылись только полдюжины из них. Время еще есть.

Роза и Тихая Сэйри подошли к кругу. Терри и Матрешка разняли руки, чтобы принять их, но Роза провела Сэйри в центр. Под светом прожекторов тела двух женщин отбрасывали множество теней, похожих на спицы в колесе.

— Когда мы наберемся силы, когда снова станем единым целым, мы найдем и схватим ее. Говорю как ваша предводительница. И даже если ее пар не вылечит пожирающую нас болезнь, мы покончим с этой мерзкой...

И тут девчонка заговорила у нее в голове. Роза не могла видеть злой улыбки Абры Стоун, но чувствовала ее.

(не стоит ко мне идти Роза)

На заднем сиденье машины Джона Далтона Дэн Торранс отчетливо произнес три слова голосом Абры.

— Я сама приду.

— Билли? Билли!

Билли взглянул на девочку, которая говорила совсем не как девочка. Она раздвоилась, вошла в фокус, снова раздвоилась. Он провел рукой по лицу. Веки у него отяжелели, а мысли как будто склеились в ком. Он ничего не понимал. Было уже темно, и они явно находились не на улице, где жила Абра.

— Кто стрелял? И кто насрал мне в рот? Господи...

— Билли, ты должен прийти в себя! Ты должен...

«Ты должен вести машину» — вот что хотел сказать Дэн, но Билли Фримэн не мог сесть за руль. Не в ближайшее время. У него снова закрывались глаза — причем не одновременно. Дэн пихнул его в бок Абриным локтем и сумел снова привлечь его внимание. Во всяком случае, на какое-то время.

Кабину пикапа осветили фары встречной машины. Дэн затаил дыхание Абры, но и этот водитель проехал мимо, не притормозив. Может быть, одинокая женщина или коммивояжер, который спешит домой. В любом случае, плохой самаритянин, и в данном случае это было хорошо. Но в третий раз им может так не повезти. В сельской местности люди обычно доброжелательны. И, конечно, любопытны.

— Не спи, — сказал он.

— Кто ты? — Билли попытался сфокусировать взгляд на девочке, но не сумел. — Потому что это точно говорит не Абра.

— Долго объяснять. Пока что просто постарайся не засыпать.

Дэн вышел из машины и подошел к дверце водителя, несколько раз споткнувшись по дороге. Ее ноги, показавшиеся ему такими длинными в день их первой встречи, были слишком коротки, черт бы их подрал. Он только надеялся, что не успеет к ним привыкнуть.

Одежда Ворона лежала на сиденье. Холщовые туфли стояли на грязном коврик; из них выглядывали носки. Кровь и ошметки мозгов, запятнавшие рубашку и пиджак, схлопнулись и исчезли вместе с ним, оставив лишь влажные пятна. Дэн сгреб все это в кучу и, после секундного колебания, прихватил и пистолет. Ему не хотелось с ним расставаться, но если их остановят...

Он бросил узел перед пикапом и прикрыл палой листвой. Потом взял обломок березы, которую сломал «Форд», и уложил сверху на могильник. Нелегко было проделать все это руками Абры, но он справился.

Оказалось, что он не может просто сесть в кабину — пришлось подтянуться, держась за руль. А наконец усевшись на место, он обнаружил, что ноги Абры еле достают до педалей. Черт.

Билли смачно захрапел, и Дэн снова ткнул его локтем. Билли открыл глаза и оглянулся по сторонам.

— Где мы? Этот парень меня чем-то накачал? — и заключил:

— Мне надо еще поспать.

В ходе схватки не на жизнь, а на смерть за обладание пистолетом неоткрытая бутылка «Фанты» упала на пол. Дэн наклонился, подобрал ее и помедлил, держа Абрину руку на крышечке и думая о том, что происходит с газировкой, если ее хорошо взболтать. Откуда-то издалека с ним заговорила Абра

(о господи)

и она улыбалась, но не злой улыбкой. Дэн решил, что это хорошо.

10

«Не давай мне заснуть», — произнес чужой голос устами Дэна, поэтому Джон припарковался как можно дальше от входа в торговый центр. Там они с Дэйвом взяли Дэна с двух сторон под руки и принялись водить по парковке. Он был похож на пьяницу после бурной ночи — то ронял голову на грудь, то снова вскидывал. Они поочередно пытались расспросить его — что случилось, где случилось и что происходит теперь, но Абра лишь качала Дэновой головой.

— Перед тем, как отпустить в туалет, Ворон уколол меня в руку. Остальное как в тумане. А теперь тихо, мне нужно сосредоточиться.

Они огибали «Субурбан» Джона в третий раз, когда губы Дэна разошлись в ухмылке и он издал смешок — точь-в-точь как Абра. Поверх спотыкающегося подопечного Дэйв бросил на Джона вопросительный взгляд. Джон пожал плечами и покачал головой.

— О господи, — сказала Абра. — Газировка.

11

Дэн наклонил бутылку с газировкой и снял крышку. Струя оранжевой шипучки под давлением ударила Билли в лицо, он закашлялся, что-то несвязно пробормотал и на какое-то время полностью пришел в себя.

— Иисусе, девочка моя! Ты что творишь?

— Сработало же, верно? — Дэн протянул ему все еще булькающую газировку. — Выпей, что осталось. Прости, но спать тебе нельзя, как бы ни хотелось.

Пока Билли, пыхтя, пил, Дэн наклонился и нашел рычаг настройки сиденья. Ухватившись одной рукой за руль, другой он потянул рычаг, и сиденье дернулось вперед. Билли от неожиданности облил «Фантой» подбородок (и произнес выражение из тех, что взрослые в обществе нью-гэмпширских девочек обычно не употребляют), зато Абра теперь могла дотянуться до педалей. Едва-едва. Дэн включил заднюю передачу и медленно покатиł назад, выворачивая на дорогу. Когда они снова оказались на асфальте, он облегченно выдохнул. Не хватало им еще застрять в придорожной канаве на безлюдном вермонтском шоссе.

— Ты знаешь, что делаешь? — спросил Билли.

— Да. Опыт не пропьешь... хотя как-то раз штат Флорида посчитал иначе и на какое-то время лишил меня прав. Я тогда уже был в другом штате, но есть такая штука, как принцип взаимности. Бич всех путешествующих алкоголиков нашей прекрасной страны.

— Ты Дэн.

— Именно, — сказал он, вытягивая голову над рулевым колесом. Было бы неплохо подложить под себя книгу — но книги у него не было, так что приходилось выкручиваться по мере сил. Он переключил передачу и поехал вперед.

— Как ты забрался в нее?

— Даже не спрашивай.

Ворон говорил что-то (или только думал — Дэн не был до конца уверен) о дороге к кемпингу, и где-то после четырех миль по 108-му шоссе они оказались около узкого съезда с радушной табличкой, прибитой к сосне: «Райский уголок Боба и Дота». Если это не дорога на кемпинг, тогда что? Дэн свернул (руки Абра возрадовались электроусилителю руля) и включил дальний свет. Через четверть мили дорогу перегородила тяжелая цепь с еще одной табличкой, на сей раз менее радушной: «Проезд запрещен». Стало быть, Боб и Дот решили не проводить этот уик-энд в своем райском уголке. Четверти мили от шоссе Дэну и Билли было достаточно, чтобы чувствовать себя в уединении. Еще одна приятная неожиданность: дренажная труба с бегущей водой.

Он выключил фары, заглушил двигатель и повернулся к Билли.

— Видишь трубу? Смой газировку с лица. Воды не жалея — ты нужен мне бодрым.

— Я уже проснулся.
— Не до конца. И постарайся не намочить рубашку. Когда закончишь — причешишься. Тебе предстоит выход в люди.

— Где мы?

— В Вермонте.

— А где тот парень, который меня увез?

— Мертв.

— Туда и дорога! — воскликнул Билли. Потом, подумав секунду, добавил:

— А что насчет тела? Где оно?

Отличный вопрос... но не тот, на который Дэну хотелось бы отвечать. Ему хотелось одного: чтобы все это поскорей закончилось. Происходящее невероятно дезориентировало и выматывало его.

— Его нет. Это все, что тебе нужно знать.

— Но...

— Не сейчас. Умойся, потом поброди немного по этой дороге. Разомни руки, сделай пару глубоких вдохов и постарайся на сто процентов прийти в себя.

— Голова дико болит.

Дэна это не удивило.

— Когда ты вернешься, девочка, скорее всего, снова будет девочкой — а это значит, что тебе придется сесть за руль. Если ты уже очухался достаточно, чтобы убедительно соврать, доберись до ближайшего городка с мотелем и остановись там. Ты путешествуешь с внучкой, ясно?

— Ясно, — ответил Билли. — С внучкой. Эбби Фримэн.

— Как только заселитесь, позвони мне на сотовый.

— Потому что ты будешь... где вы там все сейчас, не знаю.

— Именно.

— Мы по уши в дерьме, дружище.

— Да, — сказал Дэн. — Определенно. И теперь нам нужно как-то его разгрести.

— Ладно. Что за город впереди?

— Понятия не имею. Я не хочу, чтобы вы разбились по пути, Билли. Если ты не сможешь проехать двадцать или тридцать миль, а потом поговорить с администратором мотеля так, чтобы тот не вызвал полицию, тебе с Аброй лучше переночевать в кабине этого пикапа. Не слишком удобно, зато безопасно.

Билли открыл пассажирскую дверь.

— Дай мне десять минут. Сойду за трезвого. Не впервой. — Он

подмигнул девочке, сидящей за рулем. — Я же работаю на Кейси Кингсли. Трезвость или смерть, помнишь?

Дэн проследил, как он подошел к трубе и встал рядом с ней на колени, потом закрыл Абрины глаза.

На парковке рядом с торговым центром Абра закрыла глаза Дэна.

(Абра)

(я тут)

(ты пришла в себя)

(типа того)

(нам нужно снова повернуть диск поможешь)

На этот раз она смогла.

12

— Отпустите, парни, — сказал Дэн. К нему вернулся его собственный голос. — Со мной все в порядке. Вроде бы.

Джон и Дэйв отпустили, в любой момент готовые подхватить Дэна, если тот споткнется. Но он не споткнулся. Вместо этого он принялся ощупывать себя — лицо, волосы, грудь, ноги. Потом кивнул.

— Да, я здесь — сказал Дэн и огляделся. — Понять бы еще, где именно.

— У торгового центра, — сказал Джон. — В шестидесяти милях от Бостона или около того.

— Ладно, трогаем.

— Абра, — сказал Дэйв. — Что насчет Абры?

— С ней все нормально. Она вернулась в свое тело.

— Она должна вернуться домой, — сказал Дэйв с немалой толикой возмущения. — В свою комнату, где она могла бы чатиться с друзьями и слушать свою дурацкую музыку на айподе.

Она и так дома, подумал Дэн. Если тело человека — его дом, тот как раз там она сейчас и находится.

— Она с Билли. Он позаботится о ней.

— А парень, который похитил ее — Ворон? Что с ним?

Дэн, стоя у задней двери «Субурбана» Джона, сделал паузу.

— Можешь о нем больше не беспокоиться. Теперь мы должны переживать только о Розе.

Мотель «Краун» находился, собственно, уже в другом штате — в городке Краунвиль, штат Нью-Йорк. Третьесортное заведение с мигающей на фасаде неоновой вывеской: «Есть сво...дные н. ра» и «...ого каб...ных... аналов!». Из тридцати с чем-то парковочных мест занято было только четыре. Портье за конторкой оказался оплывшей горой жира с жидким хвостиком волос до середины спины. Он принял у Билли «Визу» и выдал ключи от двух номеров, не спуская глаз с экрана телевизора, где неистово целовались две женщины на диване красного бархата.

— Они соединяются? — спросил Билли. И, взглянув на женщин:

— Я про комнаты.

— Да, да, все смежные, только двери между ними открыть.

— Спасибо.

Вдоль ряда домиков он доехал до номеров двадцать три и двадцать четыре и припарковал пикап. Абра крепко спала на сиденье, свернувшись калачиком и подложив руку под голову. Билли отпер номера, включил свет и распахнул двери между номерами. Обстановка так себе, решил он, но жить можно. Сейчас главное — занести Абру внутрь и поспать самому. Желательно часиков десять. Билли редко чувствовал свой возраст, но сегодня вечером он ощущал себя просто таки древним старцем.

Абра немного пришла в себя, когда он укладывал ее на кровать.

— Где мы?

— В Краунвиле, штат Нью-Йорк. В безопасности. Я буду в соседней комнате.

— Мне нужен папа. И Дэн.

— Скоро, — пообещал Билли, надеясь, что так оно и будет.

Глаза девочки закрылись, потом снова медленно открылись:

— Я говорила с этой женщиной. С этой сукой.

— Правда? — Билли понятия не имел, о чем она говорит.

— Она знает, что мы сделали. Она это почувствовала. И ей больно.

На мгновение в глазах Абры вспыхнул жестокий огонек. Билли подумал, что так сияет солнце, выглянувшее из-за туч под конец стылого и пасмурного февральского дня.

— Я рада.

— Засыпай, дорогая.

На бледном усталом лице девочки продолжало сиять холодное зимнее солнце:

— Она знает, что я иду за ней.

Билли хотел было убрать волосы с глаз Абры, но — что если она укусит? Глупость, наверное, но... этот огонек в глазах. Такой же иногда появлялся у его матери перед тем, как она взрывалась и лупила кого-нибудь из детей.

— Утром тебе станет лучше. Я бы рад был вернуться уже сегодня вечером — уверен, что и твой папа хочет того же, — но за рулем я не высижу. Счастье еще, что доехал досюда, не загремев в кювет по дороге.

— Как бы мне хотелось поговорить с мамой и папой.

Мама и папа самого Билли — которых даже в лучшие времена вряд ли можно было назвать родителями года — умерли давным-давно, ему же хотелось только спать. Он с тоской посмотрел на видневшуюся в дверном проеме кровать соседнего номера. Скоро, но не прямо сейчас. Взял свой сотовый телефон и раскрыл. Два гудка — и вот уже Билли разговаривал с Дэном. Через несколько секунд он протянул телефон Абре:

— Твой отец. Беседуй на здоровье.

Абра схватила трубку:

— Папа? Папа? — В глазах у нее закипели слезы. — Да, я... прекрати, пап, со мной все хорошо. Просто так спать хочется, что я еле... — ее глаза распахнулись, как будто ее поразила какая-то мысль:

— А ты в порядке?

Абра слушала ответ. Веки у Билли опустились сами собой, и он резко открыл глаза. Теперь девочка рыдала в голос, и Билли был этому даже рад. Слезы погасили этот огонек в ее глазах.

Она протянула ему трубку обратно:

— Это Дэн. Он опять хочет с тобой поговорить.

Он взял телефон и выслушал собеседника. Потом спросил:

— Абра, Дэн хочет знать, как ты думаешь, есть ли тут поблизости еще враги? На таком расстоянии, чтобы могли явиться сюда сегодня ночью.

— Нет. Кажется, Ворон собирался встретиться с остальными, но они еще очень далеко. И они не могут нас найти, — она прервалась, чтобы от души зевнуть, — без него не могут. Передай Дэну, что с нами ничего не случится. И пусть объяснит это папе.

Билли передал сообщение. Когда он нажал отбой, Абра уже тихо посапывала на своей кровати, поджав колени к груди. Билли накрыл ее одеялом, которое нашел в шкафу, потом подошел к двери и накинул цепочку. Подумал и для пущей безопасности подпер дверную ручку стулом. Как говаривал отец Билли, береженого бог бережет.

Роза вскрыла отсек под полом и достала одну из канистр. По-прежнему стоя на коленях между двумя передними сидениями «Эрскрузера», она открыла его и присосалась к шипящей крышке. Ее нижняя челюсть, опустилась прямо на грудь, и нижняя часть головы превратилась в темную дыру с одним единственным клыком. Уголки глаз, обычно загнутые кверху, опустились, а сами глаза потемнели. Лицо Розы превратилось в скорбную маску смерти, плотно обтягивающую череп.

Роза принимала пар.

Закончив, она вернула канистру на место и села за руль своего трейлера, глядя прямо перед собой. «Не стоит ко мне идти, Роза, я сама приду». Вот что сказала девчонка. Вот что она осмелилась заявить в лицо Розе О'Хара, Розе Шляпнице. Не просто сильная, но еще и мстительная девчонка. Злобная.

— Приходи-приходи, милочка, — произнесла Роза. — И злись посильнее. Чем злее ты будешь, тем больше глупостей натворишь. Давай, навести свою тетушку Розу.

Раздался хруст. Роза опустила глаза и увидела, что отломала нижнюю часть руля «Эрскрузера». Пар увеличивал физическую силу. Руки у Розы кровоточили. Она отшвырнула изогнутый обломок пластика, поднесла руки к лицу и начала слизывать кровь с ладоней.

Глава шестнадцатая

ЗАБЫТОЕ

1

Едва Дэн закрыл телефон, как Дэйв заявил:

— Забираем Люси и едем за ней.

Дэн покачал головой:

— Она говорит, что с ней все хорошо, и я ей верю.

— Тем не менее, она под действием наркотика, — возразил Джон. — И не может ясно соображать.

— Она сообщила, как помочь мне управиться с Вороном, — ответил Дэн, — и в этом я ей доверяю. Пусть проспятся после той дряни, что им вкололи. У нас есть другие дела. Неотложные. Вам придется поверить мне на слово. Совсем скоро вы увидите свою дочь, Дэвид. А пока слушайте меня внимательно. Мы высадим вас у дома Кончетты. Вы заберете жену и привезете ее в больницу.

— Не знаю, поверит ли она мне, когда я ей все расскажу. Не знаю, как мне убедить кого-то в том, во что сам верю с трудом.

— Скажете ей, что все рассказы подождут, пока мы не соберемся все вместе. Включая прабабушку Абры.

— Сомневаюсь, что вас к ней пустят, — Дэйв кинул взгляд на часы. — Приемные часы давно закончились, а она очень больна.

— Когда речь идет об умирающих, дежурный персонал смотрит на нарушение правил сквозь пальцы, — ответил Дэн.

Дэйв взглянул на Джона, который пожал плечами:

— Он же работает в хосписе. По-моему, в этом вопросе ему можно доверять.

— Она, может, вообще без сознания, — сказал Дэйв.

— Давайте решать проблемы по мере их поступления.

— А при чем тут вообще Четта? Она ничего об этом не знает!

Дэн ответил:

— Я уверен, что она знает куда больше, чем вы думаете.

2

Они высадили Дэйва на Мальборо-стрит и наблюдали из машины, как он поднимается по ступенькам и звонит в дверь.

— Он похож на ребенка, который знает, что сейчас с него снимут штанишки и выпорют, — сказал Джон. — Все это здорово скажется на их браке, чем бы дело ни кончилось.

— Когда происходит природный катаклизм, винить некого.

— Попробуй объясни это Люси Стоун. Она будет рассуждать так: «Ты оставил дочь одну, и ее украл маньяк». В каком-то смысле она всегда будет так считать.

— Может, Абра заставит ее изменить мнение. А на сегодня мы сделали все, что могли, и пока что у нас неплохо получалось.

— Но ничего еще не закончилось.

— Какое там закончилось.

Дэйв снова звонил в дверь, заглядывая в маленький вестибюль, когда открылись двери лифта, и из него вылетела Люси Стоун. Лицо у нее было бледное и напряженное. Дэйв начал говорить сразу же, как она открыла дверь. Люси втянула его внутрь рывком, схватив за обе руки.

— Да уж, — тихо проговорил Джон. — Напоминает мне обо всех тех случаях, когда я вваливался домой пьяный в три часа ночи.

— Или он ее убедит, или нет, — отозвался Дэн. — А у нас есть свои дела.

3

Дэн Торранс и Джон Далтон приехали в Массачусетскую больницу вскоре после половины одиннадцатого. В отделении интенсивной терапии царило затишье. Сдувающийся шарик с разноцветными буквами «Поправляйся поскорей» завис под потолком в коридоре, отбрасывая тень, похожую на медузу. Дэн подошел к сестринскому посту, назвался сотрудником хосписа, в который должны были перевести миссис Рейнольдс, показал свое ривингтоновское удостоверение и представил Джона Далтона как семейного врача (натяжка, но не прямая ложь).

— Нам нужно оценить ее состояние перед переводом, — сказал Дэн, — и два члена семьи тоже хотят поприсутствовать. Это внучка миссис Рейнольдс и муж этой внучки. Простите за поздний час, но так получилось. Они скоро будут здесь.

— Я знакома со Стоунами, — ответила старшая медсестра. — Прекрасные люди. Люси была так внимательна к бабушке. Кончетта — это

личность. Я читала ее стихи, они замечательные. Но если вы ожидаете от нее какой-то реакции, джентльмены, придется вас разочаровать. Она впала в кому.

«Это мы посмотрим», — подумал Дэн.

— И потом... — Сиделка нерешительно взглянула на Джона. — Понимаете... Вообще-то это не мое дело...

— Я слушаю, — сказал Джон. — Никогда не видел старшей медсестры, которая не знала бы, что к чему.

Она улыбнулась и снова повернулась к Дэну.

— Я слышала много хорошего о хосписе «Ривингтон», но сильно сомневаюсь, что Кончетта туда поедет. Даже если она дотянет до понедельника, вряд ли есть смысл ее перевозить. Может быть, было бы гуманней дать ей завершить свой путь здесь. Если я вмешиваюсь не в свое дело, прошу прощения.

— Нет, — сказал Дэн, — и мы примем это во внимание. Джон, будь добр, спустись в вестибюль и проводи Стоунов наверх, когда они приедут. Я могу начать без тебя.

— Ты уверен...

— Да, — ответил Дэн, встретившись с ним взглядом. — Уверен.

— Она в девятой палате, — сказала старшая сестра. — Одноместная, в конце коридора. Если понадобится, нажмите кнопку вызова.

Имя Кончетты значилось на дверях палаты № 9, но кармашек для назначений врача был пуст, а мониторы над кроватью не показывали ничего утешительного. Дэн шагнул в атмосферу знакомых запахов: освежитель воздуха, антисептик, смертельная болезнь. Последний звучал в его голове, словно скрипка, знающая только одну высокую ноту. Стены были увешаны фотографиями, в основном — Абры в разных возрастах. На одной из них группка малышей с разинутыми ртами наблюдала за фокусником, который доставал из шляпы белого кролика. Дэн был уверен, что снимок сделан на знаменитом дне рождения, в День ложек.

В окружении фотографий похожая на скелет женщина спала с открытым ртом и намотанными на пальцы жемчужными четками. Остатки ее волос, тонкие, почти невидимые, разметались по подушке. Когда-то оливковая кожа стала желтой. Тощая грудь едва заметно поднималась и опускалась. Дэну хватило одного взгляда, чтобы убедиться, что старшая

медсестра и правда знает, что к чему. Если бы здесь был Аззи, он бы уже свернулся на постели женщины, дожидаясь прихода доктора Сна, чтобы возобновить ночное патрулирование пустых коридоров — пустых, не считая того, что видят только кошки.

Дэн сел на край кровати, отметив попутно, что в единственной капельнице, подсоединенной к пациентке, был физраствор. Ей могло сейчас помочь только одно лекарство, и в больничной аптеке его не держат. Катетер перекосялся; он поправил его. Потом взял спящую за руку и посмотрел ей в лицо.

(Кончетта)

Ритм ее дыхания слегка сбился.

(Кончетта вернись)

Под тонкими потемневшими веками задвигались глаза. Может быть, она слушала его, а может, видела свои последние сны. Наверное, об Италии. Она наклоняется над колодцем во дворе дома и вытаскивает ведро холодной воды. Наклоняется под горячим летним солнцем.

(Абре нужно чтобы вы вернулись и мне тоже)

Больше он ничего не мог сделать и не был уверен, что этого достаточно, но ее глаза медленно распахнулись. Сначала они были пусты, но потом в них забрезжило понимание. Дэну уже случалось это видеть. Чудо возвращающегося сознания. Не в первый раз он гадал, откуда оно берется и куда уходит, когда уходит. Смерть — не меньшее чудо, чем рождение.

Рука в его руке напряглась. Глаза по-прежнему смотрели на Дэна, и Кончетта улыбнулась. Слабой улыбкой, но все же.

«Ohmiocarò! Seitu? Sei tu? Come è possibile? Sei morto? Sono morta anch'io?. Siamo fantasmi?»

Дэн не знал итальянского, но это и не было нужно. Он прекрасно слышал в своей голове, что она говорит.

«Дорогой мой, это ты? Как же это? Ты умер? А я?»

И потом, после паузы: *«Мы — призраки?»*

Дэн склонился к ней, коснувшись щекой ее щеки.

Он зашептал ей на ухо.

Потом она зашептала в ответ.

Разговор был коротким, но содержательным. Кончетта говорила в

основном по-итальянски. Наконец подняла руку — это стоило ей больших усилий, но она справилась, — и погладила его по небритой щеке. Она улыбалась.

— Вы готовы? — спросил он.

— *Si*. Готова.

— Бояться нечего.

— *Si*. Знаю. Я так рада, что вы пришли. Скажите мне еще раз, как вас зовут, синьор.

— Дэниел Торранс.

— *Si*. Мне вас сам Бог послал, Дэниел Торранс. *Sei un dono di Dio*.

Дэн надеялся, что это так.

— Вы дадите мне это?

— *Si*, конечно. Все, что нужно для Абры.

— А я отдам кое-что вам, Четта. Мы вместе выпьем из колодца.

Она закрыла глаза.

(*Я знаю*)

— Вы заснете, а когда проснетесь...

(*все станет лучше*)

Сила была даже мощнее, чем в ночь смерти Чарли Хэйеса. Он чувствовал ее ток, нежно держа Четту за руки и ощущая ладонями гладкие камушки ее четок. Где-то гасли огни, один за другим. Это было не страшно. В Италии девочка в коричневом платье и сандалиях доставала воду из прохладного жерла колодца. Она была похожа на Абру, эта девочка. Лаяла собака. *Il cane. Ginata. Il cane si rotolava sull'erba*. Лаяла и каталась в траве. Смешная Джината!

Кончетте было шестнадцать, и она была влюблена, или тридцать, и она писала стихи за кухонным столом жаркой квартиры в Квинсе, слыша крики детей под окнами; ей было шестьдесят, и она стояла под дождем и смотрела на сотни тысяч нитей чистого серебра, падающего с неба. Она была своей собственной матерью и собственной правнучкой, и для нее пришло время перемен, время большого путешествия. Джината каталась по траве, и огни

(*поскорее пожалуйста*)

гасли один за другим. Открывалась дверь

(*пожалуйста скорее уже пора*)

и за ней оба они ощущали таинственное, ароматное дыхание ночи. А над ними сияли все звезды, которые только существовали на свете.

Он поцеловал ее прохладный лоб.

— Все хорошо, *cara*. Тебе просто нужно заснуть. Заснешь, и станет лучше.

Он ждал ее последнего вздоха.
И дождался.

Он все еще сидел на кровати, держа ее руки в своих, когда распахнулась дверь и в палату влетела Люси Стоун. За ней последовали муж и педиатр дочери, держась на некотором отдалении: они словно бы опасались обжечься страхом, яростью и беспорядочным гневом, которые окружали Люси почти видимой аурой невероятной силы.

Схватив Дэна за плечо, она вцепилась мертвой хваткой в кожу под рубашкой.

— Отойдите от нее. Вы ее не знаете. У вас с ней может быть не больше дел, чем с моей до...

— Тише, — не поворачиваясь, сказал Дэн. — Вы находитесь в присутствии смерти.

Вся подпитывавшая Люси ярость тут же покинула ее, и она обмякла. Она опустилась на кровать рядом с Дэном и посмотрела на безжизненную маску, в которую превратилось бабушкино лицо. Потом посмотрела на изнуренное, щетинистое лицо мужчины, который держал мертвые руки с обвившими их четками. По щекам Люси полились большие, прозрачные слезы. Она их не замечала.

— Я не разобрала и половины из того, что они пытались мне втолковать. Только то, что Абру похитили, но теперь она вроде как в порядке, и что сейчас она в мотеле с каким-то Билли, и они оба спят.

— Все правда, — ответил Дэн.

— Тогда избавьте меня от этих ваших святошеских сентенций, пожалуйста. Я поплачу о Момо после того, как увижу Абру. После того, как обниму ее. Пока что я хочу знать... хочу... — Люси запнулась, переводя взгляд с Дэна на покойную бабушку и обратно. Муж стоял у нее за спиной. Джон закрыл дверь палаты № 9 и прислонился к ней.

— Вас зовут Торранс? Дэниел Торранс?

— Да.

Люси снова медленно перевела взгляд с бабушки на человека, который был с ней, когда она умерла.

— Кто вы, мистер Торранс?

Дэн отпустил ладони Четты и взял за руку Люси.

— Давайте отойдем. Недалеко. На другой конец комнаты.

Люси повиновалась, все еще всматриваясь в его лицо. Дэн подвел ее к открытой двери ванной. Включил свет и указал на зеркало над умывальником, в котором они теперь были запечатлены, словно на фотографии. В таком ракурсе места для сомнений почти не осталось. Даже не почти, а вообще.

Дэн сказал:

— Мой отец был твоим отцом, Люси. Я твой сводный брат.

7

Они сообщили дежурной сестре, что один из пациентов на этаже скончался, и отправились в небольшую межконфессиональную церковь при больнице. Люси знала, куда идти: в ней она провела немало часов за раздумьями и воспоминаниями, хотя и не была слишком уж верующим человеком. Просто это место своим спокойствием располагало к подобным вещам — неизбежным, когда кто-то из близких находится при смерти. В этот час церковь была пуста.

— Сначала о главном, — сказал Дэн. — Я должен знать, веришь ли ты мне. Со временем можем сделать тест на ДНК, но... стоит ли?

Люси изумленно покачала головой, не спуская глаз с лица Дэна. Как будто пыталась запомнить его.

— Господи Боже. Мне нужно придти в себя.

— Ты сразу показался мне знакомым, — сказал Дэйв Дэну. — Теперь понимаю, почему. Дошло бы раньше, наверное, если бы это не было... понимаешь...

— Если бы это не было прямо у тебя под носом, — сказал Джон. — Дэн, Абра знает?

— Конечно.

Дэн улыбнулся, вспомнив ее теорию относительности.

— Она прочитала это в твоей голове? — спросила Люси. — С помощью этой своей телепатии?

— Нет, потому что я и сам не знал. Никто, даже такой одаренный человек, как Абра, не может прочесть мысль, которой не существует. Но где-то в глубине души и я, и она знали. Мы договорились отвечать, что я — ее дядя, если кто-то спросит, что мы делаем вместе. Как оно на самом деле и есть. Мне следовало бы догадаться гораздо раньше.

— Таких совпадений не бывает, — сказал Дэйв, покачивая головой.

— А это и не совпадение. Люси, я понимаю, что ты растеряна и

огорчена, и расскажу тебе все, что знаю — но это займет какое-то время. Которое, благодаря Джону, твоему мужу и Абре — ей больше всех — у нас есть.

— По дороге, — сказала Люси. — Расскажешь мне по дороге к Абре.

— Хорошо, — согласился Дэн, — по дороге. Но сначала — три часа на сон.

Она замотала головой, не успел он закончить.

— Нет, сейчас. Я должна увидеть ее как можно скорее. Неужели вы не понимаете? Она моя дочь, ее похитили, я должна ее увидеть!

— Похитили, но сейчас она в безопасности, — сказал Дэн.

— Ну да, это ты так говоришь. Но наверняка не знаешь.

— Это Абра говорит, а не я, — ответил он. — А уж она точно в курсе. Послушайте, миссис Стоун — Люси — сейчас она спит, и этот сон ей нужен.

«И мне бы не помешал. Впереди долгий путь, и, кажется, он будет тяжелым. Очень тяжелым».

Люси пристально посмотрела на него.

— С тобой все хорошо?

— Немного устал.

— Мы все устали, — сказал Джон. — Выдался довольно... напряженный день.

Он издал короткий смешок, после чего прикрыл рот обеими ладонями — точно ребенок, произнесший ругательство.

— Я даже не могу услышать ее голос, — сказала Люси. Она говорила медленно, точно формулировала сложное правило. — Потому что человек... которого, как ты говоришь, она называет Вороном... накачал их какой-то дрянью, и им надо отоспаться.

— Скоро, — сказал Дэйв. — Ты увидишь ее уже очень скоро.

Он взял ее руки в свои. На секунду показалось, будто Люси сейчас стряхнет их, но вместо этого она их сжала.

— Могу начать по пути в дом твоей бабушки, — сказал Дэн и встал. Это далось ему с трудом. — Пойдем.

Он успел рассказать ей, как потерявший смысл жизни человек сел в автобус, идущий из Массачусетса на север, и как — на границе Нью-Гэмпшира — выбросил бутылку, оказавшуюся последней в его жизни, в

урну с трафаретной надписью «Все ненужное оставляйте здесь» на боку. Он рассказал им, как впервые за много лет с ним заговорил Тони, его друг детства, когда автобус въехал во Фрейзер. «Вот это место», — сказал тогда Тони.

Отсюда он перескочил к тем временам, когда его звали Дэнни, а не Дэн (а иногда «док» и «как делишки, док?»), и он жить не мог без своего невидимого друга Тони. Сияние было лишь частью той тяжелой ноши, которую разделял с ним Тони, и притом не самой тяжелой. Тяжелей всего было жить бок о бок с отцом-алкоголиком, больным и чрезвычайно опасным человеком, которого Дэн с матерью так же горячо любили за его недостатки, как и вопреки им.

— У отца был бешеный нрав, и не нужно было быть телепатом, чтобы догадаться, когда он начинает терять контроль над собой. Обычно это случалось, когда отец напивался. Я знаю, что он был пьян в тот вечер, когда застукал меня в своем кабинете за игрой с бумагами. И сломал мне руку.

— Сколько тебе было? — спросил Дэйв. Он ехал на заднем сиденье рядом с женой.

— Четыре, кажется. Может и меньше. Когда отец выходил на тропу войны, то по привычке тер губы. — Дэн показал, как именно. — Никого не узнаете?

— Абру, — ответила Люси. — Я думала, эта привычка у нее от меня.

Она поднесла правую руку ко рту, потом перехватила ее левой и опустила на колено. Дэн уже видел такое у Абры, на скамейке перед Эннистонской публичной библиотекой в тот день, когда они впервые встретились наяву.

— И вспыльчивость у нее, по-моему, тоже от меня. Я иногда... просто с катушек срываюсь.

— Как только я увидел, как она трет губы, то сразу вспомнил отца, — сказал Дэн, — но мысли у меня были заняты другим. Вот и вылетело из головы.

Тут на ум ему пришел Уотсон — смотритель «Оверлука», который впервые показал отцу бойлер. «За ним нужен глаз да глаз, — сказал тогда Уотсон. — А то как поползет». Но в самом конце Джек Торранс о бойлере забыл. Именно поэтому Дэн был все еще жив.

— Хочешь сказать, что догадался о нашем родстве по одной мелкой привычке? Это очень смелое допущение, особенно если учесть, что сходство есть только между нами, но не между тобой и Аброй. Она больше похожа на отца. — Люси умолкла, задумавшись. — Но, конечно, у вас есть и еще кое-что общее: Дэйв говорит, ты называешь это сиянием. Так ты и

догадался, да?

Дэн отрицательно покачал головой:

— В год смерти отца я подружился с одним человеком. Его звали Дик Хэллоранн, и в «Оверлуке» он работал поваром. Дик тоже сиял, и он рассказал мне, что капля этого дара есть у очень многих. Он был прав. Я встретил множество людей, сияющих более-менее сильно. Билли Фримэна, например. Вот почему он сейчас с Аброй.

Джон втиснул «Субурбан» на крошечную парковку за домом Кончетты, но покидать машину никто не спешил. Как бы Люси ни беспокоилась за дочь, рассказ о прошлом ее зачаровал. Дэну не нужно было даже смотреть на нее, чтобы убедиться в этом.

— Если не сияние, тогда что?

— По дороге в Облачную падь Дэйв упомянул, что ты нашла у Кончетты в кладовке некий сундук.

— Да. Сундук моей матери. Я понятия не имела, что Момо сохранила некоторые из ее вещей.

— Дэйв рассказал нам с Джоном, что в свое время твоя мать изрядно позажигала.

На самом деле Дэйв рассказал это Абре — через телепатическую связь, но Дэн посчитал, что этого его новообретенной единокровной сестре знать не следует, по крайней мере, пока.

Люси бросила на Дэйва укоризненный взгляд, каким награждают супругов, выбалтывающих семейные тайны направо и налево, но промолчала.

— И еще он сказал, что после университета Олбани Алессандра проходила педпрактику в одной из средних школ Вермонта или Массачусетса. Отец преподавал английский в Вермонте — пока его не уволили за избиение ученика. В школе Стовингтон. И, по словам моей матери, в те дни он не пропускал ни одной вечеринки. Как только я узнал, что Абра и Билли в безопасности, я произвел в уме кое-какие расчеты. Цифры вроде бы сходятся, но я подумал, что если кто-то и знает наверняка, то это мать Алессандры Андерсон.

— Она знала? — спросила Люси. Она подалась вперед, упершись в передний подлокотник руками.

— Не все, да и времени у нас с ней было мало, но того, что она знала, достаточно. Кончетта не помнила название школы, где проходила педпрактику ваша мать, но знала, что это в Вермонте. И что у Алессандры был мимолетный роман с руководителем практики. Который был писателем, чьи произведения издавались. — Дэн помолчал. — Работы отца

попали в печать. Всего несколько рассказов, но некоторые — в очень приличные журналы вроде «Атлантик Мансли». Кончетта никогда не спрашивала у дочери, как звали того человека, а сама Алессандра раскрывать тайну не собиралась, но если ее университетские документы лежат в том сундуке, я уверен, вы обнаружите, что руководителя звали Джек Эдвард Торранс.

Дэн зевнул и посмотрел на часы:

— Пока это всё. Давайте поднимемся в квартиру. Часа три поспим и поедem на север штата Нью-Йорк. Дороги будут пусты, и мы доедем с ветерком.

— Ты клянешься в том, что она в безопасности? — спросила Люси.

Дэн кивнул.

— Хорошо, я подожду. Но только три часа. А насчет поспать... — она рассмеялась. Но это был безрадостный смех.

9

Войдя в квартиру Кончетты, Люси сразу направилась к микроволновке, установила таймер и показала его Дэну. Он кивнул и снова зевнул:

— В половине четвертого утра выходим отсюда.

Она сурово уставилась на него.

— Знаете, я бы лучше уехала без вас. Прямо сейчас.

Дэн слегка улыбнулся.

— Наверно, лучше сперва дослушать остаток истории.

Она мрачно кивнула.

— Меня здесь держит только это. И то, что моей дочери надо поспать, чтобы выветрилось то, чем ее накачали. Идите ложитесь, пока не свалились с ног.

Дэн и Джон заняли комнату для гостей. По обоям и мебели было ясно, что в основном она предназначалась для одной девочки, но у Четты бывали и другие гости: кровати было две.

Лежа в темноте, Джон сказал:

— Это ведь не совпадение, что отель, в котором ты жил в детстве, тоже в Колорадо?

— Нет.

— Этот Узел верных в том же городке?

— Да.

— И в отеле были привидения?

«Люди-призраки», — подумал Дэн.

— Да.

И тут Джон удивил Дэна так, что с него слетел уже наплывавший сон. Дэйв был прав: легче всего проглядеть то, что у тебя под носом.

— Ну, наверно, ничего странного. Если уж принять мысль, что сверхъестественные существа среди нас и нами же кормятся. Нехорошее место притягивает нехороших созданий. Они должны себя там чувствовать как дома. Как ты думаешь, у этого Узла есть такие же места в других частях страны? Другие, не знаю... «холодные точки»?

— Наверняка.

Дэн прикрыл глаза локтем. У него болело все тело и стучало в висках.

— Джонни, я бы с удовольствием поболтал еще, как мальчишки в гостях с ночевкой, но мне надо поспать.

— Конечно, но... — Джон приподнялся на локте. — При прочих равных ты бы выехал прямо из больницы, как и хотела Люси. Потому что Абра тебе почти так же дорога, как им. Ты думаешь, что она в безопасности, но вдруг это не так?

— Так, так.

Он надеялся, что это правда. Должен был надеяться, потому что он просто не мог сейчас никуда ехать. До Нью-Йорка — может быть. Но ехать пришлось бы дальше, и ему необходимо было поспать. Все его тело молило о сне.

— Что с тобой, Дэн? Вид у тебя тот еще.

— Ничего. Я просто устал.

И он провалился, сначала в темноту, потом в запутанный кошмар, где он бежал по бесконечным коридорам, а за ним гналась некая Тень, размахивая молотком, отдирая со стен полосы обоев и вышибая из них облачка штукатурки. «Иди сюда, щенок! — ревела Тень. — Поди сюда, получи свое, будь мужчиной!»

Потом с ним оказалась Абра. Они сидели на скамейке перед Эннистонской библиотекой, освещенные солнцем позднего лета. Она держала его за руку. «Все в порядке, дядя Дэн. Все в порядке. Перед смертью твой отец выгнал эту Тень. Ты можешь не...»

Дверь библиотеки распахнулась со стуком, и на солнечный свет вышла женщина. Пышное облако черных волос развевалось над ее плечами, но залихватски сдвинутый набекрень цилиндр не падал. Он держался словно по волшебству.

— Ты смотри, — сказала она. — Никак Дэн Торранс, который украл у

женщины деньги, пока она отсыпалась с бодуна, а потом оставил ее малыша на растерзание дяде.

Она улыбнулась Абре, обнажив единственный зуб. Он был длинный и острый, как штык.

— А что же он с тобой сделает, конфетка моя? Что он сделает с тобой?

10

Люси разбудила его точно в три тридцать, но, когда Дэн потянулся растолкать Джона, покачала головой:

— Пусть поспит подольше. А муж храпит на диване, — она даже улыбнулась. — Наводит на мысли о Гефсиманском саде. Как Иисус укоряет Петра: «Неужели ты не в силах прободрствовать со мной хотя бы час?» Ну или как-то так. Но мне, кажется, не за что упрекать Дэвида — он тоже это видел. Пойдем. Я сделала омлет. Судя по твоему виду, он тебе не повредит. Ты за удочкой спрячешься, — она остановилась, а потом добавила: — ... брат.

Есть Дэну не очень хотелось, но он пошел за Люси на кухню.

— Так что он там тоже видел?

— Я разбирала бумаги Момо, чтобы как-то отвлечься, и услышала на кухне какой-то звон.

Люси взяла Дэна за руку и подвела к стойке между плитой и холодильником. На ней выстроились в ряд старомодные аптечные банки, причем одна из них — с сахаром — была опрокинута. Сообщение было написано на просыпавшемся сахаре.

«Все норм... Пойду досыпать. Лю».

Несмотря на свое самочувствие, Дэн вспомнил о грифельной доске и не мог не улыбнуться. Это было так похоже на Абру.

— Наверное, она проснулась только для того, чтобы это написать, — сказала Люси.

— Я так не думаю, — возразил Дэн.

Люси взглянула на него от плиты, где перекладывала омлет на тарелку.

— Ее разбудила ты. Она почувствовала твое беспокойство.

— Ты правда так считаешь?

— Да.

— Садись, — Люси сделала паузу. — Садись, Дэн. Думаю, пора привыкать звать тебя так. Садись и ешь.

Дэн не чувствовал голода, но ему нужна была энергия. И он

подчинился.

Она села напротив со стаканом сока, купленного Кончеттой Рейнольдс в «Дин энд Ди Лука» в последний раз в жизни.

— Выпивающий мужчина средних лет, по уши влюбленная в него молоденькая женщина. Вот как я это себе представляю.

— Я тоже.

Дэн планомерно и методично поглощал омлет, не чувствуя вкуса.

— Будете... будешь кофе, Дэн?

— Если не трудно.

Мимо стойки с рассыпанным сахаром Люси прошла к кофеварке.

— Он женат, но благодаря своей работе попадает на большинство факультетских вечеринок, где полно хорошеньких девчонок. Не говоря уж о либидо, расцветающем под грохот музыки ближе к ночи.

— Похоже на правду, — заметил Дэн. — Может быть, раньше мама тоже ходила на эти вечеринки, но потом появился маленький ребенок, а денег на няню не было.

Люси протянула ему чашку кофе. Он отхлебнул прямо так, прежде чем она успела спросить, не пьет ли он его с молоком.

— Спасибо. Так или иначе, они встречались. Наверное, в одном из местных мотелей. Только не на заднем сиденье его машины — у нас был «Фольксваген-жук». Там не уместились бы и акробаты.

— Танцы-шманцы-обжиманцы, — вставил Джон, появляясь на кухне. Волосы у него на затылке растрепались от сна. — Так это когда-то называлось. А еще омлет остался?

— Полно, — ответила Люси. — Абра оставила записку на стойке.

— Серьезно? — Джон подошел прочитать. — Это она писала?

— Да. Ее почерк я узнаю из тысячи.

— Обалдеть, «Веризон» просто разорится.

Люси не улыбнулась.

— Садись и ешь, Джон. У тебя десять минут, потом я бужу нашу Спящую Красавицу на диване.

Она села.

— Продолжай, Дэн.

— Не знаю, воображала ли она, что отец бросит маму ради нее, и сомневаюсь, что ты найдешь ответ на это в ее сундуке. Если только она не

оставила дневник. Все, что я знаю — со слов Дэйва и потом со слов самой Кончетты, — это что некоторое время Алессандра оставалась в Стовингтоне. Может, на что-то надеялась, может, просто развлекалась, может, и то, и другое. Но к тому времени, как Алессандра обнаружила, что беременна, она, наверное, сдалась... Мы тогда уже, может быть, вообще были в Колорадо.

— Думаешь, твоя мать догадывалась?

— Не знаю, но она наверняка должна была подозревать его в неверности, особенно в те вечера, когда он приходил поздно и на бровях. Уверен, она знала, что пьяницы не только играют на бегах и суют пятерки в вырез официанткам в «Твист энд Шаут»

Люси тронула его за локоть.

— Тебе нехорошо? Вид у тебя совершенно вымотанный.

— Все нормально. Просто не ты одна пытаешься переварить новости.

— Мама разбилась на машине, — сказала Люси.

Она отвернулась от Дэна и устремила пристальный взгляд на доску для объявлений на холодильнике. В центре висела фотография Кончетты и Абры, судя по всему — лет четырех, идущих рука об руку через ромашковое поле.

— Ее спутник был гораздо старше. И пьян. Они ехали на большой скорости. Момо не хотела мне ничего рассказывать, но лет примерно в восемнадцать мне стало любопытно, и я вытянула из нее кое-какие подробности. Когда я спросила, не была ли пьяна и моя мать тоже, Четта ответила, что не знает. Сказала, что полиции незачем проверять погибших в аварии пассажиров, только водителя.

Люси вздохнула.

— Неважно. Оставим семейные легенды на потом. Расскажи, что произошло с моей дочерью.

И Дэн рассказал. В какой-то момент он обернулся и увидел, как Дэйв Стоун стоит на пороге кухни, заправляя рубашку в брюки, и не сводит с него глаз.

Дэн начал с того, как Абра с ним связалась, поначалу используя Тони в качестве посредника. Потом — как Абра вступила в контакт с Узлом верных: кошмарное видение о «бейсбольном мальчике», как она его называла.

— Я помню этот кошмар, — сказала Люси. — Она разбудила меня криком. Такое бывало и раньше, но это был первый случай за два-три года.

Дэйв нахмурился.

— Что-то я такого не помню.

— Ты был в Бостоне, на конференции.

Она повернулась к Дэну.

— Я правильно все поняла? Эти люди — не люди, они... кто? Что-то вроде вампиров?

— В каком-то смысле, наверно, да. Они не спят в гробу днем и не превращаются в летучих мышей в полночь, и я сомневаюсь, что их пугают кресты и чеснок, но они — паразиты и, безусловно, не люди.

— Люди не исчезают после смерти, — просто сказал Джон.

— Вы правда это видели?

— Видели. Все трое.

— В любом случае, — сказал Дэн, — Узел верных не интересуют обычные дети. Только те, кто сияет.

— Такие, как Абра, — продолжила Люси.

— Да. Они их пытаются, прежде чем убить: чтобы очистить пар, говорит Абра. Я все думаю о самогонщиках, гонящих бормотуху.

— Они хотят... вдохнуть ее, — сказала Люси, все еще пытаюсь уложить это в голове. — Потому что у нее есть сияние.

— Не просто сияние — мощное сияние. Я — фонарик. Она — маяк. И она знает о них. Она знает, кто они такие.

— Это еще не все, — сказал Джон. — То, что мы сделали с теми людьми в Облачной пади... Роза считает, что виновата в этом Абра, и неважно, кто совершил сами убийства.

— А чего она ожидала? — возмутилась Люси. — Они что, не в курсе, что такое самооборона? Инстинкт выживания?

— Роза понимает одно, — сказал Дэн, — что маленькая девочка бросила ей вызов.

— Вызов?

— Абра связалась с ней телепатически. Она сказала Розе, что придет к ней сама.

— Что-что?

— Ох уж этот ее норов, — тихо сказал Дэйв. — Сколько раз я ей говорил, что до добра он не доведет.

— Она даже близко не подойдет к этой женщине и ее друзьям-детоубийцам.

Дэн подумал: «Да... и нет». Он взял Люси за руку. Она попыталась

высвободиться, но передумала.

— Тебе надо понять одну простую вещь, — сказал он. — Они никогда не остановятся.

— Но...

— И никаких но, Люси. При других обстоятельствах Роза могла бы все же отступить — она мудрая старая волчица. Но есть еще один фактор.

— Какой?

— Они больны, — ответил Джон. — Абра говорит, что у них корь. Может, они даже заразились ей от того мальчишки, Тревога. Не знаю, как это назвать: возмездием свыше или просто иронией судьбы.

— Корь?

— Понимаю, звучит несерьезно, но поверь мне: на самом деле все серьезней некуда. Вспомни, в прежние времена корь могла скосить всех детей в семье. Если это происходит с Узлом верных, корь может их уничтожить.

— И прекрасно! — воскликнула Люси. Дэн хорошо знал эту злую улыбку, появившуюся сейчас на ее лице.

— Нет, потому что они думают, что Абрин супер-пар может их вылечить, — сказал Дэйв. — Вот что ты должна понять, солнышко. Это не просто мелкая стычка. Для той суки это бой не на жизнь, а на смерть.

Он колебался и выложил все до конца. Потому что это нужно было сказать.

— Если Розе удастся, она съест нашу дочь живьем.

13

Люси спросила:

— Где они? Этот Узел верных?

— В Колорадо, — ответил Дэн. — В кемпинге «Блюбелл» под городком Сайдвиндер.

Ему не хотелось упоминать, что кемпинг находится на том самом месте, где он когда-то чуть не умер от руки родного отца, потому что это привело бы к новым расспросам и ахам насчет совпадений. Единственное, в чем Дэн был уверен, — что никаких совпадений тут нет.

— В Сайдвиндере должен быть полицейский участок, — сказала Люси. — Позвоним им, и пусть они займутся этим делом.

— И что мы им скажем? — Джон говорил мягко, без спорщицкого задора.

— Ну... что...

— Если ты даже сумеешь уговорить копов съездить в кемпинг, — сказал Дэн, — они увидят там только кучку пожилых людей, почти стариков. Безобидные пенсионеры в трейлерах, из тех, которые вечно всем показывают фото внуков. Документы у них будут — комар носа не подточит, от лицензий на содержание собак до купчих на земельные участки. Полиция не найдет оружия, даже если получит ордер на обыск, — а она его не получит, нет достаточных оснований, — потому что Узлу верных пистолеты не нужны. Вот где у них оружие, — Дэн стукнул себя по лбу. — Ты окажешься ненормальной дамочкой из Нью-Гэмпшира, Абра — твоей ненормальной дочкой, сбежавшей из дому, а мы будем твои ненормальные друзья.

Люси сжала ладонями виски.

— Поверить не могу, что это все на самом деле.

— Если покопаться в архивах, наверняка можно обнаружить, что Узел верных, как бы он официально ни назывался, проявил немалую щедрость к этому колорадскому городку. В своем гнезде не гадят — его устилают перьями. И тогда в трудную минуту у тебя будет много друзей.

— Эти мерзавцы давно уже землю топчут, — сказал Джон. — Так ведь? Потому что главное, что они получают из этого пара, — долголетие.

— Скорей всего так и есть, — согласился Дэн. — И я уверен, что все это время они старательно зарабатывали деньги, как каждый добрый американец. И их хватит, чтобы подмазать колеса посерьезней тех, что вращаются в Сайдвиндере. Государственные колеса. Федеральные.

— А эта Роза... Она никогда не отступит.

— Да.

Дэн думал о своем пророческом видении. Лихо заломленная шляпа. Зияющая пасть. Единственный зуб.

— Она затаила в душе злобу на вашу дочь.

— У женщины, которая живет за счет убийства детей, нет души, — сказал Дэйв.

— Душа-то у нее есть, — возразил Дэн. — Но черная.

Люси встала.

— Хватит разговоров. Я хочу поехать к ней сейчас же. Сходите все в туалет, потому что мы не будем останавливаться, пока не доедем до этого мотеля.

Дэн спросил:

— У Кончетты есть компьютер? Если да, мне надо кое-куда быстренько заглянуть перед отъездом.

Люси вздохнула.

— В ее кабинете; пароль, я думаю, ты отгадаешь. Но если застрянешь больше чем на пять минут, мы едем без тебя.

Роза не спала. Она лежала в постели, вытянувшись как струна, и бурлила паром и яростью.

Когда в четверть третьего завелся двигатель, она его услышала. Пароход Стив и Матрешка. Услышала она и другой, стартовавший без двадцати четыре. На этот раз — Малявки-близнецы, Стручок и Горошина. С ними уехала и Милашка Терри Пикфорд — наверняка нервно озираясь и пытаясь разглядеть через заднее стекло, нет ли поблизости Розы. Большая Мо просила взять ее с собой — умоляла взять ее с собой, — но ей отказали, потому что она была заразна.

Роза могла бы остановить их, но к чему эти хлопоты? Пусть на своей шкуре испытают, что такое жить в Америке, полагаясь лишь на себя — вне Узла верных, который уже не примет их в своем лагере и не прикроет спину, пока они в пути. «Особенно после того, как я скажу Подхалиму Слиму, чтобы заблокировал их кредитные карты и обнулil счета», — подумала она.

Подхалим, конечно, не Джимми Арифмометр, но с этим он справится одним движением пальца. И никуда не уедет. Подхалим останется. Как и все лучшие из них... почти все. Грязный Фил, Энни Фартук и Дизель Даг тоже решили не возвращаться. Они проголосовали и приняли решение двинуть на юг. Диз сказал им, что Розе больше нельзя доверять, и, кроме того, Узел вообще давно следовало распустить.

«Удачи, дорогуша», — подумала она, сжимая и разжимая кулаки.

Раздробить Узел было бы ужасной идеей, а вот проредить его — не такой уж плохой. Так что пусть слабые бегут, а больные подышают. Когда сучонка будет мертва и мы вдохнем ее пар (Роза больше не питала иллюзий, что можно пленить ее), те два или три десятка из нас, кто останется, станут сильнее, чем когда-либо. Она скорбела по Ворону и понимала, что уже никто не займет его место, но Чарли Жетон будет стараться изо всех сил. Как и Сэм Арфист... Кривой Дик... Жирная Фэнни и Длинный Пол... Скряга Джи — смекалкой не отличается, зато верная и никогда не спорит...

Помимо прочего, если остальные уйдут, оставшийся пар будет

действовать дольше и сделает их сильнее. А сила им понадобится.

«Иди ко мне, мелкая сучонка, — подумала Роза. — Посмотрим, как ты справишься с двумя дюжинами. Посмотрим, как тебе понравится оказаться одной против всего Узла. Мы сожрем твой пар и вылакаем твою кровь. Но сначала — напьемся твоими криками».

Роза смотрела во тьму и слушала затихающие голоса дезертиров, потерявших веру.

В дверь тихо, робко постучали. Роза пару мгновений раздумывала, потом спустила ноги с кровати.

— Входите.

Она была голой, но даже не предприняла попытки прикрыться, когда в салон пробралась Тихая Сэйри — бесформенная в своей фланелевой ночной рубашке, мышинового цвета челка лезет в глаза. Как всегда, Сэйри было трудно заметить, даже зная, что она здесь.

— Мне грустно, Лоза.

— Я знаю. Мне и самой грустно.

На самом деле она была в ярости, но так звучало лучше.

— Я скучаю по Энди.

Да, Энди — для лохов Андреа Штайнер, из которой отец выбил все человеческое задолго до того, как ее нашли Верные. Роза вспомнила, как в тот день наблюдала за ней в кинотеатре. И потом, когда она, собрав волю в кулак, бесстрашно справилась с Переходом. Гремучка Энди бы осталась. Гремучка прошла бы через огонь, если бы Роза сказала ей, что это нужно Узлу верных.

Роза раскрыла объятия. Сэйри бросилась в них и уронила голову Розе на грудь.

— Бев нее я хотю уметь.

— Нет, милая, я так не думаю. — Роза уложила невесомое создание на кровать и крепко обняла. Кожа да кости. — Чего ты хочешь на самом деле?

Под косматой челкой яростно блеснули глаза.

— Мфтить.

Роза поцеловала ее в одну щеку, затем в другую, затем в сухие губы. Потом чуть отстранилась и сказала:

— Да. И ты отомстишь. Открой рот, Сэйри.

Сэйри послушалась. Их губы встретились вновь. Роза Шляпница выдохнула пар, которого у нее оставалось еще много.

Стены кабинета Кончетты были увешаны записками, отрывками стихотворений и письмами, на которые она уже не ответит никогда. Дэн ввел четырехбуквенный пароль, запустил «Файрфокс» и нашел в Гугле кемпинг «Блюбелл». У кемпинга был свой сайт, пусть и не слишком вразумительный: наверное, потому, что его владельцы не очень-то стремились привлечь посетителей. И все же на страничке были фотографии. Дэн изучил их с той жадностью, с какой люди рассматривают недавно найденные старые семейные альбомы.

«Оверлук» уже давно сгорел, но местность Дэн узнал. Когда-то, накануне первой метели, которая заперла их на зиму, он стоял с мамой и папой на широком переднем крыльце отеля (оно казалось еще шире без плетеной мебели, которую уже убрали на склад) и смотрел на длинный, гладкий и покатый газон. В самом низу, куда частенько выходили порезвиться олени и антилопы, стояло теперь большое здание деревенского вида. Называлось оно коттедж «Оверлук», где, согласно надписи, посетители могли пообедать, поиграть в бинго, а по пятничным и субботним вечерам — потанцевать под живую музыку. По воскресеньям была церковная служба, которую по очереди проводили служители и служительницы культа из Сайдвиндера.

«Пока не выпал снег, отец подстригал и этот газон и фигурные кусты, которые на нем росли. Как-то раз он сказал, что в свое время дамских кустов он подстриг немало. Я шутики не понял, но мама посмеялась».

— Та еще шуточка, — пробормотал Дэн.

Он увидел ряды новеньких установок для домов-фургонов: эти дорогушие агрегаты подавали не только жидкий пропан, но и электричество. На снимках были мужские и женские душевые, такие огромные, что могли обслужить целую армию дальнобойщиков. Для малышей устроили игровые площадки. Интересно, видели ли там детишки что-нибудь жуткое, наподобие того, что Дэнни «Док» Торранс увидел когда-то на игровой площадке «Оверлука». Также кемпинг мог похвастаться софтбольшим полем, площадкой для шаффлборда, парой теннисных кортов и даже бочче.

«Зато роке нет. Уже нет».

Выше по склону — там, где когда-то собрались оверлукские кусты-животные, — рядом стояли чистенькие белые спутниковые тарелки. На вершине холма, где когда-то находился сам отель, была деревянная платформа, к которой вела длинная лестница. Это место принадлежало теперь штату Колорадо и называлось Крышей мира. Посетители кемпинга «Блюбелл» могли туда подняться или побродить по проложенным дальше

тропам совершенно бесплатно. «Тропы рекомендуются только более опытным ходокам, — гласила надпись, — но Крыша мира доступна всем. Виды сногшибательны!»

Дэн не сомневался, что так и есть. И уж конечно они были сногшибательны из столовой и танцевального зала «Оверлука»... по крайней мере, до тех пор, пока неугомонный снег не завалил окна. На западе копьями врезались в небо самые высокие пики Скалистых гор. На востоке открывался вид до самого Боулдера. Чего уж там — до самого Денвера и Арвады в те редкие дни, когда воздух над ними слегка очищался.

Дэн не удивился тому, что этот кусок земли перешел во владение штата. Кто вообще захочет там строить? Место гнилое, и вряд ли нужно быть телепатом, чтобы это почувствовать. Но Верные постарались подобраться к нему как можно ближе, и Дэн догадывался, что их залетные гости — нормальные гости — редко приезжали во второй раз или рекомендовали «Блюбелл» своим друзьям. «Нехорошее место притягивает нехороших созданий», сказал Джон. Если так, то верно и обратное: хороших оно отталкивает.

— Дэн! — позвал Дэйв. — Автобус уезжает!

— Еще минутку!

Он закрыл глаза и приложил ко лбу ладонь.

(Абра)

Его голос тут же ее разбудил.

Глава семнадцатая

СУЧОНКА

1

За окнами мотеля «Краун» стояла темнота — до рассвета оставался час, а то и больше. В домике № 24 открылась дверь, и из него вышла девочка. Мир погрузился в предрассветный туман. На девочке были черные штаны и белая блузка. Она заплела волосы в косички, и лицо, которое они теперь обрамляли, выглядело очень юным. Девочка глубоко вздохнула: холодный, влажный воздух отлично помогал от головной боли, но от тяжести на сердце — не очень. Момо умерла.

И все же, если дядя Дэн прав, не совсем умерла: просто ушла в другое место. Может, стала женщиной-призраком, может, нет. В любом случае, сейчас у нее не было времени на подобные размышления. Может быть, позже она поразмышляет над этим всерьез.

Дэн спросил, спит ли Билли. Она ответила, что да, он все еще крепко спит. В дверном проеме она видела накрытые одеялом ноги и слышала, как он храпит. Словно готовая стартовать моторка.

Дэн спросил, пыталась ли Роза или еще кто-нибудь дотянуться до ее разума. Нет. Она бы узнала. Ловушки расставлены, и Роза примет их в расчет. Она же не дура.

Дэн спросил, есть ли у нее в номере телефон. Да, телефон есть. Дядя Дэн сказал ей, что от нее требуется. Ничего сложного. Самое страшное — то, что ей придется сказать этой жуткой женщине. И все же Абре этого хотелось. В каком-то смысле ей хотелось этого с тех самых пор, когда она услышала предсмертные крики бейсбольного мальчика.

(ты поняла слово которое тебе надо повторять?)

Да, конечно.

(потому что тебе надо ее разъярить ты знаешь что это)

(да я знаю что это значит)

Разозлить ее. Раздразнить.

Абра стояла и дышала в туман. Дорога, по которой они сюда приехали, казалась лишь наброском, деревья на другой стороне исчезли совсем. Как и офис мотеля. Иногда ей хотелось быть такой же белой внутри. Но только иногда. В глубине души она никогда не жалела о том, кто она и что она.

Когда Абра почувствовала, что готова (насколько это вообще возможно), она вернулась к себе в комнату и закрыла дверь, чтобы не помешать мистеру Фримэну, если ей придется говорить громко. Изучив инструкцию к телефону, она нажала девятку для выхода на внешнюю линию, потом набрала справочную и попросила номер коттеджа «Оверлук» в кемпинге «Блюбелл», что в Сайдвиндере, штат Колорадо. «Я могу тебе дать главный номер, — сказал Дэн, — но ты попадешь на автоответчик».

В коттедже, в котором обедали и играли в игры гости, телефон звонил долго. Дэн об этом предупредил, поэтому она будет ждать до упора. Ведь сейчас там все-таки на два часа раньше.

Наконец, в трубке раздался недовольный голос:

— Алло? Если вам нужен офис, то вы не туда по...

— Мне не нужен офис, — сказала Абра. Она надеялась, что на другом конце не услышат, как сильно и быстро бухает ее сердце. — Мне нужна Роза. Роза Шляпница.

Молчание. А затем:

— Кто говорит?

— Абра Стоун. Вы же меня знаете, правда? Я — девочка, которую она ищет. Скажите ей, что я позвоню через пять минут. Если она подойдет — мы поговорим. Если нет, то передайте ей, что она может идти на хер. Перезванивать еще раз я не буду.

Положив трубку, Абра опустила пылающее лицо в ладони и глубоко задышала.

2

Когда в дверь постучали, Роза пила кофе за рулем своего «Эрскрузера». Ее ноги стояли на потайном отделении, где хранились канистры с паром. Стук в столь ранний час мог означать лишь новые неприятности.

— Да, — сказала она. — Войдите.

Это был Длинный Пол в халате поверх ребяческой пижамы с нарисованными машинками.

— В коттедже зазвонил таксофон. Сначала я не обратил на него внимания — подумал, что ошиблись номером. И потом, я был занят: варил кофе на кухне. Он все не унимался, так что я ответил. Это была та девчонка. Хотела поговорить с тобой. Сказала, что перезвонит через пять минут.

Тихая Сэйри, укутавшись в покрывало, как в шаль, села в постели. Ее глаза под челкой моргали.

— Уходи, — сказала ей Роза.

Сэйри без слов повиновалась. Роза смотрела, как она ковыляет босиком к «Баундеру», что они делили с Гремучкой.

Девчонка.

Вместо того, чтобы бежать и прятаться, эта сучонка звонит — железные нервы. Неужто сама придумала? Верится с трудом.

— Что ты забыл на кухне в такую рань?

— Не мог заснуть.

Она повернулась к нему. Высокий пожилой мужчина с редющими волосами и бифокальными очками на кончике носа. Лох мог бы каждый день в течение года проходить мимо него на улице, так ни разу и не заметив, но этот человек обладал кое-какими способностями. Он не был баюном, как Энди, или локатором, как Дедуля Флик. Пол умел мягко убеждать. Если бы он посоветовал лоху отвесить пощечину жене — или, если уж на то пошло, просто незнакомому человеку, — пощечина бы не заставила себя долго ждать. У каждого из Верных есть свои маленькие таланты. Так они выживают.

— Дай взглянуть на твои руки, Поли.

Он вздохнул и закатал рукава халата и пижамы до морщинистых локтей. На них были красные точки.

— Когда появились?

— Первые заметил вчера днем.

— Жар?

— Ага. Есть немного.

Она взглянула в честные, доверчивые глаза Пола и захотела его обнять. Кое-кто бежал, но Длинный Пол был здесь. Как и большинство остальных. Достаточно, чтобы позаботиться о сучонке, если та сглупит и решит сунуть сюда свой нос. А она может и сглупить. Разве бывают не глупые тринадцатилетние девочки?

— С тобой все будет в порядке, — сказала она.

Он снова вздохнул.

— Надеюсь. А если нет... что ж, я чертовски здорово провел время.

— Брось эти разговоры. С теми, кто остался, все будет хорошо. Я обещаю это, и слово свое сдержу. А теперь давай послушаем, что скажет наша нью-гэмпширская подружка.

Едва Роза устроилась на стуле подле большого пластикового барабана для бинго (рядом дымился в кружке остывающий кофе), как старомодный таксофон в коттедже взорвался звоном, заставив Шляпницу подскочить на месте. На третьем звонке она сняла трубку с рычага и самым своим сдержанным тоном произнесла:

— Здравствуй, дорогая. Могла бы связаться со мной и мысленно. Сэкономила бы деньги за междугородку.

Пусть бы эта сучонка только осмелилась. Не только Абра Стоун умеет ставить капканы.

— Я иду к тебе, — ответила девчонка. Голос ее был так юн, так свеж! Роза подумала о том, сколько всего может дать пар, таящийся в этой свежести, и ощутила приступ жадности, невыносимой, как жажда.

— Ты уже говорила. Ты на самом деле этого хочешь, милочка?

— А если да, ты там будешь? Или только твои дрессированные крысы?

Роза вспыхнула от злости. Зря, но по утрам она всегда бывала в дурном расположении духа.

— Куда же я денусь, милочка? — Роза старалась говорить спокойно и снисходительно, как мать (в ее представлении — сама она никогда ею не была), урезонивающая капризного малыша.

— Ты же трусиха.

— Любопытно, с чего ты это взяла, — заметила Роза. Голос ее звучал по-прежнему — снисходительно и чуть изумленно, — но рука крепко стиснула трубку и сильнее прижала ее к уху. — Ты же меня никогда не видела.

— Конечно, видела. У себя в голове, и я заставила тебя сбежать поджав хвост. А еще ты убиваешь детей. Детей убивают только трусы.

«Незачем оправдываться перед ребенком, — напомнила себе Роза. — Да еще лоховским ребенком». Но тут же услышала свой голос:

— Ты о нас ничего не знаешь. Ни кто мы такие, ни что нам приходится делать, чтобы выжить.

— Вы — сборище трусов, вот вы кто, — ответила девчонка. — Воображаете себя такими талантливыми, такими сильными, а на самом деле способны только жрать и долго жить. Вы как гиены. Убиваете слабых и убегаете. Трусы.

Презрение в ее голосе обжигало слух Розы как кислота.

— Это неправда!

— А ты — самая первая трусиха. Ведь не захотела прийти за мной, правда? Нет, только не ты. Вместо себя ты послала других.

— Либо мы начнем говорить разумно, либо...

— А разумно убивать детей, чтобы украсть эту штуку из их головы? Что в этом разумного, ты, трусливая старая шлюха? Ты послала своих друзей сделать за тебя твою работу, спряталась за их спины, и умно сделала, потому что теперь они все подошли.

— Да что ты знаешь, тупая сучонка! — Роза вскочила на ноги. Бедром она задела край стола, и ее кружка опрокинулась, кофе протек под барабан. Из кухни высунулся Длинный Пол, кинул один-единственный взгляд на лицо Розы и снова исчез.

— Кто трусиха? Кто на самом деле трусит? По телефону ты дерзить горазда, в лицо ты бы мне этого никогда не сказала!

— И сколько народу тебе понадобится, когда я приеду? — поддразнила ее Абра. — Сколько, ссыкливая ты сука?

Роза не отвечала. Она знала, что нужно взять себя в руки, но терпеть такое от мелкой лохушки, которая ругается как отпетый школьный хулиган... и которая так много знает. Слишком много.

— Слабо встретиться со мной один на один? — спросила сучонка.

— Нет, — выплюнула ответ Роза.

На том конце провода повисла пауза, а когда сучонка снова заговорила, голос ее звучал задумчиво:

— Один на один? Нет, слабо тебе. Такой трусливой, как ты, точно слабо. Даже против девчонки. Ты — мошенница и врунья. Иногда ты кажешься симпатичной, но я видела твое настоящее лицо. Ты просто-напросто старая ссыкливая шлюха.

— Ты... ты...

Но больше Роза сказать ничего не могла. Гнев ее был настолько силен, что она едва не задохнулась. До глубины души потрясало то, что ее — Розу Шляпницу — ставит на место какая-то девчонка, которая и ездить-то пока может только на велосипеде, а до прошлой недели наверняка беспокоилась только о том, когда же вместо парочки прыщей у нее вырастет настоящая грудь.

— Но, может быть, я дам тебе шанс, — смилостивилась сучонка. Ее самоуверенность и веселое нахальство просто поражали воображение. — Конечно, если ты примешь мое предложение, я тобой пол подотру. На остальных мне плевать, они уже не жильцы, — и она даже рассмеялась. — Бейсбольным мальчиком вы подавились, и это хорошо.

— Появишься — убью, — пообещала Роза. Взявшись рукой за горло,

она принялась ритмично сжимать и разжимать его. Потом она обнаружит там синяки. — Побежишь — я тебя найду. А когда найду, ты будешь кричать часами, пока не умрешь.

— Не побегу, — пообещала девчонка. — Еще посмотрим, кто из нас будет кричать.

— Сколько человек ты приведешь с собой? Дорогая?

— Я буду одна.

— Я тебе не верю.

— Прочти мои мысли, — предложила девчонка. — Или ты и этого боишься?

Роза промолчала.

— Ну еще бы. Ты ведь помнишь, что с тобой случилось, когда ты попробовала в прошлый раз. Я накормила тебя твоим же собственным лекарством, и оно тебе не понравилось, правда? Гиена. Убийца детей. Трусиха.

— Прекрати... меня... так... называть.

— На вершине холма над тобой есть одно место. Смотровая площадка. Называется Крыша мира. Я ее в интернете нашла. Будь там в пять часов вечера в понедельник. Приходи одна. Если нарушишь условие, если остальные гиены из твоей своры вылезут из этого зала собраний, пока мы решаем наши вопросы, я узнаю. Развернусь и уйду.

— Я тебя найду, — повторила Роза.

— Думаешь? — Открыто насмехаясь.

Роза закрыла глаза и увидела девчонку. Как она извивается на земле с ртом, забитым жалящими шершнями, а их жала вылезают у нее из глаз. «Со мной в подобном тоне не разговаривают. Никогда».

— Найти-то меня ты, может, и найдешь. Вот только много ли народу из вашего поганого Узла верных уцелеет к тому времени? Дюжина? Десять? А может, всего трое или четверо?

Такая мысль уже приходила Розе в голову. Но то, что до этого додумался ребенок, которого она даже никогда не видела живьем, бесило больше всего.

— Ворон знал Шекспира наизусть, — сообщила сучонка. — Он мне цитировал кое-что незадолго до того, как я его убила. Я тоже немножко знаю, потому что мы проходили Шекспира в школе. Мы прочли только одну пьесу, «Ромео и Джульетту», но мисс Франклин дала нам распечатку со списком знаменитых цитат из других его пьес. Вроде «Быть или не быть», «греческая тарабарщина». Ты знала, что это из Шекспира? Я — нет. Интересно, правда?

Роза не отвечала.

— Тебе сейчас не до Шекспира, — констатировала сучонка. — Ты думаешь о том, как тебе хочется меня убить. Мне даже не нужно читать твои мысли, чтобы это понять.

— На твоём месте я бы бросилась бежать, — произнесла Роза задумчиво. — Со всех своих маленьких ножек, да подальше. Помочь тебе это не поможет, но проживешь чуть дольше.

Но сбить сучонку с курса было невозможно:

— Была еще и другая цитата. Я точно не помню, но что-то вроде «Подорваться на собственной петарде». Мисс Франклин сказала, что петарда — это такая бомба на палочке. По-моему, именно это с вашей трусливой сворой и произошло. Вы вдохнули не тот пар и приклеились к петарде, а теперь бомба рванула.

Она помолчала.

— Ты еще там, Роза? Или удрала?

— Приезжай ко мне, дорогая, — ответила Роза. Она успела восстановить душевное равновесие. — Хочешь встретиться на смотровой площадке — я там буду. Вместе полюбуемся видом, хорошо? И посмотрим, кто из нас сильнее.

И повесила трубку прежде, чем сучонка успела сказать что-нибудь еще. Роза сорвалась, хотя обещала себе сдерживаться, но, по крайней мере, последнее слово осталось за ней.

А может, и нет, потому что одно слово, которое сучонка постоянно повторяла, продолжало звучать в голове у Розы снова и снова, как заезженная пластинка.

Трусиха. Трусиха. Трусиха.

Абра вернула телефонную трубку на рычаг. Осмотрела, даже погладила пластиковую поверхность, хранившую тепло ее руки и следы пота. А потом, даже не сообразив, что происходит, разревелась в голос. Живот скрутило, все тело сотрясало от рыданий, которые девочка была не в силах сдержать. По-прежнему в слезах, она бросилась в туалет, опустилась перед унитазом на колени, и ее вырвало.

Когда Абра вышла, мистер Фримэн стоял на пороге между их номерами, всклокоченный, с выбившейся из-за пояса рубашкой.

— Что случилось? Это от той наркоты, что он тебе вколол?

— Нет, не от этого.

Билли подошел к окну и всмотрелся в туман:

— Это они? Они идут за нами?

Абра, на время утратившая способность говорить, могла только помотать головой, да так отчаянно, что заметались косички. Не они за ней, а она сама придет за ними, это-то ее и пугало.

Но боялась она не только за себя.

5

Роза сидела неподвижно, глубоко дыша, чтобы успокоиться. Сумев наконец взять себя в руки, она позвала Длинного Пола. Через секунду-другую он осторожно высунул голову из кухонной двери. Выражение его лица вызвало у Розы тень улыбки.

— Не бойся. Можешь войти, я не укушу.

Он вошел и заметил разлитый кофе.

— Я вытру.

— Брось. Кто лучший локатор из тех, что остались?

— Ты, Роза.

Без единого колебания.

Роза не собиралась приближаться к мозгу сучонки, даже касаться его не хотела.

— Кроме меня.

— Так... Дедули Флика нет... и Барри... — Он задумался. — У Сью есть немного способностей, и у Скряги Джи тоже. Но у Жетона Чарли, наверно, побольше.

— Он болен?

— Вчера был здоров.

— Пришли его ко мне. Я пока вытру кофе. Потому что — это важно, Поли, — кто напакостил, тот и должен убирать.

Когда он ушел, Роза какое-то время продолжала сидеть, опираясь подбородком на сцепленные руки. К ней вернулась ясность мышления, а заодно — способность планировать. Похоже, сегодня им все-таки не достанется пара. С этим придется подождать до утра понедельника.

Наконец она встала и принесла с кухни бумажные полотенца. И убрала то, что напакостила.

— Дэн! — На этот раз голос Джона. — Пора!

— Иду-иду, — отозвался он. — Только сполосну лицо холодной водой.

Он пошел по коридору, слушая Абру и слегка кивая, как будто она могла его видеть.

(мистер Фримэн спрашивает почему я плакала почему меня вырвало что ему сказать)

(скажи пока только что мне нужен будет его пикап когда мы приедем)

(потому что мы едем дальше едем на запад)

(...ну...)

Все было не так просто, но она поняла. Понимание не выражалось в словах, да это и не было нужно.

Возле умывальника в ванной была подставка с несколькими зубными щетками в упаковке. На ручке самой маленькой, незапечатанной, красовалась надпись разноцветными буквами: «Абра». Табличка на стене гласила: «Жизнь без любви — как дерево без плодов». Несколько секунд он смотрел на нее, вспоминая, есть ли что-нибудь на эту тему в программе АА. Единственное, что он вспомнил: «Если сегодня не можешь никого любить, постарайся хотя бы никого не обижать». Не совсем то же самое.

Он включил холодную воду и несколько раз как следует ополоснул лицо. Потом взял полотенце и поднял голову. На этот раз в портретной раме рядом с ним не было Люси. Только Дэн Торранс, сын Джека и Венди, который всегда считал себя единственным ребенком.

Лицо его было облеплено мухами.

Часть четвертая

КРЫША МИРА

Глава восемнадцатая

НА ЗАПАД

1

Лучше всего из той субботы Дэн запомнил не поездку от Бостона до мотеля «Краун», потому что четверо в машине Джона Далтона почти не разговаривали. Молчание не было неловким или враждебным — скорее усталым: молчание людей, которым есть о чем подумать, но нечего сказать. Запомнилось ему то, что случилось, когда они прибыли к месту назначения.

Дэн знал, что Абра ждет, потому что поддерживал с ней контакт большую часть поездки способом, который стал удобным для обоих: частью словами, частью картинками. Когда они подъехали, она сидела на заднем бампере старого пикапа Билли. Увидела их, вскочила на ноги, замахала. В этот момент редяющие облака разошлись, и на нее упал луч солнца. Словно бы Бог дружески потрепал ее по плечу.

Люси издала крик, почти вопль. Она отстегнула ремень и выскочила еще до того, как «Субурбан» полностью остановился. Пять секунд спустя она уже обнимала дочь и целовала в макушку — Абра так прижалась лицом к ее груди, что больше ей никуда не удавалось дотянуться. Теперь солнце освещало их обеих.

«Воссоединение матери и дитя», — подумал Дэн и улыбнулся этой мысли. Улыбка ощущалась на лице как-то странно. Давненько он не улыбался.

2

Люси и Дэвид хотели увезти Абру обратно в Нью-Гэмпшир. Дэн был не против, но теперь, когда все шестеро наконец-то собрались вместе, им надо было поговорить. Толстяк с конским хвостом снова был на дежурстве, но сегодня он смотрел уже не порнуху, а бои без правил. Он с радостью продлил им аренду 24-го номера: ему было по барабану, останутся ли они ночевать или нет. Билли съездил в Краунвиль и купил пару коробок пиццы. Затем все расселись поудобнее, и Абра с Дэном ввели их в курс дела насчет того, что уже случилось, и чему только предстоит случиться. То есть, если

все пойдет по плану.

— Нет, — выпалила Люси. — Это слишком опасно. Для вас обоих.
Джон выдавил из себя унылую улыбку.

— Опасней всего было бы плюнуть на этих... созданий. Роза говорит, что если Абра не придет к ней, то она придет к Абре.

— Она, типа, на ней заикнулась, — вставил Билли, выудив из коробки кусок пиццы с грибами и пепперони. — С психами такое часто бывает. Доктор Фил об этом постоянно талдычит.

Люси бросила на дочь укоризненный взгляд.

— Ты сама ее раздражила. Очень опасная затея, но если у нее будет возможность успокоиться...

Люси замолчала, хотя никто ее не прерывал. Наверное, подумал Дэн, она сама поняла, насколько невероятной кажется эта идея, если произнести ее вслух.

— Они не успокоятся, мам, — сказала Абра. — А уж она — тем более.

— Абре ничто не будет угрожать, — сказал Дэн. — Есть такая штука... диск. Не знаю, как лучше объяснить. Если запахнет жареным, Абра воспользуется им, чтобы унести ноги. Она мне пообещала.

— Точно, — сказала Абра. — Пообещала.

Дэн смерил ее суровым взглядом.

— И сдержишь обещание?

— Да, — ответила она без колебаний, но с видимой неохотой. — Сдержу.

— Не забывайте и о детях, — сказал Джон. — Нам никогда не узнать, скольких поймали Верные за все эти годы. Наверное, сотни.

Дэн подумал, что если Абра не ошиблась насчет их долголетия, то счет, наверное, идет на тысячи. И добавил:

— И скольких они еще поймают, даже если оставят Абру в покое.

— При условии, что не вымрут от кори, — сказал Дэйв с надеждой и повернулся к Джону. — Ты ведь говорил, что такое возможно.

— Они охотятся за мной еще и потому, что думают, будто я смогу их вылечить, — сказал Абра. — Фигушки.

— Следи за языком, девушка, — осадила ее Люси, но как-то рассеянно. Она взяла последний кусок пиццы, посмотрела на него, бросила обратно в коробку. — Другие дети меня не волнуют. Только Абра. Знаю, звучит ужасно, но это так.

— Ты бы так не говорила, если бы видела все те фотографии в «Потребителе», — сказала Абра. — Они у меня из головы не выходят. Даже сняты иногда.

— Если у этой психопатки есть хоть какие-то мозги, она поймет, что Абра придет не одна, — сказал Дэйв. — Абра что, сама полетит в Денвер и возьмет напрокат машину? Девочка тринадцати лет? — И, бросив на дочь полушутливый взгляд, добавил:

— Фигушки.

Дэн сказал:

— После событий в Облачной пади Роза знает, что у Абры есть друзья. Но не про то, что по крайней мере один из них сияет. — Дэн посмотрел на Абру в поисках поддержки. Она кивнула. — Послушайте, Люси, Дэйв. Я думаю, что вдвоем с Аброй мы сможем покончить с этой, — он запнулся в поисках подходящего слова, — напастью. В одиночку же... — Он покачал головой.

— К тому же, — добавила Абра, — вы с папой все равно не сможете меня остановить. Можете запереть меня в моей комнате, но голову вы мне не запретите.

Люси наградила ее Взглядом Смерти, который матери обычно приберегают для строптивых дочерей-подростков. Обычно он срабатывал даже в самые напряженные минуты, но не на этот раз. Абра спокойно смотрела на мать. В ее глазах читалась грусть, от которой у Люси похолодело сердце.

Дэйв взял Люси за руку.

— Кажется, выбора у нас нет.

В комнате воцарилась тишина. Нарушила ее Абра.

— Так, если последний кусок никто не хочет, то его съем я. Умираю с голоду!

3

Они обсудили это еще не по одному кругу, пару раз — на повышенных тонах, но в целом все уже было сказано. Кроме одной вещи, как выяснилось. Когда они вышли из номера, Билли отказался садиться в машину Джона.

— Я с тобой, — сказал он Дэну.

— Билли, спасибо, конечно, но это не самая лучшая идея.

— Мой пикап, мои правила. И потом, ты правда надеешься доехать до колорадских гор к утру понедельника в одиночку? Не смей меня. Ты выглядишь как дерьмо на палочке.

— Мне уже несколько человек это говорили, хотя никто из них не

выразился столь элегантно.

Билли не улыбнулся.

— Я тебе пригожусь. Пусть я старый, но еще не покойник.

— Возьми его, — сказала Абра. — Он дело говорит.

Дэн пристально посмотрел на нее.

(ты что-то знаешь Абра)

Ответ последовал тут же.

(нет что-то чувствую)

Дэну этого было достаточно. Он протянул к Абре руки, и она крепко обняла его, прижавшись щекой к его груди. Дэн мог бы стоять так долго-долго, но разжал руки и отступил.

(дай знать когда будешь близко дядя Дэн я приду)

(только тихонько не забудь)

Вместо слов она послала ему образ: детектор дыма, плакающий, как будто ему надо сменить батарейку. Она все прекрасно помнила.

Подходя к машине, Абра сказала отцу:

— Надо будет на обратном пути заехать купить открытку «Выздоровлявай скорее». Джули Кросс вчера сломала запястье на футбольной тренировке.

Он нахмурился.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, — откликнулась она.

Он легонько потянул ее за косичку.

— Ты и правда все это время могла это делать? Не понимаю, почему ты нам не сказала, Абба-Ду.

Дэн, который вырос с сиянием, мог бы ответить на этот вопрос.

Иногда родителей надо оберегать.

4

Они расстались. Внедорожник Джона отправился на восток, пикап Билли — на запад, с Билли за рулем. Дэн спросил:

— Билли, ты точно в состоянии вести?

— После того, сколько я сегодня продрых? Душа моя, да я до Калифорнии могу доехать.

— Ты знаешь, куда мы направляемся?

— Я купил дорожный атлас в городе, пока дожидался пиццы.

— Значит, ты уже тогда все решил. И знал, что мы с Аброй надумали.

— Ну... типа того.

— Если захочешь поменяться, только свистни, — сказал Дэн и немедленно уснул, привалившись головой к окну. Он погружался все дальше в пучину отвратительных видений. Сначала — кусты-животные из «Оверлука», те, что двигались, когда на них не смотришь. За ними — миссис Мэсси из номера 217, на сей раз в цилиндре набекрень. Опускаясь еще глубже, он увидел воспроизведение битвы при Облачной пади. Только на сей раз, ворвавшись в «Виннебаго», он обнаружил там Абру на полу с перерезанным горлом, а над ней стояла Роза с опасной бритвой, с которой капала кровь. Роза увидела Дэна, и ее ужасная пасть расплылась в непристойной ухмылке, демонстрируя одинокий длинный клык. «Я ей говорила, что этим кончится, да она не слушала, — сказала она. — Дети редко кого-то слушают».

Дальше была только темнота.

Проснувшись, он увидел сумерки, рассеченные посередине длинной белой полосой. Они были на федеральной автостраде.

— Сколько я проспал?

Билли бросил взгляд на часы.

— Да порядочно. Полегчало?

— Да.

Это была и правда, и неправда. В голове у него прояснилось, но живот болел адски. С учетом того, что он утром увидел в зеркале, Дэн этому не удивлялся.

— Где мы?

— Милях в ста пятидесяти к востоку от Цинциннати. Ты проспал две заправки. Причем храпел.

Дэн выпрямился.

— Мы в Огайо? Господи. Который час?

Билли взглянул на часы.

— Четверть седьмого. Вести было легко. Машин мало, дождя не было. Похоже, у нас ангел в попутчиках.

— Ну давай искать мотель. Тебе надо поспать, а я ссать хочу как беговая лошадь.

— Еще бы.

Билли свернул на ближайший съезд с указателями «бензин, еда и мотель». Он заехал в «Вендис» и купил пакет бургеров, пока Дэн сходил в туалет. Когда они вернулись в пикап, Дэн откусил один раз от двойного бургера, спрятал его обратно в пакет и осторожно отпил кофейный молочный коктейль. На это, судя по всему, его желудок был согласен.

Билли явно был поражен.

— Эй, тебе же надо заправиться! Чего это ты?

— Наверно, не стоило мне есть эту пиццу на завтрак.

Но Билли продолжал смотреть на него, и Дэн добавил:

— Коктейль я осилю. А больше мне и не нужно. Ты на дорогу смотри, Билли. Вряд ли мы поможем Абре, если загребим в больницу.

Пять минут спустя Билли завел пикап под навес «Фэйрфилд-Инн» с мигающей над дверью надписью «Свободные номера». Он выключил двигатель, но остался сидеть в машине.

— Раз уж мы вместе рискуем жизнью, шеф, то я хочу знать, что с тобой происходит.

Дэн чуть было не сказал, что Билли сам захотел рисковать жизнью, но это было бы несправедливо. Он объяснил все. Билли слушал молча, вытаращив глаза.

— Господи Иисусе-попрыгунчик! — воскликнул он, когда Дэн закончил.

— Если я ничего не путаю, — сказал Дэн, — то в Новом Завете ничего не говорится о том, что Иисус прыгал. Хотя в детстве — вполне мог. Почти все дети прыгают. Ну что, регистрируешь нас, или мне пойти?

Билли продолжал сидеть на месте.

— А Абра знает?

Дэн покачал головой.

— Но может узнать.

— Может, но не станет. Она знает, что подглядывать нехорошо, особенно за теми, кто тебе небезразличен. Она не будет шпионить, так же, как не стала бы подсматривать за родителями, когда они занимаются любовью.

— Ты это знаешь по себе, по своему детству?

— Да. Иногда ты что-то видишь — не нарочно, — но сразу отворачиваешься.

— С тобой все будет в порядке, Дэнни?

— Какое-то время — да. — Он вспомнил мух, вяло копошащихся на его губах, щеках и лбу. — Достаточно долго.

— А после всего?

— Об этом я подумаю после всего. Один день за раз. Давай снимем номер. Нам завтра рано выезжать.

— От Абры что-нибудь слышно?

Дэн улыбнулся.

— С ней все в порядке.

По крайней мере, пока.

Но Абра была не совсем в порядке.

Она сидела за столом у себя в комнате с наполовину прочитанным «Мастеровым» в руке, стараясь не смотреть в окно, дабы ненароком не увидеть, что кое-кто смотрит на нее. Абра знала: с Дэном что-то не так, но он не хочет, чтобы она знала, что именно. И все же ей хотелось подглядеть, несмотря на то, что за прошедшие годы она приучила себя держаться подальше от ЛДВ (личных дел взрослых). Сейчас ее удерживали два соображения. Во-первых, нравилось ей это или нет, помочь ему сейчас она не могла. Во-вторых (что важнее), она знала, что он мог почувствовать ее присутствие у себя в голове. А если бы почувствовал, то разочаровался бы в ней.

«Наверное, Дэн все равно запер свою проблему на замок, — подумала она. — Он ведь может. Он сильный».

Хотя и не такой сильный, как она... или, если уж говорить о сиянии, не такой яркий. Абра могла взломать его мысленные сейфы и посмотреть, что там внутри, но думала, что это может быть опасно для них обоих. У Абры не было внятной причины для подобных опасений, но она чувствовала, что это так. Как почувствовала, что отправить мистера Фримэна с Дэном — хорошая идея. А кроме того, вдруг содержимое этих сейфов как-нибудь им поможет? Абра на это надеялась. «Лети, надежда, ласточки быстрее» — еще одна строфа из Шекспира.

«И не смей смотреть в окно. Не смей».

Нет. Ни в коем случае. Никогда. Но Абра посмотрела, и за окном была Роза со своим цилиндром набекрень. Она улыбалась ей. Грива черных волос, фарфоровая кожа, темные безумные глаза, полные пунцовые губы, за которыми скрывался один-единственный зуб. Не зуб, а клык!

«Ох и накричишься же ты перед смертью, сучонка».

Абра закрыла глаза, изо всей силы подумала

(тебя нет тебя нет тебя нет)

и снова открыла. Улыбавшееся лицо за окном исчезло. Но не совсем. Где-то высоко в горах — у крыши мира — Роза думала о ней. И ждала.

В мотеле по утрам был шведский стол. Дэн демонстративно съел йогурт и немного хлопьев, чтобы успокоить своего внимательного попутчика. И, кажется, у Билли отлегло от сердца. Когда они уже выписывались из мотеля, Дэн прошел в туалет. Зайдя в кабинку, он запер дверь, упал на колени и выблевал все, что съел. Непереваренные хлопья и йогурт плавали теперь в красной пене.

— Все нормально? — спросил Билли, когда Дэн вернулся в холл.

— Нормально, — ответил Дэн. — Поехали.

7

Судя по дорожному атласу, от Цинциннати до Денвера было 1200 миль. Сайдвиндер находился еще милях в семидесяти пяти к западу, и ехать до него придется по серпантину с уймой крутых поворотов и обрывов. Днем в воскресенье Дэн сам попробовал сесть за руль, но быстро устал и вернул бразды Билли. Дэн заснул, а когда проснулся, солнце уже клонилось к закату. Они были в Айове, доме покойного Брэда Тренора.

(Абра?)

Дэн боялся, что расстояние осложнит мысленную связь или даже сведет ее на нет, но Абра ответила тут же и все так же громко; если бы она была радиостанцией, то транслировала бы с мощностью в сто тысяч ватт. Она была в своей комнате и вовсю печатала на компьютере какое-то домашнее задание. Дэн умилился и одновременно опечалился при виде плюшевого кролика Прыг-Скока у нее на коленях. Напряжение вернуло девочку в раннее детство, по крайней мере, в эмоциональном плане.

И по широкому каналу связи Абра это уловила.

(не волнуйся за меня я в порядке)

(хорошо потому что тебе надо позвонить)

(знаю а с тобой все хорошо?)

(да)

Абра знала, что это не так, но ничего не спросила, что Дэна вполне устраивало.

(ты уже купил)

Она нарисовала картинку.

(еще нет в воскресенье магазины закрыты)

Еще одна картинка, которая заставила его улыбнуться. «Уолмарт»... да только вывеска на входе гласила «Супермагазин Абры».

(там нам это не продадут поищем другое место)

(да наверное)

(ты знаешь что ей говорить?)

(да)

(она попытается втянуть тебя в долгий разговор попытается что-нибудь разнюхать не давай ей)

(не дам)

(потом сообщишь мне как все прошло чтобы я не волновался)

Волноваться он все равно будет.

(хорошо я люблю тебя дядя Дэн)

(и я тебя тоже)

Дэн изобразил поцелуй. Абра ответила тем же: красные мультяшные губищи. Он чуть ли не чувствовал их у себя на щеке. Потом Абра исчезла.

Билли пристально на него смотрел.

— Ты только что с ней разговаривал, так?

— Ага. За дорогой следи, Билли.

— Конечно, конечно. Ты прямо как моя бывшая жена.

Билли включил поворотник, съехал на левую полосу и обогнал громадный и шумный дом-фургон «Флитвуд-Пэйс-Эрроу». Дэн проводил его взглядом. Интересно, кто в нем едет, и смотрят ли они сейчас сквозь тонированные стекла?

— Я хочу проехать еще сотню миль, прежде чем отправиться на боковую, — сказал Билли. — Завтрашний день я распланировал так, что у тебя будет целый час на эту твою покупку, и все равно мы будем в горах к установленному вами с Аброй времени для финальной схватки. Но выехать придется затемно.

— Хорошо. Ты понимаешь, как все пройдет?

— Я понимаю, как все должно пройти. — Билли посмотрел на Дэна. — Будем надеяться, что если у них есть бинокли, они ими не воспользуются. Думаешь, мы выберемся живыми из этой передраги? Только честно. Если ответишь «нет», то когда остановимся на ночь, я закажу себе такой огромный бифштекс, которого ты в жизни не видел. Пусть «МастерКард» гоняется потом за моими родственниками и предъявляет им счет. Но знаешь, в чем штука? У меня НЕТ родственников! Если не считать бывшей, которая, попади я в огонь, отказалась бы на меня помочиться, чтобы потушить.

— Выберемся, — ответил Дэн, но как-то неубедительно. Он слишком плохо себя чувствовал, чтобы сохранять хорошую мину.

— Правда? Что ж, может, бифштекс я все равно закажу. А ты как?

— Думаю, немного супа я в себя влить смогу. самого прозрачного. —

От мысли о еде, через которую нельзя прочитать газету — скажем, о томатном супе или грибном — его желудок сжался.

— Ладно. Почему бы тебе снова не закрыть глаза?

Дэн знал, что пока Абра выясняет отношения с древним ужасом в облике женщины, заснуть глубоко ему не удастся. И неважно, насколько усталым и больным он себя чувствовал. Но подремать он мог. Сон, хоть и некрепкий, породил множество видений. Сначала об «Оверлуке» (в сегодняшней версии главным героем был лифт, который работал сам по себе посреди ночи). Потом — о племяннице. На этот раз Абру душил электрический провод. Она не сводила с Дэна вылезавших из орбит глаз, в которых без труда читался упрек: «Ты говорил, что поможешь мне. Что спасешь. Где же ты был?»

8

Абра откладывала то, что ей надо было сделать, пока не поняла, что скоро мама погонит ее спать. В школу она завтра не собиралась, но все равно предстоял трудный день. И, наверно, очень трудная ночь.

«Когда что-то оттягиваешь, становится только хуже, *cara mia*».

Таково было евангелие от Момо. Абра посмотрела в окно, мечтая, чтобы вместо Розы там оказалась ее прабабушка. Это было бы здорово.

— Момс, мне так страшно, — сказала она. Но, сделав два глубоких вдоха, чтобы успокоиться, взяла свой айфон и набрала номер коттеджа «Оверлук» в кемпинге «Блюбелл». Ответил мужчина, и когда Абра сказала, что хочет поговорить с Розой, спросил, кто она.

— Вы знаете, кто я, — ответила Абра. И (как она надеялась, с раздражающим любопытством) спросила:

— Вы уже заболели, мистер?

Мужчина (это был Слим Подхалим) не ответил, но Абра услышала, как он приглушенно к кому-то обратился. Секунду спустя трубку взяла Роза, которая успела восстановить присутствие духа.

— Привет, дорогая моя. Где ты?

— Уже еду, — ответила Абра.

— В самом деле? Как мило, дорогуша. Значит, если я прослежу звонок, то не обнаружу, что он сделан с номера с нью-гэмпширским кодом?

— Конечно, обнаружишь, — сказала Абра. — Я звоню с мобильного. Привыкай к двадцать первому веку, сука.

— Чего ты хочешь?

Теперь Роза говорила отрывисто и грубо.

— Проверить, поняла ли ты правила, — ответила Абра. — Я буду на месте завтра в пять. Приеду на старом красном пикапе.

— И кто будет за рулем?

— Мой дядя Билли, — сказала Абра.

— Это один из тех, кто был в засаде?

— Это тот, кто был со мной и Вороном. Хватит вопросов. Заткнись и слушай.

— Грубая какая, — печально заметила Роза.

— Он припаркуется в конце стоянки, под табличкой «Детей кормим бесплатно, когда выигрывают команды колорадских профи».

— Вижу, ты посетила наш сайт. Как мило. Или, может, это был твой дядя? Смелый он человек, раз решился стать твоим шофером. Он с чьей стороны дядя, с маминой или с папиной? Лоховские семьи — мое хобби. Я составляю фамильные древа.

«Она попытается что-нибудь разнюхать», — сказал ей Дэн, и как же он был прав.

— Я сказала «Заткнись и слушай» — что-то непонятно? Ты хочешь встретиться или нет?

Ответа нет. Выжидательное молчание. Пугающее молчание.

— С парковки нам будет видно все: кемпинг, коттедж, Крышу мира на вершине холма. Надеюсь, что мы с дядей увидим тебя наверху и нигде не увидим людей из твоего Узла верных. Они останутся в этом вашем зале собраний, пока мы будем заниматься своим делом. В большой комнате, ясно? Дядя Билли не узнает, если они окажутся там, где их не должно быть, но я узнаю. Если я засеку хоть одного где-то в другом месте, мы уедем.

— Твой дядя останется в пикапе?

— Нет. Я останусь в пикапе, пока мы все не проверим. Потом он вернется в машину, а я поднимусь к тебе. Я не хочу, чтобы он к тебе приближался.

— Хорошо, дорогая. Все будет как ты скажешь.

«Не будет. Ты врешь».

Но Абра тоже врала, так что в некотором смысле они были квиты.

— У меня есть один важный вопрос, дорогая, — любезно сказала Роза.

Абра чуть не спросила, какой, но вспомнила совет дяди. Своего настоящего дяди. Один вопрос, ага-ага. А за ним последует еще один... и еще один... и еще.

— Да подавись им, — сказала она и повесила трубку. Пальцы у нее начали дрожать. А потом — ноги, руки и плечи.

— Абра!

Мама. Стоит у подножия лестницы. Она что-то чувствует. Совсем немного, но чувствует. Это потому, что она мама, или потому, что она сияет?

— Малышка, все в порядке?

— Да, мам! Собираюсь ложиться.

— У тебя десять минут, потом мы придем тебя поцеловать. Чтобы была уже в пижаме!

— Ладно.

«Знали бы они, с кем я сейчас говорила», — подумала Абра. Но они не знали. Они только думали, что знают, что происходит. Она была в своей спальне, все окна и двери в доме были закрыты на замок, и они считали, что она в безопасности. Даже ее отец, хотя он видел Узел верных в деле.

Но Дэн знал. Она закрыла глаза и потянулась к нему.

9

Дэн и Билли были под навесом уже другого мотеля. От Абры по-прежнему ничего. Плохо.

— Пошли, шеф, — сказал Билли. — Тебе надо в номер и...

И тут она появилась. Слава Богу.

— Погоди минутку, — сказал Дэн и стал слушать. Через две минуты он повернулся к Билли, и тот подумал, что улыбка наконец превратила его в прежнего Дэна Торранса.

— Это она?

— Да.

— Ну и как?

— Говорит, все прошло хорошо. Мы в деле.

— Про меня вопросов не было?

— Только с чьей ты стороны родня. Слушай, Билли, насчет дяди мы дали маху. Ты слишком старый, чтобы быть братом Люси или Дэвида. Завтра, когда заедем по нашему делу, купи темные очки. Побольше. И натяни эту свою бейсболку поглубже, до ушей, чтобы не видно было волос.

— Может, тогда уж и краску для волос купить заодно?

— Не дерзи мне, старый пердун.

Билли ухмыльнулся.

— Пошли зарегистрируемся и поедем чего-нибудь. Видок у тебя стал получше. Может, и правда сможешь что-нибудь в себя впихнуть.

— Суп, — сказал Дэн. — Не стоит искушать судьбу.

— Суп так суп.

Он съел все. И — напомнив себе, что все так или иначе закончится меньше чем через сутки, — сумел удержать суп в желудке. Они ужинали в комнате Билли, и Дэн, доев, растянулся на ковре. Это немного облегчало боль в животе.

— Это что такое? — спросил Билли. — Эта, как ее, йога?

— Она самая. Я ей научился из мультиков про медвежонка Йоги. Повтори все еще раз.

— Все под контролем, шеф, не волнуйтесь. Ты прямо как Кейси Кингсли.

— Не пугай. Давай, повтори все еще раз.

— Абра начнет подавать сигналы где-нибудь возле Денвера. Если у них кто-то остался, кто умеет слушать, — они будут знать, что она приближается. Мы приезжаем в Сайдвиндер пораньше — скажем, в четыре вместо пяти, — и проезжаем мимо дороги к кемпингу. Они не увидят пикап. Если, конечно, не выставят часовых у шоссе.

— Это вряд ли.

Дэн вспомнил еще один афоризм АА: «Мы не властны над людьми, местами и предметами». Как и в большинстве перлов алкашеской мудрости, в нем было семьдесят процентов правды и тридцать процентов фальшивого ободрения.

— В любом случае, не все от нас зависит. Продолжай.

— В миле дальше по дороге есть площадка для пикников. Ты пару раз был там с мамой, до того, как вас завалило снегом.

Билли остановился.

— Только вы вдвоем? Твой папа с вами не ходил?

— Он писал. Работал над пьесой. Давай дальше.

Билли продолжил. Дэн внимательно выслушал и кивнул.

— Хорошо. Все правильно.

— А я что говорил? Можно кое-что спросить?

— Конечно.

— Завтра вечером ты еще в состоянии будешь прошагать милю?

— В состоянии.

«Надеюсь».

Выехали они рано — в четыре утра, задолго до рассвета, так что к девяти часам Дэн Торранс и Билли Фримэн увидели тучу, расстилавшуюся вдоль горизонта. Час спустя, когда синевато-серая туча превратилась в горную цепь, они остановились в Мартенвилле, штат Колорадо. Там, на короткой (и почти пустой) главной улице, Дэн увидел не то, что искал, но кое-что получше: магазин «Детские одежки». В полуквартале от него была аптека, а по сторонам от нее — пыльный ломбард и «Видео-Экспресс» с надписью мылом на витрине: «Закрываемся, вынуждены продать магазин. Весь товар по сниженным ценам». Он отправил Билли в аптеку за темными очками и вошел в «Детские одежки».

Атмосфера в магазине была невеселая, безнадежная. Покупателей, кроме него, не оказалось. Чья-то хорошая идея пошла прахом: вероятно, из-за больших торговых центров в Стерлинге и Форт-Моргане. Зачем покупать что-то в местном магазине, если можно проехать чуть дальше и отовариться дешевыми брюками и платьями к новому учебному году? Ну и что, если они сшиты в Мексике и Коста-Рике. Усталая женщина с устало повисшими волосами вышла из-за прилавка и одарила Дэна усталой улыбкой. Она спросила, может ли чем-нибудь ему помочь. Дэн сказал, что может. Когда он объяснил женщине, что ему нужно, у нее округлились глаза.

— Я понимаю, это не вполне обычно, — сказал Дэн, — но вы уж сделайте одолжение. Я заплачу наличными.

Он получил то, что хотел. В маленьких теряющих надежду магазинчиках вдали от главных дорог слово на букву Н имеет большой вес.

11

На подъезде к Денверу Дэн связался с Аброй. Он закрыл глаза и представил диск, о котором теперь знали они оба. В Эннистоне Абра сделала то же самое. В этот раз было легче. Когда он снова открыл глаза, то увидел задний двор Стоунов и реку Сако, сверкающую на послеполуденном солнце. Абра, открыв глаза, увидела Скалистые горы.

— Дядя Билли, какие же они красивые, правда?

Билли бросил взгляд на сидящего рядом мужчину. Дэн скрестил ноги нехарактерным для себя образом и покачивал одной ступней. На его щеки вернулся румянец, а в глазах появился блеск, который отсутствовал на всем их пути на запад.

— Это точно, малышка, — сказал он.

Дэн улыбнулся и закрыл глаза. Когда он снова их открыл, признаки здоровья, принесенные Аброй, уже увядали на его лице. «Как роза без воды», — подумал Билли.

— Ну что?

— Сигнал, — ответил Дэн. Он опять улыбнулся, но на сей раз — усталой улыбкой. — Как у детектора дыма, которому надо сменить батарейки.

— Думаешь, они его слышали?

— Надеюсь, — сказал Дэн.

12

Роза расхаживала взад-вперед возле своего «Эрскрузера», когда прибежал Жетон Чарли. Сегодня утром Верные приняли пар. Весь, кроме одной канистры, которая хранилась в ее тайнике. После этого плюс того пара, который Роза употребила в одно лицо за последнюю пару дней, она была на таком взводе, что и речи не было о том, чтобы присесть.

— Что? — спросила она. — Надеюсь, новости хорошие.

— Я ее засек! Ну как, хорошая новость?

Чарли, тоже на взводе, схватил Розу за локти и закружил так, что ее волосы взлетели вихрем.

— Я ее засек! Всего на несколько секунд, но это была она!

— А дядю ее видел?

— Нет, она смотрела на горы через лобовое стекло. Сказала, что они красивые.

— Красивые, — согласилась Роза. Ее губы расплывались в усмешке. — Разве ты так не думаешь, Чарли?

— И он сказал, мол, да, конечно. Они едут, Роза! Они правда едут!

— Она тебя заметила?

Он отпустил ее и нахмурился.

— Точно не скажу. Дедуля Флик, наверное, смог бы...

— Просто скажи, что ты думаешь.

— Наверное, нет.

— Мне этого достаточно. Иди в какое-нибудь тихое место. Туда, где сможешь сосредоточиться и никто тебе не помешает. Сиди и слушай. Если — когда — засечешь ее снова, дай мне знать. Я не хочу терять ее из виду. Если тебе нужен еще пар — скажи. Я приберегла немного.

— Нет-нет, я в порядке. Буду слушать. Изо всех сил!

Жетон Чарли рассмеялся несколько безумным смехом и умчался. Вряд ли он соображал, куда направляется, но Розу это не волновало. Лишь бы слушал.

К полудню Дэн и Билли были уже у подножия Флэтайронс. Глядя на приближающиеся Скалистые горы, Дэн думал о том, что ни разу не приблизился к ним за все годы своих странствий. Это, в свою очередь, напомнило ему какие-то стихи о том, что можно годами быть в бегах, но в конце концов окажешься наедине с самим собой в гостиничном номере, с голый лампочкой над головой и револьвером на столе.

Время у них было, так что они съехали с шоссе и завернули в Боулдер. Билли хотел есть. Дэн не чувствовал голода... но чувствовал любопытство. Билли заехал на парковку у магазина с сэндвичами, но на вопрос, что ему взять, Дэн только покачал головой.

— Точно? Тебе столько всего предстоит.

— Поем, когда все будет позади.

— Ну...

Билли зашел в «Сабвэй» за своим «Баффало» с курицей. Дэн связался с Аброй. Диск повернулся.

Бип.

Когда Билли вышел из магазина, Дэн кивнул на его сверток.

— погоди с этим пару минут. Раз уж мы в Боулдере, я хочу кое-куда заглянуть.

Пять минут спустя они были на Арапахо-стрит. В двух кварталах от района сомнительных баров и кафешек Дэн попросил Билли остановиться.

— Давай, жуй свою курицу. Я быстро.

Дэн вышел из пикапа и остановился на покрытом трещинами тротуаре, глядя на осевший трехэтажный дом с объявлением в окне «Удобные апартаменты по студенческим ценам». Газон пестрел проплешинами. Сорняки проросли сквозь трещины в асфальте. Он сомневался, что дом окажется на месте; думал, что Арапахо застроили кондоминиумами, заселенными богатыми оболтусами, которые пьют латте из «Старбакса», с полдюжины раз в день заглядывают на свою страничку в фейсбуке и твитят как подорванные. Но дом был на месте и выглядел точно как прежде, насколько он мог судить.

Билли присоединился к нему с сэндвичем в руке.

— Нам еще ехать семьдесят пять миль, Дэнно. Пора двигать к перевалу.

— Пора, — сказал Дэн, продолжая смотреть на здание с облупившейся зеленой краской. Когда-то здесь жил маленький мальчик; когда-то он сидел на тротуаре, в том самом месте, где сейчас стоял Билли Фримэн и жевал свой бутерброд с курятиной. Мальчик ждал, когда папа вернется с собеседования в отеле «Оверлук». У него был дельтаплан из бальзы, у этого мальчика, но одно крыло у него сломалось. Ничего страшного. Когда папа придет домой, то заклеит его скотчем и клеем. А потом, может быть, они вместе его запустят. Его папа был страшный человек, и как же мальчик его любил.

Дэн сказал:

— Я жил здесь с матерью и отцом до того, как мы перебрались в «Оверлук». Так себе местечко, а?

Билли пожал плечами.

— Видал и похуже.

Дэн тоже видал — в свои годы странствий. Квартиру Дини в Уилмингтоне, к примеру.

Он указал налево.

— Вон там было несколько баров. Один назывался «Дырявый барабан». Похоже, этой части города обновление не коснулось, так что, может, он и теперь там. Когда мы с отцом проходили мимо, он всегда останавливался и заглядывал в окно, и я чувствовал, как жажда тянет его внутрь. Такая сильная, что я сам начинал чувствовать жажду. Я много лет пил, чтобы утолить эту жажду, но она никогда не отступает. Мой отец это знал уже тогда.

— Но ты ведь, наверно, его любил.

— Любил.

Дэн не сводил глаз с этого обшарпанного, ветхого дома. Так себе домишко, но он не мог не гадать, насколько по-другому сложилась бы их жизнь, если бы они остались здесь. Если бы «Оверлук» не поймал их в свои сети.

— В нем было и хорошее, и плохое, и я любил обе его стороны. Наверно, и сейчас люблю, помоги мне Боже.

— Как и большинство детей, — отозвался Билл. — Любишь своих стариков и надеешься на лучшее — а что тебе еще остается? Пошли, Дэн. Если мы хотим с этим покончить, надо ехать.

Полчаса спустя Боулдер остался позади, и они поднимались в Скалистые горы.

Глава девятнадцатая

ЛЮДИ-ПРИЗРАКИ

1

Хотя время шло к закату (по крайней мере, в Нью-Гэмпшире), Абра все еще сидела на заднем крыльце, глядя на реку. Прыг-Скок лежал рядом, на крышке компостного бака. Вышли Люси и Дэвид и уселись по сторонам от нее. Джон Далтон смотрел на них из кухни с чашкой холодного кофе в руках. Его докторская сумка стояла на столе, но в ней не было ничего, что могло бы пригодиться в этот вечер.

— Ты бы зашла в дом, поужинала, — сказала Люси, зная, что Абра не уйдет; может быть, просто не сможет уйти, пока все не закончится. Но она цеплялась за привычное. Поскольку все выглядело так нормально, и опасность находилась за тысячу с лишним миль отсюда, для нее это было проще, чем для ее дочери. До сих пор у Абры была чистая кожа, безупречная, как у младенца; но теперь вокруг крыльев носа угнездилась угревая сыпь, а на подбородке — уродливая россыпь прыщей. Просто гормоны заработали, возвещая приход переходного возраста: Люси хотелось бы в это верить, потому что это было нормально. Но прыщи высыпают и от стресса. А бледность ее дочери, а темные круги под глазами? Вид у нее был почти такой же больной, как у Дэна, когда Люси видела его в последний раз — он тогда мучительно медленно залезал в пикап мистера Фримэна.

— Я не могу сейчас есть, мам. Некогда. Да и меня все равно бы вырвало.

— Сколько еще осталось, Эбби? — спросил Дэвид.

Абра не смотрела ни на кого из них. Она не сводила глаз с реки, но Люси знала, что и ее она на самом деле не видит. Она была далеко, в месте, где никто из них не мог ей помочь.

— Уже недолго. Поцелуйте меня оба и идите в дом.

— Но... — начала Люси и увидела, как Дэвид качнул головой. Всего раз, но очень твердо. Она вздохнула, взяла Абру за руку (ужасно холодную) и поцеловала в левую щеку. Дэвид приложился к правой.

Люси напомнила:

— Не забывай, что сказал Дэн. Если что-то пойдет не так...

— Лучше идите в дом. Когда все начнется, я положу Прыг-Скока к себе на колени. После этого не отвлекайте меня. Ни в коем случае. Иначе из-за вас может погибнуть дядя Дэн, и Билли, может быть, тоже. Я могу упасть, как будто в обмороке, но это будет не обморок. Так что не трогайте меня и не давайте доктору Джону меня трогать. Просто оставьте меня в покое, до тех пор, пока все не закончится. Я думаю, Дэн знает место, где мы сможем быть вместе.

Дэвид сказал:

— Я не понимаю, как все это может сработать. Эта женщина, Роза, увидит, что там нет никакой девочки...

— Идите в дом прямо сейчас, — сказала Абра.

Они повиновались. Люси умоляюще взглянула на Джона, но тот только пожал плечами и покачал головой. Все трое стояли у кухонного окна, обнявшись, глядя на девочку на крыльце, обхватившую руками колени. Никакой опасности нигде не было видно; все было мирно. Но когда Люси увидела, как Абра, ее малышка, потянулась за Прыг-Скоком и усадила старого плюшевого зайца на колени, она застонала. Джон сжал ее плечо. Дэвид крепче обнял ее талию, и она панически вцепилась в его руку.

«Пожалуйста, пусть с моей дочерью все будет в порядке. Если что-то должно случиться... что-то плохое, пусть оно лучше случится со сводным братом, которого я не знала. Только не с ней».

— Все будет хорошо, — сказал Дэйв.

Она кивнула.

— Конечно, будет. Конечно.

Они смотрели на девочку на крыльце. Люси понимала, что если даже она позовет Абру, та не откликнется. Абры здесь нет.

Билли с Дэном добрались до поворота на колорадскую штаб-квартиру Верных без двадцати четыре по местному времени, что давало им приличный запас. Асфальтированная дорога упиралась в деревянные ворота, какие ставят на въезде на ранчо, с резной надписью «Добро пожаловать в кемпинг „Блюбелл“! Оставайтесь подольше!» Табличка на обочине была куда менее гостеприимной: «Закрыто до дальнейших распоряжений».

Билли притормаживать не стал, однако окрестности осмотрел внимательно.

— Никого не видно. Даже на лужайках, хотя при воротах могли и посадить кого-нибудь. Господи, Дэнни, выглядишь ты просто хреново.

— Хорошо, что конкурс «Мистер Америка» еще не скоро, — откликнулся Дэн. — Еще с милю, или около того. На табличке должно быть «Поворот на смотровую площадку и зону для пикников».

— А если они там кого-то поставили?

— Не поставили.

— Откуда тебе знать?

— Оттуда, что ни Абра, ни ее дядюшка Билли не могут знать об этом месте, раз никогда не бывали здесь прежде. А обо мне Верные не догадываются.

— Будем надеяться.

— Абра говорит, что все Верные именно там, где должны быть. Она проверяла. А теперь помолчи минутку, Билли, мне надо подумать.

А подумать ему было нужно о Хэллоранне. После той зимы в «Оверлуке» Дэнни Торранс и Дик Хэллоранн много общались на протяжении нескольких лет. Иногда наяву, чаще — мысленно. Дэнни любил свою мать, но кое-чего она не понимала, да и не могла понять. Например, что такое сейфы-шкатулки, в которые запирают опасных тварей, время от времени привлекаемых сиянием. Правда, фокус со шкатулками срабатывал не всегда. Дэн несколько раз пытался создать шкатулку для пьянства, но эти попытки с треском провалились (наверное, потому, что этого он и хотел). Но вот зато миссис Мэсси... и Хорас Дервент...

Теперь на полке стояла и третья шкатулка, но была она не такой крепкой, как те, что Дэн смастерил ребенком. Потому что он утратил часть силы? Потому что ее содержимое не походило на тех неосторожных призраков, решивших когда-то его разыскать? Или по обеим причинам? Этого Дэн не знал. Знал лишь, что она ненадежна. Когда он откроет эту шкатулку, ее содержимое может его и убить. Но...

— В каком смысле? — спросил Билли.

— А? — Дэн огляделся. Руку он прижимал к животу. Тот болел теперь просто дико.

— Ты только что сказал: «Выбора нет». Что ты имел в виду?

— Да ничего.

Они доехали до площадки для пикников, и Билли уже сворачивал на нее. Перед ними открылась лужайка со скамейками для отдыха и ямами для барбекю. Дэну место напомнило Облачную падь, только без реки.

— Просто... если все пойдет не так, садись в пикап и уматывай отсюда что есть духу.

— Думаешь, это меня спасет?

Дэн не ответил. В животе у него все горело и полыхало.

3

В этот же понедельник в конце сентября, незадолго до четырех часов пополудни, Роза вместе с Тихой Сэйри поднялась на Крышу мира.

Роза была в облегающих джинсах, подчеркивавших ее длинные стройные ноги. Тихая Сэйри, несмотря на прохладную погоду, — в домашнем платье невинного голубого цвета, доходившее до толстых икр в противоварикозных чулках. Роза приостановилась у таблички, привинченной к гранитному столбику у подножия примерно трех десятков ступенек, ведущих на смотровую площадку. Табличка сообщала, что на этом самом месте стоял известный отель «Оверлук», лет тридцать пять назад сгоревший дотла.

— Это очень сильное место, Сэйри.

Сэйри кивнула.

— Знаешь, бывают горячие источники, где из-под земли вырывается пар?

— Дя.

— Тут что-то в этом роде. — Роза нагнулась, чтобы принюхаться к траве и полевым цветам. Из-под их аромата пробивался железистый запах старой крови. — Сильные эмоции: ненависть, страх, предрассудки, похоть. Эхо убийства. Это не еда — уж слишком давно это было, — но подкрепиться можно. Стойкий букет.

Сэйри молчала, но глаз с Розы не сводила.

— А эта штука, — Роза махнула рукой в сторону пологой деревянной лестницы, ведущей на площадку, — эта штука похожа на виселицу, тебе так не кажется? Не хватает только люка.

Сэйри не проронила ни слова. Вслух, по крайней мере. Ее мысль *(нет веревки)*

прозвучала достаточно ясно.

— Это верно, дорогая моя, но одна из нас все равно будет болтаться здесь. Либо я, либо эта мелкая сучонка, сунувшая нос в наши дела. Видишь? — Роза указала на зеленый сарайчик футах в двадцати от них.

Сэйри кивнула.

На поясе у Розы был кошелек на молнии. Она открыла его, порылась, вытащила ключ и протянула спутнице. Сэйри зашагала к сарайчику; трава

хлестала ее по толстым чулкам телесного цвета. Ключ подошел к навесному замку на двери. Сэйри распахнула ее, потянув на себя. Лучи предзакатного солнца осветили помещение чуть больше деревенского сортира. Внутри оказалась газонокосилка «Лон-Бой» и пластмассовое ведро с серпом и граблями. У задней стояли лопата и мотыга. Больше в сарайчике ничего не было, как не было и места для того, чтобы спрятаться.

— Зайди, — велела Роза. — Посмотрим, как у тебя получится.

«Учитывая сколько в тебе пара, ты должна меня здорово удивить».

У Тихой Сэйри был свой особый талант, как и у остальных членов Узла.

Она шагнула в сарайчик, принялась и сообщила:

— Пыльно.

— Наплевать на пыль. Я хочу увидеть, как ты это делаешь. Точнее, не увидеть.

Потому что в этом и заключался талант Сэйри. Полностью невидимой она стать не могла (да и никто из Верных не мог), зато могла создать некую дымку, прекрасно сочетающуюся с ее неприметным лицом и фигурой. Сэйри передвинулась — недалеко, всего на полшага, — и ее тень слилась с тенью, отбрасываемой ручкой газонокосилки. Затем она замерла, и сарайчик опустел.

Роза зажмурилась, потом снова широко распахнула глаза, и Сэйри возникла за газонокосилкой со скромно сложенными на животе руками. Ни дать ни взять робкая девица на вечеринке, надеющаяся, что мальчик пригласит ее танцевать. Роза перевела взгляд на горы, а когда вновь посмотрела в сарайчик, тот был пуст: всего лишь крохотная кладовка, в которой даже спрятаться негде. В ярком солнечном свете не было видно даже тени. То есть, кроме той, что отбрасывала ручка газонокосилки. Только...

— Локоть прижми, — посоветовала Роза. — Я его вижу. Чуть-чуть.

Тихая Сэйри подчинилась и через секунду исчезла совсем, по крайней мере, если не приглядываться. Когда же Роза пригляделась, то вновь нашла ее. Но ведь она знала, что Сэйри там. Когда настанет пора — а ждать оставалось недолго, — сучонка ничего не увидит.

— Молодец, Сэйри! — тепло похвалила ее Роза (тепло, насколько сумела). — Наверное, ты мне не понадобишься. Но если да, воспользуйся серпом. И думай при этом об Энди. Хорошо?

При упоминании имени Энди, уголки губ у Сэйри опустились в скорбной гримасе. Она пристально посмотрела на серп в ведерке и кивнула.

Роза подошла и взялась за замок.

— Я запрю тебя здесь до поры до времени. Сучонка засечет тех, кто сидит в Хижине, но только не тебя. Я уверена. Ты же у нас тихая, правда?

Сэйри снова кивнула. Она у них была тихая. Всегда.

(а как же)

Роза улыбнулась:

— Замок? О нем не волнуйся. Думай только о том, чтобы сидеть тихо. Тихо и молча. Поняла?

— Дя.

— А насчет серпа поняла?

Даже будь у Верных пистолет, Роза и тогда не доверила бы его Сэйри.

— Сейп. Дя.

— Если я ее одолею — а пара во мне сейчас столько, что никаких проблем тут быть не должно, — будешь стоять здесь, пока я тебя не выпущу. Но если услышишь, как я кричу... дай-ка подумать... если услышишь, как я кричу: «Не вынуждай меня наказывать тебя!», это будет означать, что мне нужна помощь. Я постараюсь сделать так, чтобы девчонка стояла к тебе спиной. Ты ведь знаешь, что случится потом?

(я поднимусь по лестнице и)

Но Роза отрицательно помотала головой:

— Нет, Сэйри. Тебе не придется. До площадки ей никогда не добраться.

Страшно обидно будет потерять такой пар, даже обиднее, чем упустить возможность собственноручно прикончить сучонку... после долгих-долгих пыток. Но рисковать нельзя. Уж больно девчонка сильна.

— Какого сигнала ты ждешь, Сэйри?

— «Не фыфужай меня наказивать фебя».

— И о чем ты тогда подумаешь?

Вспыхнули спрятанные под неопрятной челкой глаза:

— О мефти.

— Правильно. О мести за Энди, которую убили приятели этой сучонки. Но не раньше, чем я тебя позову, потому что я хочу сделать это сама.

Кулаки у Розы сжались, ногти впились в кроваво-красные полукружия, уже оставшиеся на ладонях.

— Но если ты мне понадобишься, то придешь. Не колеблись и не останавливайся, что бы ни случилось. Не останавливайся, пока не вонзишь лезвие серпа ей в шею и не увидишь, как его кончик торчит у нее из горла.

И тот же горящий взгляд:

— Дя.

— Хорошо.

Роза поцеловала ее, потом закрыла дверь и защелкнула замок. Ключ она положила обратно в свой кошелек и прижалась к двери.

— Слушай, дорогая. Если все пройдет хорошо, ты получишь первый пар. Даю слово. И это будет лучший пар в твоей жизни.

Роза вернулась к подножию смотровой площадки, сделала несколько глубоких вдохов, чтобы восстановить самообладание, и начала подниматься.

4

Дэн стоял, опершись руками о столик для пикника, опустил голову и закрыв глаза.

— Это какой-то идиотский способ, — заметил Билли. — Я должен остаться с тобой.

— Нельзя. Ты должен отыграть свою партию.

— А если ты потеряешь сознание на полдороге? Даже если нет, как ты собираешься справиться со всей этой бандой? Судя по твоему виду, тебя любой пятилетка побьет.

— Думаю, что очень скоро мне станет гораздо лучше. И сил прибавится. Езжай, Билли. Где надо парковаться, помнишь?

— На дальнем конце стоянки у объявления, что дети получают еду бесплатно, когда выигрывают команды Колорадо.

— Правильно. — Дэн поднял голову и заметил, что Билли нацепил огромные солнцезащитные очки. — Натяни кепку поглубже. Прямо на уши. Держись как молодой.

— Есть у меня в запасе один трюк, который сделает меня на вид еще моложе. Если, конечно, получится.

Дэн пропустил последнее мимо ушей.

— Мне нужно еще кое-что.

Он выпрямился и раскрыл объятия. Билли обнял его, желая стиснуть друга изо всех сил, чтобы кости затрещали, но не решаясь.

— Абра сделала правильный выбор. Без тебя я бы сюда не доехал. А теперь давай.

— Ты там поосторожнее, — попросил Билли. — Я рассчитываю на то, что на День Благодарения поезд в Облачную падь поведешь ты.

— Хотелось бы, — согласился Дэн. — Лучшая игрушечная железная

дорога, которой у меня не было в детстве.

Билли смотрел, как он медленно бредет к указателю на той стороне поляны, держась руками за живот. На указателе было две деревянных стрелы. Одна указывала на запад, на смотровую площадку Пауни. Вторая — на восток, под гору. На ней было написано: «К кемпингу „Блюбелл“».

Дэн ступил на вторую тропинку. Некоторое время Билли еще видел сквозь желтые листья осин, как он бредет через силу, опустив голову, чтобы видеть, куда ставить ногу. Потом он пропал из виду.

— Не оставь моего мальчика, — попросил Билли. Он и сам не знал толком, к кому обращается — к Богу или к Абре, и полагал, что это неважно: сегодня у обоих было слишком много дел, чтобы снизойти до просьбы какого-то старика.

Он вернулся к пикапу и вытащил из кузова маленькую девочку с широко раскрытыми ярко-голубыми глазами и жесткими светлыми кудряшками. Весила она совсем немного: наверное, была полрой.

— Как дела, Абра? Надеюсь, тебя не слишком растрясло.

Девочка была одета в майку «Колорадо Рокиз» и голубые шорты. Ноги были босые, но почему бы и нет? Эта маленькая девочка — на самом деле манекен, купленный в захудалом магазинчике детской одежды в Мартенвилле, — не сделала за свою жизнь ни единого шага. Зато у нее сгибались колени, и Билли без труда усадил ее у пассажирского окна. Он пристегнул манекен ремнем безопасности, хотел было закрыть дверь, потом передумал и потрогал шею. Она тожегнулась, хоть и немного. Билли отступил в сторону, чтобы оценить производимое манекеном впечатление. Неплохо. Казалось, девочка рассматривает что-то лежащее на коленях. А может, молится, чтобы набраться сил для предстоящей битвы. Совсем недурно.

Конечно, если у них нет биноклей.

Билли забрался в пикап и подождал, давая Дэну фору. Надеюсь при этом, что тот не отрубился где-то на тропинке, ведущей к кемпингу «Блюбелл».

Без четверти пять Билли завел двигатель и отправился назад той же дорогой, какой приехал.

Дэну удавалось поддерживать ровный темп ходьбы, несмотря на расплзавшийся по животу жар. Точно какая-то горящая крыса внутри него

прогрызала себе путь наружу. Если бы дорога шла вверх, а не вниз, он бы сроду не дошел до конца.

Без десяти пять он дошел до поворота и остановился. Чуть поодаль осины уступали место ухоженной зеленой лужайке, полого спускавшейся к паре теннисных кортов. За кортами виднелась стоянка для фургонов и длинное бревенчатое здание — коттедж «Оверлук». За ним склон снова забирал вверх. Там, где когда-то стоял отель «Оверлук», на фоне яркого неба высилась платформа, похожая на мостик портального крана. Крыша мира. При взгляде на нее ему в голову пришла та же мысль

(виселица)

что и Розе Шляпнице. У ограждения лицом к стоянке для дневных посетителей высилась одинокая фигура. Женщина. Цилиндр на ее голове был сдвинут набок.

(Абра ты там)

(Я здесь Дэн)

Судя по голосу, она спокойна. Это хорошо.

(они слышат тебя?)

Дэн ощутил едва уловимое щекочущее чувство: улыбку Абры. Злую.

(если не слышат они глухие)

Это хорошо.

(давай ко мне но помни если я скажу уходить ТЫ УЙДЕШЬ)

Она не ответила, но прежде, чем он успел повторить сказанное, оказалась рядом.

6

Джон Далтон и Стоуны беспомощно смотрели, как тело Абры сползает по крыльцу. Она уронила голову на доски, ноги раскинулись по нижним ступенькам. Прыг-Скок выпал из обмякшей руки. Это не было похоже ни на сон, ни даже на обморок: Абра выглядела так, словно впала в кому или вообще умерла. Люси рванулась к ней, но Дэйв и Джон ее удержали.

Она попыталась вырваться.

— Пустите! Я должна ей помочь!

— Ты не сможешь, — сказал Джон. — Теперь ей поможет только Дэн.

Они должны помочь друг другу.

Она испуганно уставилась на него.

— Ты не видишь, она хотя бы дышит?

— Дышит, — ответил Дэйв, но его голос показался неуверенным даже

ему самому.

С появлением Абры боль ослабела впервые с самого Бостона. Но это не радовало Дэна, потому что теперь вместе с ним страдала и Абра. Он видел это по ее лицу, но заметил также, с каким изумлением в глазах его гостья осматривала комнату, в которой оказалась. Двухъярусная кровать, обшитые деревом стены и ковер с вышитыми кактусами и полынью. На ковре и нижней кровати были разбросаны дешевые игрушки. На столике громоздились книжки и паззл из крупных кусочков. В дальнем углу комнаты щелкал и шипел обогреватель.

Абра подошла к столу и взяла одну из книг. На обложке маленькая девочка на трехколесном велосипеде удирала от собачонки. Название гласило: «Увлекательное чтение с Диком и Джейн».

Дэн присоединился к ней с задумчивой улыбкой.

— Девочка на обложке — это Салли. Дик и Джейн — ее брат и сестра. А собаку зовут Джип. Какое-то время они были моими лучшими друзьями. Собственно, единственными. Не считая Тони, конечно.

Абра отложила книжку и обернулась к нему:

— Что это за место, Дэн?

— Воспоминание. Когда-то здесь стоял отель, а это была моя комната. Теперь это место, где мы можем встретиться. Знаешь этот диск, который поворачивается, когда тыходишь в чье-то тело?

— Угу.

— Это его центр. Его ось.

— Хорошо бы здесь задержаться. Тут так... безопасно. Если бы не это. Абра указала на французское окно от пола до потолка.

— Оно тут ни к селу ни к городу. — Она чуть ли не обвиняюще посмотрела на Дэна. — Его же там не было, да? Когда ты был маленьким.

— Да, не было. В моей комнате вообще не было окон, а единственная дверь вела в остальную часть квартиры зрителя. Я изменил эту комнату. Мне пришлось это сделать. Знаешь, зачем?

Абра серьезно посмотрела на него:

— Потому что тогда это тогда, а сейчас это сейчас. Потому что это прошлое, пусть даже оно и влияет на настоящее.

Дэн улыбнулся:

— Я и сам не сказал бы лучше.

— Тебе и не нужно было это говорить. Ты это подумал.

Он подвел ее к французскому окну, никогда не существовавшему в реальности. Сквозь стекло была видна лужайка, теннисные корты, коттедж «Оверлук» и Крыша мира.

— Я ее вижу, — выдохнула Абра. — Она вон там, и в нашу сторону не смотрит, да?

— Надеюсь, что нет, — ответил Дэн. — Сильно болит, малыш?

— Сильно, — призналась она. — Но мне плевать. Потому что...

Договаривать не было нужды. Он и так все знал, и Абра улыбнулась. Они были единым целым, и несмотря на боль — боль во всех смыслах, — которую вызывал этот союз, это было здорово. Просто здорово.

— Дэн?

— Да, солнышко.

— Там люди-призраки. Я их не вижу, но чувствую. А ты?

— И я.

Много лет. Потому что прошлое определяет настоящее. Дэн обхватил Абру за плечи, а ее рука легла ему на талию.

— Что теперь?

— Ждем Билли. Надеюсь, он не опоздает. А потом все произойдет очень быстро.

— Дядя Дэн?

— Что, Абра?

— Что в тебе сидит? Это не призрак. Похоже на... — он почувствовал, как она содрогнулась. — Похоже на чудовище.

Дэн не ответил.

Абра выпрямилась и отошла от него.

— Смотри, вон он!

На парковку для гостей въезжал старый «Форд»-пикап.

Роза стояла на смотровой площадке, положив руки на перила, и смотрела, как на стоянку заезжает пикап. Пар обострил ее зрение, но все равно она пожалела, что не захватила бинокль. Ведь в кладовой с инвентарем наверняка хранилось несколько штук. Для гостей, которым хотелось понаблюдать за птицами. Так почему же не взяла?

«Потому что мне пришлось думать об уйме всякого-разного. О болезни... об улизнувших с корабля крысах... о гибели Ворона от рук

девчонки...»

Да, все это правда, чистейшая правда, но все равно о бинокле следовало вспомнить. «Интересно, что еще я забыла», — подумала она, но тут же отогнала эту мысль. Наглотавшись под завязку пара, она все еще руководила ситуацией. Все шло как по нотам. Скоро сюда поднимется девчонка, полная глупой подростковой гордыни и уверенности в своих силах.

«Но я буду на высоте, дорогуша. Во всех смыслах. Если не смогу с тобой справиться в одиночку, то почерпну силы у остальных Верных. Они все сейчас там, в коттедже, потому что ты посчитала это хорошей идеей. Но кое-что в расчет ты не приняла: вместе мы звенья единой цепи, мы — Узел верных, и это превращает нас в гигантскую батарейку. От которой я смогу подпитаться, если понадобится».

А если все потерпит крах, то есть еще Тихая Сэйри. Которая сейчас держит в руке серп. Она хоть и не семи пядей во лбу, но зато беспощадная, смертоносная и — если уж усвоила задание — абсолютно послушная. А еще у нее есть свои причины желать сучонке смерти у подножья платформы.

(Чарли)

Чарли Жетон откликнулся тут же. Вообще-то он был слабеньким телепатом, но теперь, когда в коттедже его поддерживали остальные Верные, его мысленный голос звучал четко и громко. А еще в нем читалось безумное возбуждение.

(сигнал стабильный и сильный она где-то поблизости ты тоже должна ее чувствовать)

И Роза чувствовала, хотя по-прежнему старалась держать свой разум закрытым, чтобы сучонка не пролезла и не навела шороху.

(неважно просто скажи остальным быть наготове если мне понадобится помощь)

В ответ послышалось множество голосов. Они наперебой выражали свою готовность. Даже заболевшие сделают все, что смогут, и Роза их за это любила.

Роза уставилась на светловолосую девочку в пикапе. Та смотрела куда-то вниз. Что-то читала? Набиралась храбрости? Может, молилась лоховскому Боженьке? Неважно.

«Ну же, сучонка. Иди к тетушке Розе».

Но из машины вышла не девчонка, а ее дядя. Как соплячка и говорила. Вышел на разведку. Он обошел пикап спереди медленным шагом, не переставая осматриваться. Наклонился к пассажирскому окну, что-то

сказал девчонке, а потом отошел от пикапа на пару шагов. Посмотрел на Коттедж, потом повернулся к возвышающейся на фоне неба платформе... и помахал рукой. Неужели этот наглый мудила и правда ей помахал?

В ответ Роза не махнула. Она хмурилась. Дядя, значит... Почему ее родители послали с ней дядюшку, а не привезли свою вшивую дочурку сами? Да и почему они вообще разрешили ей приехать?

«Она их убедила, что другого выхода нет. Сказала, что если она не придет ко мне, то я приду к ней. Звучит вполне логично».

Может, и логично, но, тем не менее, Роза чувствовала себя все беспокойнее. Она разрешила сучонке установить основные правила. Значит, в какой-то мере соплячка ею манипулировала. Роза допустила это потому, что кемпинг был ее вотчиной, и она заранее подготовилась к визиту. Но в основном ею руководила злость. Жгучая злость.

Роза вперилась взглядом в мужчину на стоянке. Он снова бродил туда-сюда и осматривался. Хотел убедиться, что она на самом деле одна. На его месте Роза поступила бы точно так же, но все равно ее грызло чувство, будто он просто тянет время, хоть она и понятия не имела, зачем ему это могло понадобиться.

Роза присмотрелась к походке мужчины и решила, что он не такой молодой, каким показался на первый взгляд. На самом деле походка говорила о том, что он уже далеко не молод. И с артритом знаком не понаслышке. И почему девчонка совсем не двигается?

Роза почувствовала первый укол настоящей тревоги.

Что-то пошло не так.

— Она смотрит на мистера Фримэна, — сказала Абра. — Нам пора.

Дэн распахнул французское окно, но заколебался. Что-то в ее голосе насторожило его.

— Что не так, Абра?

— Не знаю. Может и ничего, но мне это не нравится. Она его прямо сверлит взглядом. Надо идти прямо сейчас.

— Сначала я должен кое-что сделать. Постарайся приготовиться и не пугаться.

Дэн закрыл глаза и прошел в кладовку в одном из дальних закоулков собственного разума. В реальности сейфы-шкатулки оказались бы под слоем многолетней пыли, но те две, что Дэн создал ребенком, сияли как

новенькие. Почему бы и нет? Ведь они были сделаны из чистейшего воображения. Третья — новая — шкатулка была окутана тусклой аурой, и Дэн подумал: «Неудивительно, что мне так плохо».

Неважно. Пусть пока постоит так. Он открыл самую старую из шкатулок, готовый ко всему, и ничего в ней не обнаружил. Ну, или почти ничего. В шкатулке, где тридцать два года томилась миссис Мэсси, оказалась только горсть серого праха. Но вот в другой...

И Дэн сообразил, как глупо было советовать девочке не бояться.

Абра завизжала.

10

На заднем крыльце дома в Эннистоне Абру затрясло. Ноги свело судорогой, ступни начали отбивать барабанную дробь по доскам, рука — болтавшаяся точно рыба, вытащенная на берег и обреченная на гибель, — отправила несчастного Прыг-Скока в полет.

— Что с ней? — закричала Люси.

Она метнулась к двери. Дэвид замер, оцепенев от вида бьющейся в припадке дочери, но Джон успел правой рукой обхватить Люси за талию, а левой — за плечи. Она принялась отбиваться.

— Пусти! Мне нужно к ней!

— Нет! — заорал Джон. — Нет, Люси, тебе туда нельзя!

Она бы вырвалась, но к этому моменту Дэвид тоже держал ее.

Она сникла и посмотрела на Джона.

— Если она там умрет, ты сядешь за это. — Люси перевела взгляд, отчужденный и враждебный, на мужа. — А тебя я в жизни не прощу.

— Она затихает, — сказал Джон.

Дрожь, сотрясавшая лежащую на крыльце Абру, постепенно сошла на нет, но щеки девочки оставались влажными, и из-под закрытых век струились слезы. В предзакатном свете они висели на ее ресницах точно бриллианты.

11

В спальне маленького Дэнни Торранса, которая сплошь состояла из памяти, Абра прильнула к Дэну и прижала лицо к его груди. Когда заговорила, голос ее звучал приглушенно.

- Чудовище ушло?
— Да, — ответил Дэн.
— Клянешься именем матери?
— Да.

Она подняла голову. Сначала взглянула ему в лицо, чтобы удостовериться, что он говорит правду, а потом отважилась осмотреть комнату.

— Как оно улыбалось... — Ее передернуло.

— Ага, — сказал Дэн. — Думаю... он рад вернуться домой. Абра, ты как, выдержишь? Ведь мы начинаем прямо сейчас. Время вышло.

— Выдержу. Но что если... оно... вернется?

Дэн подумал о шкатулке-сейфе. Сейчас она открыта, но закрыть ее будет довольно легко. Особенно с помощью Абры.

— Не думаю, что он... оно... захочет иметь с нами дело, солнышко. Все, поехали. Просто запомни: если я прикажу тебе вернуться в Нью-Гэмпшир, ты так и сделаешь!

Она опять не ответила, но на споры времени уже не осталось. Время истекло. Дэн шагнул через французское окно на конец тропы. Абра шла рядом. В комнате Дэнни она была осязаемой, но теперь вновь замерцала.

«Тут, снаружи, она сама почти что девочка-призрак», — подумал Дэн. До него наконец-то дошло, как сильно она рискует. Страшно подумать, насколько слабо она сейчас держится за свое тело.

Двигаясь быстро, но не бегом (это бы привлекло внимание Розы, а им еще надо было преодолеть семьдесят ярдов до коттеджа, который скроет их от смотровой площадки), Дэн и его призрачная спутница пересекли газон и пошли по вымощенной плиткой дорожке между теннисными кортами.

Они подошли к задней стене кухни, и теперь коттедж скрывал их от платформы. За кухней стоял мерный гул вытяжного вентилятора, а из мусорных баков разило тухлым мясом. Дэн проверил заднюю дверь, увидел, что она не заперта, но открывать не спешил.

(они все там?)

(да все кроме Розы Дэн тебе надо спешить потому что)

Глаза Абры (они мерцали, словно глаза ребенка в старом черно-белом фильме) расширились от ужаса.

— Она чувствует неладное.

Роза перенесла внимание на сучонку, которая по-прежнему сидела, опустив голову, на пассажирском сиденье пикапа и по-прежнему не двигалась. Абра не наблюдала за дядей (если он на самом деле ее дядя) и не пыталась выйти из машины. В голове у Розы индикатор тревоги из желтого превратился в красный.

— Эй! — Долетело до нее по разреженному воздуху. — Эй, старая кошелка! Зацени-ка!

Роза посмотрела на мужчину на стоянке и, почти ошеломленная, увидела, как тот вскинул руки над головой и неловко прошелся колесом. Она думала, что он плюхнет на задницу, но на землю упала лишь его кепка, под которой обнаружились жидкие седые волосенки семидесятилетнего старика. Может, даже восьмидесятилетнего.

Роза вернулась к девчонке, которая все еще сидела абсолютно неподвижно с опущенной головой. Дядины причуды ее ни капли не заинтересовали. И тут до Розы дошло то, что она увидела бы сразу, не будь уловка такой вопиющей: в машине сидел манекен.

«Но ведь она здесь! Чарли Жетон ее чувствует, как и остальные в коттедже. Они там все вместе, и они знают...»

В коттедже. Все вместе. В одном помещении. И разве это придумала Роза? Нет. Идея принадлежала...

Роза ринулась к лестнице.

Оставшиеся Верные сгрудились у двух окон и смотрели, как на стоянке Билли Фримэн делает колесо, впервые за сорок лет (и в предыдущий раз он исполнил этот трюк в пьяном виде). Петти Китаеза даже рассмеялась.

— Боже, что за...

Они не увидели, как у них за спиной из кухни вышел Дэн, а рядом с ним — мерцающая девочка. Заметив на полу две груды одежды, Дэн понял, что корь Брэдли Тревора трудится вовсю. Затем он ушел глубоко в себя и нашел третью шкатулку (ту, что протекала). Откинул крышку.

(Дэн что ты делаешь)

Дэн наклонился вперед, упер руки в бедра (в животе у него болтался раскаленный металл) и выдохнул последний «крик» старой поэтессы, который она передала ему в предсмертном поцелуе. Из рта у него длинной лентой вырвалась розовая дымка, которая при соприкосновении с воздухом

становилась красной. Поначалу для Дэна не существовало ничего, кроме блаженного облегчения в животе, из которого изливались ядовитые остатки Кончетты Рейнольдс.

— Момо! — крикнула Абра.

14

На смотровой площадке Роза распахнула глаза. Сучонка проникла в коттедж.

«И с ней кто-то еще».

Роза машинально впрыгнула в этот новый разум. Начала его прочесывать. Не обратив внимания на признаки обильного пара, она лишь пыталась помешать ему воплотить свои намерения. Наплевала Роза и на жуткую мысль о том, что, возможно, она опоздала.

15

Члены Узла повернулись на крик Абры. Кто-то — а именно Длинный Пол — сказал:

— Матерь божья, а это что такое?

Красный туман сгустился в женскую фигуру. На миг — явно не больше — Дэн взглянул в водовороты глаз Кончетты и увидел, что глаза эти молоды. Все еще слабый и поглощенный видением Дэн не почувствовал чужого присутствия в своем разуме.

— Момо! — снова крикнула Абра, протянув к ней руки.

Кажется, туманная женщина на нее посмотрела. И даже улыбнулась. Затем Кончетта Рейнольдс распалась, а туман накинута на Верных, многие из которых в страхе и непонимании цеплялись друг за друга. Дэну эта красная хмарь казалась кровью, которая растекается по воде.

— Это пар, — сообщил им Дэн. — Вы, ублюдки, им питались. Теперь же всосите его и умрите.

С самого начала, еще только придумав этот план, Дэн знал, что если все не пройдет предельно быстро, то он уже не узнает, сработал план или нет. Но он и представить не мог, что это будет настолько быстро. Этому явно способствовала ослабившая их корь, потому что некоторые продержались дольше других. Так или иначе, все закончилось за считанные секунды.

Они выли в его голове, словно умирающие волки. Звуки эти ужаснули Дэна, но не его спутницу.

— Отлично! — кричала Абра, потрясая кулаками. — Что, вкусно?! Как вам моя момо?! Вкусная?! Ешьте на здоровье! СЪЕШЬТЕ ВСЁ!

Они начали схлопываться. Сквозь красный туман Дэн увидел, как двое из них обнялись и прижались друг к другу лбами, и, несмотря на то, кем они были и что творили, картина эта тронула его. Дэн прочитал слова «Я люблю тебя» по губам Коротышки Эдди. Увидел, как Большая Мо начала ему отвечать. Но тут они исчезли, а их одежда спланировала на пол. Вот как быстро все произошло.

Дэн повернулся к Абре. Он хотел ей сказать, что надо заканчивать дело побыстрее, но тут заорала Роза Шляпница, и на несколько мгновений — пока Абра ее не заблокировала — эти крики ярости и безумной скорби затмили все остальное, даже блаженную радость избавления от боли. Дэн истово надеялся, что и от рака тоже. Но это он узнает только после того, как посмотрит на себя в зеркало.

Роза уже подбежала к спуску с платформы, когда над Узлом верных пронесся смертоносный туман (останки Абриной момо действовали быстро и безжалостно).

Предсмертные муки товарищей жгли ее изнутри белым пламенем. В голове шрапнелью проносились их крики, по сравнению с которыми гибель группы захвата в Облачной пади и Ворона в Нью-Йорке казалась сущей мелочью. Роза откинулась назад, словно от удара дубины. Ударившись о перила, она отскочила и упала на помост. Где-то вдалеке какая-то старуха (судя по ее нетвердому голосу) причитала: нет, нет, нет, нет, нет.

«Это я. А кто же еще, ведь я осталась одна».

Гордыня погубила не соплячку, а саму Розу. Она вспомнила кое-что *(подорвалась на собственной петарде)*

из сказанного сучонкой. Эти слова окатили ее яростью и страхом, словно кипятком. Ее старые друзья и попутчики погибли. Их отравили. Не считая сбежавших крыс, от Узла верных осталась лишь Роза Шляпница.

Но нет, это не так. Есть же еще Сэйри.

Роза распласталась на платформе под послеполуденным небом, и ее била дрожь. Она потянулась к Сэйри.

(Сэйри, ты...)

И тут же получила в ответ мысль, полную смятения и ужаса.

(да но Роза что случилось как такое может быть)

(неважно просто помни что я тебе сказала)

(«не вынуждай меня наказывать тебя»)

(умничка Сэйри умничка)

Если девчонка не убежит... если она сдуру попытается завершить начатое...

Попытается. Роза в этом не сомневалась, и она достаточно тщательно прошерстила разум ее соратника, чтобы узнать две вещи: как именно им удалось устроить бойню, и как можно обратить против них их собственную связь.

Ярость обладала силой.

Как и детские воспоминания.

С трудом поднявшись на ноги, Роза машинально нацепила и залихватски заломила цилиндр. Она подошла к перилам. Старик на стоянке уставился на нее, но она едва его заметила. Свою лживую работенку он сделал. С ним она разберется потом, а пока что все ее внимание сосредоточилось на коттедже. Девчонка была и внутри, и где-то далеко одновременно. Здесь, в кемпинге, она была чуть больше, чем фантомом. Ее спутник, лох, был здесь целиком и полностью, и она никогда раньше его не встречала. Настоящий пароход. У Розы в голове раздался его четкий и холодный голос.

(привет Роза)

Неподалеку было место, где девчонка перестанет мерцать. Где она будет в своем телесном облике. Где ее можно будет убить. Пусть Сэйри позаботится о лохе-пароходе, но только после того, как пароход позаботится о сучонке.

(привет Дэнни привет малыш)

Треща по швам от пара, Роза вторглась в него и отбросила к центру диска. Не обратив особого внимания на Абрины испуганные крики, она последовала за ним.

И когда Дэн оказался там, где нужно было Розе (от неожиданности его защита дала трещину), она влила в него всю свою ярость. Влила, словно пар.

Глава двадцатая

ЦЕНТР ДИСКА, КРЫША МИРА

1

Дэн Торранс открыл глаза. В раскалывающуюся от боли голову тут же ворвался солнечный свет, угрожая выжечь последние мозги. Похмелье было просто ядерным. Рядом послышался храп, отвратительный раздражающий звук, который могла издавать только девка, отсыпавшаяся с бодуна. Дэн повернул голову; рядом с ним на спине распростерлась женщина. Смутно знакомая. С ореолом темных волос, одетая в футболку атлантских «Храбрецов», которая была ей велика.

«Это все не по-настоящему. Меня здесь нет. Я в Колорадо, на Крыше мира, и с этим пора кончать».

Женщина перекатилась на бок, открыла глаза и уставилась на него.

— Господи, моя голова, — сказала она. — Принеси чуток порошка, папик. Он в гостинной.

Он изумленно смотрел на нее, чувствуя растущую ярость, которая появилась словно из ниоткуда, но разве не так оно всегда и бывало? Вещь в себе, тайна за семью печатями.

— Порошок? Кто купил порошок?

Она ослабилась, приоткрыв рот, из которого торчал единственный пожелтевший клык. Теперь он знал, кто она.

— Ты, папик. Давай, тащи его сюда. Прочищу башку и трахну тебя как следует.

Каким-то образом он снова оказался в Уилмингтоне, в этой грязной квартирке. Голый, рядом с Розой Шляпницей.

— Что ты сделала? Как я сюда попал?

Она откинула голову и рассмеялась.

— Разве тебе тут не нравится? А должно — ведь я вытащила это место из твоей головы. А теперь шевели жопой и дуй за коксом.

— Где Абра? Что ты сделала с Аброй?

— Убила, — безразлично ответила Роза. — Она так за тебя переживала, что утратила бдительность, и я выпотрошила ее от глотки до пупа. Не смогла, конечно, высосать столько пара, сколько хотела, но получила достаточ...

Мир окрасился в красный цвет. Дэн вцепился руками в горло Розы и принялся ее душить. В его голове пульсировала единственная мысль: «никчемная сука, сейчас ты получишь свое лекарство, никчемная сука, сейчас ты получишь свое лекарство, никчемная сука, сейчас ты получишь его сполна».

2

Мужчина-пароход был силен, но даже близко не мог сравниться с девчонкой. Он стоял, расставив ноги, ссутулив плечи и подняв сжатые кулаки — поза, которую принимает любой мужчина в приступе убийственной ярости. Гнев делает мужчину легкой добычей.

Его мысли невозможно было прочесть, потому что они стали красными. Это было не страшно, пускай себе: главное, девчонка там, где нужно Розе. В своем шоке и смятении она последовала за ним к центру диска. Но недолго ей осталось пребывать в шоке. Сучонка задыхается, а скоро и вовсе помрет, подорвавшись на своей собственной петарде.

(дядя Дэн нет нет остановись я не она)

«Она-она», — подумала Роза, надавив еще сильнее. Зуб вылез из ее рта и продырявил нижнюю губу. Кровь текла по подбородку на блузку. Она не чувствовала этого, как не ощущала горного ветерка, игравшего копной ее темных волос. «Это я. Ты был моим папиком, моим папиком из бара. Я заставила тебя вытрясти все из кошелька за дозу плохого кокса, а теперь настало следующее утро, и я должна получить свое! Ты же хотел это сделать, когда проснулся в Уилмингтоне рядом с этой пьяной шлюхой. И сделал бы, если бы не зассал. С ней и с ее никчемным щенком. Твой отец знал, как поступать с глупыми, непокорными бабами, и его отец тоже это знал. Иногда женщина просто должна получить свое. Она должна...»

Послышался рев приближающегося мотора. Это было неважно, как и боль в губе, и вкус крови во рту. Девочка задыхалась, сотрясалась. И тут в Розиной голове ударом грома взорвалась мысль, рев раненого зверя:

(НИЧЕГО МОЙ ОТЕЦ НЕ ЗНАЛ!)

Роза все еще приходила в себя от этого крика, когда пикап Билли Фримэна врезался в подножие лестницы, сбивая ее с ног. Шляпа взлетела в воздух.

3

Он не в квартире в Уилмингтоне, а в своей давно исчезнувшей спальне в «Оверлуке» — в центре диска. С ним не Дини, женщина, с которой он когда-то проснулся бок о бок в том доме, и не Роза.

Это Абра. Его руки сжимают ей горло, а глаза девочки вылезают из орбит.

В какое-то мгновение она вновь начала меняться, пока Роза пыталась влезть в разум Дэна, заливая его своим гневом и подпитывая его собственный. Потом что-то произошло, и она исчезла. Но не навсегда.

Абра кашляла и не сводила глаз с Дэна. Он ожидал, что у нее будет шок, но для девочки, которую только что чуть не задушили, она держалась удивительно спокойно.

(ну... мы же знали что это будет нелегко)

— Я — не мой отец! — крикнул Дэн ей в лицо. — Я — не отец!

— Наверно, и к лучшему, — ответила Абра. И даже улыбнулась. — Ты прямо как порох, дядя Дэн. Похоже, мы и правда родственники.

— Я чуть тебя не убил, — сказал Дэн. — Хватит. Тебе пора возвращаться. Сию же минуту возвращайся в Нью-Гэмпшир.

Она помотала головой:

— Придется — на какое-то время, — но сейчас я тебе нужна.

— Абра, это приказ.

Девочка скрестила руки на груди и осталась стоять на вышитом кактусами ковре.

— Господи Иисусе, — Дэн взъерошил себе волосы. — Ну ты и упрямая.

Абра потянулась и взяла его за руку.

— Мы вместе доведем дело до конца. Пошли. Давай выбираться из этой комнаты. Все-таки мне здесь разонравилось.

Их пальцы сплелись, и комната, в которой Дэн жил когда-то в детстве, растворилась в воздухе.

Дэн успел разглядеть, что один из опорных столбов Крыши мира смял капот пикапа Билли в гармошку, а из поврежденного радиатора валит пар. Что искусственный двойник Абры с лихо загнутой пластмассовой рукой торчит из окна со стороны пассажира. Что сам Билли пытается открыть погнувшуюся водительскую дверцу. По щеке старика струилась кровь.

Что-то обхватило Дэну голову. Мощные руки поворачивали ее,

стараясь сломать шею. И тут появились руки Абры и отбросили Розу. Девочка посмотрела вверх:

— Плохо стараешься, ссыкливая старая сука.

У перил Роза смотрела на них сверху вниз, придавая нужный угол своему уродливому цилиндру.

— Понравилось, как дядя тебя душил? И как ты теперь к нему относишься?

— Не он душил, а ты.

Роза ухмыльнулась окровавленным ртом.

— А вот и нет, милочка. Я всего лишь воспользовалось тем, что в нем было. Тебе ли этого не знать, ты ведь такая же, как он.

«Она пытается нас отвлечь, — подумал Дэн. — Но от чего? От этого?»

Небольшое, крашеное в зеленый цвет сооружение: не то уличный сортир, не то сарай для хранения инструментов.

(ты можешь?)

Заканчивать мысль ему не пришлось. Абра повернулась к сарайчику и уставилась на него. Замок заскрежетал, щелкнул и упал в траву. Дверь широко распахнулась. Сарайчик был пуст, если не считать нескольких садовых инструментов и старой газонокосилки. Дэну показалось было, что там что-то есть, но, должно быть, его просто подвели нервы. Когда Дэн и Абра снова посмотрели вверх, Розы уже не было видно. Она отступила от перил вглубь.

Билли наконец удалось справиться с дверцей пикапа. Он вылез, пошатнулся, но сумел удержаться на ногах.

— Дэнни? Ты в порядке? — и сразу же:

— Это Абра? Господи, да ее еле видно.

— Послушай, Билли. До коттеджа дойдешь?

— Наверно. А что с теми, кто там был?

— Сгинули. Лучше всего тебе идти прямо сейчас.

Билли не спорил. Он начал спускаться по склону, шатаясь как пьяный. Дэн указал на лестницу, ведущую к смотровой площадке и вопросительно приподнял брови. Абра покачала головой

(ей того и надо)

и повела Дэна в обход Крыши мира туда, откуда им был виден самый краешек Розинового цилиндра. При этом сарайчик с инструментами оказался у них за спиной, но после того, как Дэн убедился, что там никого нет, его это не волновало.

(Дэн мне надо вернуться прямо сейчас на минуточку надо подзарядиться)

Мысленная картинка: поле, заросшее подсолнухами, которые раскрывают свои лепестки все одновременно. Абре нужно было позаботиться о собственном физическом теле, и это было хорошо. Это было правильно.

(иди)

(вернись как только)

(иди Абра я справлюсь)

И если повезет, то к ее возвращению все будет кончено.

5

В Эннистоне Джон Далтон и Стоуны увидели, как Абра глубоко вздохнула и открыла глаза.

— Абра! — крикнула Люси. — Все закончилось?

— Скоро.

— А что это у тебя на шее? Синяки?

— Мам, не подходи! Мне надо возвращаться. Я нужна Дэну.

Абра потянулась к Прыг-Скоку, но схватить старого плюшевого кролика она не успела: глаза ее закрылись, а тело замерло.

6

Украдкой выглянув из-за перил, Роза увидела, как Абра исчезла. Мелкой сучонки надолго не хватило, и теперь она отправилась на отдых. Ее присутствие в кемпинге не слишком отличалась от тогдашнего присутствия в супермаркете, но только на этот раз проявлялось оно гораздо сильнее. А почему? Потому что ей помогал этот человек. Усиливал ее. Если к возвращению девчонки он умрет...

Глядя на него сверху вниз, Роза крикнула:

— Я бы на твоём месте смылась, пока есть возможность, Дэнни. Не вынуждай меня наказывать тебя.

7

Тихая Сэйри полностью сосредоточилась на схватке у Крыши мира, прислушиваясь к ней как ушами, так и своим не слишком острым разумом.

Поэтому поначалу она и не заметила, что в сарае она уже не одна. Насторожил ее запах. Пахло гнилью. Не мусором. Повернуться она не отважилась: дверь была открыта, и стоявший снаружи мужчина мог ее заметить. Она стояла неподвижно с серпом в руке.

Сэйри услышала, как Роза советует мужчине смыться, пока у него есть такая возможность. И тут дверь сарая начала закрываться сама по себе.

— Не вынуждай меня наказывать тебя! — крикнула Роза. Услышав этот сигнал, Сэйри должна была выскочить из сарая и вонзить серп в шею назойливой мерзавки, но поскольку девчонка исчезла, то на худой конец сойдет и мужик. Но не успела Сэйри сделать и шага, как ее руку с серпом обхватила чья-то холодная ладонь. Обхватила и крепко сжала.

Сэйри повернулась — теперь-то уже можно, ведь дверь закрылась. Сквозь щели в стенах проникал тусклый свет, и в нем она увидела такое, отчего из обычно безмолвного ее рта вырвался крик. Увлечшись событиями у Крыши мира, она не заметила, как в сарае к ней присоединился мертвец. На хищном осклизлом лице цвета гнилого авокадо играла улыбка. Его глаза едва не свисали из орбит. Костюм покрывали пятна древней плесени... но россыпи разноцветных конфетти у него на плечах были свежими.

— Отличная вечеринка, да? — спросил он и осклабился, отчего губы его пошли глубокими трещинами.

Сэйри снова закричала и вогнала серп в его левый висок. Изогнутое лезвие вошло глубоко и прочно, но крови не было.

— Поцелуй-ка меня, дорогуша, — сказал Хорас Дервент. Меж его губ вылез и завилял белесый остаток языка. — Давненько я не был с женщиной.

Прильнув блестящими от гнили клочьями губ ко рту Сэйри, Дервент сомкнул руки у нее на горле.

Роза увидела, как захлопнулась дверь сарая, услышала крик и поняла, что вот теперь действительно осталась одна. Скоро — наверно, через несколько секунд — девчонка вернется, и их будет двое против нее одной. Этого допускать нельзя.

Она взглянула на мужчину и собрала всю свою мощь, усиленную паром.

(задуши себя давай СЕЙЧАС ЖЕ)

Его руки потянулись к горлу, но слишком медленно. Он

сопротивлялся, и так успешно, что приводил ее в бешенство. Она ожидала, что сучонка не сдастся без боя, но этот лох внизу был взрослый! Она должна была бы отмахнуться от оставшегося в нем пара, как от легкой дымки.

Так или иначе, она брала верх.

Его руки поднялись к груди... к плечам... наконец, к горлу. Там они затормозили — Роза слышала, как он тяжело дышит от усилий. Она надавила, и руки сомкнулись, передавив дыхательное горло.

(то-то же сволочь будешь знать как лезть не в свое дело дави дави ДАВ...)

Что-то ударило ее. Не кулак; скорее похоже на порыв сжатого воздуха. Она оглянулась и не увидела ничего, кроме мерцания — оно мелькнуло и исчезло. Прошло не больше трех секунд, но этого хватило, чтобы отвлечь Розу, и когда она повернулась к перилам, девчонка уже вернулась.

На этот раз ее коснулся не порыв ветра, а руки, которые одновременно казались большими и маленькими. Они упирались в ее поясницу. Они толкали ее. Сучонка и ее друг работали вместе — как раз то, чего Роза хотела избежать. В животе заворочался червячок ужаса. Она попыталась отойти назад от перил и не смогла. Все ее силы уходили на то, чтобы удержаться на месте, и без поддержки Верных ее хватит ненадолго. Совсем ненадолго.

Если бы не тот порыв... Его вызвал не мужчина, а девчонки здесь не было...

Вот рука оторвалась от поясницы и сшибла с головы цилиндр. Роза взвыла от унижения — никто не смеет касаться ее шляпы, никто! — и на мгновение собрала достаточно сил, чтобы попятиться от перил к центру платформы. И опять эти руки уперлись ей в спину и снова принялись толкать.

Она смотрела вниз, на них. Мужчина стоял с закрытыми глазами; от напряжения у него на шее вздулись жилы, а по щекам, словно слезы, градом катился пот. Но глаза девочки были широко раскрыты и безжалостны. Она смотрела вверх, на Розу. И улыбалась.

Роза изо всех сил рвалась назад, но с тем же успехом можно было биться в каменную стену. Стену, которая неумолимо толкала ее вперед, пока она не прижалась животом к перилам и не услышала, как те закрипели.

На секунду она подумала было поторговаться. Сказать девчонке, что они могут работать вместе, основать новый Узел. Что вместо того, чтобы умереть в 2070 или 2080 году, Абра Стоун может прожить тысячу лет. Две

тысячи. Но какой от этого толк?

Разве есть хоть одна девочка-подросток, которая не ощущает себя бессмертной?

Так что вместо того чтобы торговаться или умолять, она бросила им вызов.

— Идите на хуй! Идите на хуй, вы оба!

Улыбка девочки стала еще шире.

— Да нет, — сказала она. — На хуй пойдешь ты.

На этот раз раздался не скрип, а треск, подобный ружейному выстрелу, и Роза-без-Шляпы полетела вниз.

9

Она упала головой вниз и сразу же начала схлопываться. Голова ее скособочилась (как цилиндр, подумал Дэн) на разможенной шее под почти заливхватским углом. Дэн держал Абра за руку (которая то появлялась, то исчезала — ведь и она то схлопывалась, то возвращалась на Крышу мира с заднего крыльца своего дома), и они смотрели на Розу вместе.

— Больно? — спросила Абра умирающую женщину. — Надеюсь, что да. Надеюсь, очень больно.

Роза ощерилась. Человеческих зубов у нее уже не было. Остался только тот единственный пожелтевший клык. Над ним парили в воздухе глаза, словно живые камешки. Потом исчезли и они.

Абра повернулась к Дэну. Она все еще улыбалась, но теперь в улыбке не было ни гнева, ни злобы.

(я боялась за тебя боялась что она)

(она почти смогла но там кто-то был)

Он указал наверх, где обломки перил вырисовывались на фоне неба. Абра посмотрела туда, потом — озадаченно — на Дэна. Он мог только покачать головой.

Теперь указала она, но не вверх, а вниз.

(был один фокусник в такой шляпе его звали Мистерио)

(и ты подвесила ложки к потолку)

Она кивнула, но головы не подняла, продолжая изучать шляпу.

(ты должен ее уничтожить)

(как)

(сжечь ее мистер Фримэн говорит что бросил курить но это неправда в пикапе от него пахло куревом у него должны быть спички)

— Ты должен это сделать, — сказала она. — Сделаешь? Обещаешь?

— Да.

(я люблю тебя дядя Дэн)

(и я тебя)

Она обняла его. Он обхватил ее руками в ответ, и тут ее тело превратилось в дождь. Потом — в туман. А потом растворилось.

10

Девочка, лежавшая на заднем крыльце эннистонского дома в штате Нью-Гэмпшир, в сумерках на краю ночи, выпрямилась, встала, потом покачнулась, едва не потеряв сознание. Но упасть девочке не дали: подросли родители. Вдвоем они внесли ее в дом, на кухню.

— Я в порядке, — сообщила Абра. — Можете меня поставить.

Они так и сделали, очень осторожно. Дэвид Стоун не отходил ни на шаг, готовый подхватить дочь при малейшем намеке на слабость в ногах, но Абра стояла крепко.

— Что с Дэном? — спросил Джон.

— С ним все хорошо. Мистер Фримэн разбил свой грузовик — пришлось разбить — и порезался. — Абра поднесла руку к щеке. — Но, кажется, ничего серьезного.

— А эти? Узел верных?

Абра поднесла ладонь ко рту и дунула на нее.

— Исчезли навсегда.

И тут же:

— А что у нас есть из еды? Я проголодалась ужасно.

11

Сказать, что с Дэном все хорошо, было некоторым преувеличением. Он подошел к грузовику, где сел боком на водительское сиденье, чтобы отдышаться. И привести мысли в порядок.

«Мы поехали в отпуск, — решил он. — Мне захотелось провести Боулдер — город своего детства. Потом мы надумали приехать сюда и полюбоваться видами с Крыши мира, но кемпинг был пуст. У меня было приподнятое настроение, и я поспорил с Билли, что смогу заехать на гору до самой смотровой площадки. Я слишком разогнался и потерял

управление. Врезался в один из опорных столбов. Мне действительно очень жаль. Чертовски дурная затея».

Штраф ему выпишут мама не горюй, но есть и хорошая новость: тест на алкоголь он пройдет на ура.

Дэн порылся в бардачке и нашел жидкость для зажигалок. «Зиппо» не было — наверное, осталась у Билли в брючном кармане, — зато нашлись два полупустых коробка спичек. Дэн пошел к тому месту, где валялся цилиндр и щедро полил его горючкой, пока шляпа не пропиталась ею насквозь. Потом присел на корточки, чиркнул спичкой и бросил ее в пустую тулью. Цилиндр сгорел быстро, но Дэн стоял с наветренной стороны до тех пор, пока не остался один пепел.

Вонь от шляпы была ужасная.

Подняв глаза, Дэн увидел, что к нему ковыляет Билли, утирая окровавленное лицо рукавом. Пока они тщательно затапывали кострище, чтобы ни один уголек не стал причиной пожара, Дэн пересказал ему свою версию событий для полиции штата Колорадо.

— Придется заплатить за ремонт этой площадки, и могу поспорить, что сумма выйдет кругленькая. Хорошо, что я успел кое-что скопить.

Билл фыркнул.

— И кто станет требовать с тебя за ущерб? От этого Узла верных никого не осталось, только их шмотки. Я посмотрел.

— К сожалению, — пояснил Дэн, — Крыша мира принадлежит славному штату Колорадо.

— Ой, — сказал Билли. — Нечестно как-то, учитывая, что ты только что оказал услугу не только Колорадо, но и всему остальному миру. Где Абра?

— Вернулась домой.

— Хорошо. И все закончилось? В самом деле закончилось?

Дэн кивнул.

Билли разглядывал пепел, оставшийся от цилиндра Розы.

— В мгновение ока сгорел. Прямо как в фантастическом фильме.

— Я думаю, он был очень старый.

«И полный магии, — добавил Дэн про себя. — Черной магии».

Дэн вернулся к пикапу и сел за руль, чтобы рассмотреть свое лицо в зеркале заднего вида.

— Нашел что-нибудь новенькое? — спросил Билли. — Мама всегда так говорила, когда заставляла меня перед зеркалом.

— Ничегошеньки, — ответил Дэн.

По его лицу скользнула улыбка. Усталая, но искренняя.

— Абсолютно ничего.

— Тогда звоним в полицию и рассказываем об аварии, — предложил Билли. — Обычно-то копы мне и даром не нужны, но сейчас я и им обрадуюсь. От этого места у меня мурашки по спине бегут.

Он кинул на Дэна острый взгляд.

— Тут ведь полным-полно призраков? Потому они и выбрали это место.

Разумеется, именно поэтому. Но не нужно быть Эбenezером Скруджем, чтобы знать, что призраки бывают как злыми, так и добрыми. Когда они спускались к коттеджу «Оверлук», Дэн остановился и обернулся на Крышу мира. Он почти не удивился, увидев человека на площадке у сломанных перил. Человек поднял руку — сквозь нее просвечивал пик Пауни-Маунтин — и послал Дэну воздушный поцелуй, который тот помнил с раннего детства. Помнил очень хорошо. Это был их особый ритуал отхода ко сну.

«Эй, док, пора в кровать. Сладких снов. Пусть тебе приснится дракон, а утром ты мне про него расскажешь».

Дэн знал, что будет плакать, но потом. Сейчас было не время. Он поднес руку к губам и вернул поцелуй.

Еще мгновение он смотрел на то, что осталось от отца. Потом начал спускаться на парковку вместе с Билли. Уже на парковке Дэн обернулся еще раз.

Крыша мира опустела.

ПОКА ТЫ НЕ ЗАСНЕШЬ

*«УЖАС» расшифровывается как «Узнай Жизнь, А
затем Соскакивай»*

Старая поговорка АА

ГODOBЩИНА

1

Фрейзерские собрания Анонимных Алкоголиков по субботним полдням были одними из самых старых в Нью-Гэмпшире: в 1946-ом году им положил начало Толстый Боб Д., который лично знал Билла Уилсона, основателя Программы. И хотя Толстый Боб уже давно лежал в могиле (загнал его туда рак легких, потому что вместо спиртного желавшие вылечиться алкаши курили как паровозы, и новичкам постоянно твердили помалкивать и вытряхивать пепельницы), на эти собрания по-прежнему приходило немало народу. Сегодня так вообще свободных мест не было, потому что в конце подадут пиццу и торт. Ведь сегодня они отмечали годовщину: один из них праздновал пятидесятилетие трезвости. В первые годы он был известен как Дэн или Дэн Т., но благодаря слухам о его работе в местном хосписе — не зря же журнал ААшников называется «Лоза», [\[15\]](#) — его прозвали Доком. Поскольку в детстве Дэна так называли родители, он находил в этой кличке некую иронию... но иронию добрую. Жизнь — колесо, которое лишь вертится и вертится, всегда возвращаясь к началу.

По просьбе Дэна собрание проводил настоящий доктор по имени Джон, и встреча шла своим чередом. Народ посмеялся, когда Рэнди М. рассказал, как заблевал копа, который остановил его за вождение в пьяном виде, и посмеялся еще, когда выяснилось, что год спустя Рэнди обнаружил, что коп, оказывается, тоже состоит в Программе. Мэгги М. плакала, когда рассказывала (а на жаргоне ААшников «делилась»), как ей снова отказали в совместном опекунстве над ее двумя детьми. В ответ слышались обычные банальности вроде «дай времени время», «не опускай рук», «не отступай — и случится чудо», пока плач Мэгги не ослабел до всхлипов. Когда у кого-то зазвонил мобильник, все как по команде воскликнули: «Высшая Сила говорит: выключи его!» Какая-то деваха выронила из трясущихся рук стаканчик с кофе: редкое собрание проходило без подобных казусов.

Без десяти час Джон Д. пустил по рукам корзину («Наша организация финансируется из наших собственных пожертвований») и перешел к объявлениям. Открывший встречу Тревор К. встал первым и, как обычно, попросил помочь ему убрать кухню и вернуть на место стулья. Фишками

заведовала Иоланда В. Она выдала две белых (за сутки трезвости) и одну фиолетовую (за пять месяцев, которую еще называли фишкой Барни, фиолетового динозаврика). Закончила она своими обычными словами:

— Если сегодня вы не выпили спиртного, поаплодируйте себе и своей Высшей Силе.

Все так и сделали.

— Сегодня кое-кто празднует пятнадцатую годовщину. Кейси К. и Дэн Т., пожалуйста, подойдите сюда.

Под гром аплодисментов Дэн пошел вперед, стараясь идти в ногу с Кейси, который теперь ходил с тросточкой. Джон протянул Кейси медальон с выбитыми на нем цифрами «XV», и тот поднял его на всеобщее обозрение.

— Не думал я, что этот парень продержится так долго, — сказал Кейси, — потому что он был ААшником с самого начала. То бишь, Адским Аслом.

Все послушно посмеялись над этой старой шуткой. Дэн тоже улыбнулся, но сердце его затрепетало. Думал он сейчас лишь о том, чтобы пережить следующий акт и не упасть в обморок. В последний раз он так боялся, когда стоял у Крыши мира и смотрел вверх на Розу Шляпницу, пытаюсь при этом себя не задушить своими собственными руками.

«Ну же, Кейси. Пожалуйста, быстрее. А то меня покинет либо смелость, либо мой завтрак».

Может, Кейси тоже сиял... а, может, увидел что-то в глазах Дэна. Так или иначе, разглагольствовать он не стал.

— Но парень не оправдал моих ожиданий, и сейчас у него все хорошо. Из каждых семи алкоголиков, которые входят в наши двери, шестеро выходят и напиваются в стельку. Седьмой же — это чудо, ради которого мы и живем. Одно из этих чудес стоит сейчас перед вами во всей своей красе. Возьми, Док, ты это заслужил.

Кейси передал ему медальон. На миг Дэн подумал, что тот скользнет сквозь его ледяные пальцы и упадет на пол. Но не упал, потому что Кейси сжал его руку в кулак, а затем крепко обнял его самого. Обнял и прошептал ему на ухо:

— Еще один год, сукин ты сын. Поздравляю.

Кейси проковылял по проходу в дальнюю часть комнаты и уселся там среди других старожиллов. Дэн теперь стоял в одиночестве. Он так крепко сжимал свой юбилейный медальон, что на его запястьях вздулись сухожилия. Алкаши пялились на него в ожидании, что им передадут что-нибудь из нажитого за долгие годы трезвости: опыт, силу, надежду.

— Пару лет назад... — начал Дэн и ему тут же пришлось прочистить горло. — Пару лет назад, когда я пил кофе с вон тем хромоногим господином, он спросил меня, сделал ли я пятый шаг: «Честно признать перед Богом, самим собой и другими людьми свои проступки». Я сказал ему тогда, что сделал почти все. Людям, не обремененным нашим недугом, этого бы хватило... и в частности поэтому мы и зовем их землянами.

Слушатели усмехнулись. Дэн глубоко вздохнул, сказав себе, что если уж он справился с Розой и ее Верными, то справится и с этим. Да только тут было по-другому. Сейчас здесь стоял не Дэн-Герой, а Дэн-Подонок. Дэн прожил уже достаточно долгую жизнь и знал, что частичка подонка есть в каждом, но это не слишком помогало, когда приходилось выносить свой собственный мусор.

— Он мне сказал, что, наверно, есть такой проступок, который я так и не смог оставить в прошлом, потому что слишком стыжусь о нем говорить. Сказал мне выплеснуть его. Напомнил поговорку, которая произносится почти что на каждом собрании: больными нас делают наши тайны. И он сказал, что если я не раскрою свою, то рано или поздно у меня в руке окажется стакан спиртного. Правильно я изложил суть, Кейс?

Кейси кивнул, обхватив рукой набалдашник трости.

В уголках глаз у Дэна защипало, а, значит, слезы уже не за горами. «Пожалуйста, Господи, помоги мне пройти через это и не разрыдаться».

— Секрет свой я тогда не раскрыл. Годами я твердил себе, что это — то единственное, о чем я не расскажу никому. Но, думаю, он был прав, и если я снова начну пить, то умру. Умирать я не хочу, потому что сейчас у меня есть многое, ради чего стоит жить. Поэтому...

Слезы, чертовы слезы, все-таки полились, но отступать было уже поздно. Дэн вытер их свободной от медальона рукой.

— Знаете ведь, что говорится в «Обещаниях»? Что мы научимся не жалеть о прошлом и не закрывать за ним дверь? Простите меня за такие слова, но я считаю, что это редкий пример бредятины в программе, правдивой во всем остальном. Я много о чем жалею, но пришло время открыть дверь, хотя мне этого совсем не хочется.

Все застыли в ожидании. Даже те две дамы, что выдавали на картонках кусочки пиццы, стояли теперь в проеме кухни и смотрели на него.

— Однажды, незадолго до завязки, я проснулся рядом с женщиной, которую подцепил в баре. Мы были в ее квартире. Так, обычный гадюшник, потому что у нее не было почти ничего. Да и у меня самого тогда почти ничего не было, и, думаю, в Банкрот-Сити мы оказались по одной причине. Вы эту причину прекрасно знаете. — Дэн пожал

плечами. — Если ты — один из нас, то постепенно утопишь в бутылке все, что у тебя есть.

— Женщину звали Дини. О ней я забыл почти все, но зато помню вот что: я оделся и ушел, но сначала забрал ее деньги. Оказалось, что она все-таки имела кое-что, чего у меня не было. Когда я копался в ее кошельке, я обернулся и увидел ее сына. Малыша в подгузнике. Ночью мы с Дини купили кокса, и теперь он был на столе. Малыш его увидел и потянулся к нему. Думал, что это сахар.

Дэн снова вытер глаза.

— Я убрал порошок подальше, чтобы малыш его не достал. Хотя бы это я сделал. Ерунда, конечно, но хотя бы это. Потом положил ее деньги себе в карман и ушел. Я бы все отдал, чтобы это исправить. Но уже не могу.

Раздававшие пиццу дамы вернулись на кухню. Народ стал поглядывать на часы. У кого-то заурчало в животе. Глядя на сотню собравшихся алкашей, Дэн понял нечто удивительное: его поступок не вызвал в них отвращения. И даже не удивил. Им приходилось слышать вещи и похуже. Да и делать тоже.

— Что ж, — сказал он. — Это все. Спасибо за внимание.

Еще до аплодисментов, один из старожилов в заднем ряду выкрикнул традиционный вопрос:

— Как это у тебя получилось, Док?

Дэн улыбнулся и дал традиционный ответ.

— По дню за раз.

2

Когда с молитвой «Отче наш», пиццей и шоколадным тортом с огромными цифрами «XV» было покончено, Дэн помог Кейси добраться до его «Тундры». Пошел дождь со снегом.

— Нью-гэмпширская весна, — кисло заметил Кейси. — Разве она не прекрасна?

— Вот дождь идет и грязь несет, — продекламировал Дэн, — ветра стучатся в дом. Скользят машины, мы в грязи — гори оно огнем!

Кейси изумленно уставился на него.

— Сам только что сочинил?

— Нет. Это Эзра Паунд. Когда ты, наконец, перестанешь тянуть резину и сделаешь операцию на бедре?

Кейси ухмыльнулся.

— В следующем месяце. Я подумал, что раз уж ты смог открыть свою главную тайну, то и на операцию решиться можно. — Он сделал паузу. — Не такой уж это оказался и страшный секрет, Дэнно.

— Ну да. Я думал, что все в ужасе разбегутся от меня — а они вместо этого как ни в чем не бывало ели пиццу и болтали о погоде.

— Даже если бы ты сказал им, что убил слепую бабушку, они все равно остались бы на пиццу и торт. Халява есть халява. — Он открыл водительскую дверь. — Подсади меня, Дэнно.

Дэн подсадил.

Кейси неуклюже поерзал в кресле, устраниваясь поудобнее, потом завел двигатель и включил дворники, чтобы смахнуть с лобового стекла мокрый снег.

— Когда вытаскиваешь что-то наружу, оно всегда оказывается меньше, чем думал, — сказал он. — Надеюсь, сможешь объяснить это ААшникам-новичкам.

— Да, о мудрейший.

Кейси с грустью посмотрел на него.

— Иди ты в жопу, дорогуша.

— Вообще-то мне нужно вернуться и помочь со стульями, — сказал Дэн.

Что он и сделал.

ПОКА ТЫ НЕ ЗАСНЕШЬ

1

В этом году на дне рождения Абры Стоун не было ни воздушных шаров, ни фокусника. Ей исполнилось пятнадцать.

На всю округу из колонок, которые Дэйв Стоун с помощью Билли Фримэна установил на улице, гроыхала рок-музыка. Взрослые сидели на кухне, пили кофе и ели торт с мороженым. Дети заняли гостиную внизу и заднюю лужайку. Судя по их голосам, вечеринка удалась на славу. Расходиться начали около пяти, но Эмма Дин, лучшая подруга Абры, осталась на ужин. Абра, неотразимая в красной юбке и крестьянской блузке с открытыми плечами, светилась от счастья. Она радостно вскрикнула, когда Дэн подарил ей браслет с брелоками, обняла его и поцеловала в щеку. Он почувствовал запах духов. Что-то новенькое.

Когда Абра пошла провожать Эмму до дома — две девчонки, беспечно болтающие на ходу, — Люси наклонилась к Дэну. Морщины тронули ее рот и уголки вокруг глаз, в волосах начала пробиваться первая седина. Похоже, Абра сумела оставить Узел верных в прошлом, но, как подозревал Дэн, Люси не сможет этого сделать никогда.

— Ты поговоришь с ней? Насчет тарелок?

— Я собираюсь прогуляться и посмотреть, как солнце садится за реку. Можешь отправить ее ко мне, когда она вернется от Динов.

Дэн прочитал на лице Люси облегчение и подумал, что Дэйв чувствует то же самое. Для них она навсегда останется загадкой. Если Дэн признается, что Абра останется загадкой и для него, станет ли им легче? Наверное, нет.

— Удачи, шеф, — сказал Билли.

На заднем крыльце, где когда-то лежала Абра (без сознания, да не совсем), к нему присоединился Джон Далтон.

— Я бы предложил тебе моральную поддержку, но, думаю, ты должен сделать это в одиночку.

— Ты пытался поговорить с ней?

— Да. По просьбе Люси.

— Безрезультатно?

Джон пожал плечами.

- Она не слишком-то разговорчива на эту тему.
- Как и я в ее возрасте, — сказал Дэн.
- Но ты же не бил все тарелки в мамином антикварном серванте.
- У моей матери не было серванта.

Он спустился по пологому заднему двору Стоунов и вышел к реке Сако, которую закатное солнце превратило в сверкающую алую змею. Скоро горы поглотят последние солнечные лучи, и река станет серой. Там, где когда-то стоял сетчатый забор, чтобы оградить детей от потенциально опасных экспедиций, теперь росли декоративные кусты. Дэвид убрал забор в прошлом октябре. Он сказал, что Абра с друзьями больше не нуждается в его защите — все они прекрасно умели плавать.

Но, конечно же, были и другие опасности.

2

Когда пришла Абра, вода поблекла до едва розового цвета. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы заметить ее присутствие или понять, что она накинула на голые плечи свитер. Даже после того, как в центральной части Нью-Гэмпшира сошел последний снег, воздух весенними вечерами быстро холодал.

(обожаю этот браслет Дэн)

Она уже почти перестала называть его дядей.

(здорово)

— Они хотят, чтобы ты поговорил со мной о тарелках, — сказала она. В этих словах не было теплоты, которая чувствовалась в ее мыслях, да и сами мысли исчезли. После искренней и очень милой благодарности она закрылась от него. Теперь ей это отлично удавалось, и с каждым днем ее мастерство росло. — Ведь так?

— А ты хочешь о них поговорить?

— Я извинилась перед ней. Сказала, что не хотела. Не думаю, что она мне поверила.

(я верю)

— Потому что ты знаешь. А они — нет.

Дэн ничего не сказал и отправил ей только одну мысль:

(?)

— Они вообще мне теперь не верят! — взорвалась она. — Это нечестно! Я не знала, что на этой дурацкой вечеринке у Дженнифер будет выпивка, и уж точно не пила сама! А она все равно две недели никуда меня

не пускала!

(???)

Ничего. Река почти полностью окрасилась в серый цвет. Он рискнул взглянуть на Абру. Та изучала собственные кроссовки — красные, в тон юбке. Щеки девочки тоже покраснели.

— Ладно, — сказала она наконец, все еще не поднимая глаз, хотя уголки ее губ чуть приподнялись в виноватой улыбке. — Тебя же не обмануть, да? Ну сделала один глоток — просто попробовать. Тоже мне большое дело. Наверное, она унюхала, когда я вернулась домой. И знаешь что? Оно того не стоило. На вкус редкостная дрянь.

Дэн промолчал. Если бы он сказал ей, что свою первую выпивку тоже нашел мерзкой на вкус и не посчитал «большим делом», она бы восприняла это как очередную лапшу, которую взрослые вешают на детские уши. Нельзя винить ребенка в том, что он взрослеет. Или учить его, как делать это правильно.

— Я правда не хотела бить тарелки, — произнесла она тихо. — Несчастный случай, как я ей и сказала. Просто я так взбесилась.

— С тобой это бывает.

Он помнил, как Абра стояла над Розой Шляпницей, когда та схлопывалась. «Больно? — спросила она умирающее создание, похожее на женщину — если не брать во внимание этот жуткий клык. — Надеюсь, что да. Надеюсь, очень больно».

— Ты собираешься читать мне нотации? — И с ноткой презрения: — Знаю, она бы хотела именно этого.

— Обойдусь без нотаций, но могу рассказать историю, которую когда-то услышал от мамы. Она о твоём прадеде, отце Джека Торранса. Хочешь послушать?

Абра пожала плечами. «Рассказывай, коли начал», — говорил этот жест.

— Мы с Доном Торрансом кое в чем похожи — он работал медбратом. После автомобильной аварии Дон до конца своих дней пользовался тростью, и как-то вечером за ужином он отходил этой тростью свою жену. Взял и начал избивать, безо всяких причин. Сломал ей нос и рассек голову. Когда она упала со стула на пол, он поднялся и по-настоящему принялся за работу. Согласно тому, что отец рассказывал маме, Дон забил бы жену до смерти, если бы Бретт и Майк — мои дяди — не оттащили его. Когда прибыл врач, твой прадед стоял на коленях, держа аптечку, и пытался помочь ей. Сказал, что жена упала с лестницы. Прабабушка — момо, которой ты никогда не видела, — подтвердила его слова. Как и дети.

— Почему? — выдохнула Абра.

— Потому что были напуганы. Спустя какое-то время — много позже смерти Дона — твой дед сломал мне руку. Потом, в «Оверлуке», на месте которого теперь находится Крыша мира, он едва не забил насмерть мою мать. Орудовал не тростью, а молотком для роке, но по сути это то же самое.

— Я поняла.

— Через много лет в баре Сент-Питерсберга...

— Хватит! Говорю же, поняла! — Ее трясло.

— ...я избил парня до потери сознания бильярдным кием — потому что он засмеялся, когда я промазал. После этого сын Джека и внук Дона провел тридцать дней в оранжевом комбинезоне, собирая мусор на 41-ом шоссе.

Она отвернулась и заплакала.

— Спасибо, дядя Дэн. Спасибо за испорченный...

В его сознание ворвался образ, мгновенно вытеснивший оттуда реку: обугленный, дымящийся праздничный торт. В других обстоятельствах картинка бы его рассмешила. Но не сейчас.

Он мягко взял ее за плечи и повернул к себе.

— Здесь нечего понимать. Это просто семейная история. Говоря словами бессмертного Элвиса Пресли, «твой малыш, тебе и баюкать».

— Ты о чем?

— Может, когда-нибудь ты станешь писать стихи, как Кончетта. Или силой мысли столкнешь с обрыва кого-нибудь еще.

— Я бы никогда этого не сделала... но Роза заслужила. — Абра подняла заплаканное лицо и посмотрела Дэну в глаза.

— С этим не поспоришь.

— Тогда почему она мне снится? Почему я хочу вернуть все назад? Почему я так сожалею о сделанном — ведь она бы нас убила!

— Ты сожалеешь об убийстве или удовольствии, которое при этом испытала?

Абра опустила голову. Дэну захотелось ее обнять, но он не стал.

— Никаких лекций. Никакой морали. Кровь взывает к крови, и только. Глупые порывы проснувшегося человека — а ты полностью проснулась, такой уж возраст. Для тебя это тяжело. Это тяжело для всех, но большая часть подростков лишена способностей, какие есть у тебя. Твоего оружия.

— Что мне делать? Что я вообще могу? Иногда я так злюсь... не только на нее — на учителей, например... на одноклассников, которые считают себя такими крутыми... и смеются, если ты лажаешь на

физкультуре или носишь не ту одежду...

Дэн подумал о совете, который ему когда-то дал Кейси Кингсли.

— Иди на свалку.

Она вытаращилась на него.

— Чего?

Он отправил ей образ: своей удивительной силой — поразительно, но она еще не достигла максимума, — Абра переворачивает выброшенные холодильники, взрывает старые телевизоры, швыряет стиральные машины. Вокруг порхают стайки испуганных чаек.

Теперь она не таращилась, а хихикала.

— И это поможет?

— Лучше уж свалка, чем мамины тарелки.

Она наклонила голову и бросила на него озорной взгляд. Они снова друзья, и это хорошо.

— Но те тарелки были такие уродские.

— Попробуешь?

— Да. — И, судя по ее виду, Абре уже не терпелось.

— И еще кое-что.

Она снова приняла серьезный вид.

— Тебе вовсе не обязательно вести себя как тряпка.

— Вот и хорошо.

— Да. Просто помни, сколь опасным может быть твой гнев. Держи его...

Зазвонил его телефон.

— Лучше ответь.

Он поднял брови.

— Ты знаешь, кто это?

— Нет. Но, думаю, звонок важный.

Он вытащил телефон из кармана и посмотрел на дисплей. «Дом Ривингтон».

— Да?

— Дэнни, это Клодетт Альбертсон. Можешь приехать?

Он мысленно пробежался по списку постояльцев хосписа на своей доске.

— Аманда Рикер? Или Джефф Келлогг?

Как выяснилось, не они.

— Если получится, приезжай прямо сейчас, — сказала Клодетт. — Пока он еще в сознании.

Она запнулась.

— Он зовет тебя.

— Я приеду.

«Хотя если все так плохо, как ты говоришь, он умрет раньше». Дэн повесил трубку.

— Мне нужно идти, солнышко.

— Несмотря на то, что ты ему не друг. Несмотря на то, что он вообще тебе не нравится. — Абра была озадачена.

— Несмотря на это.

— Как его зовут? Не смогла уловить.

(Фред Карлинг)

Он отправил ей это сообщение, а потом обнял — крепко-крепко. Абра ответила тем же.

— Я буду стараться, — ответила она. — Изо всех сил.

— Знаю, что будешь, — ответил он. — Знаю. Слушай, Абра, я так сильно тебя люблю.

— Рада это слышать, — ответила она.

3

Когда он сорок пять минут спустя вошел в хоспис, Клодетт была на сестринском посту. Он задал вопрос, который задавал уже десятки раз:

— Он еще здесь?

Как будто речь шла о поездке в автобусе.

— Еле-еле.

— В сознании?

Она повертела кистью.

— То да, то нет.

— Аззи?

— Какое-то время был там, но удрал, когда пришел доктор Эмерсон. Доктор уже ушел, он сейчас у Аманды Рикер. Аззи вернулся после его ухода.

— В больницу его перевезти не на чем?

— Пока нет. Авария на шоссе 119 под Касл-Роком, четыре машины пострадали, куча раненых. Туда отправили четыре «скорых» и вертолет. Некоторых из них в больнице смогут спасти. А Фреда...

Она пожала плечами.

— Что случилось?

— Ты же знаешь Фреда — он жить не может без дряни из фастфуда.

«Макдак» — его второй дом. Иногда он смотрит по сторонам, когда перебегает Крэнмор-авеню, а иногда нет. Ждет, что все перед ним остановятся.

Она сморщила нос и высунула язык, как ребенок, попробовавший что-то невкусное. Брюссельскую капусту, например.

— Такой уж он человек.

Дэн знал привычки Фреда и знал, что он за человек.

— Он шел за своим вечерним чизбургером, — продолжала Клодетт. — Женщину, которая его сбила, забрали копы. Говорят, она была такая пьяная, что на ногах не стояла. А Фреда принесли сюда. Вместо лица у него омлет, грудь и таз раздроблены, одна нога почти отрезана. Если бы Эмерсон как раз не делал обход, Фред умер бы сразу же. Мы его осмотрели, остановили кровотечение, но даже если бы он был в наилучшем состоянии... чего о старине Фредди не скажешь... — Она пожала плечами. — Эмерсон говорит, что за ним пошлют «скорую», как только разрулят все с аварией в Касл-Рок, но он столько не протянет. Доктор Эмерсон с этим не согласится, но я верю Азрилу. Так что если идешь к нему, то иди сейчас. Я знаю, ты его никогда не любил...

Дэн вспомнил синяки, оставленные пальцами санитара на руке бедняги Чарли Хэйеса. «Прискорбно» — так сказал Карлинг, услышав от Дэна, что старик скончался. Фред тогда уютненько устроился, откинувшись на своем любимом стуле, с мятными конфетками «Джуниор». «Но для этого они сюда и приходят, разве не так?»

А теперь Фред лежал в той же комнате, где умер Чарли. Жизнь — колесо, и оно всегда возвращается в исходное положение.

4

Дверь номера «Алан Шепард» была полуоткрыта, но Дэн все равно из вежливости постучался. Даже из коридора было слышно, как хрипит и булькает Фред Карлинг, но Аззи это явно не смущало. Кот свернулся калачиком в изножье. Карлинг лежал на клеенчатой простыне в одних испачканных кровью семейных трусах, весь замотанный бинтами, через которые во многих местах тоже проступала кровь. Лицо его было изуродовано, тело исковеркано.

— Фред! Это я, Дэн Торранс. Слышишь меня?

Открылся единственный уцелевший глаз. Дыхание на секунду прервалось. Послышался короткий хрип, возможно, означавший «да».

Дэн зашел в ванную, намочил полотенце теплой водой, отжал. Все это ему приходилось проделывать уже не раз. Когда он вернулся к постели Карлинга, Аззи поднялся, со вкусом потянулся, выгнув спину, и спрыгнул на пол. Мгновение спустя кот уже возобновил свое вечернее патрулирование по коридорам. Теперь он немного прихрамывал. Аззи был очень старый кот.

Дэн присел на край кровати и осторожно обтер полотенцем относительно целую часть лица Фреда Карлинга.

— Сильно болит?

Опять этот хрип. Вместо левой руки у Карлинга было месиво из сломанных пальцев, так что Дэн взялся за правую.

— Не пытайся говорить, просто подумай.

(уже не так сильно)

Дэн кивнул.

— Хорошо. Очень хорошо.

(но я боюсь)

— Бояться нечего.

Он увидел Фреда в шесть лет: тот купался в Сако с братом. Фред все время придерживал слишком большие плавки, доставшиеся по наследству от брата, как и почти все, что у него было. Дэн увидел его пятнадцатилетним: Фред целовался с девушкой в Бриджстонском кинотеатре для автомобилистов, вдыхал запах ее духов, касался ее груди и мечтал, чтобы ночь никогда не кончалась. Он увидел Фреда двадцатипятилетним: по дороге в Хэмптон-Бич с «Дорожными святыми» на «Харлее-Стерджис». Все прекрасно, он накачан спидами и красным вином, денек просто супер, все плятятся на длинный, сверкающий караван Святых, которые проносятся, грохоча на всю округу; жизнь взрывается вокруг фейерверками. И Дэн видит квартиру, где живет — жил — Карлинг со своей собачкой по имени Кексик. Кексик — так себе пес, просто дворняга, но умный. Иногда он прыгает к санитару на колени, и они вместе смотрят телевизор. Кексик беспокоит Фреда, потому что он будет ждать, когда хозяин придет домой, выведет его прогуляться, наполнит его миску консервами «Грэви Трейн».

— Не волнуйся за Кексика, — сказал Дэн. — Я знаю одну девочку, которая будет рада взять его себе. Это моя племянница, у нее сегодня день рождения.

Карлинг взглянул на него единственным зрячим глазом. Теперь он хрипел еще громче, словно засорившийся мотор.

(ты можешь мне помочь? пожалуйста док помощи если можешь)

Да. Он может помочь. Это его таинство, то, ради чего он родился. В «Доме Ривингтон» сейчас было тихо, очень тихо. Где-то рядом открывалась дверь. Они подошли к рубежу. Фред Карлинг посмотрел на него, спрашивая «что?», спрашивая «как?». Но все было так просто.

— Тебе просто надо уснуть.

(не бросай меня)

— Не брошу, — сказал Дэн. — Я здесь. Я останусь, пока ты не заснешь.

Он взял руку Карлинга в обе ладони. И улыбнулся.

— Пока ты не заснешь, — повторил он.

1 мая 2011 — 17 июля 2012

От автора

Первой моей книгой в «Скрибнере» был «Мешок с костями» в 1998-м году. В попытке умаслить моих новых партнеров я отправился с этим романом в промо-тур. Во время очередной раздачи автографов какой-то парень спросил: «Слушайте, а что потом случилось с мальчишкой из „Сияния“?»

Сам я тоже частенько задавался этим вопросом. А еще вот каким: как бы все обернулось для беспокойного отца Дэнни, если бы он вступил в ряды Анонимных Алкоголиков, а не пытался справиться с проблемой в одиночку, сжав кулаки?

Как и в случае с «Под куполом» и «11/22/63», мысль эта постоянно крутилась где-то поблизости. Время от времени — стоял ли я под душем, смотрел телевизор или сидел за рулем — я принимался прикидывать теперешний возраст Дэнни Торранса и размышлял о том, где он сейчас. Не говоря уже о матери Дэнни, еще одном, в общем-то, хорошем человеке, по которому Джек Торранс прошелся разрушительным ураганом. Выражаясь современным языком, Венди и Дэнни были созависимыми, то есть людьми, которые были связаны со страдающим от дурной привычки членом семьи узами любви и ответственности. Однажды в 2009-ом году, один из моих желающих вылечиться от алкоголизма друзей рассказал мне такую шутку: «Когда созависимый тонет, перед его глазами проносится чья-то чужая жизнь». Шутка показалась мне не столько смешной, сколько правдивой, и, наверное, именно тогда я понял, что «Доктору Сну» быть. Меня самого раздирало любопытство.

Подошел ли я к этой книге с дрожью в коленках? Будьте уверены. Ведь «Сияние» — один из тех романов (наряду с «Салимовым Уделом», «Кладбищем домашних животных» и «Оно»), которые постоянно упоминают люди, когда их спрашивают, какой из моих романов напугал их до чертиков. А еще многие считают фильм Стэнли Кубрика (по причинам мне неизвестным) одним из самых страшных фильмов. Если вы видели фильм, но романа не читали, то помните, что «Доктор Сон» — продолжение последнего, и, на мой взгляд, именно в романе излагается Подлинная История Семьи Торрансов.

Мне нравится думать, что я все еще неплохо владею своим ремеслом, но с воспоминанием о славном ужастике ничего не сравнится, то есть просто ничего, особенно если этот ужастик прочел впечатлительный

подросток. К «Психо» Альфреда Хичкока сняли как минимум одно блестящее продолжение (я о «Психо IV» Мика Гарриса, в котором роль Нормана Бэйтса снова сыграл Энтони Перкинс), но все, кто посмотрели его или любое другое продолжение, только качают головами и говорят: нет, это совсем не то. Они все помнят Джанет Ли, и никакой римейк или продолжение не сравнятся с тем мигом, когда отдергивается занавеска, и за работу принимается нож.

И люди меняются. Человек, который написал «Доктор Сон», совсем не похож на полного благих намерений алкоголика, который написал «Сияние», но оба по-прежнему сходятся в одном: желании писать потрясные истории. Я был рад вновь отыскать Дэнни Торранса и следить за его приключениями. Надеюсь, вы тоже. И если так, Постоянный Читатель, то все у нас отлично.

Прежде чем вас отпустить, позвольте мне поблагодарить тех, кого не поблагодарить нельзя, хорошо?

Книгу отредактировала Нэн Грэхем. Суперски. Спасибо, Нэн.

Чак Веррилл, мой агент, продал эту книгу. Это важно, но кроме того, он отвечал на все мои звонки и кормил меня с ложечки успокоительным. Такому просто нет цены.

Сбором информации заведовал Расс Дорр, но если и есть какие-то ошибки, то это я чего-то недопонял. Расс не только отличный ассистент терапевта, но еще и кладезь вдохновения и хорошего настроения.

Крис Лоттс помогал мне с итальянским. Йоу, Крис.

Рокки Вуд был моим экспертом по «Сиянию», снабжая меня именами и датами, которые я либо забыл, либо только считал, что помнил. Также он напичкал меня уймой информации обо всех мыслимых и немыслимых домах-фургонах (самым классным из которых был Розин «Эрскрузер»). Мои романы Рокки знает лучше меня. Поищите его как-нибудь в интернете. Не пожалеете.

Мой сын Оуэн прочитал роман и сделал много ценных замечаний. Например, он настоял на описании воспетого ААшниками «дна», которого достигает Дэн в начале романа.

Моя жена тоже прочитала «Доктор Сон» и помогла сделать его лучше. Я люблю тебя, Табита.

И вам, мальчики и девочки, спасибо за то, что читаете меня. Долгих вам дней и приятных ночей.

И напоследок хочу вас предупредить: путешествуя по городам и весям Америки, остерегайтесь «Баундеров» и «Виннебаго».

Мало ли кто там внутри. Или что.

Бангор, Мэн

* * *

Текст переведен на сайте notabenoid.com

Перевод: С. Думаков, М. Замятина, А. Могилевский, А. Перекоти

Редактура: М. Замятина

Вычитка: А. Викторов, А. Могилевский

notes

Примечания

1

Имеется в виду Джимми Картер, президент США в 1977–1981 гг. —
Прим. пер.

Герой одноименного фильма 1957 года — Прим. пер.

Персонаж рекламы арахисового масла — Прим. пер.

Перевод В. Брюсова — Прим. пер.

Имеется в виду книга «Анонимные Алкоголики», своего рода библия одноименной программы реабилитации — Прим. пер.

Вильма Глодеан Рудольф — американская легкоатлетка, трёхкратная олимпийская чемпионка 1960 года. — Прим. пер.

имеется в виду американский футбол — Прим. пер.

Американский бейсболист, страдающий иллеизмом, то есть путающий имя с местоимением — прим. пер.

40F = +5C, — Прим. пер.

Фил Макгроу, знаменитый американский психолог и телеведущий —
Прим. пер.

перевод С. Я. Маршака — Прим. пер.

Американская телеведущая — Прим. пер.

Имеется в виду случай в Колорадо в 2009 году, когда родители шестилетнего Фэлкона Хина убедили прессу и полицию, что мальчик взлетел на воздушном шаре, который они сделали сами. Позже выяснилось, что на самом деле ребенок прятался на чердаке. — Прим. пер.

Перевод Щепкиной-Куперник — Прим. пер.

Намек на фразеологизм «услышал через винную лозу», т. е. «по сарафанному радио» — Прим. пер.